

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

ФРЭНК
ГЕРБЕРТ

ДЮНА
ПЕРВАЯ ТРИЛОГИЯ

Фрэнк Герберт

Дюна. Первая трилогия

«Издательство АСТ»

1965, 1969, 1976

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Герберт Ф.

Дюна. Первая трилогия / Ф. Герберт — «Издательство АСТ»,
1965, 1969, 1976

ISBN 978-5-17-087261-9

Спустя 24 тысячелетия человечество не изменилось: все те же войны и интриги. В далекой мультигалактической империи враждуют два великих дома – Атрейдесы и Харконнены. Последним удастся склонить Императора на свою сторону, и юного наследника дома Атрейдесов – Пола – вместе с семьей высылают на далекую и пустынную планету Арракис, называемую также Дюной. Ужасные бури, гигантские черви, жестокие фанатики, фримены, и единственный во всей Вселенной источник Пряности, важнейшей субстанции в Империи, – таков новый дом Пола. Впереди его ждет сражение не только за Арракис, для чего ему придется стать лидером фрименов под именем Муад'Диб, но и за будущее существование своего Дома. В 1984 году роман «Дюна» был экранизирован культовым режиссером Дэвидом Линчем, а в начале XXI века по нему было снято несколько мини-сериалов. Первая трилогия культового цикла под одной обложкой! Какой получилась экранизация «Дюны», и в чем ее отличие от оригинала? Читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-087261-9

© Герберт Ф., 1965, 1969, 1976

© Издательство АСТ, 1965, 1969, 1976

Содержание

Дюна	7
Книга I	8
Книга II	160
Конец ознакомительного фрагмента.	209

Фрэнк Герберт

Дюна. Первая трилогия

Frank Herbert

DUNE

Copyright © 1965 by Frank Herbert

DUNE MESSIAH

Copyright © 1969 by Frank Herbert

CHILDREN OF DUNE

Copyright © 1976 by Frank Herbert

© П. Вязников, Ю. Соколов, А. Анваер, перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АСТ», 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Дюна

Перевод П. Вязникова

Книга I

Дюна

* * *

Начало есть время, когда следует позаботиться о том, чтобы все было отмерено и уравновешено. Это знает каждая сестра Бене Гессерит. Итак, приступая к изучению жизни Муад'Диба, прежде всего правильно представьте время его: рожден в пятьдесят седьмой год правления Падишах-Императора Шаддама IV. И с особым вниманием отнеситесь к его месту в пространстве: планете Арракис. Пусть не смутит вас то, что родился он на Каладане и первые пятнадцать лет своей жизни провел на этой планете: Арракис, часто называемой также Дюной, – вот место Муад'Диба, вовеки.

Из учебника «Жизнь Муад'Диба» принцессы Ирулан

За неделю до отлета на Арракис, когда суeta приготовлений и сборов достигла апогея, превратившись в настоящее безумие, какая-то сморщенная старуха пришла к матери Пола.

Над замком Каладан стояла теплая ночь, но из древних каменных стен, двадцать шесть поколений служивших роду Атрейдесов, как всегда перед сменой погоды, выступил тонкий, прохладный налет влаги.

Старуху впустили через боковую дверь, провели сводчатым коридором мимо комнаты Пола, и она, заглянув в нее, увидела лежащего в постели юного наследника.

В тусклом свете плавающей лампы, притушенной и висящей в силовом поле у самого пола, проснувшийся мальчик увидел в дверях грузную женщину – та стояла на шаг впереди его матери. Старуха походила на ведьму: свалывшаяся паутина волос, подобно капюшону, затеняла лицо, на котором ярко сверкали глаза.

– Не маловат ли он для своих лет, Джессика? – спросила старуха. У нее была одышка, а резкий, дребезжащий голос звучал, как расстроенный балисет.

Мать Пола ответила своим мягким контральто:

– Все Атрейдесы взрослеют поздно, Преподобная.

– Слышала, – проскрипела старуха. – Но ему уже пятнадцать.

– Да, Преподобная.

– Ага, он проснулся и слушает! – Старуха всмотрелась в лицо мальчика. – Притворяется, маленький хитрец! Ну, да для правителя хитрость не порок... А если он и впрямь Квисатц Хадерах – тогда... впрочем, посмотрим.

Пол, укрывшись в тени своего ложа, смотрел на нее сквозь прикрытые веки. Ему казалось, что два сверкающих овала – глаза старухи – увеличились и засияли внутренним светом, встретившись с его взглядом.

– Спи, спи пока спокойно, притворщик, – проговорила старуха. – Выпись как следует: завтра тебе понадобятся все силы, какие у тебя есть... чтобы встретить мой гом джаббар...

С этим она и удалилась, вытеснив мать Пола в коридор, и захлопнула дверь.

Пол лежал и думал. Что такое гом джаббар?

Старуха была самым странным из всего, что он видел за эти дни перемен и суеты сборов. Преподобная...

Эта «Преподобная» называла его мать просто «Джессика», словно простую служанку. А ведь его мать – Бене Гессерит, леди, наложница герцога Лето Атрейдеса, родившая ему наследника!

Но гом джаббар... что это? Нечто связанное с Арракисом? Что-то, что он должен узнать до того, как отправится туда?

Он беззвучно повторил эти странные слова: «гом джаббар», «Квисатц Хадерах»...

Предстояло узнать столько нового! Арракис так отличался от Каладана, что голова Пола шла кругом от обилия новых сведений.

Арракис – Дюна – Планета Пустыни.

Суфир Хават, старший мастер-асассин при дворе его отца, объяснял ему, что Харконнены, смертельные враги Дома Атрейдес, восемьдесят лет властвовали над Арракисом – он был их квазиленным владением по контракту на добычу легендарного гериатрического сна-добья, Пряности, меланжи – контракту, заключенному с Харконненами компанией КООАМ. Теперь Харконнены уходили, а на их место, но уже с полным леном, приходили Атрейдесы – и бесспорность победы герцога Лето Атрейдеса была очевидна. Хотя... Хават еще говорил, что в такой очевидности таится смертельная угроза, ибо герцог Лето слишком популярен в Ландсрааде Великих Правящих Домов. «А чужая слава – основа зависти владык», – сказал тогда Хават. *Арракис – Дюна – Планета Пустыни...*

Пол спал. Ему снилась какая-то пещера на Арракисе, молчаливые люди, скользкие в неясном свете плавающих в воздухе ламп. И тишина – торжественная тишина храма, нарушаемая только отчетливо отдающимися под сводами звуками часто падающих капель: кап-кап-кап... Пол даже в забытии чувствовал, что не забудет это видение – пробуждаясь, он всегда помнил сны, содержащие предсказание...

Видение становилось все более зыбким и наконец растаяло.

Пол лежал в полудреме и думал. Замок Каладан, в котором он не знал игр со сверстниками, пожалуй, вовсе не заслуживал грусти при расставании. Доктор Юйэ, его учитель, намекал, что на Арракисе классовые рамки кодекса Фафрелах не соблюдаются так строго, как здесь. Люди там живут в пустыне, где нет кайдов и башаров Императора, чтобы командовать ими. Люди, подчиняющиеся лишь Воле Пустыни, фримены, «Свободные» – не внесенные в имперские переписи...

Арракис – Дюна – Планета Пустыни...

Пол почувствовал охватившее его напряжение и применил один из приемов подчинения духа и тела, которым научила его мать. Три быстрых коротких вдоха – и привычная реакция: он словно поплыл, концентрируя при этом свое внутреннее «я»: *... аорта расширяется... сознание сфокусировано... сознание контролируется полностью: я могу управлять сознанием, включать и выключать по собственному желанию... моя кровь насыщается кислородом и омывает им перегруженные участки... невозможно получить пищу, безопасность и свободу, пользуясь одним лишь инстинктом... разуму животного не дано выйти за пределы момента или осознать, что оно само может уничтожить свою добычу... животное разрушает, а не создает... удовольствия животного остаются на уровне чувственного восприятия, не возвышаясь до осознания... человек нуждается в системе координат для восприятия мира... концентрируя сознание, я создаю такую систему... единство тела следует за работой нервной и кровеносной систем – согласно нуждам самих клеток... все сущее, все предметы, все живое – все непостоянно... необходимо стремиться к постоянству изменчивости внутри себя...*

Снова и снова повторялся этот урок в плывущем сознании Пола.

Когда же сквозь шторы проник желтый свет утра, Пол почувствовал его сквозь сомкнутые веки, открыл глаза и услышал, что в замке возобновилась суета. Увидел над собой знакомую резьбу потолочных балок...

Отворилась дверь, и в спальню заглянула мать: волосы цвета темной бронзы перевиты черной лентой, черты лица неподвижны, и зеленые глаза торжественно-строги.

– Проснулся? – спросила она. – Хорошо выспался?

– Да.

Пол пристально смотрел на нее, пока мать выбирала одежду, примечая непривычную суровость, напряженные плечи... Никто другой не разглядел бы этого, но Джессика сама обучала его тайнам Бене Гессерит, заставляла обращать внимание на мельчайшие детали.

Она повернулась, держа в руках полуофициальную куртку с красным соколом – гербом дома Атрейдес – на нагрудном кармане.

– Одевайся быстрее. Преподобная Мать ждет тебя.

– Когда-то, давно, она приснилась мне... Кто она такая?

– Моя бывшая наставница в школе Бене Гессерит. Сейчас она – личная Правдовидица Императора. И, Пол... – мать на мгновение умолкла, – Пол, ты должен рассказать ей о своих снах.

– Хорошо. Мы получили Арракис благодаря ей?

– Мы еще не получили его. Он не наш... – Джессика стряхнула пылинки с одежды и повесила брюки вместе с курткой на стойку у постели. – Не заставляй Преподобную дожидаться тебя...

Пол сел, обхватил колени.

– А что такое гом джаббар?

И снова материнская наука позволила Полу заметить ту неуловимую, чуть заметную дрожь, которую он мог истолковать только как страх.

Джессика подошла к окну, раздвинула шторы и посмотрела туда, где за приречными садами возвышалась гора Сиуби.

– Ты узнаешь, что такое... гом джаббар... очень скоро.

В ее голосе он отчетливо услышал нотки страха и изумился вновь.

Не оборачиваясь, Джессика произнесла:

– Преподобная Мать ждет тебя в моей утренней приемной. Поторопись.

Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам сидела в обитом гобеленовой тканью кресле, разглядывая подходивших к ней женщину и ее сына. Из окон по обе стороны кресла открывался великолепный вид на южную излучину реки и зеленые поля владений Атрейдесов, но Преподобная не обращала на эту красоту никакого внимания. Утром она особенно сильно чувствовала свой возраст и оттого была раздражительна. В дурном самочувствии она винила космический перелет и общение с проклятой Гильдией Космогации. Ох уж эта Гильдия с ее тайными интригами!.. Но здесь ее ждало дело, требующее личного внимания Бене Гессерит с Проникающим взором. Даже личная Правдовидица Падишах-Императора не может отказаться исполнить свой долг.

«Проклятие этой Джессике! – думала Преподобная Мать. – Если бы только она родила нам не сына, а дочь, как мы приказывали ей!..»

Джессика остановилась в трех шагах от кресла и присела в легком реверансе – левая рука изящно скользнула вдоль юбки. Пол коротко поклонился: по этикету – «приветствие того, в чьем статусе не уверен».

Преподобная Мать не преминула отметить это.

– А он осторожен, Джессика, – промолвила она.

Ладонь Джессики, лежавшая на плече сына, сжалась. На мгновение, за которое сердце сделало один удар, он почувствовал, как тонкие пальцы ее дрогнули – от страха. Затем она вновь овладела собой.

– Так его учили, Преподобная.

«Чего она боится?» – в который раз подумал Пол.

Короткое мгновение глаза старухи изучали его: овал лица – как у Джессики, но мальчик пошире в кости... волосы отцовские, черные, как вороново крыло, но их линия надо лбом напоминает о деде по матери, имя которого нельзя называть... а этот тонкий надменный нос,

разрез прямо смотрящих зеленых глаз – наследство Старого Герцога, деда по отцовской линии. *Этот* дед уже умер.

«Да, вот был человек, который даже в смерти знал цену и силу храбрости!» – подумала Преподобная.

– Одно дело учение, – сказала она, – совсем иное – основа... Посмотрим.

Старуха метнула на Джессика короткий взгляд.

– Оставь нас. Налагаю на тебя урок. Ступай, совершенствуйся в умиротворяющей медитации, укрепляй спокойствие духа.

Джессика сняла руку с плеча Пола.

– Преподобная, я...

– Ты знаешь, Джессика, что *это* необходимо.

Пол озадаченно посмотрел на мать. Та выпрямилась.

– Да... конечно...

Мальчик снова обернулся к Преподобной. Покорность и очевидный страх, которые его мать испытывала перед старухой, призывали к осторожности. Но он чувствовал также исходящие от матери гнев и опасение.

– Пол, – Джессика глубоко вздохнула, – испытание, которое тебе предстоит... Оно очень много значит для меня.

– Испытание?

– Помни, что ты – сын герцога, – сказала Джессика, резко повернулась и вышла из залы, прошелестев тканью юбок. Дверь плотно затворилась.

Пол, сдерживая гнев, спросил:

– Можно ли отсылать леди Джессика, как простую служанку?

Улыбка тронула уголки сморщенных губ.

– А леди Джессика и была моей служанкой, мальчик, все четырнадцать лет в нашей школе. – Старуха покивала. – И кстати, неплохой служанкой. Теперь подойди ко мне!

Приказ прозвучал как удар бича, и Пол повиновался прежде, чем понял, что делает.

«Она использует Голос», – подумал он и остановился по жесту старухи у самых ее ног.

– Ты видишь это? – сказала она, извлекая откуда-то из складок облачения куб из зеленоватого металла, со стороной сантиметров в пятнадцать. Она повернула куб, и Пол увидел, что одна из граней открыта – внутри была странно пугающая темнота, казалось, полностью поглощавшая свет.

– Вложи сюда руку, – приказала старуха. Почувствовав внезапный укол страха, Пол отшатнулся, но старуха остановила его:

– Так-то ты слушаешься свою мать?

Он взглянул в ее блестящие, как у птицы, глаза. Медленно, ощущая давление чужой воли, но не в силах противостоять ей, вложил руку в ящичек. Темнота поглотила ее, и Пол почувствовал холодок, затем гладкий металл под пальцами и какое-то покалывание, будто ладонь затекла и теперь отходила.

На лице старухи появилось хищное выражение. Она подняла правую руку с коробки и положила на его плечо, рядом с шеей. Пол заметил уголком глаза блеск металла и начал было поворачивать голову...

– Стой! – каркнула она.

Снова она использует Голос!.. Взгляд Пола вернулся к лицу старухи.

– У твоей шеи я держу гом джаббар, – отчетливо произнесла она. – Гом джаббар, враг высокомерия. Это игла с каплей яда на острие. А! Не отдергивай руку, не то испытаешь его на себе.

Пол попытался сглотнуть, но горло пересохло, и он не мог оторвать взгляд от изборожденного морщинами лица – сверкающие глаза, бледные десны и серебристые металлические зубы, поблескивающие, когда она говорила...

– Сын герцога должен кое-что знать о ядах, – сказала старуха. – В такие уж времена мы живем, верно? Муски в кубке, аумас на блюде... Быстрые, медленные и те, что посередине. Этот яд – новый для тебя, гом джаббар: он убивает только животных.

Гордость оказалась сильнее страха.

– Ты смеешь предполагать, что сын герцога – животное?! – гневно спросил Пол.

– Скажем так: я допускаю, что ты можешь оказаться человеком, – усмехнулась она. – Спокойно! Не пытайся уклониться. Я, конечно, стара, но моя рука всадит эту иглу в твою шею раньше, чем ты успеешь отпрянуть...

– Кто ты? – прошептал Пол. – Какой хитростью сумела вынудить мать оставить меня наедине с тобой? Ты служишь Харконненам?

– Харконненам?! Еще чего не хватало! Ну довольно, молчи. – Сухой палец прикоснулся к его шее, но мальчик сумел сдержать невольное желание отпрянуть.

– Недурно, – сказала она. – Первое испытание ты, будем считать, выдержал. А вот что будет теперь: если только ты выдернешь руку из ящика, ты умрешь. Это единственное правило. Держишь руку внутри – живешь. Выдергиваешь – умираешь.

Пол глубоко вдохнул, усмиряя дрожь.

– Если я закричу, через несколько секунд тут будут слуги. И тогда умрешь ты.

– Слугам не войти сюда: твоя мать стоит на страже у дверей. Поверь мне. Когда-то твоя мать выдержала это испытание, теперь твоя очередь. Ты можешь гордиться: нечасто мы допускаем к этому испытанию мальчиков...

Любопытство было слишком сильно, оно помогло преодолеть страх, довести его до терпимого уровня. Старуха говорила правду, сомневаться не приходилось: Пол судил по ее интонации. Если мать действительно сторожит дверь... если это действительно лишь испытание... Как бы то ни было, он попался, и старческая рука крепко держит его. Гом джаббар. Он мысленно произнес формулу-заклинание против страха из ритуала Бене Гессерит, которому научила его мать.

Я не боюсь, я не должен бояться. Ибо страх убивает разум. Страх есть малая смерть, влекущая за собой полное уничтожение. Я встречу свой страх и приму его. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. И когда он пройдет через меня, я обращу свой внутренний взор на его путь; и там, где был страх, не останется ничего. Останусь лишь я, я сам.

Пол почувствовал, как вместе со знакомыми словами спокойствие вернулось к нему.

– Начинай, старуха, – надменно сказал он.

– Старуха! – каркнула она. – А ты храбрец, в этом тебе не откажешь. Н-ну что ж, посмотрим... – Она наклонилась ближе и понизила голос до шепота: – Сейчас твоей руке станет больно. Очень больно. Но помни! Чуть только ты отдернешь ее – я коснусь твоей шеи гом джаббаром. Смерть будет быстрой, как топор палача. Вынешь руку – и тотчас гом джаббар убьет тебя. Ты хорошо понял?

– Что в этом ящике?

– Боль.

Он почувствовал, что покалывание в ладони усилилось, и сжал губы. *Что можно испытать таким образом?* Покалывание переросло в сильный зуд.

Старуха заговорила:

– Ты слышал, как животные отгрызают себе лапу, зажатую капканом? Это типичная реакция животного. Человек же на их месте остался бы в капкане, преодолев боль, и, прикинувшись мертвым, дождался бы того, кто поставил капкан, чтобы убить его и этим отвести угрозу от своих собратьев!

Зуд превратился в слабое жжение.

– Зачем ты делаешь это? – спросил Пол.

– Чтобы определить, человек ли ты. Молчи.

Пол сжал левую руку в кулак: жжение в правой усиливалось все больше, все росло... жар внутри куба нарастал... нарастал... Он попробовал сжать пальцы правой руки, но не мог пошевелить ими.

– Жжет, – прошептал он.

– Молчи.

Боль пульсировала в его ладони. На лбу выступил пот. Все тело кричало, приказывая немедленно выдернуть руку из этой жаровни... но... гом джаббар. Не поворачивая головы, Пол скосил глаза, пытаясь увидеть страшную иглу возле своей шеи. Он вдруг обнаружил, что дышит, судорожно хватая ртом воздух, попытался успокоить дыхание – и не смог.

Какая боль!

Из его вселенной исчезло все, осталась лишь погруженная в боль рука и древнее лицо совсем рядом... изучающий взгляд...

Губы так высохли, что он едва смог разлепить их.

Какая боль!

Казалось, он видел, как кожа на его истязуемой руке чернеет и трескается, плоть обугливается и отпадает с обгоревших костей...

И тут все кончилось.

Боль исчезла, словно повернули выключатель (так оно и было).

Пол ощутил, что его правая рука дрожит, а все тело мокро от пота.

– Довольно, – пробормотала старуха. – Кул вахад! Ни одна из девочек никогда не выдерживала такого. Я, наверно, хотела, чтобы не выдержал и ты... – Она откинулась в кресле, убрала иглу с ядом от шеи мальчика. – Ну что же, вынь руку, *человек*... и посмотри на нее.

Борясь с болезненной дрожью, Пол вгляделся в черный провал, где его рука, казалось, оставалась по собственной воле, независимо от него. Рассудок упрямо твердил, что, вытащив ладонь, он увидит обугленную культю...

– Ну же! – прикрикнула старуха.

Пол рывком выдернул руку и изумленно посмотрел на нее. Никаких следов! Он пошевелил пальцами.

– Боль вызывается невроиндукцией, – объяснила старуха. – Нельзя же в самом деле калечить тех, кто может оказаться Человеком. Да, некоторые дорого заплатили бы за секрет этой штучки... – Она убрала коробочку обратно в складки мантии.

– Но боль... – начал Пол.

– Боль! – фыркнула Преподобная. – Человек способен управлять любым нервом своего тела!

Пол почувствовал боль в левой руке, с трудом разжал сведенный кулак, посмотрел на четыре кровавые отметины там, где в ладонь вонзились ногти. Уронил руку и перевел взгляд на старуху.

– Ты и с моей матерью это проделывала?

– Видел, как просеивают песок сквозь сито? – спросила она в ответ.

Тон вопроса подхлестнул его внимание. *Песок сквозь сито*... Он кивнул.

– А мы, Бене Гессерит, просеиваем людей, отделяя их от животных.

Он снова поднял руку, воскрешая воспоминание о боли.

– И все, что вам для этого надо, – боль? Это единственный критерий?

– Нет. Я наблюдала не за болью – за тобой в боли. Боль, мальчик, – это лишь ось всего испытания. Твоя мать рассказывала тебе о наших методах наблюдения, не так ли? Я вижу в тебе признаки учения. А наше испытание – это кризис и наблюдение.

Ее голос подтвердил, что она не лжет. Пол кивнул:

– Ты говоришь правду.

Она уставилась на мальчика. Он чувствует правду! Неужели это... Неужели... Она подавила волнение, напомним себе: «Надежда мешает вниманию».

– Ты видишь, когда люди верят в то, что говорят!

– Вижу.

В его голосе она слышала способности, неоднократно проверенные на практике. И, слыша их, произнесла:

– Возможно... возможно, ты и в самом деле Квисатц Хадерах... Сядь возле моих ног, маленький брат.

– Предпочитаю стоять.

– А твоя мать сидела когда-то у моих ног...

– Я – не она.

– Хм, похоже, особой любви я тебе не внушила, а? – Старуха посмотрела на закрытую дверь, позвала: – Джессика!

Дверь распахнулась. На пороге стояла Джессика; в ее глазах было невероятное напряжение. Увидев Пола, она чуть-чуть успокоилась. Ей даже удалось слабо улыбнуться.

– Джессика, ответь, ты по-прежнему ненавидишь меня? – спросила старуха.

– Я люблю и ненавижу одновременно, – откликнулась Джессика. – Ненависть – это причиненные тобой страдания. А любовь...

– А любовь – суть, только и всего, – сказала старуха, но голос ее смягчился, став почти ласковым. – Ты можешь войти, но молчи, не говори ничего. Закрой дверь и следи, чтобы нам не помешали...

Джессика закрыла дверь и устало прислонилась к ней. *«Мой сын жив, – думала она. – Мой сын жив – и он... человек. Я знала, что он человек, но он... жив. Значит, и я могу жить...»* Дверь за спиной была такой твердой и – реальной... Все в комнате просто-таки давило на нее.

Мой сын жив.

Пол посмотрел на мать. «Старуха не соврала», – решил он. Хотелось уйти и побыть одному, обдумать случившееся, но он знал, что не сможет уйти без позволения. У старухи была над ним власть... Они обе говорили правду. Мать тоже прошла через это испытание, у которого должна быть очень важная цель... такая сильная боль и... страх... Пол чувствовал за всем этим какую-то огромную и пугающую цель. Они действовали вопреки вероятности. И сами устанавливали свою цель, сами решали, что необходимо... Мальчик чувствовал, что и он заразился той же пугающей необходимостью и отныне движется к той же огромной и страшной цели. Но что это за цель, он еще не знал.

– Может быть, настанет день, – произнесла старуха, – и тебе, мальчик, точно так же придется стоять за дверью и ждать, как сегодня твоей матери. Это нелегко...

Пол снова всмотрелся в свою правую руку, а затем поднял взгляд на Преподобную. Ее голос отличался от любого слышанного им ранее. Слова, казалось, были очерчены яркими, сияющими линиями, каждое из них имело острое лезвие... Пол чувствовал, что любой заданный им вопрос может повлечь за собой ответ, который поднимет его над этим зримосуществующим и увлечет куда-то выше...

– Но зачем вы испытываете людей?

– Чтобы освободить их.

– Освободить?

– Когда-то человечество изобретало машины – в надежде, что они сделают людей свободными. Но это лишь позволило одним людям закабалить других с помощью этих самых машин...

– «Да не построишь машины, наделенной подобием разума людского», – процитировал Пол.

– Верно, так заповедовано со времен Великого Джихада. Так записана эта заповедь в Экуменической Библии. Но только не так бы надо записать ее, а по-иному: «Да не построишь машины, наделенной подобием разума *человеческого*». Ты изучал ментата, который служит вашему Дому?

– Я *учился* вместе с Суфиром Хаватом.

– Великий Джихад лишил человечество костылей, – промолвила она. – Это заставило людей развивать свой мозг. И тогда появились школы, развивающие способности человека – именно человеческие способности.

– Ты говоришь о школах Бене Гессерит?

Она кивнула.

– От школ того времени сохранились две: Бене Гессерит и Гильдия Космогации. Гильдия, по нашим сведениям, занимается в основном чистой математикой. Бене Гессерит интересуется нечем другим...

– Политика, – утвердительно сказал Пол.

– *Кул вахад!* – воскликнула изумленная старуха, бросив жесткий взгляд на Джессику.

– Я не говорила ему этого, Преподобная!

Преподобная Мать снова повернулась к Полу.

– Ты сумел понять это по очень немногим косвенным данным... – проворчала она. – Действительно, можно сказать и так. Изначально учение Бене Гессерит было заложено теми, кто видел необходимость преемственности в жизни человечества. Они понимали также, что такая преемственность невозможна без разделения людей и животных – для наших евгенических программ.

...Внезапно слова старухи потеряли для Пола свою сверкающую остроту. Он почувствовал: здесь нарушено то, что мать называла его «инстинктивным ощущением правды». Нет, Преподобная Мать не лгала ему. Совершенно очевидно, что она верит в сказанное. Тут было что-то, спрятанное гораздо глубже... нечто, связанное с той пугающей целью...

Он негромко заметил:

– Но моя мать говорила, что многие из Бене Гессерит не знают, от кого они происходят...

– Однако их генетические линии занесены в наши книги, – ответила старуха. – Твоей матери известно, что она либо происходит от Бене Гессерит, либо ее генетический код нас удовлетворил.

– Почему же тогда ей нельзя знать, кто ее родители?

– Некоторые из нас знают своих родителей, другие – многие! – нет. Допустим, мы можем планировать рождение ею ребенка от кого-то из близких родственников, чтобы закрепить доминанту в генетической линии. Могут быть и другие причины, множество причин...

И снова Пол почувствовал нарушение истинности, снова сработало его «чувство правды».

– Много же вы на себя берете, – проговорил он.

Преподобная Мать пристально посмотрела на подростка. В его голосе прозвучала критика – она не ослышалась?

– У нас тяжелая ноша, – ответила она.

Пол чувствовал, что совсем оправился от шока испытания гом джаббаром. Он испытующе взглянул на Преподобную:

– Ты говоришь, что я, возможно... Квисатц Хадерах. Что это такое? Человек – гом джаббар?

– Пол, – остерегла его Джессика, – ты не должен разговаривать таким тоном с...

– Я сама разберусь, Джессика, – оборвала ее старуха. – Теперь следующее, молодой человек: что ты знаешь о Снадобье Правдовидиц?

– Его принимают для усиления способности распознавать обман, – отвечал Пол. – Мать рассказывала мне о нем.

– А Транс Правды ты видел?

Он потряс головой:

– Никогда.

– Снадобье – опасный наркотик, но он дает проницательность, и... Когда Правдовидица принимает его, она может заглянуть одновременно во множество разных мест, скрытых в памяти ее тела. Мы видим множество путей прошлого... но лишь прошлого женщин. – В ее голосе прозвучала печаль. – И есть одно место, в которое не способна заглянуть ни одна из Бене Гессерит. Оно пугает и отталкивает нас. Было предсказание, что однажды появится мужчина, который, приняв дар Снадобья, сумеет открыть свое внутреннее око. И увидит то, что нам недоступно, сумеет заглянуть в прошлое и по мужской, и по женской линии своей генетической памяти...

– Это и будет тот, кого вы называете Квисатц Хадерах?

– Да – тот, кто может быть одновременно во множестве мест, Сокращающий путь – Квисатц Хадерах. Немало мужчин рискнули попробовать Снадобье... да, немало. Но ни одна попытка не увенчалась успехом.

– Неужели все мужчины, принимавшие Снадобье, оказались не способны к правдовидению?

– Нет. Все мужчины, принявшие его, умерли.

* * *

Пытаться понять Муад'Дибя без того, чтобы понять его смертельных врагов – Харконненов, – это то же самое, что пытаться понять Истину, не поняв, что такое Ложь. Это – попытка познать Свет, не познав Тьмы. Это – невозможно.

Принцесса Ирулан. «Жизнь Муад'Дибя»

Наполовину скрытый тенью рельефный глобус, раскрученный пухлой, унизированной перстнями рукой, вращался на причудливой формы подставке у стены кабинета. Окон в помещении не было, и три другие стены походили на пестрое лоскутное одеяло – они были сплошь заставлены разноцветными свитками, книгофильмами, лентами и роликами. По комнате разливали свет плавающие в подвижном силовом поле золотистые шары.

Центр кабинета занимал овальный стол с узорчатой – розовое с зеленым – крышкой из окаменевшего элакового дерева. Его окружали кресла на силовой подвеске, приспособившиеся к форме тела сидящего, два кресла были заняты: в одном сидел круглолицый темно-волосый юноша лет шестнадцати с угрюмыми глазами, а второе занимал изящный, хрупкий невысокий мужчина с женоподобным лицом.

Оба они внимательно смотрели на глобус и того, кто вращал его, стоя в тени.

Оттуда, из сумрака, донесся смешок, и густой бас прогудел:

– Полюбуйся, Питер: вот самая большая ловушка из всех, какие ставились на человека за всю историю. И наш герцог направляется прямо в нее. Поистине я, барон Владимир Харконнен, творю вещи изумительные!

– Вне всякого сомнения, мой барон, – ответил старший из двоих. У него оказался приятный, музыкально звучащий тенор; может быть, чуть слишком сладкий.

Жирная ладонь опустила на глобус и остановила его. Теперь было хорошо видно, что это очень дорогая вещица: из тех, что изготавливались для богатых коллекционеров и назначен-

ных Империей правителей планет. На нем лежала неповторимая печать ручной работы мастеров метрополии: параллели и меридианы были обозначены тончайшей платиновой проволокой, полярные шапки инкрустированы отборными молочно-белыми бриллиантами.

Жирная рука поползла по шару, отмечая детали рельефа.

– Прошу сосредоточиться, – пророкотал бас. – И ты, Питер, и ты, мой милый Фейд-Раута, смотрите! От шестидесятой параллели на севере и до семидесятой на юге – все заполняет эта изысканная волнистая рябь, этот чудесный узор. Не правда ли, цвет напоминает о лакомой карамели?.. И нигде его нежность не нарушается голубизной рек, озер или морей. А эти сверкающие полярные шапочки, такие крохотные и изящные!.. Можно ли спутать с чем-либо подобный мир? Это – Арракис, и ничто иное... Он воистину уникален. Прекрасная декорация для не менее прекрасной победы.

По губам Питера скользнула улыбка.

– И подумать только, мой барон: Падишах-Император полагает, что *он* отдал герцогу вашу планету, планету Пряности. Забавно, не правда ли?

– Не говори ерунду, – пробурчал барон. – Ты же напоминаешь об этом нарочно, чтобы смутить и запутать Фейд-Рауту, но смущать моего племянника сейчас вовсе не обязательно.

Угрюмый юноша зашевелился в кресле, разглаживая невидимые складки своих черных, в обтяжку, брюк, и лениво выпрямился, услышав осторожный стук в находившуюся за его спиной дверь.

Питер выскользнул из кресла, прошел к двери и приоткрыл ровно настолько, чтобы можно было просунуть почтовую капсулу. Взял ее, защелкнул замок и развернул послание. Хмыкнул. Вчитавшись, хмыкнул опять.

– Ну, что там? – нетерпеливо окликнул барон.

– Глупец ответил нам, мой барон!

– А когда это Атрейдесы упускали возможность сделать красивый жест?.. – сказал барон. – Ну и что же он пишет?

– Он в высшей степени нелюбезен, мой барон. Обращается к вам просто «Харконнен» – ни «Сир и дражайший кузен», ни титула – ничего!

– Харконнен – достаточно хорошее имя, – проворчал барон. В его голосе слышалось нетерпение. – Что же изволит сообщить дорогой Лето?

– Он пишет: «Ваше предложение о встрече отклоняется. Я уже много раз сталкивался с вашим известным всем вероломством».

– Это все?

– «Старинное искусство канли имеет еще поклонников в Империи». Подписано: «Лето, герцог Арракиса». – Питер засмеялся. – Подумать только: герцог Арракиса! Это уже, пожалуй, чересчур!

– Замолчи, Питер, – спокойно сказал барон, и смех оборвался, словно от поворота выключателя. – Так, значит, канли? Вендетта? И ведь использовал старое доброе слово, напоминающее о древних традициях, – специально, чтобы я понял, насколько он серьезен. Хм...

– Вы сделали попытку к примирению, – заметил Питер, – таким образом, приличия соблюдены.

– Ты излишне болтлив для ментата, Питер, – одернул барон, подумав: «Скоро придется избавиться от него. Пожалуй, он почти пережил свою полезность».

Взгляд барона пересек комнату, задержавшись на той черте своего ментата-асассина, которую сразу же замечали все, впервые встречающиеся с Питером: глаза – темные щели синего на синем, без единого мазка белого цвета.

Ухмылка прорезала лицо Питера – под этими похожими на пустые отверстия глазами она напоминала театральную маску.

– Простите, мой барон, я не мог сдержаться. Свет не видел еще столь великолепной мести. Какое изящнейшее предательство, какая изысканнейшая интрига – заставить Лето сменить Каладан на Дюну, не оставив ему никакого выбора; ведь это – приказ самого Императора! Какая великолепная шутка!

– У тебя словесное недержание, Питер, – холодно сказал барон.

– Я просто доволен сделанным, мой барон, очень доволен. А вот вы – вы ревнуете.

– Питер! – рявкнул барон.

– Ахх-ах, барон! Какая жалость, что это не вы разработали столь изящную схему, не правда ли?

– В один прекрасный день я велю тебя удавить.

– Разумеется, мой барон, разумеется. Enfin!¹ Так сказать, ни одно доброе дело без награды не останется!

– Чего ты наглотался, Питер, верите или семуты?

– Барон удивлен, когда правду говорят без страха. – Лицо Питера изобразило карикатурно-хмурую маску. – Ах-ха... Но видите ли, мой барон, я – ментат и заранее почувствую, когда вы наконец соберетесь прислать ко мне палача. И пока я вам нужен, вы будете сдерживаться. Преждевременная расправа была бы расточительностью, ибо я вам все еще весьма полезен. Я-то хорошо знаю тот главный урок, который вы усвоили на благословенной Дюне: не расточай!

Барон молча смотрел на Питера.

Фейд-Раута поудобней устроился в кресле. Спорщики и глупцы! Дядюшка не может общаться со своим ментатом без споров. Они что, считают – мне больше нечего делать, кроме как выслушивать их пререкания?

– Фейд, – внезапно окликнул барон, – я велел тебе слушать и мотать на ус. Извлек ты какую-нибудь пользу из нашей беседы?

– Конечно, дядя. – Фейд-Раута постарался изобразить в голосе подобострастие.

– Питер иногда поражает меня, – заметил барон. – Временами мне приходится причинять страдания – по необходимости, но он... могу поклясться, что он наслаждается чужой болью. Сам я, признаться, даже жалею бедного герцога Лето. Доктор Юйэ нанесет свой удар, и это будет концом Дома Атрейдес. Но Лето обязательно узнает, чья рука направляла послушного доктора... и это знание будет для него ужасным.

– Но почему бы вам тогда не приказать доктору попросту всадить герцогу кинжал под ребро? – поинтересовался Питер. – Тихо, просто и эффективно. Вы рассуждаете о жалости, а...

– Ну нет! Герцог должен *увидеть*, как я стану воплощением его судьбы! – воскликнул барон. – И остальные Великие Дома должны получить урок. Это приведет их в замешательство, и у меня будет большая свобода маневра. Необходимость моих действий очевидна – но это вовсе не значит, что я получаю от них удовольствие...

– Свободу маневра? – насмешливо переспросил Питер. – Император и так излишне пристально следит за вами, мой барон. Вы действуете чересчур смело. В один прекрасный день Император пришлет сюда, на Джеди Прим, парочку легионов своих сардаукаров – и это будет концом барона Владимира Харконнена.

– Тебе бы это понравилось, а, Питер? – усмехнулся барон. – Ты был бы счастлив видеть, как Корпус сардаукаров разоряет мои города и грабит мой замок. Да, ты бы радовался...

– Стоит ли об этом спрашивать, мой барон?.. – прошептал Питер.

– Тебе бы быть башаром в Корпусе, – процедил барон. – Тебе слишком нравятся кровь и боль. Пожалуй, я поторопился с обещаниями насчет трофеев с Арракиса...

---

¹ В конце концов! (фр.)

Питер сделал пять странно семенящих шагов и остановился за спиной Фейд-Рауты. В воздухе повисло напряжение... Юноша, настороженно нахмурившись, обернулся на ментата.

– Не надо шутить с Питером, барон, – негромко сказал Питер. – Вы обещали мне леди Джессики. Вы мне ее *обещали!*

– А зачем она тебе, Питер? – пробасил барон. – Упитья ее страданиями?

Питер пристально глядел на него. Молчание затягивалось. Фейд-Раута развернул качнувшееся на силовой подвеске кресло.

– Дядя, наверное, мне можно уйти? Ты говорил, что...

– Мой дорогой Фейд-Раута начинает терять терпение, – отметил барон, и его фигура пошевелилась в окутывающих ее тенях. – Потерпи еще немного, Фейд.

Барон вновь обратился к ментату:

– А как насчет герцогова отпрыска, дружок? Юного Пола?

– Наша ловушка добудет для вас и мальчишку, мой барон, – пробормотал Питер.

– Я о другом, – нахмурился барон. – Или ты забыл, что предсказал когда-то: эта ведьма из Бене Гессерит родит герцогу дочь? Итак, мой ментат ошибся?

– Я ошибаюсь нечасто, мой барон, – ответил Питер, и впервые в его голосе проскользнул страх. – Этого, по крайней мере, вы отрицать не можете – я ошибаюсь очень нечасто. Да вы и сами знаете, что Бене Гессерит рожают чаще всего именно девочек. Даже супруга Императора не принесла ему ни единого мальчика.

– Дядя, – вмешался Фейд-Раута, – ты говорил, что здесь будет сказано нечто важное для меня...

– А, вы только поглядите на моего драгоценного племянничка, – поднял брови барон. – Мечтает править моим баронством, а сам до сих пор не научился управлять даже собой.

Барон повернулся – темная тень среди теней.

– Н-ну что же, Фейд-Раута Харконнен. Я пригласил тебя в надежде, что ты почерпнешь сегодня немного мудрости. Наблюдал ли ты сейчас за нашим добрым ментатом? Ты мог бы кое-что усвоить из моей беседы с ним.

– Но, дядя...

– Ага! Вот именно: «но»! Но он потребляет слишком много Пряности. Ест ее точно конфеты. Ты посмотри только на его глаза! Его можно принять за рабочего из арракинских котловин. Он эффективен, да, – но слишком эмоционален и подвержен порывам страстей. Эффективен, но – все же способен ошибаться.

Питер тихо, угрюмо спросил:

– Мой барон, вы пригласили меня сюда, чтобы критикой подорвать мою эффективность?

– Подорвать твою эффективность? Ну что ты, Питер, ты же знаешь меня... Я всего лишь хочу показать своему племяннику, что ментаты тоже не вполне совершенны и у них есть свои ограничения.

– Вы уже подыскали мне замену? – поинтересовался Питер.

– Замену – тебе? Право, Питер, где же я найду другого ментата, обладающего твоими хитростью, коварством и злобностью?

– Там же, где вы нашли меня, мой барон!

– Хм, возможно, мне стоит подумать об этом, – спокойно сказал барон. – В последнее время ты стал терять равновесие. А то количество Пряности, которое ты потребляешь!..

– Надо ли понимать это так, что мои маленькие удовольствия обходятся вам слишком дорого? Вы возражаете против них?

– Напротив, Питер! Именно эти твои удовольствия так тесно привязывают тебя ко мне. Зачем же я буду возражать? Я только хочу, чтобы мой племянник обратил внимание и на это обстоятельство...

– Что же, вот он я, выставлен на ваше обозрение, любуйтесь! – воскликнул Питер. – Может, мне станцевать? Или продемонстрировать прочие мои способности уважаемому Фейд-Рауту...

– Вот именно, – кивнул барон. – Именно на наше обозрение. А теперь помолчи.

Он перевел взгляд на Фейд-Рауту, скользнув глазами по пухлым губам – родовой черте Харконненов; сейчас эти губы кривились в легкой усмешке. Юноша наконец счел представление забавным.

– Итак, Фейд, перед нами ментат. Он... вернее даже сказать, «оно» – устройство, подготовленное и обученное для исполнения определенных функций. Но нельзя забывать тот факт, что данное устройство заключено в человеческое тело. А это – весьма существенный недостаток. Право, я иногда думаю, что Древние набрали на недурную мысль с этими их думающими машинами...

– Их машины по сравнению со мной были не более чем простыми игрушками! – огрызнулся Питер. – Даже вы, барон, могли бы обставить *те* машины...

– Возможно, – махнул рукой барон. – Ну хорошо. А теперь... – Он сделал глубокий вдох и рыгнул. – А теперь, Питер, обрисуй в общих чертах моему племяннику план нашей кампании против Дома Атрейдес. Вот, кстати, тебе возможность продемонстрировать функции и способности ментата.

– Но, мой барон, я уже предупреждал вас: не следует доверять эту информацию столь молодому человеку. По моим наблюдениям...

– Предоставь решать это мне, – оборвал барон. – Я приказываю, ментат, – а ты подчиняйся и доказывай нам свое умение.

– Как будет угодно, – пожал плечами Питер. Он выпрямился, приняв странно-напыщенную позу, словно это была еще одна маска, но на этот раз надетая на все тело. – Итак: через несколько стандартных дней герцог Лето со всей семьей и двором взойдет на борт лайнера Гильдии Космогации, направляющегося на Арракис. Гильдия высадит их, вероятнее всего, в Арракине, а не в нашей столице Карфаг. Ментат герцога, Суфир Хават, вне всякого сомнения, заключил, и совершенно справедливо, что оборонять Арракин несравнимо проще.

– Слушай внимательно, Фейд, – поднял палец барон. – Отметь себе, как внутри одних планов помещаются другие, а в тех – третьи.

Фейд-Раута кивнул, думая при этом: «Вот это мне больше нравится. Старое чудовище наконец-то допускает меня к одному из своих секретов. Кажется, он все-таки всерьез намерен сделать меня наследником».

– Имеются, однако, и иные возможности, – продолжал Питер. – Я сказал, Дом Атрейдес отправится на Арракис. Но было бы неразумно не учитывать и вероятность того, что герцог мог договориться с Гильдией, чтобы она переправила его в безопасное место за пределами Системы. Известно: некоторые Дома в подобных обстоятельствах нередко забирали фамильные ядерные арсеналы, силовые щиты и скрывались за пределы Империи, становясь Отступническими Домами...

– Герцог слишком горд для этого, – возразил барон.

– Но тем не менее такая вероятность существует, – ответил Питер. – Впрочем, в конечном счете результат для вас был бы тот же: Дом Атрейдес исчезнет.

– Нет! – проревел барон. – Я должен быть уверен в том, что герцог мертв и род Атрейдесов погиб!

– Вероятность этого весьма высока, – кивнул Питер. – Если Правящий Дом намеревается изменить, об этом можно догадаться по некоторым признакам. Герцог же не совершил ничего из того, что можно счесть этими признаками.

– Ну хорошо, – вздохнул барон. – Продолжай, Питер, да не тяни.

– В Арракине, – отчеканил Питер, – герцог и его двор займут Резиденцию – прежде там проживали граф и леди Фенринг.

– Посол Е. И.В. к контрабандистам, – хохотнул барон.

– К кому? – удивился Фейд-Раута.

– Ваш дядя шутит, – объяснил Питер. – Он называет графа Фенринга послом к контрабандистам, намекая на заинтересованность Падишах-Императора в контрабандных операциях на Арракисе.

Фейд-Раута озадаченно уставился на барона:

– Но почему?

– Не будь глупее, чем ты есть, Фейд, – нетерпеливо сказал барон. – Пока Гильдия вне контроля Императора, по-другому быть и не может. Как иначе можно перевозить шпионов, асасинов и прочих?

Рот Фейд-Рауты округлился в беззвучное «о-о-о...».

– В Резиденции, – продолжал Питер, – нами запланирован отвлекающий маневр. В частности, будет совершено покушение на жизнь наследника герцога Атрейдеса – кстати, оно может оказаться и успешным.

– Питер! – взорвался барон. – Ты утверждал...

– Я всегда утверждал, что в любом деле возможны случайности, – ответил Питер. – Покушение должно выглядеть правдоподобным и хорошо подготовленным.

– Ах-ха... но у этого мальчика такое прекрасное юное тело... – пробормотал барон. – Разумеется, потенциально он даже опаснее отца... с этой своей матерью-ведьмой, которая его учит. Проклятая баба! Ах-ха... Впрочем, продолжай, Питер.

– Разумеется, Хават поймет, что при дворе действует наш агент, – сказал Питер. – Очевидно, что прежде всего подозрение пало бы на доктора Юйэ – и он действительно наш агент. Пало бы – но Хават уже провел расследование и достоверно установил, что наш доктор – выпускник Суккской Школы, прошедший имперское кондиционирование, то есть ему по определению без опаски можно доверить жизнь самого Императора... Все слишком верят в имперское кондиционирование, так как предполагается, что предельное кондиционирование нельзя снять, не убив человека. Тем не менее еще в древности некто заметил, что, имея точку опоры, можно сдвинуть планету. И мы нашли такую точку и у доктора!

– Как? – жадно спросил Фейд-Раута. Это и впрямь было удивительно, ибо каждый знал, что обойти имперское кондиционирование невозможно.

– Об этом как-нибудь в другой раз, – оборвал барон. – Продолжай, Питер.

– Итак, Юйэ отпадает, а вместо него мы подставим Хавату другой, весьма интересный объект. Самая дерзость этого объекта – и дерзость такого предположения, – несомненно, обратит на нее внимание Хавата.

– На нее? – переспросил Фейд-Раута.

– Речь идет о самой леди Джессике, – усмехнулся барон.

– Ну разве не ловко, не изысканно? – спросил Питер. – Хават будет разбираться с этой возможностью, и это повлияет на его деятельность в качестве придворного ментата. Возможно, он даже попытается убить ее. – Питер нахмурился и добавил: – Но не думаю, что ему это удастся.

– Тебе бы очень не хотелось, чтобы он ее убил, а? – осведомился барон.

– Не сбивайте меня, – сказал Питер. – Пока Хават будет заниматься своей госпожой, мы еще более отвлечем его внимание: организуем, например, беспорядки в нескольких гарнизонах и прочее в том же духе. Их, разумеется, подавят: герцог должен верить, что держит ситуацию под контролем. И, наконец, когда настанет время, мы подадим сигнал Юйэ и высадимся на Арракисе с нашими основными силами... Э-э...

– Ничего, ты можешь рассказать ему все, – кивнул барон.

– И мы будем усилены двумя легионами сардаукаров в мундирах Дома Харконнен!

– Сардаукары?! – выдохнул Фейд-Раута. Он вспомнил все, что знал о наводящих ужас императорских солдатах, беспощадных убийцах, воинах-фанатиках Падишах-Императора...

– Вот видишь, Фейд, как я тебе доверяю, – сказал барон. – Разумеется, другие Великие Дома не должны даже краем уха прослышать об этом. В противном случае Ландсраад может объединиться против Императорского Дома – и начнется хаос.

– Главное тут вот что, – пояснил Питер. – Поскольку Император использует Дом Харконнен для грязной работы, мы получаем кое-какие преимущества. Преимущества небезопасные, бесспорно. Но если мы будем использовать их осторожно, Дом Харконнен станет богаче любого другого Дома Империи.

– Ты просто не представляешь, Фейд, о каком богатстве идет речь, – проговорил барон. – Самой твоей безудержной фантазии не хватит, чтобы вообразить такое. Только для начала – постоянные права на директорство в КООАМ.

Фейд-Раута кивнул. Богатство! КООАМ действительно была ключом к богатству. Правящие Дома наживали фантастические состояния, пока их представители входили в Директорат КООАМ. Директорское кресло было очевидным свидетельством политического могущества, и оно переходило от Дома к Дому по мере изменения сил в Ландсрааде. Сам же Ландсраад постоянно находился в борьбе с влиянием Императора и его сторонников.

– Герцог Лето, – сказал Питер, – может попытаться скрыться в окраинных районах Пустыни, среди фрименского отродья. Или попытаться спрятать там свою семью, надеясь, что у фрименов она будет в безопасности. Но этот путь заблокирован одним из агентов Его Величества, Экологом Планеты. Возможно, вы его помните. Его имя Кинес.

– Фейд его помнит, – нетерпеливо сказал барон. – Дальше.

– Вы не очень-то любезны, мой барон, – заметил Питер.

– Я сказал – дальше! – проревел барон. Питер пожал плечами.

– Если все пойдет так, как мы запланировали, – сказал он, – через один стандартный год или даже раньше Дом Харконнен получит сублен на Арракис. Распоряжаться им будет ваш дядя. А на Арракисе будет править его личный представитель.

– И прибыли возрастут, – кивнул Фейд-Раута.

– Разумеется, – сказал барон и подумал: «Это будет только справедливо. Это мы укротили Арракис. Мы были первыми... не считая фрименских ублюдков, копошащихся на окраинах Пустыни... и прирученных контрабандистов, привязанных к планете почти так же прочно, как и местные рабочие из поселков...»

– И все Великие Дома узнают, что это барон уничтожил Дом Атрейдес, – сказал Питер. – Они узнают.

– Они узнают, – тихо повторил барон.

– И восхитительнее всего, что это узнает и герцог, – сказал Питер. – Он уже знает. Он чувствует западню.

– Это так, он знает, – проговорил барон, и в его голосе прозвучала печальная нотка. – Он не может не знать... и мне жаль его.

Барон вышел из-за глобуса Арракиса. Теперь, когда он покинул тень, было видно, как он огромен и чудовищно жирен. Небольшие выпуклости под складками темных одежд выдавали, что тучное тело барона поддерживали портативные генераторы силового поля на специальной портупее, так что, хотя барон должен был весить не меньше двухсот килограммов, его мышцам приходилось нести всего пятьдесят.

– Я проголодался, – пророкотал барон, отер пухлые губы унизированной перстнями рукой и повернул к Фейд-Рауте заплывшие жиром глаза. – Распорядись, чтобы подавали, Фейд. Поедим на сон грядущий.

* * *

*Так сказано святой Алией, Девой Ножа: «Преподобная Мать должна сочетать в себе соблазнительность куртизанки с величественной недоступностью девственной богини, под-
держивая обе стороны в напряжении, пока она сохраняет силы своей молодости. Ибо когда
молодость и красота уйдут, она увидит, что место между названными дарами, которое
ранее было занято напряжением, стало ныне источником хитрости и находчивости».*

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб. Семейные комментарии»

– Ну, Джессика, что ты можешь сказать в свое оправдание? – спросила Преподобная Мать.

Солнце клонилось к горизонту. Прошло уже несколько часов после испытания Пола. Женщины остались вдвоем в утренней приемной Джессики, а Пол ожидал в соседней комнате – звуконепроницаемом Зале Медитаций.

Джессика стояла лицом к выходившим на юг окнам, смотрела на приглушенные вечерние краски реки и луга, но не замечала их. Она слышала вопрос Преподобной Матери – и не слышала его.

Джессика вспомнила другое испытание – так много лет назад. Худая девочка с бронзовыми волосами и телом, терзаемым взрослением, пришла тогда к Преподобной Матери Гайе-Елене Мохийам, Старшему Проктору школы Бене Гессерит на Валлахе IX. Джессика взглянула на свою правую руку, согнула пальцы, вспоминая боль, страх и гнев...

– Бедный Пол, – прошептала она.

– Я задала тебе вопрос, Джессика! – Голос старухи звучал требовательно-раздраженно.

– Что?.. О... – Джессика оторвалась от своих воспоминаний и вернулась к Преподобной Матери, сидевшей в простенке меж двух западных окон. – О чем ты спрашиваешь?

– О чем я тебя спрашиваю?! О чем я спрашиваю! – раздраженно передразнила старуха.

– Да, я родила сына. Так что же? – вспыхнула Джессика и тут только поняла, что старуха нарочно хочет вызвать ее гнев.

– Разве не приказали тебе рожать герцогу Атрейдесу дочерей – и только дочерей?

– Но для него так важно было иметь сына. – Джессика опять пыталась оправдаться.

– И ты в своей гордыне решила, будто можешь произвести на свет Квисатц Хадераха!..

Джессика вскинула голову.

– Я чувствовала, что это возможно!

– Ты думала только о том, что твой герцог хочет сына! – резко возразила старуха. – А его желания здесь ни при чем! Дочь герцога Атрейдеса можно было бы выдать за наследника барона Харконнена и тем завершить нашу работу. А ты все безнадежно запутала! Теперь мы можем потерять обе генетические линии.

– Вы все тоже не так уж непогрешимы и можете ошибаться, – сказала Джессика и смело встретила жесткий взгляд Преподобной Матери.

Через несколько мгновений та проворчала:

– А... Что сделано, то сделано.

– Я поклялась никогда не сожалеть о своем решении, – твердо сказала Джессика.

– Ах, как это благородно! – глумливо проскрипела Преподобная. – Она не сожалеет! Что ж, посмотрим, что ты запоешь, когда будешь убегать и скрываться, когда за твою голову назначат награду и всякий готов будет убить и тебя, и твоего сына!

Джессика побледнела.

– Неужели другого пути нет?

– И об этом спрашивает сестра Бене Гессерит?

– Я спрашиваю лишь о том, что ты видишь в будущем – ведь твои способности больше моих.

– В будущем я вижу то же, что видела в прошлом. Тебе известно, что, зачем и почему мы делаем. Род людской знает, что смертен, и боится вырождения. Поэтому инстинктивное стремление смешивать – безо всякого плана – свои гены у человечества в крови. Империя, КООАМ, все Великие Дома – все они лишь щепки в потоке.

– КООАМ, – пробормотала Джессика. – Полагаю, они уже переделали доходы и трофеи с Арракиса...

– КООАМ! Что такое КООАМ? Флюгер! – ответила старуха. – Император и его приспешники сейчас контролируют пятьдесят девять целых и шестьдесят пять сотых процента голосов в Директорате КООАМ. Разумеется, они видят, какое задумано прибыльное дельце, а когда и другие увидят это, у Императора прибавится голосов. Вот как делается история, девочка.

– Лекции о механизмах истории мне только и не хватало, – горько усмехнулась Джессика.

– Напрасно шутишь! Ты не хуже меня понимаешь, какие силы вовлечены в события. Наша цивилизация покоится на трех китах, трех силах: императорская семья противостоит Объединенным Великим Домам Ландсраада, а между ними стоит Гильдия с ее проклятой монополией на межзвездные перевозки. В политике, в отличие от механики, треножник – самая неустойчивая конструкция. Она достаточно плоха даже сама по себе, без феодально-торговой структуры, отвергающей почти всю науку...

Джессика с тоской произнесла:

– Щепки в потоке! Вот одна из них – герцог Лето, и вот другая – его сын, и вот...

– Ах, замолчи, девочка! Ты вступила в игру, прекрасно зная, по какой опасной дороге придется идти.

– «Я – Бене Гессерит. Я живу лишь для служения», – процитировала Джессика.

– Именно, – сказала старуха. – И все, на что мы теперь можем надеяться, – это попытка избежать большой войны... и спасти, что удастся, из выпестованных нами ключевых генетических линий.

Джессика опустила веки, чувствуя, как в глазах закипают слезы. Она справилась с внутренней и внешней дрожью, успокоила дыхание, пульс, заставила ладони не потеть. Наконец, проговорила:

– Я заплачу за свою ошибку.

– Но вместе с тобой заплатит твой сын.

– Я буду защищать его всеми силами.

– Защищать! – воскликнула старуха. – Ты сама знаешь опасность защиты: если ты станешь защищать его слишком усердно, он не вырастет достаточно сильным. У него не хватит сил для исполнения своего предназначения – каким бы оно ни было...

Джессика отвернулась, посмотрела в сгущающиеся за окном сумерки.

– Эта планета – Арракис – в самом деле так ужасна?

– Там достаточно скверно, но нельзя сказать, что уж совсем безнадежно. Миссионария Протектива неплохо на ней поработала и смягчила нравы ее обитателей... в какой-то степени. – Преподобная Мать тяжело поднялась, расправила складку облачения. – Позови сюда мальчика. Я скоро должна уходить.

– Должна? Уже?

Голос старой женщины стал мягче:

– Джессика, девочка... как бы я хотела поменяться с тобой и принять все твои испытания на себя! Но у каждой из нас – свой путь.

– Я знаю.

– Ты дорога мне, как любая из моих дочерей... но долг есть долг.

– Я понимаю... долг. Необходимость...

– Мы обе знаем, что и почему ты сделала. Но я хочу тебе сказать – я желаю тебе добра, Джессика! – что у твоего сына мало шансов стать Тем, кого ждет Бене Гессерит. Не обольщай себя чрезмерной надеждой...

Джессика сердито смахнула слезинку.

– Снова ты делаешь из меня маленькую девочку – заставляешь повторять мой первый урок: «Человек не должен покоряться животному», – выдавила Джессика и вздрогнула от рыдания без слез... – Я была так одинока...

– Надо бы сделать это одним из наших тестов, – сказала старуха. – Настоящие люди почти всегда одиноки. А теперь позови сына. Ему сегодня выпал тяжелый и страшный день. Но у него было время подумать и вспомнить, а я должна спросить его про эти сны...

Джессика кивнула, подошла к дверям Зала Медитаций:

– Пол, зайди.

Пол не спеша вошел в комнату с упрямым выражением на лице, взглянул на мать как на совершенно незнакомого человека. На Преподобную он посмотрел с некоторой опаской, но на этот раз кивнул ей уже как равной. Мать закрыла за ним дверь.

– Ну, молодой человек, – проговорила старуха, – вернемся к твоим снам.

– Что ты хочешь знать?

– Ты видишь сны каждую ночь?

– Не каждую – если говорить о снах, которые стоят того, чтобы их запомнить. Я могу запомнить любой сон, но некоторые стоят этого, а другие – нет.

– А откуда ты знаешь, какой сон ты видел – пустой или достойный запоминания?

– Просто – знаю.

Старуха быстро взглянула на Джессику, потом опять обратилась к Полу:

– А какой сон ты видел этой ночью? Его стоило запомнить?

– Да. – Пол прикрыл глаза. – Мне снились пещера... и вода... и девочка, очень худая, с огромными глазами. Глаза – такие... сплошь синие, совсем без белизны. Я говорю с ней о тебе... рассказываю ей, как встречался с Преподобной Матерью на Каладане... – Пол открыл глаза.

– То, что ты рассказывал этой девушке обо мне... сегодня это сбылось?

Пол подумал.

– Да. Я сказал ей, что ты отметила меня печатью необычности.

– Печатью необычности, – беззвучно прошептала старуха и вновь бросила короткий взгляд на Джессику. – Ответь мне правду, Пол: часто ли сбываются твои сны в точности так, как ты их видел?

– Да. И эта девочка мне уже снилась раньше.

– Вот как? Ты ее знаешь?

– Узнаю. Когда-нибудь мы встретимся.

– Расскажи мне о ней.

Пол снова закрыл глаза.

– Мы в каком-то маленьком укрытии в скалах. Уже почти ночь, но очень жарко, и через просветы в скалах виден песок. Мы... чего-то ждем... я должен куда-то пойти, с кем-то встретиться... Она боится, но пытается не показывать мне свой страх, а я волнуюсь. Она говорит: «Расскажи мне о водах твоей родной планеты, Усул». – Пол открыл глаза. – Правда, странно? Моя родная планета – Каладан, про планету Усул я даже не слышал никогда.

– Это все? Или ты видел еще что-нибудь?

– Видел. Но... может быть, это она меня называла – Усул? – проговорил Пол. – Мне это только сейчас пришло в голову.

Он снова опустил веки.

– Девочка просит меня рассказать ей о водах – о морях... Я беру ее за руку и говорю, что прочитаю ей стихи. И я читаю ей стихи, только мне приходится объяснять ей некоторые слова – «берег», «прибой», «морская трава», «чайки»...

– Что это за стихи? – спросила Преподобная Мать. Пол открыл глаза.

– Просто одно из сочинений Гурни Халлека. Тональный стих, «Песня настроения для грустного времени».

Джессика, стоя за спиной Пола, начала негромко декламировать:

Я помню дым соленый костра на берегу,
И тени – под соснами тени —
Недвижные, чистые, ясные.
И чайки сели на краю воды —
Белые на зеленом.
И ветер прилетел сквозь сосны к нам,
Чтоб тени раскачать под ними;
И чайки крылья распахнули,
Взлетают
И наполняют криком воздух.
И слышу ветер я,
Летающий над пляжем,
И шум прибоя,
И вижу я, что наш костер
Спалил траву морскую.

– Это самое, – подтвердил Пол.

Старуха некоторое время молча смотрела на Пола, потом сказала:

– Я, как Проктор Бене Гессерит, ищу Квисатц Хадераха – мужчину, который мог бы стать одним из нас. Твоя мать полагает, что ты можешь оказаться им; но она смотрит глазами матери. Такую возможность, впрочем, вижу и я; возможность – но не более.

Она замолчала. Пол понял, что она ждет, чтобы он что-то сказал, но тоже молчал – хотел, чтобы она продолжила. Наконец старуха произнесла:

– Как хочешь... Что ж, что-то в тебе есть наверняка.

– Можно мне теперь уйти? – спросил он.

– Разве ты не хочешь послушать, что Преподобная Мать может рассказать тебе о Квисатц Хадерахе? – спросила Джессика.

– Она уже сказала, что все, кто пытался стать им, погибли.

– Но я могла бы помочь тебе кое-какими намеками относительно того, почему их постигла неудача, – сказала Преподобная Мать.

«Она говорит – намеки, – подумал Пол. – На самом деле она ничего толком не знает об этом».

– Я слушаю, – сказал он. – Намекни.

– И быть проклятой? – Она криво усмехнулась – маска из морщин... – Хорошо же... Итак: «Кто умеет подчиниться – тот правит».

Пол изумился: она говорила о таких элементарных вещах, как «напряжение внутри значения»... Она что, думает, что мать его вообще ничему не учила?

– Это и есть твой намек? – спросил он.

– Мы здесь не затем, чтобы играть словами и их значениями, – сказала старуха. – Ива покоряется ветру и растет, растет до тех пор, пока не вырастает вокруг нее целая роща ив – стена на пути ветра. Это – предназначение ивы и ее цель.

Пол взглянул в лицо Преподобной. Она сказала «предназначение» — и это слово словно ударило его, напомнив о таинственном и пугающем предназначении... Неожиданно он рассердился: глупая старая ведьма, важно изрекающая банальности!..

– Ты думаешь, что я могу быть этим вашим Квисатц Хадерахом, – проговорил он. – Ты говоришь обо мне, но ни слова не сказала о том, как помочь моему отцу. Я слышал, как ты говорила с матерью – словно он уже мертв. Но он жив!

– Если бы можно было что-то для него сделать, мы бы это сделали, – огрызнулась старуха. – Может, нам удастся спасти *тебя*. Сомнительно, но – возможно. Но твоего отца не спасет ничто. Когда ты сможешь принять это как факт – ты усвоишь подлинный урок Бене Гессерит.

Пол увидел, как эти слова потрясли его мать. Он гневно посмотрел на старуху. Как смела она сказать такое о его отце?! Почему так в этом уверена? Он кипел от негодования.

Преподобная Мать взглянула на Джессика.

– Ты учила его Пути – это видно. На твоём месте я сделала бы то же самое – и пусть бы черт побрал этот Устав!

Джессика кивнула.

– Но я должна предупредить тебя: следует изменить обычный порядок обучения. Для своей безопасности он должен уметь пользоваться Голосом. Кое-что у него уже есть, и он неплохо начал. Но мы-то знаем, сколько он ещё должен узнать и изучить – и следует поторопиться! – Она приблизилась к Полу и пристально вгляделась в него: – Прощай, юный человек. Надеюсь, ты сумеешь... Но если и нет – мы ещё добьёмся своего.

Снова она посмотрела на Джессика. Между ними мелькнуло понимание. Потом старуха развернулась и, не оглядываясь, вышла из зала, шурша одеяниями. Зал и те, кто в нём оставался, словно бы уже покинули её мысли.

Но Джессика успела увидеть слезы на лице Преподобной Матери, когда та отворачивалась. И эти слезы встревожили её больше, чем любые слова и знаки, прошедшие между ними в тот день...

* * *

Вы прочли уже, что на Каладане у Муад'Диб не было товарищей-сверстников. Слишком много опасностей окружало его. Но друзья у Муад'Диб были – замечательные друзья-наставники. Например, трубадур и воин Гурни Халлек. В этой книге вы найдете несколько песен Гурни и сможете спеть их. Был среди его друзей и старый ментат Суфир Хават, мастер-ассасин, внушавший страх самому Падишах-Императору. Был Дункан Айдахо, учитель фехтования из Дома Гинац; доктор Веллингтон Юйэ – это имя человека больших знаний и мудрости, но и имя, запятнанное изменой; леди Джессика, которая вела своего сына по Пути Бене Гессерит, и – разумеется – сам герцог Лето; к сожалению, раньше мало кто задумывался над тем, что герцог был и прекрасным отцом.

Принцесса Ирулан. «История Муад'Диб для детей»

Суфир Хават скользнул в зал для занятий замка Каладан, мягко прикрыв дверь. Постоял неподвижно, ощутив вдруг себя старым, усталым и потрепанным бесчисленными бурями. Болела левая нога, некогда рассеченная еще на службе Старому Герцогу, отцу нынешнего.

«Я служу уже третьему их поколению», – подумал он.

Он взглянул через зал, ярко освещенный полуденным солнечным светом, льющим через стеклянные панели в потолок, и увидел, что мальчик сидит спиной к дверям, углубившись в разложенные на Г-образном столе карты и бумаги.

«Сколько раз мне ему повторять, чтобы он никогда не садился спиной к дверям!» – Хават кашлянул.

Пол не пошевелился.

Облако прошло над световыми люками – комнату пересекла тень. Хават кашлянул еще раз.

Пол выпрямился и, не оборачиваясь, сказал:

– Я знаю. Я сел спиной к двери.

Хават подавил улыбку, подошел к воспитаннику.

Пол поднял глаза на немолодого седого человека, остановившегося у стола, взглянул в умные внимательные глаза на изрезанном морщинами лице.

– Я слышал твои шаги в коридоре, – сказал Пол. – И слышал, как ты открыл дверь. Я тебя узнал.

– Эти звуки можно и скопировать.

– Я бы заметил разницу.

«Очень даже может быть, – подумал Хават. – Эта его колдунья-мать кое-чему научила мальчика. Интересно, что думает ее драгоценная Школа Бене Гессерит по этому поводу. Может, они затем и засылали сюда старуху прокторшу – призвать леди Джессику к порядку...»

Хават подвинул кресло, сел напротив Пола – подчеркнуто лицом к двери, – откинулся на спинку. Внезапно зал показался ему чужим и незнакомым – почти все оборудование уже было отправлено на Арракис. Тренировочный стенд остался, осталось фехтовальное зеркало с неподвижно замершими призмами, рядом с ним – латаный-перелатаный спарринг-манекен, похожий на израненного и покалеченного в боях древнего пехотинца.

«Совсем как я», – подумал Хават.

– Суфир, о чем ты думаешь? – спросил Пол. Хават посмотрел на подростка.

– Я думал о том, что скоро мы все уедем отсюда и вряд ли снова увидим это место.

– Это тебя печалит?

– Печалит? Чепуха! Грустно расставаться с друзьями, а место – это всего лишь место. – Он тронул разложенные на столе карты. – И Арракис – это просто другое место, и только.

– Отец прислал тебя проэкзаменовать меня?

Хават покосился на мальчика – даже чересчур наблюдателен! Он кивнул:

– Конечно, ты предпочел бы, чтобы он пришел сам, но ты же знаешь, как он занят. Он придет позже.

– Я сейчас читал о бурях на Арракисе.

– Бури. Да...

– Похоже, эти бури – довольно-таки скверная штука.

– Скверная – не то слово. Мягко сказано! Фронт этих ураганов не менее шести-семи тысяч километров, они питаются всем, что может добавить им мощи: кориолисовыми силами, другими бурями – всем, в чем есть хоть капля энергии. Они набирают скорость до семисот километров в час, прихватывая с собой все, что подвернется, – пыль, песок и прочее. Они срывают мясо с костей и расщепляют сами кости...

– Почему там нет службы погодного контроля?

– Тут у Арракиса свои специфические проблемы: стоимость контроля выше, а к ней добавляются высокие эксплуатационные расходы и прочее. Гильдия заломила безумную цену за систему контрольных спутников, ну а Дом твоего отца – не из самых богатых, ты и сам знаешь.

– Суфир, а тебе приходилось видеть фрименов?

«Мальчику есть о чем подумать сегодня», – решил Хават.

– Очень может быть, что я их и видел, но дело в том, что на вид их трудно отличить от населения впадин и грабенов. Они все носят эти их длинные хламиды, и все невыносимо воняют, особенно если находятся в закрытом помещении. Это из-за дистикомбов, которые

они носят не снимая. Дистикомб – «дистилляторный комбинезон», костюм – перегонный куб, который собирает и утилизирует выделяемую телом влагу.

Пол сглотнул, внезапно ощутил влагу во рту и вспомнил сон о жажде. Мысль, что люди могут так страдать от нехватки воды, что им приходится собирать влагу собственных выделений, поразила его. Пол вдруг ощутил горькое чувство одиночества и пустоты.

– Вода там – драгоценность, – вслух подумал он.

Хават кивнул: «Возможно, мне понемногу удастся внушить ему, что Арракис – его враг. Там необходимо все время быть настороже, и нельзя отправляться туда, не будучи к этому готовым».

Пол взглянул вверх, на световые люки, и увидел, что начался дождь. По сероватому метастеклу струилась вода.

– Вода... – сказал он.

– Ты еще научишься ценить воду, – пообещал Хават. – Конечно, у тебя недостатка в ней не будет, ты – сын герцога, но повсюду тебя будет окружать жажда...

Пол провел языком по пересохшим вдруг губам, вспомнив, как неделю назад, в день испытания, Преподобная Мать тоже говорила что-то о водяном голоде...

«Ты узнаешь о Мертвых равнинах, – сказала тогда она, – дикой пустыне, где нет ничего живого – лишь Пряность и песчаные черви. Тебе придется окрасить глаза, чтобы смягчить беспощадный свет солнца. Слово «убежище» будет означать для тебя просто любое место, укрытое от ветра и чужого взгляда. Ты научишься ходить на своих двоих – без орнитоптера, без мобиля и даже не в седле».

И ее тон – она говорила нараспев особым вибрирующим голосом – сказал ему больше, чем слова.

«На Арракисе, – говорила она, – *кхала!* – земля пустынна, луны – твои друзья, а солнце – враг».

В тот момент Пол почувствовал за спиной мать – она подошла, оставив свой пост у дверей.

«Так ты не видишь никакой надежды, Преподобная?» – спросила она.

«Для его отца – нет. – Старая женщина жестом приказала Джессике молчать. Взглянула на Пола. – Запомни, мальчик: мир держится на четырех столпах... – Она подняла четыре узловатых пальца. – Это – познания мудрых, справедливость сильных, молитвы праведных и доблесть храбрых. Но все четыре – ничто... – она сжала пальцы в кулак, – ...без правителя, владеющего искусством управления. И пусть это будет навечно высечено в твоей памяти!..»

С того дня прошла уже неделя. И только сейчас он начал полностью сознавать значение ее слов. Сейчас, сидя в тренировочном зале рядом с Суфиром Хаватом, Пол ощутил внезапный и едкий укол страха. Он взглянул на озадаченно-хмурое лицо ментата.

– Где ты сейчас витал? – спросил Хават.

– Ты видел Преподобную Мать?

– Императорскую ведьму-Правдовидицу? – В глазах Хавата зажегся интерес. – Видел.

– Она... – Пол запнулся, обнаружив, что не может рассказать Хавату об испытании. Запрет проник глубоко.

– Что она?

Пол сделал два глубоких вдоха.

– Она сказала одну вещь... – Он закрыл глаза, вызывая в памяти точные ее слова, и когда заговорил, его голос невольно приобрел что-то от голоса Преподобной Матери. – «Ты, Пол Атрейдес, – потомок королей, сын герцога, ты должен научиться править. Это то, чему, увы, не научился ни один из твоих предков». – Пол открыл глаза. – Это меня возмутило. Я сказал, что мой отец правит целой планетой. А она сказала: «Он ее теряет». А я сказал, что отец получает гораздо более богатую планету. А она сказала: «Он потеряет и ее». И я хотел

бежать, предупредить отца, но она сказала, что его уже предупреждали, и не раз – ты, мать и многие другие...

– В общем, все верно, – пробормотал Хават.

– Тогда зачем мы летим туда? – сердито спросил Пол.

– Потому что так приказал Император. И потому, что надежда все-таки есть, что бы ни говорила эта ведьма-шпионка. Ну а что еще изверг сей фонтан мудрости?

Пол опустил взгляд на свою руку, сжатую в кулак под столом. С трудом, но все же он заставил мускулы расслабиться. *Она наложила на меня некий запрет. Но как?*

– Она спросила меня, что, по-моему, значит править, – ответил он. – И я сказал, что это значит командовать. А она на это сказала, что мне надо кое-чему разучиться.

«А старуха-то, в общем, дело сказала», – подумал Хават и кивком сделал Полу знак продолжать.

– Она сказала, что правитель должен научиться убеждать, а не принуждать. И что тот, кто хочет собрать лучших людей, должен сложить лучший очаг и готовить лучший кофе.

– Интересно, а как, она думала, сумел твой отец привлечь к себе таких людей, как Дункан и Гурни? – спросил Хават.

Пол пожал плечами.

– Еще она говорила, что хороший правитель должен овладеть языком своего мира, ведь на каждой планете – свой язык. Я решил, что она имеет в виду то, что на Арракисе не говорят на галакте, но она сказала, что речь совсем не об этом. Она сказала, что говорит о языке скал, растений и животных, языке, который невозможно услышать одними только ушами. И я сказал: это, наверное, то, что доктор Юйэ называет Таинством Жизни.

Хават засмеялся:

– И как ей это понравилось?

– Мне показалось, она просто взъерилась. Сказала, что таинство жизни – это не проблема, подлежащая решению, а только испытываемая реальность. Тогда я процитировал ей Первый Закон ментата: «Процесс нельзя понять посредством его прекращения. Понимание должно двигаться вместе с процессом, слиться с его потоком и течь вместе с ним». Это, похоже, ее удовлетворило – более или менее.

«Кажется, он с этим справится, – думал Хават, – но старая ведьма его напугала. Зачем она это сделала?»

– Суфир, – спросил Пол, – на Арракисе в самом деле будет так плохо, как она сказала?

– Так плохо не будет, пожалуй, – ответил Хават, вымучивая улыбку. – Взять, к примеру, этих фрименов, непокорный народ Пустыни; поверь, их куда больше, чем могут предположить в Империи, это я тебе могу сказать на основе даже самого грубого, в первом приближении, анализа. Там живут люди, мальчик, великое множество людей! И... – Хават приложил жилистый палец к уголку глаза, – и они ненавидят Харконненов лютой ненавистью. Но учти, ни слова об этом, мой мальчик. Я рассказал тебе это лишь потому, что считаю тебя помощником и опорой твоего отца...

– Отец мне рассказывал о Салусе Секундус, – проговорил Пол. – Знаешь, Суфир... она, по-моему, похожа на Арракис... может, Салуса не так ужасна, но в целом – в целом звучит похоже.

– Положим, о Салусе Секундус в наши дни никто и ничего толком не знает, – возразил Хават. – Только то, что было давным-давно... больше почти ничего. Но в отношении того, что все-таки известно, ты попал прямо в точку.

– Как ты думаешь, фримены нам помогут?

– Возможно. – Хават поднялся. – Сегодня я отбываю на Арракис. А ты, пожалуйста, будь осторожнее... ради старика, который тебя любит, а? Для начала будь умницей – сядь по другую

сторону стола, лицом к двери. Не то чтобы я подозревал, что в замке небезопасно: я просто хочу, чтобы у тебя формировались правильные привычки.

Пол тоже встал, обошел стол.

– Ты летишь сегодня?

– Я – сегодня, ты – завтра. В следующий раз мы встретимся уже на земле твоего нового мира. – Он сжал правую руку Пола выше локтя. – Держи правую руку свободной – чтобы успеть выхватить нож, и не забывай подзаряжать щит. – Он отпустил руку, потрепал Пола по плечу, повернулся и быстрыми шагами пошел к двери.

– Суфир! – окликнул его Пол. Хават оглянулся.

– Не садись спиной к дверям, – сказал Пол. Изрезанное морщинами лицо расплылось в улыбке.

– Не сяду, мальчик. Можешь на меня положиться. – И он вышел, мягко закрыв за собой дверь.

Пол сел туда, где только что сидел его наставник, и поправил свои бумаги.

«Еще только один день здесь, – подумал он, обводя взглядом зал. – Уезжаем. Мы уезжаем». Мысль об отъезде вдруг встала перед ним так реально, как никогда раньше. Он вспомнил еще одну вещь, которую сказала старуха: мир – это сумма многих вещей: людей, почвы, растений и животных, лун, приливов, солнц; и эта неизвестная сумма называлась природой – неопределенная, лишенная чувства «теперь», чувства настоящего момента совокупность. А что такое – «теперь»? – спросил он себя.

Дверь напротив Пола с шумом распахнулась, и в комнату ввалился уродливый глыбоподобный человек с целой охапкой оружия в руках.

– А, Гурни Халлек! Ты что, новый учитель фехтования? – спросил Пол.

Халлек пинком захлопнул дверь.

– Ты бы, конечно, предпочел, чтобы я пришел с тобой в игры играть, ясное дело, – сказал он, окидывая зал взглядом и убеждаясь, что люди Хавата уже осмотрели его и убедились, что тут нет ничего представляющего опасность для наследника герцога: всюду остались едва заметные кодовые знаки «проверено».

Пол смотрел, как уродливый человек прокатился к тренировочному столу со своей грудой оружия, увидел на плече Гурни девятиструнный балисет с мультиплектром, вставленным между струн у головки грифа.

Халлек сбросил оружие на стол и разложил его по порядку – рапиры, стилеты, кинжалы, станнеры с низкой начальной скоростью выстрела, поясные щиты. Шрам от чернильной лозы, пересекавший подбородок Халлека, знакомо искривился, когда, обернувшись, тот улыбнулся мальчику.

– Итак, чертенок, у тебя не нашлось для меня даже «доброго утра»! – воскликнул он. – Кстати, а каким шилом ты Хавата ткнул? Он промчался мимо меня так, словно спешил на похороны любимого врага!

Пол ухмыльнулся. Из всех людей своего отца он больше всех любил Гурни Халлека, ему нравились его выходки, причуды и остроты, и он считал воина-трубадура скорее другом, чем слугой-наемником.

Халлек сдернул с плеча балисет и принялся настраивать его.

– Не хочешь говорить со мной – и не надо, – заявил он.

Пол встал, пересек зал и, подходя к Халлеку, указал на его инструмент:

– Что, Гурни, решил вместо боевых искусств побренчать немного?

– Это, кажется, теперь называется уважением к старшим, – скорбно отозвался тот. Потом взял для пробы аккорд на своем инструменте и удовлетворенно кивнул.

– А где Дункан Айдахо? – спросил Пол. – Он разве больше не будет учить меня боевым искусствам?

– Дункан повел вторую волну наших переселенцев на Арракис, – объяснил Халлек. – Так что все, что у тебя осталось, – это бедняга Гурни, никудышный вояка и портач в музыке... – Он снова ударил по струнам, прислушался к звуку и улыбнулся. – Короче, на совете решили: раз уж тебе не дается искусство боя, лучше поучить тебя музыке. Чтобы ты не потратил свою жизнь совсем уж напрасно.

– Тогда, может, споешь мне балладу? – предложил Пол. – Я хочу иметь хороший образец того, как этого не надо делать.

– Ах-ха-ха! – рассмеялся Гурни и тут же затянул «Девочек Галактики», с такой быстротой перебирая струны мультиплектром, что за ним было трудно уследить:

Ах, девочки Галактики
Дадут за жемчуга тебе,
А арракинку за воду возьмешь!
Но если хочешь жаркую,
Как пламя, страстно-яркую,
То лучше каладанки не найдешь!

– Не так уж плохо для такого жалкого брэнчалы, – сказал Пол, – но если бы мать услышала, что за похабщину ты тут, в замке, распевашь, она бы велела прибить твои уши на внешней стене в качестве украшения.

Гурни дернул себя за левое ухо.

– Украшение из них вышло бы тоже довольно убогое – они слишком повреждены подслушиванием у замочной скважины за довольно-таки странными песенками, которые частенько наигрывает на своем балисете один мой знакомый мальчик.

– Забыл, значит, как приятно спать в постели, хорошенько посыпанной песком, – сказал Пол, сдергивая со стола щит-пояс и защелкивая его на талии. – Тогда сразимся!

Глаза Халлека широко раскрылись в притворном удивлении:

– Так, стало быть, вот чья преступная рука это учинила? Ну ладно же! Защищайся, юный корифей, защищайся как следует!

Он схватил рапиру и рассек ею воздух:

– Мсть моя будет страшна!

Пол выбрал парную рапиру, согнул ее в руках и встал в позицию, вынеся одну ногу вперед. Он придал своим движениям комическую напыщенность, утрируя манеры доктора Юйэ.

– Какого болвана отец прислал мне для занятий фехтованием, – нараспев произнес Пол. – Недотепа Гурни Халлек позабыл первую заповедь боя с силовыми щитами. – Пол щелкнул кнопкой на поясе и ощутил легкое покалывание на коже и характерное изменение внешних звуков, приглушенных силовым полем. – «В бою с использованием силовых щитов надо быть быстрым в обороне, но медленным в нападении, – продекламировал Пол. – Атака имеет единственную цель – заставить противника сделать неверное движение, заставить открыться. Щит отвращает быстрый удар клинка, но пропустит неспешный взмах кинжала!» – Пол перехватил рапиру, сделал быстрый выпад и мгновенно вернул клинок для способного пройти сквозь бездумную завесу силового щита замедленного удара.

Халлек спокойно проследил за его приемом и увернулся в последний момент, пропустив притупленный клинок мимо своей груди.

– Со скоростью удара все в порядке, – отметил он. – Но ты полностью открылся для удара слиптипом снизу.

Пол с досадой отступил.

– Мне бы надо высечь тебя за такую небрежность, – продолжал Халлек. Он поднял со стола обнаженный кинжал. – Вот эта штука в руках врага уже убила бы тебя! Ты способный ученик, лучше некуда, но я тебе говорил, и не раз, что, даже забавляясь, ты не должен никого пропускать сквозь защиту, ибо небрежность здесь может стоить жизни.

– Просто я сегодня не в настроении, – буркнул Пол.

– Не в настроении?! – Даже сквозь силовое поле щитов голос Халлека выдал его возмущение. – А при чем тут твоё настроение? Сражаются тогда, когда это необходимо, невзирая на настроение! Настроение – это для животных сойдет, или в любви, или в игре на балисете. Но не в сражении!

– Извини, Гурни. Я не прав.

– Что-то я не вижу должного раскаяния!

Халлек активировал свой щит, полуприсел с выставленным в левой руке кинжалом и рапирой в правой. Рапиру он держал чуть приподнятой вверх.

– А теперь – защищайся по-настоящему!

Он высоко подпрыгнул вбок, потом вперед, яростно атакуя.

Пол парировал и отступил. Он услышал, как затрещали, соприкоснувшись, силовые поля, ощутил легкие электрические уколы на своей коже. «Что это нашло на Гурни? – удивился он. – Он всерьез атакует!» Пол потрянул левой рукой – из наручных ножен в его ладонь скользнул небольшой кинжал.

– Что, одной рапирой не управиться? – хмыкнул Гурни. – То-то!

«Неужели предательство?! – спросил себя Пол. – Нет, только не Гурни – он на это не способен!»

Они кружили по залу – выпад и парирование, выпад и контрвыпад. Воздух внутри окружавших их силовых полей стал спёртым – воздухообмен на границе поля был слишком замедлен. Однако с каждым новым столкновением щитов и с каждым отраженным полем ударом клинка усиливался запах озона.

Пол продолжал отступать, но, отступая, он постепенно вел Гурни к тренировочному столу.

«Если я сумею заманить его к столу, я покажу ему один фокус, – подумал Пол. – Ну, Гурни, еще один шаг...»

Халлек сделал этот шаг.

Пол отбил удар Гурни книзу, резко повернулся и увидел, что рапира соперника, как и было задумано, задела край стола. Пол прыгнул вбок, сделал рапирой выпад вверх и одновременно ввел в защитное поле кинжал, целя в шею. Острие замерло в дюйме от яремной вены Халлека.

– Ты этого хотел? – прошептал он.

– Посмотри вниз, мальчик, – проговорил сквозь одышку Халлек.

Пол опустил глаза и увидел, что кинжал Халлека прошел под углом стола – он почти касался паха Пола.

– Мы, так сказать, слились бы в смерти, – сказал Халлек. – Но надо признать, ты можешь драться немного лучше, если тебя прижать. Полагаю, мне удалось привести тебя в настроение. – И он осклабился по-волчьи, отчего свекольный шрам на его лице искривился.

– Ты так набросился на меня... – Пол взглянул Халлеку в глаза. – Ты в самом деле хотел пустить мне кровь?

Халлек убрал кинжал и выпрямился.

– Дерись ты хоть немного хуже того, на что способен, я бы оставил на тебе хор-рошую отметину – шрам, который ты бы долго помнил. Потому что мне бы не хотелось, чтобы моего любимого ученика заколол первый встречный харконненский бродяга.

Пол отключил щит и оперся на стол, восстанавливая дыхание.

– Я это заслужил, Гурни. Вот только боюсь, отцу бы не очень понравилось, если бы ты меня ранил. А я бы не хотел, чтобы тебя наказывали за мои неудачи.

– Ну, что до этого, – возразил Халлек, – то это была бы и моя неудача. А потом, нечего волноваться из-за одного-двух шрамов, полученных на тренировке. Тебе еще повезло, что у тебя их так мало... А что касается твоего отца – герцог накажет меня только в том случае, если я не сумею сделать из тебя первоклассного бойца. И я бы не сумел, если бы не разъяснил тебе вовремя твои заблуждения относительно «настроения». Ишь чего придумал!

Пол выпрямился и вернул кинжал в ножны на запястье.

– То, чем мы здесь занимаемся, это совсем не игра, – добавил Халлек.

Пол кивнул. Он был удивлен необычной для Халлека серьезностью и какой-то особой собранностью. Взглянув на лиловый шрам на лице своего взрослого друга, Пол вспомнил, что его нанес Зверь Раббан в рабских копиях на Джеди Прим. И внезапно ощутил стыд оттого, что хотя бы на мгновение усомнился в Халлеке. И тут же ему пришло в голову, что Халлеку, наверно, было больно тогда, – может, так же больно, как самому Полу во время испытания, которому подвергла его Преподобная Мать. Но он прогнал эту мысль: она делала мир слишком неуютным...

– Наверно, я и в самом деле настроился на игру, – признал Пол. – А то в последнее время все слишком серьезны.

Халлек отвернулся, чтобы скрыть свои чувства. Он ощущал жжение в глазах. Внутри его жила боль, словно какой-то нарыв, – все, что осталось в нем от некоего утраченного Вчера, которое Время безжалостно отсекло от него.

Как скоро этому ребенку придется стать мужчиной, подумал Халлек. Как скоро придется ему составить мысленно этот контракт, призывающий к жесточайшей осторожности, и внести в этот лист строку: «Кто ваш ближайший родственник?»²

Не оборачиваясь, Халлек сказал:

– Я чувствовал, что тебе хочется поиграть, и ничего мне так не хотелось, как поиграть с тобой. Но игры кончились. Завтра мы летим на Арракис. Арракис – это не игра, это реальность. Харконнены – тоже реальность.

Пол, подняв вверх рапиру, коснулся клинком лба. Халлек обернулся, увидел салют и ответил кивком. Показал на спарринг-манекен.

– А теперь займемся твоей координацией. Покажи, как ты справляешься с этой зловредной штукой. Я буду управлять ею отсюда – здесь мне будет лучше видно. И предупреждаю – сегодня я применю новые контрудары. Враг тебя об этом предупреждать не станет.

Пол приподнялся на носках, чтобы расслабить мускулы. Он вдруг со всей серьезностью понял, что его жизнь начала резко меняться. Он подошел к тренажеру, ткнул острием рапиры выключатель на груди куклы и почувствовал, как силовое поле оттолкнуло клинок.

– Ан гард!³ – скомандовал Халлек, и манекен начал атаку. Пол включил щит, парировал и контратаковал.

Халлек, управляя куклой, внимательно следил за ним. Его сознание словно разделилось: одна часть напряженно контролировала ход поединка, а другая блуждала где-то вдалеке.

«Я – словно хорошо сформированное садовником плодородное дерево. Дерево, полное хорошо развитых способностей и чувств, и все они привиты на меня – все они вызревали для кого-то другого...»

Почему-то он вспомнил свою младшую сестру – ее миниатюрное, напоминающее о сказочных эльфах лицо ясно встало перед его глазами. Но сестра давно была мертва – умерла в

---

² Вопрос формулируется так в документах, связанных с наследованием.

³ Внимание! (*фр.*, *фехт.*)

солдатском борделе у Харконненов. Она любила анютины глазки... или маргаритки? Он уже не помнил. И то, что он не мог вспомнить это, огорчило его.

Пол отбил медленный рубящий удар куклы и с левой руки провел антре-тиссе⁴.

«Вот ловкий чертенок! – подумал Халлек, теперь полностью поглощенный ловкими движениями Пола. – Он тренировался самостоятельно. Это не похоже на стиль Дункана, и уж определенно не то, чему учил его я!»

Эта мысль только усилила печаль Халлека.

Это его «настроение» заразило и меня, подумал он и спросил себя, приходилось ли этому мальчику по ночам в страхе вжиматься в подушку, слушая отдающийся в ней собственный пульс?..

– «Если бы желания были рыбами, мы бы все забрасывали сети...» – пробормотал он.

Эту поговорку часто повторяла его мать, и он вспоминал ее всякий раз, когда мрак будущего окутывал его мысли.

Потом он подумал, как странно с такой поговоркой отправляться на планету, которая никогда не знала ни морей, ни рыб.

* * *

ЮйЭ (произносится как «ю-Э»), Веллингтон (Станд. 10082 – 10191). Доктор медицины, выпускник Суккской школы (оконч. в Станд. 10112). Жена: Уанна Маркус, Б.Г. (Станд. 10092 – 10186?). В осн. изв. как предатель герцога Лето Атрейдеса (см.: Библиография, Приложение VII [Кондиционирование Имперское] и: Предательство, Великое (Предательство ЮйЭ).

Энциклопедический словарь по Муад'Дибу, сост. принцесса Ирулан

Хотя Пол услышал, как в зал вошел доктор ЮйЭ, и обратил внимание на то, что его шаги как-то напряженно-медлительны и осторожны, он продолжал лежать лицом вниз на столе, куда его уложил ушедший уже массажист. Приятно было расслабиться после выматывающей тренировки с Гурни Халлеком.

– Вы удобно устроились, – сказал ЮйЭ своим спокойным высоким голосом.

Пол поднял голову и окинул взглядом длинную худую фигуру в нескольких шагах от стола: помятая черная одежда, массивная голова с квадратным лицом, украшенным длинными свисающими усами, пурпурными губами и вытатуированным на лбу черным ромбом Имперского кондиционирования; длинные черные волосы схвачены над левым плечом серебряным кольцом Школы Сукк.

– Я вас порадую: сегодня у нас нет времени для обычного урока, – сказал ЮйЭ. – Скоро должен прийти ваш отец.

Пол сел.

– Однако я распорядился приготовить для вас книгофильмы с записью нескольких уроков и книгоскоп – во время перелета на Арракис у вас будет время для занятий.

– О...

Пол начал одеваться. Мысль о скорой встрече с отцом взволновала его: они очень мало виделись с тех пор, как пришел приказ Императора принять власть на Арракисе.

ЮйЭ прошел к Г-образному столу, размышляя: как были наполнены эти его последние месяцы. Какая потеря! Какая ужасная потеря!..

И он напомнил себе: «Я не должен колебаться. То, что я делаю, – я делаю для того, чтобы эти звери – Харконнены – не мучили больше мою Уанну».

Пол, застегивая куртку, тоже сел за стол.

---

⁴ Букв.: «вплетение» (фр., *fехт*.).

– Что я буду изучать по пути на Арракис?

– Ах-х-хх... наземные формы жизни Арракиса. Планета, так сказать, раскрыла свои объятия некоторым земным животным. Непонятно, каким образом. По прибытии мне непременно надо будет разыскать Эколога планеты – некоего доктора Кинеса – и предложить ему свою помощь в исследованиях.

И Юйэ подумал: «Что я говорю? Я лицемерю даже перед самим собой».

– Там будет что-нибудь о фрименах? – спросил Пол.

О фрименах? Юйэ побарабанил пальцами по столу, заметил, что Пол удивленно смотрит на этот нервный жест, убрал руку.

– Тогда, может, у вас есть что-нибудь о населении Арракиса в целом? – спросил Пол.

– А? Да, разумеется, – ответил Юйэ. – Оно делится на две основные группы – на фрименов и население грабенов, впадин и котловин – там они называются чашами. Мне рассказывали, однако, что бывают смешанные браки. Женщины низинных деревень и поселков предпочитают фрименских мужей, а их мужчины охотнее женятся на фрименках. У них есть поговорка: «Из города – лоск, из Пустыни – мудрость».

– У вас есть снимки фрименов?

– Я посмотрю, что удастся найти. Но, безусловно, самая интересная их черта – глаза. Совершенно синие, без капли белизны.

– Мутация?

– Нет. Это связано с перенасыщением крови меланжей.

– Чтобы жить на краю Пустыни, фримены должны быть храбрыми людьми.

– Да, это общепризнано, – согласился Юйэ. – Они слагают баллады о своих ножах. Их женщины так же свирепы, как и мужчины. Даже дети фрименов суровы, жестоки и опасны. Вам, как я полагаю, не позволят общаться с ними...

Пол смотрел на Юйэ; за несколькими скупыми словами о фрименах скрывалась огромная сила этих людей, и мысль о ней захватила его: «Вот бы суметь сделать таких людей союзниками!»

– А черви? – спросил Пол.

– Что?..

– Я хочу больше узнать о песчаных червях.

– Ах-х-х, разумеется. У меня есть книгофильм, где заснят один из них – небольшой экземпляр, всего сто десять метров в длину и двадцать два в диаметре. Съемки производились в северных широтах. По сведениям, полученным от заслуживающих доверия очевидцев, наблюдались черви, достигавшие в длину более четырехсот метров, и есть все основания предполагать, что существуют и более крупные.

Пол взглянул на разложенную на столе карту северных широт Арракиса, сделанную в конической проекции:

– Пустынный пояс и южные приполярные районы обозначены тут как необитаемые и непригодные для жизни. Это из-за червей?

– И из-за ураганов.

– Но любое место можно сделать пригодным для жизни.

– Если это осуществимо экономически, – поправил Юйэ. – На Арракисе много опасностей, устранение которых обошлось бы чересчур дорого... – Юйэ пригладил свои вислые усы. – Н-ну, ваш отец скоро должен быть здесь. Однако прежде чем уйти, хочу кое-что подарить вам. Я нашел это, когда паковал свои вещи. – Он положил на стол небольшой предмет – черный, продолговатый, не больше фаланги большого пальца Пола.

Пол посмотрел на предмет. Юйэ отметил, что мальчик не взял его в руки, и подумал: «Как он осторожен!»

– Это очень старая, по-настоящему древняя Экуменическая Библия, специально для космических путешествий. Это не книгофильм, а настоящая книга, напечатанная на волоконной ткани. Она снабжена лупой и электростатическим замком-листочком. – Он поднял книгу, продемонстрировав их. – Заряд удерживает книгу в закрытом положении, противодействуя пружинке в обложке. Если нажать на корешок – вот так, – выбранные страницы отталкивают друг друга одноименным зарядом, и книга открывается.

– Она такая маленькая...

– Но в ней тысяча восемьсот страниц. Снова нажимаем корешок – вот так, – и... заряд переворачивает страницы одну за другой, по мере того как вы читаете. Только никогда не прикасайтесь к самим страницам пальцами. Ткань слишком тонкая. – Он закрыл книжечку, протянул ее Полу: – Попробуйте.

Глядя, как Пол изучает книгу, Юйэ подумал: «Я пытаюсь успокоить свою совесть: дарю ему прибежище в религии перед тем, как предать. Так я могу сказать себе, что он ушел туда, куда мне путь закрыт».

– Ее, наверное, сделали еще до появления книгофильмов, – сказал Пол.

– Да, она очень старая. Пусть она будет нашим секретом, хорошо? Ваши родители могут счесть, что вам еще рано получать такие ценные вещи.

И Юйэ подумал: «И вне всякого сомнения, его мать заинтересовалась бы моими мотивами».

– Но... – Пол закрыл книгу, подержал ее в руке. – Если она такая ценная...

– Доставьте удовольствие старику, – сказал Юйэ. – Мне ее подарили, когда я был совсем юным. – И он подумал: «Я должен завладеть его воображением – и пробудить в нем страсти». – Откройте книгу на четыреста шестьдесят седьмой Калиме, где говорится: «Из вод положено начало всякой жизни». На обложке есть небольшая бороздка от ногтя – она отмечает это место.

Пол ощупал корешок, нашел две отметки, одна из которых была меньше. Он нажал меньшую, книга развернулась в его ладони, и лупа скользнула на свое место.

– Прочтите вслух, – попросил Юйэ. Пол облизнул губы и начал:

– «Глухой не может слышать – задумайтесь над этим. Не так ли и все мы, возможно, в чем-то глухи? Каких чувств недостает нам, чтобы увидеть и услышать окружающий нас иной мир? Что из того, что окружает нас, мы не можем...»

– Прекратите! – крикнул вдруг Юйэ.

Пол оборвал чтение, удивленно взглянув на него.

Юйэ закрыл глаза, пытаясь сдержать внутреннюю дрожь. «Какой каприз провидения заставил книгу открыться на любимом отрывке моей Уанны?» – Он поднял веки и встретил пристальный взгляд Пола.

– Извините, – сказал Юйэ. – Это было... любимое место... моей... покойной жены. Я хотел, чтобы вы прочли другой отрывок, а этот... Он приносит мучительные воспоминания.

– Тут две бороздки, – сказал Пол.

Ну конечно же, Уанна отметила свой отрывок. Его пальцы чувствительнее моих, вот он и нашел ее метку. Случайность, не более.

– Вас, полагаю, должна заинтересовать эта книга, – сказал Юйэ. – В ней содержится много достоверных исторических сведений и вместе с тем – хорошая этическая философия.

Пол взглянул на крохотную книгу в своей ладони. Такая маленькая! Но в ней есть какая-то тайна... что-то произошло, когда он читал. Он почувствовал, как нечто затронуло его... ужасное предназначение.

– Ваш отец будет здесь с минуты на минуту, – сказал Юйэ. – Спрячьте книгу и почитайте на досуге.

Пол тронул корешок, как показывал Юйэ. Книга захлопнулась, и он опустил ее в карман. В то мгновение, когда Юйэ крикнул на него, Пол испугался, что тот может потребовать вернуть книгу.

– Я благодарю вас за подарок, доктор Юйэ, – проговорил Пол официальным тоном. – Это будет наш секрет. Если же вы хотели бы получить какой-нибудь подарок от меня – прошу вас, не стесняйтесь, скажите.

– Мне... ничего не нужно, – сказал Юйэ.

«Зачем я стою здесь, терзая себя? И терзаю этого бедного мальчика... хотя он этого еще не знает. О-о-о! Проклятие этим харконненским чудовищам! Почему, ну почему они избрали для своих мерзостей именно меня?!»

* * *

Как подойти нам к изучению отца Муад'Диб? Человеком исключительной теплоты и поразительной холодности был герцог Лето Атрейдес. Но все же многое открывает пути к пониманию его – верная любовь к леди Джессике; надежды, которые возлагал он на своего сына; преданность, с какой служили ему его люди. Представив себе все это, вы увидите его – человека, пойманного Судьбой в ловушку, одинокую фигуру, человека, чей свет померк в лучах славы его сына. Однако должно спросить: что есть сын, как не продолжение отца?

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб. Семейные комментарии»

Пол смотрел, как отец входит в тренировочный зал, как охранники занимают посты снаружи; один из них закрыл дверь. Как всегда при встречах с отцом, Пол ощутил исходящее от него чувство присутствия – это был человек, который весь здесь и сейчас.

Герцог был высок и смугл. Суровые черты его лица смягчались только теплой глубиной серых глаз. На нем был черный повседневный мундир с красным геральдическим ястребом на груди. Посеребренный поясной щит со следами долгого и частого пользования перехватывал его тонкую талию.

– Усердно занимаешься, сын? – спросил герцог.

Он подошел к столу, бросил взгляд на разложенные бумаги, скользнул глазами по залу. Он чувствовал себя очень усталым и ощущал настоящую боль от необходимости скрывать свою слабость. «Надо будет использовать всякую возможность для отдыха во время полета к Арракису, – подумал он. – На Арракисе отдохнуть уже не придется».

– Не слишком усердно, – признался Пол. – Все это верно... – Он пожал плечами.

– Да, понимаю. Но так или иначе, а завтра мы улетаем. Я полагаю, приятно будет наконец устроиться на новом месте, в новом доме, оставить всю эту суету позади...

Пол кивнул. Внезапно он вспомнил слова Преподобной Матери: «...твоего отца не спасет ничто».

– Отец, – спросил Пол, – Арракис в самом деле так опасен, как все говорят?

Герцог заставил себя небрежно махнуть рукой, присел на угол стола, улыбнулся. В его сознании выстроился весь разговор – так случалось ему говорить со своими людьми перед боем, когда он желал рассеять их сомнения и подбодрить. Но разговор этот умер, не успев воплотиться в слова, изгнанный одной-единственной мыслью: «Это – мой сын».

– Да, там будет опасно, – признал он.

– Хават сказал, что у нас есть определенные виды на фрименов, – сказал Пол и спросил себя: «Почему я не рассказываю ему о том, что говорила старуха? Какую печать наложила она на мой язык?»

Герцог заметил угнетенное состояние сына и сказал:

– Хават, как обычно, выделяет главную возможность. Но она далеко не единственная. Я, скажем, думаю о КООАМ – «Комбайн Оннет Обер Адвансер Меркантайлс» – Картеле негоциантов. Отдав нам Арракис, Его Величество вынужден тем самым отдать нам и голос в Директорате КООАМ... а это уже кое-что. Хотя и не так много...

– КООАМ контролирует Пряность, – сказал Пол.

– И Арракис – источник Пряности – это наша дорога в КООАМ, – кивнул герцог. – Однако КООАМ – это не только меланжа.

– Предупреждала ли тебя Преподобная Мать? – выпалил вдруг Пол. Он стиснул кулаки, почувствовав, как сильно вспотели у него ладони. Слишком большого усилия потребовал у него этот вопрос.

– Хават мне уже сказал, что она пыталась запугать тебя поджидающими на Арракисе опасностями, – сказал герцог. – Не позволяй женским страхам затуманивать твой разум. Никакая женщина не хочет, чтобы ее близкие подвергались опасности. За всеми этими предостережениями видна рука твоей матери. Так что принимай их как знак ее любви к нам.

– А она знает о фрименах?

– Да. И о многом другом.

– О чем?

И герцог подумал: «Правда может оказаться куда хуже, чем он опасается. Конечно, и опасная, суровая правда полезна для того, кто умеет ею воспользоваться. И вот этому – умению обращаться с опасными фактами – мой сын не обучен. Этот пробел необходимо как можно скорее заполнить – хотя мальчик еще так юн...»

– А вот о чем. Мало что из товаров не связано так или иначе с КООАМ, – сказал герцог. – Дерево и лесоматериалы, ослы, лошади, коровы, навоз, акулы, китовые шкуры – самые прозаические и самые экзотические предметы... даже наш бедный рис пунди с Каладана. Все, что может перевезти Гильдия: произведения искусства с Эказа, машины с Ричезы и Икса. Но все это – ничто рядом с меланжей. За щепоть Пряности можно купить дом на Тупайле. Пряность нельзя синтезировать – ее можно только добыть на Арракисе. Она поистине уникальна и обладает мощнейшими гериатрическими свойствами.

– Теперь мы ее контролируем?

– Ну, в какой-то степени... Но важно помнить о всех тех Домах, которые зависят от прибылей КООАМ. И о том, что огромная часть этих прибылей зависит от одного-единственного товара – от Пряности. Представь, что случится, если по какой-то причине добыча Пряности уменьшится?

– В такой ситуации тот, кому удалось создать запасы меланжи, получит сверхприбыль, – отозвался Пол, – а все прочие останутся в дураках.

Герцог позволил себе секунду мрачного удовлетворения: глядя на сына, он думал, каким проницательным было это замечание, какой великолепный интеллект подсказал его... Он кивнул:

– Да. А Харконнены накапливали запасы многие годы.

– Значит, они хотят подорвать добычу Пряности и обвинить в этом тебя.

– Они хотят подорвать влияние Дома Атрейдес, – сказал герцог. – Вспомни о Домах Ландсраада, которые смотрят на меня в какой-то степени как на лидера и неофициального выразителя их интересов. А теперь представь, что будет, если их доходы вдруг резко упадут и виноват в этом окажусь я? В конце концов, своя рубашка ближе к телу! Как говорится, к черту Великую Конвенцию – нельзя же позволять разорять себя! – Жесткая улыбка искривила губы герцога. – Что бы со мной ни сделали тогда, они предпочтут этого не заметить...

– Даже если бы против нас применили атомное оружие?

– Что ты, к чему такие ужасы? Никакого открытого нарушения Конвенции не будет. Но почти все остальное, кроме этого, возможно... даже распыление радиоактивных веществ или, скажем, отравление почвы.

– Тогда зачем мы идем на это?

– Пол! – Герцог неодобрительно посмотрел на сына. – Знать, где ловушка, – это первый шаг к тому, чтобы избежать ее. Это похоже на поединок, на дуэль, только масштабы другие. Выпад внутри выпада, а тот – внутри третьего, один финт в другом... и так, кажется, до бесконечности. Нам надо распутать этот проклятый клубок. Итак, зная, что Харконнены запасают меланжу, зададим следующий вопрос: кто еще это делает? Ответив на него, получим список наших врагов.

– И кто же это?

– Некоторые Великие Дома, известные своим недружественным к нам отношением, а также некоторые из тех, кого мы считали друзьями или по крайней мере союзниками. Впрочем, сейчас это не важно, потому что у нас есть еще один, и гораздо более могущественный, враг: наш любимый Падишах-Император!

Пол попытался сглотнуть вмиг пересохшим горлом:

– А ты не мог бы созвать сессию Ландсраада и разоблачить...

– Показать врагу, что мы знаем, чья рука занесла нож? Нет, Пол. Сейчас мы по крайней мере видим нож. Кто знает, откуда нам ждать удара тогда? Если мы выложим все перед Ландсраадам сейчас, это лишь внесет смятение. Император будет все отрицать, и кто посмеет ему противоречить? Все, что мы могли бы выиграть, – это небольшая отсрочка, а в случае неудачи нас ждет всеобщий хаос. И откуда пришел бы следующий удар?

– Все Дома могли бы запастись Пряность.

– У врагов слишком большая фора.

– Император... – протянул Пол. – Это значит – сардаукары.

– И, без всякого сомнения, переодетые в форму Харконненов, – кивнул герцог. – Но все равно это будут те же солдаты-фанатики.

– Но как смогут фримены помочь нам против сардаукаров?

– Хават рассказывал тебе о Салусе Секундус?

– Императорской планете-каторге? Нет.

– Что, если это нечто большее, нежели просто тюремная планета? Есть один вопрос о корпусах сардаукаров, который при тебе ни разу не задавали. А именно: откуда они вообще берутся?

– С планеты-каторги?

– Почему бы и нет?

– Но Император регулярно, в виде особой подати, проводит рекрутские наборы...

– Вот в это-то нас и заставляют поверить: что сардаукары – просто набранные Императором рекруты, которых великолепно готовят с юного возраста. Иногда поговаривают о неких инструкторах, доводящих новобранцев до нужного уровня, но баланс сил в нашей цивилизации остается тем же: с одной стороны – войска Великих Домов Ландсраада, с другой – сардаукары и рекруты-новобранцы. Новобранцы, Пол. А сардаукары остаются сардаукарами.

– Но, по слухам, Салуса Секундус не планета, а настоящий ад!

– Несомненно. Но скажи: если бы ты хотел воспитать стойких, сильных, свирепых солдат, в какую среду ты бы их поместил?

– Но как добиться верности от таких людей?

– Для этого есть проверенные способы: игра на их чувстве собственного превосходства, мистика тайного братства, дух разделенного страдания... Все это не так уж трудно сделать. И так делалось на многих мирах, в разные эпохи.

Пол кивнул, не сводя глаз с отца. Он чувствовал, что сейчас услышит нечто очень важное.

– Взгляни на Арракис, – негромко сказал герцог. – За пределами городов и гарнизонных поселков он не менее ужасен, чем Салуса Секундус.

Глаза Пола широко раскрылись.

– Фримены!

– Великолепный потенциал для создания столь же сильного и смертоносного войска, как и Корпус сардаукаров. Понадобится немыслимое терпение, чтобы втайне привлечь и подготовить их, и немыслимые средства, чтобы должным образом вооружить. Но фримены – там... и там – Пряность. Понимаешь теперь, почему мы идем на Арракис – даже зная, что там – ловушка?

– А Харконнены разве не знают о фрименах?

– Харконнены издевались над ними, охотились на них для развлечения, ни разу не пробовали хотя бы сосчитать их. Политика Харконненов – тратить на население лишь столько, сколько нужно, чтобы оно не вымерло.

Вышитый металлом герб на груди герцога сверкнул от резкого движения.

– Теперь ты понимаешь?

– Мы уже ведем переговоры с фрименами, – утвердительно сказал Пол.

– Да. Я направил к ним миссию во главе с Дунканом Айдахо, – ответил герцог. – Дункан – человек гордый и, пожалуй, жестокий, зато он любит правду. Я надеюсь, фримены будут от него в восторге. Если нам повезет, они будут судить и о нас по нему. По Дункану Достойному. А порядочности ему не занимать...

– Дункан Достойный, – проговорил Пол, – и Гурни Доблестный.

– Ты их хорошо назвал, – кивнул герцог.

И Пол подумал: Гурни – один из тех, кого имела в виду Преподобная, когда говорила о столпах, поддерживающих мир: «...и доблесть храбрых».

– Гурни сказал, что сегодня ты хорошо сражался, – сказал герцог.

– Да? А мне он говорил совсем другое.

Герцог громко рассмеялся:

– Могу себе представить, как... скупой хвалил тебя Гурни в лицо. Но он говорит, что ты уже по-настоящему чувствуешь разницу между лезвием клинка и его острием.

– Гурни говорит: чтобы убить острием, особого мастерства не нужно, а вот убить лезвием – подлинное искусство.

– Гурни – романтик, – проворчал герцог. Слова об убийствах из уст сына расстроили его. – Что до меня, то мне хотелось бы, чтобы тебе вообще не пришлось убивать... но уж если возникнет необходимость, делай это, как сумеешь, не важно, острием клинка или его лезвием. – Он скользнул глазами по потолочному окну, по которому барабанил дождь.

Проследив за взглядом отца, Пол подумал, что, наверное, на Арракисе ему уже никогда не увидеть воды с неба, – и эта мысль о небе заставила его вспомнить и о пространстве за его пределами.

– Правда ли, что корабли Гильдии – самое большое из всего, построенного людьми? – поинтересовался Пол.

Герцог перевел взгляд на сына.

– В самом деле, это же твой первый межпланетный перелет. Да, больше этих кораблей нет ничего. Мы пойдем на хайлайнере, потому что путешествие предстоит долгое. Хайлайнер – самый огромный из кораблей. Все наши фрегаты и транспортники свободно уместятся в одном уголке его трюма – мы будем лишь небольшой частью груза.

– А нам нельзя будет покинуть наши корабли на хайлайнере?

– Это – часть той цены, которую мы платим за гарантируемую Гильдией безопасность. Рядом с нашими там могли бы стоять корабли Харконненов, и нам нечего было бы опасаться. Харконнены не станут рисковать своими транспортно-грузовыми привилегиями.

– Тогда я попробую увидеть какого-нибудь гильдиера хотя бы через наши видеоэкраны.

– Не увидишь. Даже агенты Гильдии никогда не видели ни одного настоящего гильдиера. Гильдия бережет свою таинственность так же строго, как и свою монополию. Пол, не стоит делать ничего, что могло бы хоть в малой степени повредить нашим транспортным привилегиям.

– А ты не думаешь, что они, возможно, прячутся потому, что мутировали и теперь не похожи... на человека?

– Кто знает? – пожал плечами герцог. – Нам, во всяком случае, вряд ли удастся разгадать эту тайну. Да и у нас есть более неотложные проблемы. В частности – ты.

– Я?

– Твоя мать хотела, чтобы именно я сказал тебе... Видишь ли, сын, возможно, у тебя имеются способности ментата.

Пол смотрел на отца, какое-то время не в состоянии открыть рот. Наконец он выговорил:

– Способности ментата?.. У меня?.. Но я же...

– Хават тоже так считает. Это правда.

– Н-но... я думал, что подготовка ментата должна начинаться с раннего детства, причем ему самому нельзя говорить об этом, так как это могло бы помешать раннему... – Он замолчал на полуслове; внезапно многие обстоятельства его жизни сложились в единую картину. – Понятно, – сказал он.

– Приходит день, – вздохнул герцог, – когда потенциальный ментат должен узнать, что с ним делают. И с этого момента «с ним» делать больше ничего нельзя. Он должен сам решить, продолжать ли обучение или отказаться от него. Некоторые могут продолжать, другие же – нет, поскольку не способны. И только сам потенциальный ментат может точно знать о себе это.

Пол потер подбородок. Все его специальные занятия с Хаватом и матерью – мнемоника, концентрирование сознания, мышечный контроль и развитие остроты чувств, изучение языков и оттенков голоса – все это он увидел по-новому.

– Когда-нибудь ты станешь герцогом, сын, – сказал отец. – А герцог-ментат действительно был бы грозой врагов. Итак, можешь ли ты решить сейчас... или тебе нужно подумать?

Пол не колебался:

– Я буду продолжать занятия.

– Настоящей грозой... – пробормотал герцог, и Пол увидел на лице отца улыбку гордости. Эта улыбка поразила Пола: узкое лицо герцога вдруг показалось ему черепом. Пол опустил веки, чувствуя, как ужасное предназначение вновь пробуждается в глубине его сознания: может быть, ужасное предназначение и состоит в том, чтобы стать ментатом...

Но когда он сосредоточился на этой мысли, его новое зрение отвергло ее.

* * *

*Именно применительно к леди Джессике и планете Арракис система насаждения легенд, распространяемых Бене Гессерит с помощью Миссионарии Протектива, раскрыла все свои возможности и достигла наибольшего успеха. Разумность политики внедрения в обитаемой вселенной системы пророчеств, служащих к охране Бене Гессерит, признавалась давно. Однако же никогда ранее не сочетались столь *ut extremis*⁵ личность и предшествующая миссионерская подготовка. Пророческие легенды укоренились на Арракисе, став неотъемлемой частью местных верований и ритуалов (включая представление о Преподобной Матери, ритуалы Канто и Респонду и большую часть Паноплиа Профетикус, относящихся к Шари-а). И*

---

⁵ До предела, полностью (лат.).

теперь общепризнано, что скрытые способности леди Джессики долгое время очень сильно недооценивались.

Принцесса Ирулан. «Арракинский кризис: анализ». Только для внутреннего пользования – средняя степень секретности. Номер досье по каталогам Б.Г.: AP-81088587

Леди Джессика стояла посреди заполнивших почти весь парадный зал Арракинского дворца ящиков, коробок, чемоданов и контейнеров, частью уже распакованных. Они были сложены в углах, высились громадными горами в центре зала, и Джессика слышала, как карго-офицеры и грузчики Гильдии складывают у парадного входа очередную партию багажа Атрей-десов.

Джессика стояла в центре зала. Медленно подняв взгляд к потолку и снова обратив внимание на стены, она разглядывала полускрытые тенями резные потрескавшиеся панели, глубокие оконные ниши. Анахронизм стиля живо напомнил ей Залу Сестер в школе Бене Гессерит. Но в школе этот анахронизм создавал ощущение теплоты и уюта. Здесь же все было словно холодный камень...

Архитектор, подумала она, извлек все это из далекого прошлого: стены с мощными контрфорсами, тяжелые темные драпировки... Высокий сводчатый потолок двусветного зала поддерживали огромные балки – Джессика была уверена, что их доставили на Арракис изда-лека и наверняка за чудовищную цену. Ни на одной планете системы Канопуса не было дере-вьев, из которых можно было бы сделать такие балки, разве только это была имитация дерева.

Впрочем, дерево определенно казалось настоящим.

Это был типичный правительственный дворец времен Старой Империи. Тогда стоимость строительства роли не играла. Его построили задолго до прихода Харконненов и задолго до возведения их столицы, мегаполиса Карфаг, безвкусного и бесстыдного города километрах в двухстах к северо-востоку, по ту сторону Холмов. Лето, безусловно, поступил мудро, избрав своей столицей Арракин. Само название города производило благоприятное впечатление, от него веяло богатыми традициями. Кроме того, Арракин меньше, его легче очистить от харкон-ненских агентов и легче защищать...

Снова послышался грохот разгружаемых ящиков, и Джессика вздохнула.

Справа, совсем рядом с ней, стоял прислоненный к коробке портрет старого герцога – отца Лето. Свисающая с рамы бечевка казалась оборванным аксельбантом. Возле портрета лежала голова черного быка, укрепленная на полированной доске. Голова казалась темным островом в море мятой бумаги. Доску не поставили, а положили на пол, и блестящий бычий нос тянулся к потолку, словно под гулкими сводами зала вот-вот прозвучит рев могучего зверя, вызывающий противника на бой.

Интересно, подумалось Джессике, что заставило ее распаковать в первую очередь именно эти две вещи – голову и картину. В какой-то степени в этом был некий символ. С того самого дня, как люди герцога взяли ее из школы, она не чувствовала себя такой испуганной и неуве-ренной в себе.

Голова и картина.

Они усилили ее смятение – по спине пробежала внезапная дрожь... Джессика взглянула на узкие окна-амбразуры под потолком. Солнце только недавно перевалило за полдень, но небо в этих широтах казалось темным и холодным – намного темнее теплого голубого неба Каладана. На Джессику вдруг нахлынула тоска по дому. *Ты так далеко отсюда, Каладан!..*

– Вот и приехали! – Это был голос герцога Лето.

Джессика увидела, как он входит в зал из сводчатого коридора, ведущего в Обеденный зал. Его черный повседневный мундир с красным гербовым ястребом на груди запылелся.

– Я боялся, что ты заблудишься в этом кошмарном месте, – улыбнулся он.

– Да, это очень неприветливый дом, – ответила Джессика. Его высокая фигура, его смуглое лицо вызвали в ней мысли об оливковых рощах и о золотом солнце, играющем в голубой воде. Серые глаза были мягкого оттенка древесного дыма, но острые, ломанные черты придавали лицу нечто хищное.

Она внезапно испугалась его, и страх этот сдавил ей грудь. С тех пор, как он решился исполнить приказ Императора, он стал таким резким, неистовым, диким!..

– И весь город такой неприветливый, – сказала она.

– Да, грязный, пыльный гарнизонный городишко, – согласился герцог. – Но мы тут все изменим.

Он оглядел зал.

– Впрочем, это все – официальные помещения. Я только что осмотрел семейные апартаменты в южном крыле – они куда приятнее. – Он шагнул к ней, коснулся ее руки, любуясь ее величавым видом.

И в который раз спросил себя: кем были ее неизвестные предки? Может быть, они принадлежали к одному из Отступнических Домов? К опальной ветви императорского рода? Она выглядела более царственно, чем женщины императорской крови.

Под его взглядом она полуотвернулась, и теперь ее лицо было в профиль к нему. И он понял, что в Джессике не было какой-то определенной черты, делавшей ее прекрасной. Лицо – овал под шлемом бронзовых волос; широко поставленные глаза – зеленые и ясные, как утреннее небо Каладана. Нос маленький, а рот – крупный и благородный. Фигура ее была хорошей, но не яркой: высокая, со сглаженными худобой формами.

Он припомнил, что воспитанницы Школы называли ее «кожа да кости» – во всяком случае, так сообщили его агенты, посланные купить женщину своему герцогу. Но это определение оказалось слишком примитивным. Джессика вернула роду Атрейдесов королевскую красоту. Он был рад, что Пол похож на нее.

– А где Пол? – спросил он.

– Где-то здесь, в доме. У него урок с Юйэ.

– Ну, тогда это в южном крыле, – кивнул герцог. – Я, кажется, слышал голос Юйэ, но мне было недосуг. – Он взглянул на нее и, поколебавшись, добавил: – Собственно, я зашел сюда, только чтобы повесить в Обеденном зале ключ от замка Каладан.

Она затаила дыхание и едва сумела подавить желание взять его за руку. Повесить ключ – значило придать их вселению сюда окончательный характер. Было не время и не место расслабляться...

– Когда мы входили, я видела над домом наш флаг.

Герцог взглянул на портрет:

– Где ты собираешься его повесить?

– Здесь, наверное.

– Нет. – Это слово прозвучало категорично и окончательно, и Джессика поняла, что если она и добьется своего, то лишь хитростью. Споры же были бесполезны. Но попытаться следовало – даже если такая попытка лишь напомнила ей, что его она обманывать не может.

– Милорд, – сказала она, – если только...

– Все равно – нет. Я позорно потакаю тебе почти во всем – но не в этом. Я только что был в Обеденном зале, где...

– Милорд, я прошу...

– Приходится выбирать между твоим пищеварением и моим родовым достоинством, дорогая. Портрет будет висеть в Обеденном зале.

Она вздохнула:

– Да, милорд.

– Впрочем, ты можешь обедать в своих комнатах, как когда-то. Но на официальных приемах, пожалуйста, занимай свое место в Обеденном зале.

– Благодарю, милорд.

– И будь любезна, не держись так холодно и официально со мной! Скажи спасибо, что я на тебе не женился. Тогда сидеть со мной за одним столом было бы твоей обязанностью. Несколько раз в день.

Они кивнула, стараясь, чтобы по ее лицу нельзя было ничего прочесть.

– Хават уже смонтировал и наладил большой ядоискатель над обеденным столом, – заметил он. – Переносной установили в твоих покоях.

– Вы предвидели эти... разногласия, – утвердительно сказала она.

– Я думал и о том, чтобы тебе было удобно, дорогая. Да, еще я нанял слуг. Они местные, но Хават их проверил – все как один фримены. До тех пор, пока не освободятся наши люди, сойдет.

– Может ли хоть кто-нибудь на этой планете считаться действительно надежным и неопасным?

– Всякий, кто ненавидит Харконненов. Возможно, ты даже захочешь впоследствии оставить на службе главную домоправительницу, Шэдаут Мэйпс.

– Шэдаут, – повторила Джессика. – Это фрименский титул?

– Мне сказали, это значит «Черпающий из кладезя» – этот термин имеет здесь какие-то важные нюансы. Она может показаться тебе непохожей на прислугу, но Хават высоко ее оценил, основываясь на рапорте Дункана. Они убеждены, что она хочет служить – причем служить *тебе*.

– Мне?

– Фримены прознали, что ты из Бене Гессерит, – объяснил он. – Здесь о вас, о Б.Г., ходят кое-какие легенды.

«Миссионария Протектива, – подумала Джессика. – Поистине нет планеты, ускользнувшей от них».

– Означает ли это, что миссия Дункана увенчалась успехом? – спросила она. – Фримены будут нашими союзниками?

– Пока ничего определенного. Дункан считает, что они хотят сперва понаблюдать за нами. Правда, они обещали прекратить набеги на наши окраинные поселения на время перемирия. Это гораздо больший успех, чем может показаться на первый взгляд. По словам Хавата, фримены всегда были головной болью Харконненов, а размеры наносимого ими ущерба тщательнейшим образом скрывались. Харконнену меньше всего хотелось сообщать Императору, что вся его армия не в состоянии справиться с местными бродягами.

– Фрименка-домоправительница, – задумчиво проговорила Джессика. – У нее, конечно, совершенно синие глаза...

– Пусть тебя не обманывает их внешность, – сказал герцог. – В них много внутренней силы и здоровой жизненности. Я думаю, они именно то, что нам нужно.

– Это опасная игра.

– Давай не будем к этому возвращаться.

Джессика заставила себя улыбнуться.

– В любом случае, мы уже вовлечены в эту игру – в этом-то, по крайней мере, сомнений нет.

Она быстро проделала приемы восстановления спокойствия – два глубоких вдоха, произнесенная формула – и сказала:

– Я буду распределять комнаты. У вас есть какие-нибудь особые пожелания?

– Ты должна научить меня когда-нибудь, как это делается, – заметил он. – Как ты отбрасываешь тревоги и возвращаешься к повседневным делам. Надо полагать, бене-гессеритские хитрости?

– Женские, – ответила она. Он улыбнулся.

– Так вот, что касается комнат: во-первых, мне нужен большой кабинет рядом со спальней. Бумажной работы здесь будет гораздо больше, чем на Каладане. Разумеется, помещение для охраны рядом. И это, пожалуй, все. О безопасности дома не беспокойся. Суфиры парни проверили каждую щель.

– В этом я не сомневаюсь.

Он глянул на наручный хронометр.

– И проследи, чтобы все наши часы установили по арракинскому времени. Я уже велел технику заняться этим...

Он отвел прядь волос у нее со лба.

– А теперь мне надо вернуться на посадочное поле. Второй челнок, с отрядами резерва, сядет с минуты на минуту.

– Разве Хават не может их встретить, милорд? У вас такой усталый вид...

– Бедняга Суфир занят еще больше меня. Ты же знаешь, планета просто кишит харконненскими интригами. Кроме того, я должен попытаться уговорить нескольких опытных искателей Пряности не покидать Арракис. Ты знаешь – при смене правителя планеты у них есть право выбора, а этого планетолога, которого Император и Ландсраад назначили Арбитром Смены, невозможно подкупить. И он разрешил им выбирать. Около восьмисот квалифицированных меланж-машинистов и рабочих собираются вылететь на челноке с грузом Пряности, а на орбите висит корабль Гильдии...

– Милорд... – Она запнулась, не решаясь продолжать.

– Да?

«Его не отговорить от попытки сделать эту планету безопасной для нас, – думала Джессика. – И я не могу применить к нему приемы Бене Гессерит!»

– В какое время вы желаете обедать? – спросила она.

«Она не это хотела сказать, – понял он. – Ах, Джессика моя! Если б можно было оказаться подальше от этого ужасного места – вдвоем, без необходимости думать о безопасности, без всех этих забот и тревог!...»

– Поем в офицерской столовой на космодроме. – Он махнул рукой. – Вернусь поздно. И... да, я пришлю за Полом машину с охраной. Я хочу, чтобы он присутствовал на совещании по вопросам нашей стратегии.

Он кашлянул, словно собираясь сказать что-то еще, потом, не произнеся ни слова, круто развернулся и уверенными шагами вышел в вестибюль, откуда все еще доносились звуки разгрузки. Слышно было, как он говорит в обычной надменно-командной манере (он всегда так обращался к слугам, когда спешил):

– Леди Джессика в Большом зале. Иди к ней, немедленно.

Хлопнула наружная дверь.

Джессика повернулась к портрету отца Лето. Тот был написан знаменитым Альбе в зрелые годы Старого Герцога и изображал его в костюме матадора с ярко-красным плащом на левой руке. Его лицо казалось довольно молодым – едва ли старше, чем Лето сейчас, и те же были у него ястребиные черты, те же серые пристальные глаза. Глядя на картину, она жала кулаки.

– Будь ты проклят! Проклят! Проклят! – прошептала она.

– Что прикажете, высокородная госпожа? – Голос был женский, высокий и тягучий.

Джессика резко повернулась. Перед ней стояла угловатая седая женщина в свободном бесформенном платье уныло-бурого цвета. Она была такой же морщинистой и высохшей, как

и все в толпе, встречавшей их утром на космодроме. Все жители планеты, кого я видела, подумала Джессика, были на вид какие-то иссохшие и истощенные. Лето, правда, сказал, что они очень сильные и жизнестойкие. И, конечно, у всех были эти необычные глаза – темно-синие глубокие провалы без капли белизны. Загадочные, таинственные глаза. Джессика заставила себя отвести взгляд.

Женщина неуклюже поклонилась – такой кивок могло бы отвесить боевое копье:

– Меня зовут Шэдаут Мэйпс, высокородная. Я жду ваших распоряжений.

– Можете называть меня «миледи», – сказала Джессика. – Я не высокородная. Я состою в конкубинате с герцогом Лето – я его официальная наложница.

Снова последовал тот же странный кивок, и женщина с какой-то двусмысленностью спросила:

– Значит, есть еще и жена?

– Нет и никогда не было. Я – единственная... спутница герцога и мать его наследника.

Говоря это, Джессика внутренне усмехнулась над гордыней, прозвучавшей в ее словах. Как там у блаженного Августина?.. «Разум приказывает телу, и тело подчиняется. Разум приказывает себе – и встречает сопротивление...» Да – и в последнее время это сопротивление растет. Придется мне потихоньку отступать...

С улицы донесся странный протяжный крик. И снова: «Су-сусуук! Су-су-суук! Икккут-эй!...» – и вновь: «Су-су-суук!...»

– Что это такое? – спросила Джессика. – Я уже слышала такой крик несколько раз, когда мы ехали по городу...

– Это всего лишь водонос, миледи. Торговец водой. Но вам не придется самой иметь дело с ними. Дворцовый резервуар рассчитан на пятьдесят тысяч литров и всегда полон... – Женщина взглянула на свое платье. – Видите, миледи, я даже могу не носить здесь дистикомб! – Она хихикнула. – И все еще жива! Живой человек без дистикомба!..

Джессика промолчала. Она колебалась, не зная, о чем можно спросить эту фрименку. Ей нужна какая-то информация, чтобы управлять женщиной... но еще важнее было навести порядок в новом доме. И ей было не по себе от мысли, что главным мерилom богатства здесь была вода.

– Мой муж говорил мне о вашем титуле – Шэдаут, – сказала Джессика. – Я знаю это слово. Оно очень древнее...

– Значит, вы знаете древние языки? – спросила Мэйпс и странно напряглась в ожидании ответа.

– Языки – первое, чему учат в школах Бене Гессерит, – ответила Джессика. – Я знаю бхотани джиб, чакобса, все охотничьи языки...

Мэйпс кивнула:

– Точно так, как сказано в легенде.

«Почему я участвую в этом мошенничестве? – спросила себя Джессика. – Но пути Бене Гессерит извилисты и запутанны, и кто восстанет против их силы?..»

– Мне ведомы Темные Знания и стезя Великой Матери, – промолвила Джессика. В поведении и внешности Мэйпс она прочла много сказавшие ей знаки, уже более очевидные. – Мисецес преяя, – провозгласила Джессика на чакобса. – Андрал т'ре перал Трада цик бусаккри мисецес перакри...

Мэйпс на шаг отступила от нее, словно готовая бежать.

– Мне многое ведомо, – продолжала Джессика. – Так, я знаю, что у тебя были дети, что ты потеряла тех, кого любила, что ты вынуждена была скрываться и бежать в страхе, что, наконец, ты совершала насилие – и готова совершать его вновь, и совершишь еще; я многое знаю!

– Я не хотела обидеть вас, миледи, – тихо сказала Мэйпс.

– Ты говоришь о легендах – и жаждешь ответов, – сказала Джессика, – но берегись этих ответов! Так, знаю я, что ты пришла сюда, приготовясь к насилию, с оружием на груди. Так?

– Госпожа моя, я...

– Возможно, тебе и удалось бы забрать кровь жизни моей, – тем же тоном сказала Джессика, – хотя шансы на это и невелики. Но, сотворив сие, ты разрушила бы больше, чем способна представить в самых страшных своих кошмарах. Есть нечто худшее, чем смерть, – ты знаешь это, – даже и для целого народа.

– Госпожа! – взмолилась Мэйпс. Казалось, она упадет сейчас перед Джессикой на колени. – Госпожа, это оружие было послано вам в дар – если будет свидетельство, что вы – это Она, Та, кого мы ждем...

– Или же как орудие убийства – если окажется, что это не так, – утвердительно сказала Джессика. Она сидела в той обманчивой внешней расслабленности, которая делала обученных Бене Гессерит столь опасными противниками в бою.

Сейчас станет ясно, что она решила.

Мэйпс медленно сунула руку за ворот своего платья и извлекла оттуда темные ножны, из которых торчала черная рукоять с глубокими вырезами для пальцев. Она взяла ножны одной рукой, рукоять – другой, обнажила молочно-белый клинок и повернула его острием вверх. Казалось, клинок светится внутренним светом. Он был слегка изогнутым, обоюдоострым, как кинжал, сантиметров двадцати длиной.

– Знаете ли вы, что это такое, миледи? – спросила Мэйпс.

Джессика поняла, что это может быть лишь одна вещь – легендарный арракийский крис, который никогда не покидал планету и был известен лишь по самым фантастическим слухам и рассказам.

– Это крис, – сказала она.

– Не говорите об этом так просто, – сказала Мэйпс. – Известно ли вам его значение?

Похоже, вопрос с двойным дном, пронеслось в голове Джессики. Вот зачем гордая фрименка пошла ко мне в услужение: чтобы задать его. Мой ответ вызовет нападение или... что? Она хочет, чтобы я сказала о значении ножа. Она назвалась Шэдаут – на чакобса. Нож на чакобса будет «податель смерти»... *Она теряет терпение, я должна отвечать. Задержка так же опасна, как и неправильный ответ...*

– Это – Податель...

– Эйи-и-ии! – воскликнула Мэйпс. Крик одновременно горя, восторга и преклонения. Она так дрожала, что лезвие ножа бросало по комнате белые блики.

Джессика ждала, призвав на помощь все свое самообладание. Она хотела сказать, что нож – это «податель смерти», и добавить затем древнее слово на чакобса, но теперь все чувства, все ее сверхразвитое внимание к мельчайшим движениям тела – все останавливало ее.

Ключевым было слово... Податель. *Податель?* Податель...

Но Мейпс все еще держала нож так, словно готова была пустить его в ход.

– Ты полагала, – промолвила Джессика, – что я, посвященная в тайны Великой Матери, не узнаю Подателя?

Мейпс опустила нож.

– Миледи... госпожа моя, когда так долго живешь с пророчеством, момент его исполнения становится потрясением.

Джессика подумала об этом пророчестве. Даже кости сестер Бене Гессерит, принадлежавших к Миссионарии Протектива, которые занесли сюда семена Шари-а и Паноплиа Профетикус, давно истлели, но цель их достигнута: необходимые легенды пустили корни в сознании этих людей в предвидении дня, когда они смогут послужить Бене Гессерит.

И вот этот день настал.

Мэйпс вернула крис в ножны и тихо сказала:

– Госпожа, это нефиксированный клинок. Храни его всегда возле себя. Неделя вдали от тела – и он начнет разлагаться. Он твой, этот зуб Шай-Хулуда, твой... до твоей смерти.

Джессика протянула руку и рискнула пойти ва-банк:

– Мэйпс, ты убрала в ножны клинок, не вкусивший крови!

Вздвигнув, Мэйпс уронила клинок в руку Джессики и, рывком распахнув на груди свое бурое одеяние, воскликнула:

– Возьми воду моей жизни!

Джессика вытянула клинок из ножен. Как он сверкает!.. Она повернула его острием к Мэйпс и увидела, что той овладел страх больший, чем страх смерти.

«Острие отравлено?» – подумала Джессика. Она подняла нож, провела им над левой грудью Мэйпс небольшую царапинку. Порез сразу и обильно набух кровью, но красная струйка остановилась почти сразу.

«Сверхбыстрая коагуляция, – отметила Джессика. – Видимо, влагосберегающая мутация...»

Она вложила клинок в ножны, приказала:

– Застегнись, Мэйпс.

Мэйпс подчинилась, дрожа. Ее лишённые белого цвета – сплошь синева – глаза не мигая смотрели на Джессику.

– Ты – наша, – бормотала она, – ты – Она...

Со стороны вестибюля снова донесся грохот разгружаемых ящиков. Мэйпс быстро подхватила вложенный в ножны крис и спрятала его в одеянии Джессики.

– Кто увидит этот нож, тот должен быть очищен или убит! – прошептала она. – Ты знаешь это, госпожа!

«Теперь знаю», – подумала Джессика.

Грузчики и их начальники ушли, не заглянув в большой зал. Мэйпс овладела наконец собой и сказала:

– Тот, кто увидел крис и не был очищен, не должен живым покинуть Арракис. Никогда не забывай этого, госпожа. – Мэйпс глубоко вздохнула. – Теперь же дело должно идти своим путем. Ускорить события невозможно... – Она взглянула на штабеля ящиков и груды вещей вокруг. – Пока у нас найдется довольно работы и здесь.

Джессика колебалась. Дело должно идти своим путем? Но это же специфическое выражение из ритуальных формул Миссионарии Протектива, и означает оно «Приход Преподобной Матери, которая освободит вас».

«Но я же не Преподобная Мать! – Но тут Джессику поразило то, что вытекало из фразы Мэйпс. – Преподобная Мать! Они привили здесь эту легенду! Значит, Арракис – в самом деле страшное место!..»

А Мэйпс как ни в чем не бывало спросила:

– С чего прикажете начать, миледи?

Джессика инстинктивно поняла, что должна ответить так же спокойно, словно между ними не произошло ничего:

– Вот этот портрет Старого Герцога надо повесить в Обеденном зале. А голова быка должна быть повешена на противоположной от него стене.

Мэйпс подошла к бычьей голове.

– Какой же, должно быть, это был большой зверь – при такой-то голове, – сказала она и наклонилась поближе. – Только, наверное, сначала мне придется почистить ее, миледи.

– Не надо.

– Но тут на рогах грязь, прямо комками.

– Это не грязь, Мэйпс. Это кровь отца нашего герцога. Рога покрыты прозрачным фиксатором через несколько часов после того, как этот зверь убил Старого Герцога.

Мэйпс выпрямилась.

– Ах, вот как...

– Это просто кровь, – пояснила Джессика. – Да еще и старая кровь. Возьми кого-нибудь себе в помощь: эти ужасные вещи довольно тяжелы.

– Вы полагаете, кровь может меня беспокоить? – еле заметно усмехнулась Мэйпс. – Я из Пустыни и крови видела предостаточно.

– Да... могу поверить, – пробормотала Джессика.

– Притом часть этой крови была моей собственной, – продолжила Мэйпс. – И ее было куда больше, чем выпустили вы из этой маленькой царапинки!

– Ты бы хотела, чтобы я резанула поглубже?

– Ах, нет! К чему расточать зря воду тела? Всё вы сделали правильно.

И Джессика, уловив ее интонацию, отметила глубокое значение слов «вода тела». Снова огромное значение воды на Арракисе вызвало в ней чувство подавленности.

– На какие именно стены повесить каждое из этих украшений, миледи? – спросила Мэйпс.

Какая она педантичная, эта Мэйпс, подумала Джессика и махнула рукой:

– На твое усмотрение, Мэйпс. Особого значение это не имеет.

– Как скажете, миледи. – Мэйпс нагнулась и принялась снимать с бычьей головы остатки обертки и бечевку. – Убил, значит, старого-то герцога, малыш? – почти пропела она, обращаясь к голове.

– Позвать тебе на помощь грузчика? – спросила Джессика.

– Я справлюсь сама, миледи.

Да, она справится. Этого у нее не отнимешь: *стремление справиться с чем угодно...*

Крис в ножнах охлаждал кожу на груди, и Джессика представила себе длинную цепь планов Бене Гессерит, выковавшей здесь еще одно звено. Благодаря этим планам ей удалось пережить сейчас смертельный кризис. «Ускорить события нельзя», – сказала Мэйпс. Но уже сама поспешность, с какой они устремились в это место, наполняла Джессику дурными предчувствиями. И ни подготовка Миссионарии Протектива, ни дотошная проверка, которой Хават подверг это логово, не могли рассеять эти предчувствия.

– Когда повесишь их, начинай распаковывать ящики, – сказала Джессика. – У одного из грузчиков в вестибюле есть все ключи, и он знает, куда что нести. Возьми у него ключи и опиши вещей. Если будут какие-нибудь вопросы – я в южном крыле.

– Слушаюсь, миледи.

Джессика повернулась к выходу, но тревога не покидала ее: хотя Хават счел дом безопасным, что-то здесь было не так, она чувствовала это.

Вдруг она поняла, что ей необходимо увидеть сына – прямо сейчас. Она направилась к арочному проему коридора, соединявшего Большой зал с Обеденным и с жилыми покоями. Она шла все быстрее и быстрее и наконец – почти побежала.

За ее спиной Мэйпс, оторвавшись от очистки бычьей головы от клочков упаковки, взглянула хозяйке вслед и пробормотала:

– Она действительно Та. Бедняжка.

* * *

«Юйэ! Юйэ! Юйэ! – звучит рефрен. – Миллиона смертей мало для Юйэ!»

Принцесса Ирулан. «История Муад'Диб для детей»

Дверь была приоткрыта, и Джессика вошла в комнату с желтыми стенами. Слева стоял небольшой диван черной кожи и два пустых книжных шкафа, висела пыльная фляга с водой.

Справа, по обе стороны второй двери, – еще два пустых шкафа и привезенный с Каладана стол с тремя креслами. А напротив, у окна, спиной к ней стоял доктор Юйэ и не отрываясь смотрел на что-то снаружи.

Джессика тихо сделала еще один шаг.

Она заметила, что одежда Юйэ измята, на локте – меловое пятно, словно он где-то прислонился к штукатурке. Со спины он выглядел бестелесной тонкой фигуркой в карикатурно больших черных одеждах. Казалось, это – составленная из палочек марионетка, которую в любой момент может потянуть за ниточки невидимый кукловод. Живой выглядела лишь массивная квадратная голова с длинными черными волосами, схваченными над самым плечом серебряным кольцом Суккской Школы, – голова еле заметно поворачивалась, следуя за каким-то движением на улице.

Она снова оглядела комнату. Никаких следов присутствия сына, но дверь справа вела в маленькую спальню, облюбованную Полом.

– Добрый день, доктор Юйэ, – кивнула ему Джессика. – А где Пол?

Он качнул головой так, словно обращался к кому-то за окном, и, не оборачиваясь, отсутствующе произнес:

– Ваш сын устал, Джессика. Я отослал его в ту комнату, чтобы он отдохнул...

Вдруг он замер и резко обернулся – длинные усы при этом шлепнули его по губам.

– Простите, миледи! Мысли мои были далеко... я... как я мог позволить себе фамильярность!..

Она улыбнулась, успокаивающе протянув к нему правую руку, причем на мгновение испугалась, что доктор упадет перед ней на колени.

– Веллингтон, прошу вас...

– Но обращаться к вам подобным образом... я...

– Мы знаем друг друга уже больше шести лет, – сказала Джессика. – Достаточно долгий срок, чтобы отбросить чрезмерные формальности между нами – по крайней мере в неофициальной обстановке.

Юйэ отважился на слабую улыбку.

«Кажется, это сработало, – подумал он. – Теперь она отнесет все замеченные ею странности в моем поведении на счет смущения. И, зная ответ, не станет доискиваться иных причин».

– Боюсь, я слишком рассеян, – сказал он. – Всякий раз, когда я ощущаю сочувствие к вам, я думаю о вас, простите... как просто о... Джессике.

– Сочувствие ко мне? Почему?

Юйэ пожал плечами. Он уже давно понял, что Джессика не наделена даром Правдовидения в той же мере, как его Уанна. Тем не менее он всегда, когда это было возможно, старался говорить ей правду. Так было безопаснее всего.

– Вы уже видели это место, ми... Джессика. – Он споткнулся на имени, но затем продолжил: – Такое пустынное, голое после Каладана. А люди здесь! Эти горожанки, мимо которых мы проезжали, – как они кричали под своими покрывалами! Как смотрели на нас!..

Она сложила руки на груди, обхватила себя за плечи и ощутила крик – клинок, выточенный, если верить рассказам, из зуба песчаного червя.

– Просто мы кажемся им странными – иные люди, иные обычаи. Они же знали только Харконненов. – Джессика взглянула поверх его плеча в окно. – На что вы смотрели?

Он повернулся к окну:

– На людей.

Джессика встала рядом, посмотрела туда, куда глядел Юйэ, на участок перед домом. Там росли в ряд два десятка пальм. Земля между ними была голая, чисто выметенная. Силовое поле отгораживало их от улицы, по которой двигались люди в широких одеждах. Джессика

заметила в воздухе между нею и этими людьми слабое мерцание поля, окружавшего дом, и все вглядывалась в толпу, пытаясь понять, что же в ней могло так захватить внимание Юйэ.

Наконец она заметила – и прижала ладонь к щеке. Как эти люди смотрели на пальмы! Она увидела зависть, какую-то ненависть... и даже надежду. Все они смотрели на пальмы с одним и тем же выражением лица.

– Знаете, о чем они думают? – спросил Юйэ.

– А вы умеете читать мысли?

– *Эти* мысли... Их не надо читать. Они глядят на пальмы и думают: «Это сто человек».

Вот что они думают.

Джессика недоумевающе подняла брови:

– Почему?

– Это финиковые пальмы, – объяснил он. – Одной финиковой пальме требуется сорок литров воды в день. Человеку – *здесь* — достаточно восьми. Таким образом, каждая пальма соответствует жизням пяти людей. Здесь двадцать пальм – то есть сотня людей.

– Но кое-кто из них смотрит на пальмы с надеждой.

– Они надеются всего лишь на то, что упадет несколько фиников. Только теперь не сезон.

– Мы слишком несправедливы к этой планете, – сказала Джессика. – Здесь, конечно, есть опасность, но есть и надежда. Пряность в самом деле может обогатить нас. А имея достаточно богатую казну, мы сможем превратить этот мир во что пожелаем...

И она мысленно засмеялась над собой: «Кого я пытаюсь убедить?» Смех вырвался наружу и прозвучал ломко, безрадостно.

– Но безопасность не купишь, – добавила она.

Юйэ отвернулся, чтобы она не видела его лицо. «Если бы я только смог ненавидеть, а не любить этих людей!» – подумал он. Джессика во многом напоминала его Уанну. Но сама эта мысль несла с собой суровое напоминание, укрепляя его на тяжком пути к цели. Кто может знать все пути харконненской жестокости? Уанна могла быть еще жива. Он должен удостовериться сам.

– Не тревожьтесь за нас, Веллингтон, – мягко сказала Джессика. – Это наша проблема, не ваша.

«Она думает, что я тревожусь о ней! – Он смигнул слезу. – И она, конечно, права. Но я должен предстать перед этим черным бароном, исполнив порученное мне дело, и использовать единственный мой шанс, чтобы нанести удар тогда, когда он будет менее всего готов к этому, когда он будет слабее всего, – в момент его торжества!»

Юйэ вздохнул.

– Я не побеспокою Пола, если взгляну на него? – спросила Джессика.

– Нисколько. Я дал ему успокаивающее.

– Хорошо ли он переносит перемены?

– Да, если не считать небольшого переутомления. Он возбужден, но кто в его возрасте не был бы возбужден в подобных обстоятельствах?.. – Юйэ подошел к двери, открыл ее. – Он здесь.

Джессика последовала за ним, вгляделась в полутьму.

Пол лежал на узкой кровати, держа одну руку под легким покрывалом, а другую закинув за голову. Жалюзи на окне рядом с кроватью сплели узор теней на лице и покрывале.

Джессика всматривалась в лицо сына, овал которого так походил на ее собственный. Но волосы были отцовские – жесткие, черные, взъерошенные. Длинные ресницы скрывали светло-серые глаза. Джессика улыбнулась, чувствуя, как отступают страхи. Ее почему-то не отпускала мысль о наследственных признаках в чертах сына – ее глаза и абрис, но сквозь них, словно вырастающая из детства зрелость, проступали резкие черты отца.

Она подумала, что облик мальчика – изысканный дистиллят множества случайных сочетаний, бесконечной череды наугад тасуемых образов, соединенных в единую цепь. Ей захотелось встать на колени возле кровати и обнять сына, но сдерживало присутствие Юйэ. Она отступила назад и тихо закрыла дверь.

Юйэ отошел к окну, не в силах смотреть, как Джессика любит сына. «Почему Уанна не подарила мне детей? – в который раз с тоской спросил он себя. – Я как врач знаю, что физических препятствий к тому не было. Связано ли это с Бене Гессерит? Возможно, ей велели хранить себя для какой-то иной цели? Но какой? Она, несомненно, любила меня...»

Впервые ему пришло в голову, что он сам мог быть частью замысла, куда более сложного и запутанного, чем он мог бы представить.

Джессика встала подле него, задумчиво сказала:

– Какая восхитительная безмятежность у сна ребенка...

Он механически ответил:

– Если бы только взрослые умели так расслабляться.

– Да.

– Где потеряли мы это?.. – пробормотал он.

Она взглянула на него, уловив что-то странное в его интонации, но мысли ее по-прежнему были прикованы к Полу: она думала о новой суровости, которая должна прибавиться здесь к его обучению, о том, как изменится теперь его жизнь – и как сильно будет отличаться от той жизни, которую они планировали для него...

– Да, мы действительно потеряли что-то, – проговорила она.

Она взглянула направо, на склон, поросший дрожащими на ветру серо-зелеными кустами с пыльными листьями и ветвями, похожими на когтистые лапы. Мрачно-темное небо нависало над самым склоном, как огромная клякса. Молочно-белый свет арракийского солнца придавал пейзажу серебристый оттенок – свет этот напоминал блеск криса, спрятанного сейчас у нее на груди.

– Какое темное небо, – сказала она.

– Отчасти это объясняется очень низкой влажностью, – пояснил Юйэ.

– Вода! – раздраженно сказала Джессика. – Куда ни посмотри, все здесь напоминает о недостатке воды!

– Это и есть тайна Арракиса, – отозвался он.

– То, почему тут так мало воды?.. Почвы сложены из вулканических пород. Можно назвать дюжину различных причин. Есть лед в полярных шапках. В Пустыне, насколько мне известно, бурить нельзя – бури и песчаные приливы уничтожат оборудование прежде, чем оно будет установлено и запущено, если, конечно, черви не доберутся до него еще раньше. И ни разу им не попадались признаки воды... Но тайна – настоящая тайна, Веллингтон! – это колодцы, пробуренные во впадинах и чашах. Вы читали о них?

– Да. Сначала – тоненькая струйка, потом – ничего, – ответил он.

– Но, Веллингтон, в этом-то и есть тайна! Вода была там! Потом она иссякала, и больше ее никогда не было. Но затем рядом бурят новую скважину, и происходит то же самое: сначала – струйка, потом – ничего. Неужели никто не заинтересовался этим?

– В самом деле, странно, – согласился Юйэ. – Вы подозреваете участие биологического фактора? Но разве он не проявился бы в пробах грунта?

– Проявился бы? Как? Инородное растительное... или животное вещество? Кто распознал бы его? – Она снова повернулась к обрыву. – Вода не останавливается – *что-то* останавливает ее. Так мне кажется...

– Возможно, – кивнул Юйэ. – Харконнены закрыли множество источников информации об Арракисе. Быть может, у них были на то причины.

– Какие? – спросила она. – И вот еще что: атмосферная влага. Да, ее немного, но она есть. Она дает большую часть добываемой воды, которую собирают ветровыми ловушками и осадителями. Откуда эта влага в атмосфере?

– Полярные шапки, возможно?..

– Холодный воздух не примет много влаги. За харконненской завесой здесь скрыто многое, требующее тщательного расследования, и не все из этого напрямую связано с Пряностью.

– Мы действительно опутаны харконненской завесой, – проговорил Юйэ. – Возможно, мы даже... – Он оборвал себя, заметив напряжение, возникшее в ее взгляде, обращенном на него. – Что-нибудь не так?

– То, как вы сказали «харконненской»... – ответила она. – Даже герцог не произносит это имя с такой ненавистью. Я не знала, что у вас есть личные причины так ненавидеть их, Веллингтон.

«Великая Мать! – пронеслось у него в сознании. – Я таки вызвал ее подозрения! Теперь мне пригодятся все уловки, каким меня учила моя Уанна. Остается единственный путь – сказать ей правду, насколько это возможно...»

– Вы не знаете, что моя жена, моя Уанна... – Он свел плечи, не в силах продолжать из-за комка в горле. Наконец сумел выдавить: – Они... – Нет, он не мог говорить. Его охватила паника, он зажмурил глаза, испытывая боль в груди и почти ничего больше не чувствуя и не видя, пока его плеча не коснулась рука.

– Простите меня, – сказала Джессика. – Я не хотела тревожить старую рану...

«Эти скоты! – подумала она. – Его жена была Бене Гессерит, по нему это отчетливо видно. И очевидно, что Харконнены убили ее. Вот еще одна несчастная жертва, привязанная к Атрей-десам в шереме ненависти...»

– Простите, – сказал Юйэ, – я не могу говорить об этом. – Он открыл глаза, разрешая печали охватить себя. Печаль, по крайней мере, была подлинной.

– Веллингтон, мне, право, жаль – простите, что мы привезли вас в это ужасное место, – сказала она.

– Я приехал сюда по доброй воле, – отозвался он. И это тоже была правда.

– Но вся эта планета – харконненская ловушка. Вы же должны это понимать.

– Нужно нечто большее, чем простая ловушка, чтобы поймать герцога Лето. – И это тоже было правдой...

– Наверное, мне следовало бы быть более уверенной в нем, – вздохнула Джессика. – Он прекрасный тактик.

– Мы вырваны с корнем из нашей почвы, – проговорил он. – Вот почему нам так тяжело.

– А как легко убить вырванное с корнем растение, – сказала Джессика. – Особенно когда оно пересажено на враждебную почву.

– Вы уверены, что почва враждебна нам?

– Когда здесь узнали, сколько людей добавляет герцог к местному населению, вспыхнули водяные бунты, – сказала она. – И они прекратились, только когда люди узнали, что мы устанавливаем новые ветровые ловушки и конденсаторы, чтобы покрыть расход воды на содержание наших людей.

– Но здесь воды достаточно для поддержания жизни лишь определенного количества людей, – возразил он. – И люди знают, что, когда на планете с ее ограниченными запасами воды появляются лишние рты, цены на воду растут и самые бедные вымирают. Но герцог решил эту проблему. Поэтому из водяных бунтов отнюдь не следует, что люди все время будут настроены к нему враждебно.

– А охрана, – сказала она, – повсюду охрана. И силовые поля. Куда ни взглянешь, повсюду мерцают силовые щиты. На Каладане мы жили не так...

– Погодите немного – дайте этой планете шанс, – сказал он. Джессика продолжала смотреть в окно.

– Я чувствую здесь запах смерти, – наконец проговорила она. – Хават прислал сюда батальон своих агентов задолго до квартирьеров. Стражники снаружи – его люди. Грузчики – его люди. Из казны безо всяких объяснений изымаются громадные суммы. Их размеры могут означать только одно: взятки на самом высшем уровне. – Она покачала головой. – Куда бы ни пришел Суфир Хават, следом появляются обман и смерть...

– Вы возводите напраслину на беднягу.

– Напраслину? Я же его хвалю. Смерть и обман – это все, на что мы еще можем надеяться. Просто я не заблуждаюсь относительно методов Суфира.

– Вам стоило бы... отвлечься каким-нибудь делом, – покачал головой Юйэ. – Не оставляйте себе времени для таких тягостных...

– Дело! А я что делаю почти все время, Веллингтон? Я – секретарь герцога, и это такое дело, что каждый день я узнаю о все новых опасностях... даже он сам не подозревает, что я знаю о них. – Она сжала губы и, помолчав, добавила: – Иногда я спрашиваю себя, какую роль в том, что он выбрал меня, сыграла моя подготовка как Бене Гессерит.

– Что вы имеете в виду? – Он поразился ее циничному тону, горечи, которую она никогда не выказывала раньше.

– Не думаете ли вы, Веллингтон, – промолвила Джессика, – что куда безопаснее иметь секретаршу, привязанную любовью к своему патрону?..

– Вряд ли это достойная мысль, Джессика.

Упрек вырвался у него сам собой и потому прозвучал очень естественно. Невозможно было усомниться в том, как относится герцог к своей наложнице. Достаточно увидеть, как он взглядом следует за ней...

Она вздохнула:

– Вы правы. Это в самом деле недостойно.

Она стояла, обхватив себя за плечи и прижав к телу крис в ножнах, думая о том незавершенном деле, символом которого он был.

– Скоро здесь прольется кровь. Много крови, – сказала она. – Харконнены не успокоятся, пока не погибнут сами или не уничтожат герцога. Барон не может забыть, что Лето – кузэн Императора, пусть и отдаленный, – а титул Харконненов куплен на миллиарды КООАМ. Но главное – это яд, отравляющий глубины его сознания: память о том, что когда-то, после Корринской битвы, Атрейдес изгнал Харконнена за трусость.

– Старинная вражда, – пробормотал Юйэ. На мгновение он ощутил разъедающее прикосновение ненависти. Старинная вражда поймала его в свои сети, убила его Уанну или – что еще хуже – оставила ее в руках харконненских мучителей, и пытки будут продолжаться, пока ее муж не заплатит запрошенную палачами цену. Старинная вражда поймала его, и эти люди – часть этого отвратительного дела. Какая злая ирония в том, что такая смертоносная мерзость расцвела именно здесь, на Арракисе, единственном во Вселенной источнике меланжи, продлевающей жизнь и дарующей здоровье!..

– О чем вы думаете? – спросила она.

– Я думаю о том, что сейчас декаграмм Пряности стоит шестьсот двадцать тысяч соляриев – и это не на черном рынке, а вполне официально. На такие деньги можно купить многое.

– Жадность коснулась даже вас, Веллингтон?

– Это не жадность.

– А что?

Он пожал плечами:

– Тщетность. – Взглянув на Джессику, он после небольшой паузы спросил: – Вы помните, какой был вкус у Пряности, когда вы попробовали ее в первый раз?

– Она напоминала корицу.

– Но вкус ни разу не повторялся, – заметил Юйэ. – Она как жизнь – каждый раз предстает в новом обличье. Некоторые полагают, что меланжа вызывает так называемую реакцию ассоциированного вкуса. Иначе говоря, организм воспринимает ее как полезное вещество и, соответственно, интерпретирует ее вкус как приятный, – это эйфорическое восприятие. И, подобно жизни, Пряность никогда не удастся синтезировать, создать ее точный искусственный аналог...

– Я думаю, что нам, возможно, было бы мудрее стать отступниками, уйдя за пределы досягаемости Империи, – сказала Джессика.

Он понял, что она его не слушала, и подумал: в самом деле, почему она не склонила герцога к этому? Она могла бы заставить его сделать практически все, что угодно...

Он быстро проговорил – быстро, потому что менял предмет разговора и проблем с правдой не должно было возникнуть:

– Не сочтите за дерзость... Джессика. Можно задать вам личный вопрос?

Она оперлась о подоконник, почувствовав необъяснимый укол беспокойства.

– Ну разумеется. Вы же... мой друг.

– Почему вы не заставили герцога жениться на вас?

Она резко обернулась, вскинула голову, пристально взглянула ему в глаза.

– Не заставила его жениться на мне? Но...

– Мне не следовало задавать этот вопрос, – сказал он.

– Нет, почему же? – Она пожала плечами. – На то есть достаточно веская политическая причина – до тех пор, пока мой герцог остается неженатым, у некоторых Великих Домов сохраняется надежда на породнение с ним. И... – она вздохнула, – и, кроме того, принуждение людей, подчинение их своей воле приводит к циничному отношению к человечеству в целом. А такое отношение разлагает все, чего касается. Если бы я склонила его к этому... это было бы не его поступком.

– Эти слова могла бы сказать и моя Уанна, – пробормотал он. И это тоже было правдой. Он приложил руку ко рту, судорожно сглотнул. Никогда он не был так близок к признанию, к разоблачению своей тайной роли.

Джессика заговорила снова, разрушив мгновение, когда признание готово было сорваться:

– И кроме того, Веллингтон, в герцоге словно бы два человека. Одного из них я очень люблю. Он обаятельный, остроумный, заботливый... нежный – словом, в нем есть все, чего только может пожелать женщина. Но другой человек... холодный, черствый, требовательный и эгоистичный – суровый и жесткий, даже жестокий, как зимний ветер. Это – человек, сформированный его отцом. – Ее лицо исказилось. – Если бы только этот старик умер, когда родился Лето!..

В наступившем молчании слышно было, как шевелит занавески струя воздуха от вентилятора.

Наконец она глубоко вздохнула и сказала:

– Лето прав – здесь комнаты уютнее, чем в других частях дома. – Она повернулась, окидывая комнату взглядом. – А теперь извините меня, Веллингтон. Я хотела бы еще раз обойти это крыло перед тем, как распределять помещения.

Он кивнул:

– Разумеется.

И подумал: «Если бы был хоть какой-нибудь способ избежать того, что я должен сделать!»

Джессика опустила руки, пересекла комнату и на мгновение остановилась в нерешительности на пороге, – а потом все-таки вышла, ничего не спросив.

«В течение всего разговора он что-то скрывал, что-то утаивал, – думала она. – Несомненно, он боится расстроить меня. Он славный человек. – И снова заколебалась, почти уже

повернула обратно, чтобы вызнать, что же скрывает Юйэ. – Но это только пристыдило и испугало бы его – да, он испугался бы, что я так легко читаю в его душе. Мне следует больше доверять своим друзьям».

* * *

Многие отмечали быстроту, с которой Муад'Диб усвоил уроки Арракиса и познал его неизбежности. Мы, Бене Гессерит, разумеется, знаем, в чем основы этой быстроты. Другим же можем сказать, что Муад'Диб быстро учился потому, что прежде всего его научили тому, как надо учиться. Но самым первым уроком стало усвоение веры в то, что он может учиться, и это – основа всего. Просто поразительно, как много людей не верят в то, что могут учиться и научиться, и насколько больше людей считают, что учиться очень трудно. Муад'Диб же знал, что каждый опыт несет свой урок.

Принцесса Ирулан. «Человечность Муад'Диб»

Пол лежал в постели и притворялся спящим. Спрятать в руке таблетку доктора Юйэ, сделав вид, что глотаешь ее, было проще простого. Пол подавил смех: даже мать поверила, что он спит! Он хотел было вскочить и попросить у нее разрешения осмотреть дом, но понял, что она этого не одобрила бы. Слишком все сумбурно, слишком еще неулаженно. Нет. Лучше притвориться...

«Если я тихонько уйду без спроса, то о непослушании речи нет: ведь и запрета не было. Кроме того, я же никуда не выйду из дома, а в доме безопасно».

Он слышал, как мать в соседней комнате беседует с Юйэ. Слова доносились невнятно – что-то о Пряности... о Харконненах... Голоса раздавались то громче, то тише и наконец смолкли.

Пол принялся разглядывать резное изголовье кровати – на самом деле это был замаскированный пульт управления оборудованием комнаты. Резьба изображала рыбу, застывшую в прыжке над крутыми завитками волн. Он уже знал, что если нажать на ее глаз – единственный видимый глаз рыбы, – то загорятся плавающие лампы. Одну из волн можно было поворачивать, регулируя вентиляцию. Другая управляла температурой.

Пол беззвучно сел в постели. Слева от кровати у стены стоял высокий книжный шкаф. Его можно было отодвинуть от стены, открыть потайной кабинет с боковыми ящиками. Ручка двери в холл была выполнена в виде штурвала орнитоптера.

Комната выглядела так, словно была специально предназначена соблазнить и завлечь его. Комната и вся планета.

Он подумал о книгофильме, который показал ему Юйэ: «Арракис. Его Императорского Величества Ботаническая Испытательная станция». Старый книгофильм, сделанный еще до открытия Пряности. Названия проносились в сознании Пола, каждое – с изображением, запечатленным в памяти мнемонической пульсацией: сагуаро⁶, ослиный куст, финиковая пальма, песчаная вербена, вечерняя примула, бочоночный кактус, фимиамовый куст, дымное дерево, креозотовый кустарник... лисица-фенек, пустынный ястреб, кенгуровая мышь или арракисский тушканчик...

Названия и изображения, многие из которых пришли из далекого земного прошлого человечества, но и множество таких, каких не найти во всей Вселенной, только здесь, на планете Арракис.

Так много нового, о чем надо узнать поподробнее! Например, Пряность.

И песчаные черви.

---

⁶ Саговый драконий корень (исп., вымышл.).

В соседней комнате закрылась дверь. Это ушла мать – Пол слышал ее легкие шаги через холл. Доктор Юйэ, конечно, найдет себе что-нибудь почитать и останется в комнате.

Самое время отправляться на разведку.

Пол соскользнул с кровати и направился к хитроумному книжному шкафу с тайником. Услышав за спиной какой-то звук, он обернулся. Резное изголовье отошло вниз точно у того места, где он только что лежал. Пол замер, и неподвижность спасла ему жизнь.

Из-за отошедшей панели выскользнул крохотный охотник-искатель, машинка не более пяти сантиметров длиной. Пол сразу узнал ее – распространенное оружие асасинов, с раннего детства хорошо знакомое любому ребенку из Правящих Домов. Металлическая игла управлялась скрывавшимся где-то поблизости убийцей. Она отыскивала живое движущееся тело, вонзалась в него и, прорезая себе путь вдоль нервных путей, добиралась до ближайшего жизненно важного органа...

Искатель приподнялся и, зависнув в воздухе, хищно поворачивался вправо-влево, словно вынюхивая добычу.

В памяти Пола всплыли характеристики охотника-искателя, в том числе и недостатки этого устройства: сжатое силовое поле подвески сильно искажало изображение в миниатюрном телеглазе искателя. Значит, в полутьме спальни оператор не сможет разглядеть свою жертву и будет вынужден ориентироваться на движение – на любое движение, надеясь, что цель выдаст себя. Щит-пояс лежит на кровати... Луч лазера мог бы сбить такую машинку, но лучеметы были слишком дороги и чудовищно капризны; кроме того, лазерный луч, соприкоснувшись с силовым полем, мог вызвать взрыв. Поэтому Атрейдесы предпочитали полагаться на личные щиты и свои ум и ловкость.

Сейчас Пол заставил себя замереть в почти мертвой неподвижности – он понимал, что может полагаться только на себя. На ум и ловкость.

Охотник-искатель поднялся еще на полметра и, словно струясь в полосках слабого света, пробивавшегося сквозь жалюзи, поисковым зигзагом пошел от стены к стене через комнату, деля ее на уменьшающиеся квадраты.

«Надо попытаться схватить эту штуку, – решил Пол. – Из-за поля подвески она снизу как будто скользкая – так что надо хватать ее покрепче».

Машинка опустилась полуметром ниже, повернула влево, покружила над кроватью. Слышно было ее слабое гудение.

Интересно, кто им управляет? Он ведь должен быть совсем рядом. Можно было бы позвать доктора Юйэ, но эта штука убьет его, едва он откроет дверь...

Дверь в холл за спиной Пола скрипнула, кто-то постучал и открыл ее.

Охотник-искатель метнулся мимо Пола – на движение.

Правая рука юноши взметнулась и схватила смертоносную игрушку. Та гудела, дергалась и изгибалась, но он изо всех сил сжимал кулак. Затем Пол с размаху ударил штурковину клювом о металлическую дверную панель. Носовой телеглаз с хрустом разбился, и искатель бессильно замер в его руке.

Но Пол не выпускал его – на всякий случай.

Пол поднял взгляд и встретился с широко открытыми, сплошь синими глазами Шэдаут Мэйпс.

– Ваш отец послал за вами, – сказала она. – В холле вас ждет охрана.

Пол кивнул, удивленно разглядывая незнакомую женщину в мешковатом буром платье. Та же смотрела теперь на предмет в его руке.

– Я слышала о таких штуках, – сказала она. – Она бы меня убила, да?

Ему пришлось глотнуть, прежде чем он смог говорить:

– Ее... целью был я.

– Но она летела в меня.

– Потому что вы двигались. (*Любопытно, кто она такая?*)

– Значит, вы спасли мне жизнь.

– Я спас нас обоих.

– Вы могли бы спастись и если бы позволили ей убить меня.

– Кто вы? – спросил он.

– Шэдаут Мэйпс, домоправительница.

– Как вы узнали, где меня искать?

– Ваша мать мне сказала. Я встретила ее на лестнице, ведущей в колдовскую комнату, – это тут рядом по коридору. – Она махнула рукой куда-то направо. – Там ждут люди вашего отца.

«Люди Хавата, – подумал Пол. – Надо найти оператора этой штуки».

– Пойдите к ним, – распорядился он. – Скажите им, что я поймал в доме охотник-искатель и что они должны обыскать дом и найти оператора. Пусть немедленно блокируют все выходы из дома и ближайшие подходы. Они знают, что делать. Оператор наверняка не из наших людей.

И тут же подумал: «Может быть, это она?» Но он знал, что нет. Когда женщина вошла, искателем кто-то еще управлял.

– Прежде чем выполнить вашу просьбу... человек, – проговорила она, – я хочу, чтобы между мною и... тобой все было ясно. Вы возложили на меня Долг воды, хотя я и не уверена, что хотела бы нести такое бремя. Но мы, фримены, платим свои долги – и белые, и черные долги. И нам известно, что среди ваших людей есть предатель. Кто он, мы не знаем, но в том, что предатель есть, – уверены. Может быть, это его рука направляла этот летающий нож...

Пол воспринял все это в молчании. Предатель. И прежде чем он успел сказать что-нибудь, странная женщина повернулась и почти выбежала из комнаты.

Он хотел было вернуть ее, но понял, что она оскорбилась бы – было в ее манерах что-то такое... Она сказала ему все, что знала, и пошла выполнять его просьбу. Сейчас дом наводнят люди Хавата.

Мысль его переключилась на другие странности этой странной беседы. *Колдовская комната*. Он посмотрел туда, куда показывала Мэйпс. *Мы, фримены...* Значит, это была фрименка. Он на мгновение отвлекся от размышлений, чтобы с помощью мнемонического приема запомнить лицо: сморщенное, как чернослив, темно-коричневое обветренное лицо; глаза – синее на синем. К этому образу он прикрепил бирку: Шэдаут Мэйпс.

Все еще сжимая в руке разбитый охотник-искатель, Пол вернулся в свою комнату, левой рукой поднял с кровати щит, надел его и выбежал в коридор, налево, на бегу застегивая пряжку.

Она сказала, что мать где-то здесь... тут должна быть лестница в колдовскую комнату.

* * *

Что поддерживало леди Джессика во времена испытаний? Задумайтесь над притчей Бене Гессерит, и тогда вы, возможно, поймете: «Любая дорога, пройденная до конца, приводит в никуда. Чтобы убедиться, что гора – это гора, незачем взбираться высоко. Хватит и небольшого подъема, ибо с вершины гора не видна».

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб. Семейные комментарии»

В конце южного крыла Джессика обнаружила металлическую винтовую лестницу, поднимающуюся к овальной двери. Оглянувшись на коридор, она опять повернулась к двери. Странно: овал – необычная форма для двери в доме.

В окнах под лестницей Джессика видела огромное белое солнце Арракиса, катящееся к вечеру. Длинные тени пронзили коридор. Она внимательно оглядела лестницу: в ярком боко-

вом свете были отчетливо видны комочки высохшей земли, приставшие к металлическим ступеням.

Джессика положила руку на перила и двинулась вверх. Перила холодили ладонь. Поднявшись, она увидела, что у двери нет ручки – на ее месте было только небольшое углубление.

Вряд ли это дакти-замок, подумала она, ведь дакти-замок делается под форму ладони и папиллярные линии одного только владельца. Тем не менее углубление походило на дакти-замок. А как ее учили в школе Б.Г., любой дакти-замок можно открыть.

Джессика оглянулась, удостоверилась, что за ней никто не следит, приложила ладонь к углублению в двери, обернулась и увидела скользящую к лестнице Мэйпс.

– В Большой зал пришли какие-то люди и говорят, что герцог прислал их за молодым господином, Полом, – сообщила Мэйпс. – Они показали герцогскую печать, и охрана их узнала.

Она взглянула на дверь и снова на Джессику.

А она осторожна, эта Мэйпс. Хороший знак.

– Пол в пятой комнате отсюда по коридору, в маленькой спальне, – показала Джессика. – Если тебе не удастся разбудить его сразу, позови доктора Юйэ – он в соседней комнате. Возможно, придется сделать стимулирующую инъекцию.

Мэйпс снова бросила странный взгляд на овальную дверь, и Джессике показалось, что на лице домоправительницы промелькнуло отвращение. Однако прежде чем Джессика успела спросить, что скрывается за этой дверью, Мэйпс уже удалялась по коридору.

Хават проверил это место. Так что здесь не может быть чего-либо особенно опасного.

Она толкнула дверь. Та подалась внутрь, открыв ее взору крохотное помещение с такой же овальной дверью в противоположной стене – только со штурвальной кремальерой вместо ручки.

– *Воздушный шлюз!* – удивилась Джессика. Она заметила валяющуюся на полу шлюзовой камеры подпорку для двери. На подпорке красовался личный значок Хавата.

Дверь оставили открытой. Подперли, а потом кто-то, скорее всего случайно, выбил подпорку, не сообразив, что дверь закроется на дакти-замок.

Джессика шагнула через высокий порог.

– *Зачем бы в доме шлюз?* – спросила она себя. Ей внезапно пришла в голову мысль о каких-то экзотических существах, нуждающихся в особом микроклимате.

Особый микроклимат! На Арракисе, где в орошении нуждались даже самые засухоустойчивые инопланетные растения, это могло иметь особый смысл.

Дверь за ее спиной начала закрываться, но Джессика удержала ее и надежно подперла. Затем вернулась к внутренней двери и увидела над штурвалом вытравленную на металле почти незаметную надпись. Надпись была сделана на галакте:

«О Человек! Здесь находится прекрасная часть Творения Божия; так смотри и учись любить совершенство Твоего Всевышнего Друга».

Джессика нажала на колесо – штурвал повернулся влево, и дверь открылась. Легкий ветерок коснулся ее щеки, пошевелил волосы. Воздух был явно другой – какой-то более густой, ароматный. Она распахнула дверь и увидела густую зелень, пронзенную золотым солнечным светом.

«Желтое солнце? – удивилась она. Потом поняла: – Ну да, конечно, цветное стекло-фильтр!»

Когда она перешагнула порог, дверь за ее спиной затворилась.

– Оранжевые влаголюбивых растений, уголок влажной планеты, – прошептала она.

Повсюду стояли растения в кадках и коротко подстриженные деревья. Она узнала мимозу, цветущую айву, сондаги, зеленоцветную пленисценту, бело-зеленые полосатые акарсо... розы...

Даже розы!

Она склонилась над огромным розовым цветком, вдохнула его аромат. И только тут осознала, что с того момента, как дверь открылась, она слышит какой-то ритмический шум.

Джессика раздвинула густую листву и увидела центральную часть оранжереи. Там из металлической чаши бил небольшой фонтан, образуя как бы прозрачный купол. Привлекший ее звук был дробным стуком воды о чашу.

Джессика быстро проделала короткий ритуал очищения чувств и начала методично обследовать комнату, обходя ее по периметру. Комната была размером метров десять на десять. По расположению ее над концом коридора и по некоторым небольшим отличиям в ее конструкции Джессика догадалась, что комнату пристроили над крышей этого крыла здания спустя очень много времени после завершения самого дворца.

Она остановилась на южном конце комнаты перед широким окном желтого стекла и оглянулась. Практически все пространство комнаты занимали экзотические влаголюбивые растения. Среди растений что-то зашелестело; Джессика настороженно застыла, но это был всего лишь примитивный сервок с часовым механизмом, оснащенный поливочным шлангом. Рука-рычаг со шлангом поднялась, из раструба вырвалась россыпь мелких брызг – она ощутила влагу на лице. Шланг убрался, и Джессика увидела, что поливала машинка: папоротниковое дерево.

В этой комнате всюду была вода – и это на планете, где вода была драгоценнейшим соком жизни. Воду в этой оранжерее расходовали так демонстративно, что это уязвило Джессику до глубины души.

Она взглянула на солнце – желтое через окно-фильтр. Солнце низко висело над иззубренным горизонтом, над скалами, образовывавшими длинную горную цепь, которую здесь называли Барьерной Стеной.

Светофильтры. Чтобы превратить белое солнце в более мягкое, знакомое. Кто мог устроить здесь такое место? Лето? Вполне в его духе преподнести мне такой сюрприз, но у него не было времени. И он слишком занят своими делами...

Она припомнила один доклад, в котором, помимо прочего, упоминалось, что многие арракинские дома имели герметически закрывающиеся окна и двери – чтобы сохранить, собрать и использовать вторично влагу внутреннего воздуха. Лето говорил, что во дворце такие меры не принимались умышленно – чтобы продемонстрировать богатство и могущество, окна и двери предохраняли лишь от проникновения внутрь пыли.

Но эта комната выражала то же самое куда сильнее, чем простое отсутствие герметичных внешних дверей. Она прикинула, что эта комната отдыха расходовала столько воды, сколько хватило бы для поддержания жизни тысячи жителей Арракиса, – а может, и больше.

Джессика прошла вдоль всего панорамного окна, по-прежнему рассматривая комнату, и только тогда заметила металлическую пластину, укрепленную рядом с фонтаном примерно на высоте обычного стола. На ней лежали белый блокнот и стило, полускрытые нависающим веерообразным листом. Она подошла, отметив, что на металле стоит сегодняшняя печать Хавата, и прочла записку на верхнем листе:

Леди Джессике.

Пусть эта комната доставит вам такое же удовольствие, какое она доставляла мне. Позвольте ей напомнить вам урок, который преподали нам наши общие учителя: близость желаемого вводит в искушение и склоняет к излишествам. На этом пути лежит опасность. С наилучшими пожеланиями.

Марго, леди Фенринг

Джессика кивнула, вспомнив, что Лето называл бывшего полномочного представителя Императора на Арракисе графом Фенрингом. Однако скрытое в записке сообщение требовало немедленного внимания, особенно учитывая, что писавшая записку явно тоже принадлежала к Бене Гессерит.

Мимоходом кольнула горькая мысль: «Граф женился на своей леди – она ему жена, не наложница...»

Эта мысль промелькнула у Джессики, когда она уже склонилась над столом, пытаясь найти спрятанное послание. Оно наверняка где-то здесь: в записке была кодовая фраза, с которой всякая сестра Бене Гессерит, не связанная особым приказом своей Школы, должна была обратиться к другой, чтобы предупредить о какой-то угрозе: «На этом пути лежит опасность».

Джессика ощупала блокнот сзади, пытаясь найти выдавленные точки кода. Ничего. Ее ищущие пальцы пробежали по краю блокнота. Ничего. Она положила блокнот на прежнее место. Ее не покидало чувство, что послание необходимо отыскать безотлагательно.

Возможно, что-нибудь в том, как положен блокнот?

Но Хават, осматривавший комнату, несомненно, передвигал блокнот. Джессика взглянула на нависающий над блокнотом лист. Лист! Она провела пальцем по нижней поверхности листа. Так и есть! Пальцы нащупали еле заметные кодовые точки. Джессика без труда, всего раз проведя по точкам, прочла и расшифровала послание:

«Ваш сын и герцог Лето находятся в опасности. Одна из спален рассчитана на то, чтобы завлечь вашего сына. Х. спрятали в ней смертоносные ловушки, но так, чтобы все они могли быть сравнительно легко обнаружены – кроме одной, которая может ускользнуть от вашего внимания».

Джессика подавила побуждение немедленно броситься в спальню сына: сначала следовало дочитать послание. Ее пальцы заспешили по точкам.

«Точная природа угрозы мне неизвестна, но это что-то связанное с кроватью. Угроза же вашему герцогу исходит от изменника из доверенных лиц или приближенных. Х. обещал отдать Вас своему фавориту в качестве награды. Насколько мне известно, эта оранжерея безопасна. Простите, что не могу сообщить больше. Мои источники информации скромны, потому что мой граф не служит Х. Писала в спешке. М.Ф.»

Джессика оттолкнула лист и уже собиралась помчаться к Полу, но тут дверь шлюза распахнулась. В оранжерею ворвался Пол, сжимающий что-то в правой руке. Он захлопнул за собой дверь, огляделся, увидел мать, подошел, отбрасывая с пути листву, увидел фонтан и сунул кулак с зажатым в нем предметом под падающую воду.

– Пол! – Она схватила его за плечи, тревожно глядя на его руку. – Что это такое?

Он ответил – небрежно, но она уловила в его голосе напряжение:

– Охотник-искатель. Поймал его в комнате и разбил ему нос, но хочу быть уверенным. От воды его наверняка закоротит.

– Окуни его! – скомандовала она. Вскоре она сказала: – Руку можешь вынуть, а эту штуку оставь в воде.

Пол вытащил руку, стряхнул капли воды, не отрывая взгляда от металлической штуковины в чаше фонтана. Джессика отломила черенок пальмового листа, ткнула им в смертоносное жало.

Охотник был мертв.

Она уронила черенок в воду, посмотрела на сына. Его глаза обегали комнату с тем особым вниманием, которое было так хорошо знакомо Джессике – Путь Бене Гессерит.

– Это место, по-моему, что-то скрывает, – сказал он.

– У меня есть основания считать его безопасным, – возразила Джессика.

– Мою комнату тоже считали безопасной. Хават говорил...

– Это же был охотник-искатель, – напомнила она. – Значит, кто-то управлял им – кто-то в доме. У дистанционного управления этим оружием ограниченный радиус действия. И его могли спрятать здесь уже после осмотра Хавата...

Но, сказав это, она подумала о послании на листе: «... от изменника из доверенных лиц или приближенных». Но это не Хават. О, конечно, не Хават.

– Люди Хавата сейчас прочесывают дом, – сообщил Пол. – Этот искатель чуть не убил старуху, которая пришла меня разбудить.

– Ее зовут Шэдаут Мэйпс, – сказала Джессика. – Твой отец вызвал тебя, чтобы...

– Это подождет, – отмахнулся Пол. – Так почему ты считаешь эту комнату безопасной?

Джессика указала на записку и пересказала ее содержание. Пол немного расслабился.

Но сама Джессика оставалась внутренне напряженной. Милостивая Мать! Охотник-искатель!.. Ей пришлось привлечь всю свою подготовку, чтобы не поддаться приступу истерической дрожи.

Пол сказал как бы между прочим, констатируя факт:

– Конечно, это Харконнены. Нам придется их уничтожить.

В этот момент в дверь постучали – условный стук кого-то из людей Хавата.

– Войдите, – разрешил Пол.

Дверь распахнулась, и в помещение, склонившись, вошел высокий офицер в мундире Атрейдесов и с эмблемой службы Хавата на фуражке.

– Вы здесь, господин, – с облегчением сказал он. – Домоправительница так и сказала, что вы, наверное, здесь...

Он огляделся и продолжил:

– В подвале мы нашли глухой закуток и поймали прятавшегося там человека. У него был пульт управления искателем.

– Я желаю принять участие в его допросе, – заявила Джессика.

– Простите, миледи. Взять его не удалось, он мертв. Наша ошибка...

– И ничего, по чему его можно было бы опознать? – спросила она.

– Пока мы не нашли ничего, миледи.

– Он арракиец? – спросил Пол.

Джессика одобрительно кивнула: правильный вопрос.

– Похож на арракийца, во всяком случае, – ответил охранник. – Судя по всему, его запрятали там больше месяца назад и оставили дожидаться нашего прибытия. Вчера мы проверяли подвал, но камень и раствор там, где он проник в подвал, были не тронуты. Готов ручаться своей репутацией.

– Никто не сомневается, что вы проверяли дом тщательно, – успокоила его Джессика.

– Я сомневаюсь, миледи. Надо было проверить все там акустическим зондом.

– Надо полагать, сейчас вы именно это и делаете, – сказал Пол.

– Да, господин.

– Сообщите отцу, что мы задерживаемся.

– Будет исполнено немедленно, господин. – Он взглянул на Джессику. – Согласно приказу Хавата в подобных ситуациях молодого господина следует препроводить в безопасное место и надежно охранять. – Его глаза снова обежали оранжерею. – Тут достаточно безопасно?

– У меня есть основания считать это место безопасным, – ответила Джессика. – И Хават, и я ее проверили.

– Тогда я выставлю охрану рядом с этим помещением – пока мы не проверим еще раз весь дом.

Он поклонился Джессике, отдал честь Полу, вышел и закрыл за собой дверь.

Пол прервал внезапно нависшее молчание:

– Может, стоит позже нам самим проверить дом? Ты можешь заметить то, что другим никогда не увидеть.

– Я не проверила еще только это крыло, – отозвалась она. – Оставила его напоследок, потому что...

– Потому что Хават лично его осматривал, – закончил Пол. Джессика метнула в него вопросительный взгляд:

– Ты подозреваешь Хавата?

– Нет, но он уже немолод... и он переутомился. Можно было бы снять с него часть нагрузки.

– Это только обидело бы его и повредило его работе, – возразила Джессика. – К тому же теперь, когда Хават узнал о случившемся, в это крыло и муха не пролетит. Он будет чувствовать себя виноватым, и...

– Но мы должны принять и свои собственные меры, – сказал Пол.

– Хават верой и правдой служил трем поколениям Атрейдесов, – ответила Джессика. – Он достоин всего уважения и доверия, которыми мы можем заплатить ему... и еще много большего.

– Когда отец недоволен каким-нибудь твоим поступком, – хмыкнул Пол, – он говорит «Бене Гессерит!» таким тоном, словно это ругательство.

– И что же во мне не нравится твоему отцу?

– Ну, в частности, ему не нравится, когда ты с ним споришь.

– Ты – не твой отец, Пол.

И Пол подумал: «Это сильно беспокоит ее, но я должен рассказать ей, что говорила эта Мэйпс относительно предателя среди нас».

– Что ты скрываешь, Пол? – спросила Джессика. – Это совсем на тебя не похоже.

Он пожал плечами и подробно пересказал свой разговор с Мэйпс.

А Джессика подумала о послании на листе и, неожиданно решившись, показала лист Полу и прочитала зашифрованное сообщение.

– Надо немедленно сообщить отцу, – сказал Пол. – Я пошлю ему шифrogramму.

– Нет, – возразила Джессика. – Придется подождать, пока ты не останешься с ним наедине. Чем меньше людей будет об этом знать, тем лучше.

– Ты хочешь сказать, что мы никому не можем доверять?

– Дело не совсем в этом, – объяснила она. – Возможно, так и было задумано, чтобы послание попало к нам. Те, кто оставил его для нас, могли верить, что все это правда; но что если единственной целью всего этого было получение нами этого сообщения?..

Лицо Пола оставалось таким же мрачным.

– Чтобы ослабить нас, посеяв в наших рядах недоверие и подозрение...

– Поэтому ты должен наедине и с величайшей осторожностью рассказать отцу об этой возможности, – кивнула Джессика.

– Понимаю.

Она повернулась к высокому окну-светофильтру и смотрела теперь туда, где на юго-западе садилось солнце Арракиса – желтый из-за стекла шар над изломанной линией скал.

Пол повернулся вместе с матерью.

– Я тоже не думаю, что это Хават. Может, Юйэ?

– Он не из особо приближенных или особо доверенных лиц, – возразила Джессика. – Кроме того, я могу поручиться, что он ненавидит Харконненов не меньше, чем мы. Если не больше.

Пол глядел на скалы, думая: «И это никак не может быть Гурни... или Дункан. Кто-то рангом ниже?.. Нет, невозможно. Они все происходят из семей, которые были нам верны в течение поколений – и по веским основаниям».

Джессика потерла лоб, ощутив навалившуюся усталость. Сколько же тут опасностей!.. Она рассматривала ландшафт, желтый от цветного стекла. За герцогской землей раскинулись складские территории – позади высокой ограды виднелись бункеры, где хранилась меланжа, вокруг – сторожевые вышки-треножники, похожие на испуганных пауков. Отсюда можно было увидеть по меньшей мере двадцать таких складских дворов, протянувшихся до самых скал Барьерной Стены.

Окрашенное светофильтром солнце медленно утонуло за горизонтом. Сразу же высыпали звезды. Одна яркая звезда висела так низко над горизонтом, что ее свет как бы дрожал – она мерцала в четком, размеренном ритме: тик-тик-тик – тик-тик-тик – тик...

Она почувствовала, как Пол пошевелился в темноте рядом с ней.

Но Джессика сосредоточилась на этой яркой одинокой звезде, осознав вдруг, что та висит слишком низко – что свет ее исходит из точки, расположенной ниже кромки скал.

Кто-то подавал сигналы!

Она попыталась прочесть сообщение, но код был совершенно незнакомым.

На равнине под скалами зажигались новые огни – желтые точки на темно-синем, почти черном фоне. И один огонек – левее и чуть в стороне от скопления – вдруг стал ярче и замигал в ответ первому: тик-тик – тик – тик-тик-тик-тик... очень быстро.

И погас.

Тотчас погасла и фальшивая звезда в скалах. Это были сигналы... и они наполнили ее дурными предчувствиями.

– Зачем потребовались огни? – спросила она себя. Почему они не могли воспользоваться обычными коммуникаторами?

Ответ был очевиден: коммуникационная сеть наверняка прослушивалась сейчас агентами герцога Лето. Следовательно, использование световых сигналов могло означать только то, что сигналили его враги – харконненские агенты.

Раздался стук в дверь, и они услышали голос человека Хавата:

– Все в порядке, господин... миледи. Мы готовы немедленно проводить молодого господина к его отцу.

* * *

Говорят, что герцог Лето, закрыв глаза на опасности Арракиса, безрассудно вошел прямо в западню. Не будет ли более основательным предположение, что, долго живя в условиях крайней опасности, он недооценил изменение ее интенсивности? Или, быть может, он намеренно пожертвовал собой, чтобы сын его мог найти лучшую жизнь? Все данные ясно свидетельствуют, что герцог был человеком, которого нелегко обмануть.

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб. Семейные комментарии»

Герцог Лето стоял, опираясь о парапет диспетчерско-контрольной башни космодрома, расположенного на окраине Арракина. Над южным горизонтом сплюснутой в овал серебряной монетой висела Первая луна. Под ней, сияя словно глазурь, сквозь пыльную дымку проступали зубчатые скалы Барьерной Стены. Слева от герцога во мгле светились огни Арракина – желтые... белые... синие.

Он думал об уведомлениях, разосланных за его подписью во все населенные пункты планеты: «Наш великий Падишах-Император поручил мне вступить во владение этой планетой и положить конец всем спорам».

Ритуалистическая формальность этой процедуры вызвала у него прилив чувства одиночества. *Кого обманула эта глупая видимость законности? Уж конечно, не фрименов. И*

не Младшие Дома, контролирующие внутреннюю торговлю Арракиса... почти все до одного остающиеся харконненскими тварями.

Они пытались убить моего сына!

Он с трудом справился с нахлынувшей яростью.

Герцог увидел огни машины, ползущей из Арракина к посадочному полю. Он надеялся, что это – транспортер охраны, везущий Пола. Задержка раздражала, хоть он и понимал, что она объяснялась мерами предосторожности, принятыми службой Хавата.

Они пытались убить моего сына!

Он потряс головой, отгоняя гнев, и оглянулся на посадочное поле, где по периметру монолитными часовыми стояли пять его фрегатов.словно древний кромлех.

Лучше задержка из осторожности, чем...

Лейтенант, которого Хават послал за Полом, был хорошим офицером, напомнил он себе. Полностью предан, заслуживает повышения.

Наш Великий Падишах-Император...

Если бы только жители этого прогнившего гарнизонного городка могли прочесть, что написал Император в приватной записке своему «благородному герцогу» – например, вот это презрительное упоминание мужчин и женщин в дистикомбах: «... но чего еще можно ждать от варваров, мечтающих лишь о том, чтобы жить вне упорядоченной надежности системы Фафреллах?»

В этот момент герцог чувствовал, что его собственная заветная мечта заключается в том, чтобы покончить со всеми сословными различиями и никогда больше не вспоминать об отвратительном порядке. Он взглянул вверх – сквозь пыль – на немигающие звезды и подумал: *Вокруг одной из них кружит Каладан... но я никогда больше не увижу свой дом.* Тоска по Каладану внезапно сдавила грудь. Ему показалось, что она пришла не из глубин его души, а протянула к нему руку с Каладаном. Пока он не мог заставить себя называть эту выжженную пустыню, Арракис, своим домом – и думал, что вряд ли когда-нибудь сможет.

Я должен скрывать свои чувства. Ради мальчика. Если ему суждено иметь дом, то им может стать только Арракис. Я могу думать о нем как об аде, в который попал уже при жизни, но он должен найти здесь то, что будет его воодушевлять. Что-то же здесь должно быть!

Волна жалости к себе – сразу же с презрением отброшенная, – нахлынула на него, и почему-то вспомнились две строки из стихотворения, которое любил и часто читал Гурни Халлек:

Легкие мои вдыхают ветер Времени,
Пролетевший сквозь падающий песок...

Да, уж чего-чего, а песка здесь Гурни найдет даже больше, чем надо... Земли за теми блестящими под лунной скалами были сплошной пустыней – бесплодный камень, дюны, вихрящаяся пыль – не нанесенная по-настоящему на карты Дикая Пустыня, сухая и мертвая, с разбросанными вдоль ее края (а может быть, встречающимися и внутри) поселениями фрименов. И если у рода Атрейдесов и есть сейчас хоть какая-то надежда – то она во фрименах...

Если только Харконнены не сумели опутать даже фрименов своими ядовитыми интригами.

Они пытались убить моего сына!

Металлический скрежет сотряс башню, завибрировал паранет, на который опирался герцог. Загородив обзор, упала броневая заслонка.

Садится челнок, подумал герцог. Пора идти вниз и приниматься за работу.

Он повернулся к лестнице у себя за спиной и направился в зал ожидания, стараясь сохранить спокойствие и подготовить нужное выражение лица к встрече прибывающих.

Они пытались убить моего сына!

Когда перед ним оказался зал с желтым куполообразным потолком, люди уже входили, вливаясь довольно энергичным потоком. На плечах они несли свои сумки и перебрасывались громкими шутками, словно студенты, возвращающиеся с каникул.

– Эй! Чуешь, что у тебя под копытами? Гравитация, парень!

– Сколько здесь «же»? Что-то вроде тяжеловато.

– По справочнику – девять десятых «же».

Большую комнату наполнил шум веселой перебранки.

– Ты вниз-то посмотрел, когда мы приземлялись? Вот ведь дыра! И где же обещанные сокровища?

– Харконнены все с собой забрали!

– А мне бы сейчас только горячий душ и мягкую постель!

– Ну, выдал! Душ! А не хочешь поскрести задницу песочком?

– Эй! Заткнитесь! Герцог!

Герцог шагнул с лестницы в разом затихшую комнату.

Чуть в стороне от толпы прохаживался Гурни Халлек. Через плечо у него была перекинута сумка, а другой рукой он сжимал шейку девятиструнного балисета. У него были очень длинные пальцы, способные к тончайшим движениям, и эти пальцы частенько извлекали из балисета такую изящную музыку...

Герцог смотрел на Халлека, любясь этой уродливой человеческой глыбой с глазами, похожими на осколки стекла, в которых светилось инстинктивное, почти первобытное понимание. Вот человек, который жил вне системы Фафрелах, но выполнял все ее предписания. Как там Пол назвал его?.. «Гурни Доблестный».

Тонкие светлые волосы Халлека были уложены так, чтобы прикрыть растущую лысину. Лиловый шрам на его подбородке, нанесенный ударом хлыста из чернильной лозы, шевелился слегка, словно сам по себе. Весь вид Халлека говорил о больших, непринужденно проявляемых возможностях. Он подошел к герцогу, поклонился.

– Добро пожаловать, Гурни, – сказал Лето.

– Приветствую вас, милорд. – Гурни махнул балисетом в сторону собравшихся офицеров. – Это последние. Я предпочел бы прибыть сюда с первой волной, но...

– Не волнуйся, на твою долю еще осталось некоторое количество Харконненов, – усмехнулся герцог. – Отойдем, Гурни, – нам надо побеседовать.

– К вашим услугам, милорд.

Они прошли к нише, где стоял автомат, отпускающий за монету порцию воды, а люди в большой комнате беспокойно зашевелились, но больше не шумели. Халлек бросил сумку в угол, но балисет из рук не выпускал.

– Сколько людей ты можешь выделить Хавату? – спросил герцог.

– У Суфира затруднения, сир?

– Он потерял только двоих, но его передовые агенты отлично провели разведку харконненских сил на планете. Если мы будем действовать быстро, достигнем некоторого уровня безопасности, получим необходимую нам передышку и свободу маневра. Ему нужно столько солдат, сколько ты можешь выделить без ущерба для дела – тех, кто не прочь немного поработать ножом.

– Я могу дать ему три сотни отборных людей, – сказал Халлек. – Куда их направить?

– К главным воротам. Агент Хавата ждет их там.

– Я должен заняться этим немедленно, сир?

– Подожди. Есть еще одно дело. Комендант космодрома под каким-нибудь предлогом задержит здесь челнок до рассвета. Хайлайнер Гильдии, доставивший нас, скоро отбывает, и этот челнок прицепят к грузовому кораблю, который доставит на лайнер груз Пряности.

– Нашей Пряности, милорд?

– Нашей. Но челнок должен забрать с собой и часть дюнмастеров – искателей Пряности, работавших при прежнем режиме. У них есть право уволиться при смене лена, и Арбитр Смены им это разрешил. Это ценные люди, Гурни, их около восьмисот. До того как челнок уйдет, ты должен убедить хотя бы некоторых поступить на службу к нам.

– Сколь сильным должно быть убеждение, сир?

– Мне нужно их добровольное сотрудничество, Гурни. У этих людей есть столь необходимые нам опыт и мастерство. То, что они хотят уехать, свидетельствует лишь, что они – не часть харконненской машины. Хават считает, что среди них могут быть внедренные агенты, но он в каждой тени видит асасинов.

– В свое время Суфир обнаружил некоторые весьма деятельные тени, милорд.

– А некоторые – не обнаружил. Но мне кажется, что для заблаговременного внедрения «ждущих агентов» в эту уезжающую толпу Харконненам потребовалось бы проявить слишком большое для них воображение.

– Возможно, сир. Где эти люди?

– В зале ожидания нижнего яруса. Полагаю, тебе стоит сыграть им мелодию-другую – чтобы размягчить их, а потом можешь включать давление. Можешь предложить квалифицированным высокие посты. Предложи двадцатипроцентное повышение зарплаты.

– И не больше, сир? Я знаю, что Харконнены платят в соответствии с общепринятыми тарифами. И людям с набитыми карманами и с желанием прокатиться... как хотите, сир, но двадцать процентов едва ли покажутся достаточно заманчивыми, чтобы остаться.

Лето нетерпеливо отмахнулся:

– Значит, в особых случаях действуй по собственному усмотрению. Только помни, что казна не бездонна. Держись за двадцать процентов, пока сможешь. Нам особенно нужны меланж-машинисты, меланжеры, предсказатели погоды и все, у кого есть опыт работы в открытой пустыне, – люди дюн.

– Понятно, сир. «С насилием придут они: лицом своим будут они пить, как восточный ветер; и возьмут пленников в песках...»

– Очень трогательная цитата, – сказал герцог. – Передай пока командование над своей шайкой какому-нибудь лейтенанту. Скажи ему, чтобы он дал им краткое наставление по водной дисциплине, а потом уложил спать в казармах, примыкающих к посадочному полю. Персонал космодрома покажет им, куда идти. И не забудь отправить людей к Хавату.

– Три сотни, сир. – Халлек поднял свою сумку. – Куда вам доложить, когда я со всем закончу?

– Найдешь меня в зале совещаний на заседании штаба. Я хочу согласовать новый порядок рассредоточения по планете: первыми выходят части, оснащенные бронетехникой.

Халлек, уже поворачиваясь уходить, остановился и взглянул в глаза Лето:

– Вы ждете *настолько* серьезных неприятностей, сир? Я думал, здесь есть Арбитр Смены.

– Будут и открытые сражения, и тайные интриги, – сказал герцог. – Крови прольется достаточно, прежде чем мы разберемся со всем этим.

– «И вода, которую возьмешь ты из реки, превратится в кровь на сухой земле», – процитировал Халлек.

Герцог вздохнул:

– Поторопись, Гурни.

– Слушаюсь, милорд. – Шрам искривился от усмешки. – «Вот, как дикий осел в пустыне, иду я к своей работе».

Гурни развернулся, вышел на середину зала, отдал распоряжения и заторопился сквозь толпу.

Лето негромко хмыкнул ему вслед. Халлек не уставал изумлять его – голова, набитая песнями, цитатами, цветистыми фразами... и сердце асассина, когда дело касалось Харконненов.

Потом Лето неторопливо направился к лифту, возвращая салюты небрежным взмахом руки. Среди толпы он узнал человека из Корпуса Пропagанды, остановился, чтобы распорядиться довести до людей, которые привезли на планету своих женщин, что женщины благополучно прибыли и находятся в безопасности и их можно найти там-то и там-то. Остальным же будет интересно узнать, что среди местного населения женщин, кажется, больше, чем мужчин.

Герцог похлопал пропагандиста по руке выше локтя – это служило сигналом, что это сообщение срочное, первоочередное и должно быть передано немедленно. Потом он двинулся дальше, кивая людям, улыбаясь; обменялся шутками с младшим офицером.

«Командующий всегда должен выглядеть уверенно, – подумал он. – Вера всех подчиненных возложена на твои плечи, и даже если ты в критическом положении, все равно никогда нельзя показывать этого».

Он облегченно вздохнул, когда лифт проглотил его и он смог повернуться, и перед ним были лишь безразличные ко всему двери.

Они пытались убить моего сына!

* * *

На камне, венчающем арку над выходом с арракинского космодрома, имеется грубо высеченная надпись, словно сделанная каким-то допотопным инструментом, – Муад'Диб, должно быть, повторял ее много раз. Он увидел ее в ту первую ночь на Арракисе, когда его доставили на герцогский командный пункт – на первое совещание штаба в полном составе, созванное его отцом. Эта надпись была мольбой к тем, кто покидает Арракис, но смысл ее с мрачной силой запал в душу мальчика, только что избежавшего близких объятий смерти. Надпись гласила: «О вы, те, кто знает, как страдаем мы здесь, не забудьте нас в ваших молитвах».

Из учебника «Жизнь Муад'Диб» принцессы Ирулан

– Вся теория ведения войны – это рассчитанный риск, – сказал герцог, – но когда приходится рисковать своей собственной семьей, элемент расчета растворяется в... других вещах.

Он понимал, что недостаточно сдерживает свой гнев, и, чтобы успокоиться, повернулся, широкими шагами прошелся вдоль всего длинного стола, туда и обратно.

Герцог и Пол остались одни в комнате совещаний космопорта. В этой большой гулкой комнате не было ничего, кроме длинного стола, старомодных трехногих стульев, стенда для карт и проектора. Пол сидел за столом рядом со стендом. Он рассказал отцу о происшествии с охотником-искателем и о том, что возможно предательство.

Герцог остановился напротив Пола, ударил кулаком по столу:

– Хават утверждал, что дом безопасен!!!

Пол нерешительно сказал:

– Я тоже сначала рассердился. И считал Хавата виновным. Но нападение было совершено из-за пределов дома. Оно было простым, ловким и прямым. И достигло бы успеха, если бы не тренинг, полученный мной от тебя и от многих других – и от Хавата в том числе.

– Ты его оправдываешь? – требовательно спросил герцог.

– Да.

– Он постарел. Вот в чем дело. Ему пора...

– У него огромный опыт, – возразил Пол. – Скажи, сколько ошибок Хавата ты можешь припомнить?

– Это я должен был бы защищать его, – сказал герцог. – А не ты.

Пол улыбнулся.

Лето сел во главе стола и накрыл своей рукой руку сына:

– За последнее время ты стал... взрослым, сын. – Герцог убрал руку. – И это меня радует. – Герцог скопировал улыбку сына. – Хават будет казниться. Он будет гневаться на себя намного сильнее, чем могли бы мы с тобой вместе!

Пол смотрел на потемневшие окна, частично загороженные стендом, вглядывался в ночную тьму. Огни комнаты отражались в ограждении балкона. Он заметил движение и разглядел фигуру охранника в мундире Атрейдесов. Потом Пол посмотрел на белую стену за спиной отца, потом вниз – на блестящую поверхность стола – и заметил, что его собственные руки сжаты в кулаки.

Дверь в дальнем конце комнаты, лицом к которой сидел герцог, с шумом распахнулась. Вошел Хават, выглядевший старше и суровее, чем когда-либо прежде. Он прошел мимо всего стола и встал «смирно» напротив Лето.

– Милорд, – произнес он, глядя в какую-то точку поверх головы герцога, – я только что узнал о своем провале. Поэтому я прошу вас об отста...

– Садись и прекрати эти глупости, – отмахнулся герцог и указал на стул напротив Пола. – Твоя ошибка была в том, что ты переоценил Харконненов. Их простые головы додумались до простого трюка. А мы на простые трюки не рассчитывали. И мой сын приложил большие старания, доказывая мне, что справился с этой опасностью лишь благодаря твоей подготовке. И тут о твоём провале речи быть не может! – Герцог хлопнул рукой по спинке пустого стула. – Садись, говорю тебе!

Хават опустился на сиденье:

– Но...

– Об этом я больше ничего не желаю слышать, – опять прервал его герцог. – Этот инцидент – уже прошлое. У нас имеются более насущные дела. Где все остальные?

– Я попросил их подождать снаружи, пока я...

– Позови их.

Хават взглянул Лето в глаза:

– Сир, я...

– Я знаю, кто мои настоящие друзья, Суфир, – сказал герцог. – Позови людей.

Хават проглотил комок в горле:

– Сейчас, милорд. – Он повернулся на стуле и крикнул в открытую дверь: – Гурни, пригласи их!

Первыми вошли мрачно-серьезные офицеры штаба, за ними следовали более молодые адъютанты и специалисты, у которых на лицах прямо-таки светилась готовность к действию.

По комнате пронёсся шум отодвигаемых стульев. Все расселись, над столом повеяло слабым запахом рашага.

– Для желающих имеется кофе, – сказал герцог.

Он оглядел своих людей: это хорошая команда. В такой войне, учитывая обстоятельства, дела могли бы идти куда хуже.

Лето дождался, пока из соседней комнаты принесут кофе, отметил усталость на некоторых лицах.

Наконец он надел на себя маску спокойной деловитости, встал и призвал людей к вниманию, несильно стукнув костяшками пальцев по столу.

– Видите, господа, – сказал он, – наша цивилизация столь глубоко усвоила привычку постоянных посягательств, захватов и нападений, что даже простой приказ Императора мы не можем выполнить без того, чтобы вдруг не обнаружили старые штучки.

Вокруг стола прошелестели сухие смешки, и Пол понял, что отец сказал именно то, что нужно, и именно таким тоном, как нужно было, чтобы поднять настроение за столом. Даже оттенок усталости в его голосе был единственно верным.

– Для начала, полагаю, неплохо было бы послушать, что Суфир может добавить к своему докладу о фрименах, – сказал герцог. – Итак, Суфир?..

Хават поднял голову:

– Я мог бы добавить к общему докладу кое-какие экономические данные, сир, но сейчас хочу сказать, что фримены все больше и больше представляются мне нашими потенциальными союзниками. Именно такими союзниками, в каких мы нуждаемся. Сейчас они выжидают – хотят посмотреть, можно ли нам доверять, но ведут себя при этом, по-моему, честно. Они прислали нам дары – дистикомбы их собственного производства... карты нескольких областей пустыни, окружающих бывшие опорные пункты Харконненов... – Хават опустил голову. – Доклады их разведки оказались абсолютно достоверными и значительно помогли нам в переговорах с Арбитром Смены. Они также прислали различные мелкие подарки: украшения для леди Джессики, Пряность, питье, так называемый пряный ликер, сласти, лекарства. Мои люди сейчас проверяют их. Подвохов там, кажется, нет.

– Вам нравятся эти люди, Суфир? – спросил один из офицеров.

Хават чуть помедлил:

– Дункан Айдахо говорит, что ими можно восхищаться.

Пол взглянул на отца, потом на Хавата и отважился на вопрос:

– Есть ли у нас новые данные об общем количестве фрименов?

Хават посмотрел на Пола:

– По потреблению пищи и другим признакам Айдахо оценивает численность населения того пещерного комплекса, который он посетил, примерно в десять тысяч человек. Их вождь сказал, что правит сиетчем в две тысячи очагов, или семей. У нас есть основания считать, что таких общин на планете великое множество. Причем, судя по всему, все они преданы какому-то Лиету.

– Это что-то новенькое, – сказал герцог.

– Возможно, я ошибаюсь, сир. Кое-что наводит на мысль, что Лиет – это местное божество.

Еще один из присутствующих откашлялся и спросил:

– Действительно ли они имеют дело с контрабандистами?

– Когда Айдахо был в этом сиетче, оттуда как раз вышел караван контрабандистов с большим грузом Пряности. Они использовали выючных животных и говорили, что им предстоит восемнадцатидневное путешествие.

– Операции контрабандистов вообще, похоже, интенсифицировались в этот беспокойный период, – сказал герцог. – Это заслуживает тщательного осмысления. Нам не стоит особо беспокоиться относительно фрегатов, промысляющих на нашей планете без лицензии, – такое всегда существовало. Но нельзя оставлять их без нашего наблюдения.

– У вас есть план, сир? – спросил Хават. Герцог взглянул на Халлека:

– Гурни, я хочу направить тебя главой делегации – если хочешь, посольства – к этим романтическим бизнесменам. Скажи им, что я буду закрывать глаза на их операции до тех пор, пока они будут платить мне герцогскую десятину. Хават подсчитал, что это в четыре раза меньше, чем требовалось им до сих пор на взятки и на содержание вооруженной охраны.

– А что, если это дойдет до Императора? – спросил Халлек. – Он очень ревниво относится к своей доле доходов КООАМ, милорд.

Лето улыбнулся.

– Всю десятину мы будем честно перечислять в банк на имя Шаддама IV – так, чтобы об этом было известно, – и в соответствии с законом не будем включать ее в облагаемый налогом

доход. Пусть-ка Харконнены попробуют это оспорить! Этим мы малость порастрясем жирок с тех, кто разбогател при харконненской системе. Взятки больше не будет!

Усмешка искривила лицо Халлека.

– Ах, милорд, прекрасный удар ниже пояса. Хотел бы я видеть барона в тот момент, когда он об этом узнает.

Герцог повернулся к Хавату:

– Суфир, удалось купить те бухгалтерские книги, о которых ты говорил?

– Да, милорд. Как раз сейчас они тщательно изучаются. Правда, я их бегло просмотрел и могу сделать резюме – в первом приближении.

– Прошу.

– Харконнены выкачивали отсюда по десять миллиардов соляриев за каждые триста тридцать стандартных дней!

Вздых изумления пронесся над столом. Даже слегка заскучавшие было молодые адъютанты сели прямее и обменялись удивленными взглядами.

Халлек пробормотал:

– «И поглотят они обилие морей и сокровища, спрятанные в песке».

– Вот видите, друзья, – усмехнулся Лето. – Есть ли тут кто-нибудь настолько наивный, чтобы верить, будто Харконнены тихо упаковались и убрались отсюда – бросив такие богатства! – только из-за того, что так приказал Император?

По тому, как собравшиеся покачивали головами и негромко переговаривались или просто бормотали себе под нос, герцог увидел, что его поняли и согласились с ним.

– Нам следует быть готовыми к их проискам, – сказал Лето и обратился к Хавату: – Сейчас самое время послушать об оборудовании. Сколько они оставили нам комбайнов-подборщиков и вспомогательного оборудования?

– Полный комплект – в соответствии с имперской описью, проверенной Арбитром Смены, милорд, – сказал Хават и сделал знак адъютанту. Тот подал ему папку. Хават раскрыл ее перед собой на столе. – Они только не сочли нужным упомянуть, что работоспособны менее половины краулеров, что только для трети машин есть грузолеты, переносящие их к пескам Пряности, что все, оставленное нам Харконненцами, того и гляди развалится. Нам повезет, если будет работать половина оборудования, и еще больше повезет, если половина этой половины не выйдет из строя через полгода.

– Чего-то в этом роде мы и ожидали, – сказал Лето. – Каковы оценочные цифры по основным видам техники?

Хават заглянул в папку:

– Около девятисот тридцати комбайнов можно отправить в пески в ближайшие несколько дней. Примерно шесть тысяч двести пятьдесят орнитоптеров для аэросъемки, разведки и наблюдения за погодой... чуть менее тысячи грузолетов.

– А не дешевле возобновить переговоры с Гильдией о разрешении вывести на орбиту фрегат в качестве метеоспутника? – спросил Халлек.

Герцог взглянул на Хавата:

– Как, Суфир, нет ничего нового по этому поводу?

– Придется искать другие средства, – сказал Хават. – Агент Гильдии не стал вести никаких официальных переговоров. Он просто дал мне понять – как ментат ментату, – что цена находится за пределами наших возможностей и такой и останется, сколь бы эти возможности ни выросли. Прежде чем снова встретиться с ним, нам необходимо выявить причину такой позиции.

Один из адъютантов Халлека повернулся на стуле и воскликнул:

– Это несправедливо!

– Несправедливо? – Герцог взглянул на покрасневшего юношу. – О какой справедливости может идти речь? Мы творим нашу собственную справедливость. Мы будем устанавливать ее здесь, на Арракисе, пока не победим или пока не умрем. Вы жалеете, что связали свою судьбу с нашей?

Офицер посмотрел на герцога, нерешительно сказал:

– Нет, сир. Вы не могли отказаться от величайшего во Вселенной источника доходов... а я не мог не последовать за вами. Простите за сорвавшиеся слова, но... – Он пожал плечами. – Но временами нам всем бывает горько.

– Горечь я понимаю, – сказал герцог. – Но давайте не будем рассуждать о справедливости, пока у нас есть руки и свобода, чтобы их использовать. Может быть, кто-то еще из вас испытывает какую-то горечь? Если так, выговоритесь. Здесь совещание друзей, и каждый может высказать все, что думает.

Халлек пошевелился и сказал:

– Я вот думаю, сир, как обидно, что у нас нет волонтеров из других Великих Домов. Они называют вас «Лето Справедливым» и обещают вечную дружбу – но только до тех пор, пока это ничего им не стоит.

– Просто пока они не знают, кто победит в этом столкновении, – сказал герцог. – Большинство Домов разжирело от слишком спокойной жизни. Они отвыкли рисковать! Их даже нельзя за это ругать, их можно лишь презирать. – Он взглянул на Хавата. – Однако вернемся к оборудованию. Нельзя ли показать сейчас несколько образцов, чтобы ближе познакомить присутствующих с этими машинами?

Хават кивнул и дал знак адъютанту включить проектор.

Над столом, ближе к тому месту, где сидел герцог, возникла трехмерная солидопроекция. Некоторым у дальнего конца стола пришлось встать, чтобы лучше ее рассмотреть.

Пол, вглядываясь в машину, наклонился вперед.

Сравнив с крошечными человеческими фигурками, окружавшими машину, можно было оценить ее размеры: не меньше ста двадцати метров в длину и примерно сорок метров в ширину. Она напоминала продолговатого жука и передвигалась на независимых друг от друга парах широких гусениц.

– Это комбайн-подборщик, – сказал Хават. – Для этой съемки мы выбрали машину в хорошем состоянии, только что из ремонта. А вот есть один драглайновый агрегат, доставленный сюда первой командой имперских экологов, который все еще работает... хотя я и не понимаю, как это возможно.

– Если это тот, который они называют «Старой Мэри», то это просто музейный экспонат, – сказал один из адъютантов. – Я думаю, Харконнены использовали его для наказания рабочих. Веди себя хорошо, не то отправят на «Старую Мэри».

Вдоль стола прокатились смешки.

Пол удержался от веселья – ему все больше не давал покоя один вопрос. Указав на проекцию, он спросил:

– Суфир, а бывают ли песчаные черви, способные проглотить его целиком?

Над столом повисла тишина. Герцог про себя чертыхнулся, но потом подумал: нет, они должны смотреть в лицо реалиям здешней жизни.

– В глубине Пустыни есть черви, способные одним глотком справиться со всем этим комбайном, – помедлив, подтвердил Хават. – А ближе к Барьерной Стене, где добывается большая часть Пряности, встречается изрядное количество таких, которые могут сломать его, а потом на досуге сожрать по частям.

– Почему комбайны не оборудованы силовыми щитами? – спросил Пол.

– Согласно информации Айдахо, – сказал Хават, – силовые щиты в пустыне опасны. Щит на одного человека привлекает всех червей за сотни метров вокруг. По каким-то причинам

силовые поля приводят их в дикое бешенство. Нам об этом сообщили фримены, и нет оснований в этом сомневаться. Айдахо не заметил в сиетче даже намеков на необходимое для силовых щитов оборудование.

– Вообще никаких?

– Довольно трудно утаить такие вещи среди нескольких тысяч человек, – отозвался Хават. – У Айдахо был свободный доступ к любому уголку сиетча. Он не видел ни силовых экранов, ни каких-либо признаков их использования.

– Странно, – сказал герцог.

– Харконнены, разумеется, использовали здесь много экранов, – заметил Хават. – У них были ремонтные мастерские во всех гарнизонных городках, и счета их показывают огромные расходы на запчасти для экранного оборудования.

– Могут ли фримены обладать способом нейтрализации экранов? – спросил Пол.

– Маловероятно, – сказал Хават. – Теоретически это, конечно, возможно – статический заряд с противоположным знаком и размером с добрый округ способен это сделать, но никто здесь не проводил подобных испытаний. Мы бы услышали об этом раньше: контрабандисты имеют тесные контакты с фрименами и достали бы такое устройство, если бы оно у фрименов было. И уж ничто не удержало бы их от того, чтобы вывезти его с планеты.

– Мне не нравится оставлять непроясненным такой важный момент, – сказал Лето. – Суфир, я хочу, чтобы ты уделил первоочередное внимание решению этой проблемы.

– Мы уже работаем над ней, милорд. – Хават откашлялся. – Да, Айдахо заметил одну вещь: он сказал, что не может быть сомнений в отношении фрименов к силовым щитам. Он сказал, что они их главным образом попросту забавляют.

Герцог нахмурился:

– Вернемся к вопросу об оборудовании.

Хават сделал знак адъютанту, занятому с проектором, и солидо-изображение комбайна сменилось проекцией крылатого устройства, окруженного карликовыми фигурками людей.

– Это грузолет, – продолжал объяснять Хават. – По существу, просто большой орнитоптер, чья единственная функция в том, чтобы доставлять машины к богатым Пряностью пескам, а потом спасать их при появлении червей. Появляются-то они всегда. Сбор Пряности состоит в том, чтобы сгребать и хватать столько, сколько сможешь, и уносить ноги.

– Что превосходно согласуется с харконненскими принципами, – сказал герцог.

И реплика его отозвалась за столом резким и слишком громким смехом.

Грузолет сменило изображение орнитоптера.

– Это более обычные орнитоптеры, – сообщил Хават. – Правда, они серьезно модифицированы, что позволило значительно увеличить дальность полета. Особое внимание уделено защите от песка и пыли наиболее важных узлов. При этом только один из тридцати орнитоптеров имеет генераторы силовых экранов – возможно, они сняты для уменьшения веса и увеличения дальности полета.

– Не нравится мне это наплевательское отношение к щитам, – пробормотал герцог и подумал: «Но, может, в этом и состоит секрет Харконненов? Не означает ли это, что мы даже не сможем ускользнуть на экранированных фрегатах, если все обернется против нас?»

Он резко тряхнул головой, отгоняя эти мысли, и сказал:

– Давайте сделаем рабочую оценку. На какой доход мы можем рассчитывать?

Хават перелистнул две страницы в записной книжке.

– Оценив стоимость ремонта и количество действующего оборудования, мы произвели первичную оценку эксплуатационных расходов. Она основана, разумеется, на заниженном значении с поправкой на износ, принятом для того, чтобы иметь определенный запас. – Он закрыл глаза, входя в ментат-полутранс. – При Харконненах расходы на ремонт и оплату рабочей силы составляли четырнадцать процентов. Нам повезет, если мы сумеем удержать их на первых

порах в пределах тридцати процентов. С учетом реинвестиций и затрат на развитие, включая отчисления КООАМ и военные расходы, наша доля сведется к шести-семи процентам, пока мы не заменим изношенное оборудование. Когда же заменим, то, пожалуй, сумеем поднять ее до двенадцати-пятнадцати процентов... – Хават открыл глаза. – Если только милорд не желает перенять харконненские методы.

– Наша цель – устойчивое положение на планете и превращение ее в нашу надежную базу, – сказал герцог. – И мы должны делать значительные отчисления на улучшение жизни населения – особенно фрименов.

– В первую очередь фрименов, – согласился Хават.

– Наша власть на Каладане, – продолжил герцог, – зависела от мощи морских и воздушных сил. Здесь же мы должны заняться тем, что я могу назвать мощью Пустыни, и сделать ставку на нее. Сюда может быть включен и контроль воздушного пространства – но это не обязательно так; позволю себе обратить ваше внимание на отсутствие силовых экранов у орнитоптеров. – Он покачал головой. – Харконнены полагались на постоянный приток квалифицированного персонала извне. Мы же никак не можем положиться на такие кадры, ибо в каждой группе могут быть их агенты.

– Значит, нам придется смириться с намного меньшей прибылью и снижением сбора Пряности, – сказал Хават. – Наш валовой сбор за первые два сезона составит никак не более двух третей от среднего при Харконненах.

– Как раз этого мы и ожидали, – кивнул герцог. – Нам нужно быстро развивать отношения с фрименами. Хотелось бы еще до первой ревизии КООАМ иметь пять полностью укомплектованных фрименских батальонов.

– До ревизии осталось мало времени, сир, – сказал Хават.

– А у нас вообще мало времени, как вам всем хорошо известно. При первой же возможности они появятся здесь с сардаукарами, переодетыми в харконненскую форму. Как ты считаешь, Суфир, сколько они сумеют привезти?

– Судя по всему, четыре-пять батальонов, не более, – цены Гильдии на перевозку войск вам известны.

– Значит, пяти батальонов фрименов вместе с нашими собственными силами может оказаться достаточно. Если удастся захватить хотя бы нескольких сардаукаров и выставить их перед Советом Ландсраада – тогда все сильно переменится и вопрос будет стоять уже не о прибылях от Арракиса...

– Мы сделаем все от нас зависящее, сир.

Пол взглянул на отца, потом на Хавата и внезапно остро почувствовал возраст Хавата, вспомнив, что старик служит уже третьему поколению Атрейдесов. Да, он – уже старик... Это проявлялось в болезненном блеске карих глаз, в потрескавшейся и обожженной коже лица, опаленного ветрами многих миров, в сутулости плеч и в тонких губах с пятнами клюквенного цвета, вызванными потреблением сока сафо.

«Так много зависит от одного-единственного постаревшего человека...» – подумал Пол.

– Сейчас мы втянуты в войну асассинов, – сказал герцог, – но полного размаха она еще не достигла. Суфир, в каком состоянии здесь харконненская сеть?

– Мы ликвидировали двести пятьдесят девять их ключевых агентов, милорд. Осталось не более трех харконненских гнезд – вероятно, в совокупности около сотни человек.

– А эти уничтоженные нами харконненские твари были богаты? – спросил герцог.

– Большинство из них были неплохо обеспечены – в основном это местные предприниматели.

– Изготовьте – подделайте! – убедительные сертификаты вассальной преданности за подписью каждого из них, – сказал герцог. – Копии отправьте Арбитру Смены. Мы будем стоять на том, что они фактически были изменниками – нарушителями присяги вассалов. Конфис-

куйте их собственность, заберите все, выселите их семьи, раздень донага. И проследите, чтобы Император получил свои десять процентов. Все должно быть абсолютно законным.

Суфир улыбнулся, обнажив испятнанные красным зубы:

– Ход, достойный вашего деда, милорд. Позор моим седидам, что я сам до него не додумался.

Халлек удивленно сдвинул брови: на лице Пола читалась неприязнь к происходящему. Остальные улыбались и кивали.

«Так нельзя, – думал Пол. – Это только заставит всех остальных сражаться упорнее. Потому что от капитуляции не будет никакого толку».

Он знал, что в канли запрещенных приемов практически нет, но этот прием был из тех, что могут уничтожить применившего, даже дав ему победу.

– «И стал я чужаком в чужой земле», – процитировал Халлек.

Пол пристально посмотрел на него, узнав цитату из Экуменической Библии, и спросил себя: возможно ли, что и Гурни хотел бы покончить со всякими коварными интригами?..

Герцог бросил взгляд в темноту за окнами, потом посмотрел на Халлека:

– Гурни, скольких меланжеров удалось убедить остаться с нами?

– Всего двести восемьдесят шесть человек, сир. Думаю, мы должны взять всех, и, по моему, нам еще повезло. У всех полезные профессии.

– Так мало? – Герцог поджал губы. – Ну ладно, перейдем к... – Шум у двери прервал его. Дункан Айдахо миновал стоявшую там охрану, быстро прошел через весь зал к герцогу и склонился к его уху.

Лето знаком отстранил его и сказал:

– Говори вслух, Дункан. Ты же видишь – это заседание штаба.

Пол рассматривал Айдахо, отмечая его кошачьи движения и быструю реакцию, благодаря которым так трудно было соперничать с ним в фехтовании.

Темное лицо Айдахо повернулось к Полу; выражение глубоко посаженных глаз не выдавало эмоций, но Пол узнал эту маску безмятежности, скрывающую возбуждение.

Айдахо оглядел сидящих за столом, потом сказал:

– Мы разбили отряд харконненских наемников, переодетых фрименами. Сами фримены прислали к нам гонца, чтобы предупредить об этой банде. Напав на нее, мы, однако, обнаружили, что Харконнены подстерегли фрименского курьера на обратном пути и тяжело его ранили. Мы хотели доставить его сюда, к нашим врачам, но в дороге он умер. Я видел, как он был плох, и остановился, чтобы хоть немного помочь. А он вдруг попытался что-то выбросить. – Айдахо взглянул на Лето. – Это был нож, милорд, нож, подобного которому вы никогда не видели.

– Крис? – спросил один из офицеров.

– Несомненно, – сказал Айдахо. – Молочно-белый и словно светящийся внутренним светом.

Он потянулся и извлек из-под мундира ножны с торчащей из них черной ребристой рукояткой.

– Не вынимайте клинок из ножен!

Этот почти крик раздался от открытой двери в дальнем конце комнаты – и голос был таким звучным, пронзительным и взволнованным, что заставил всех обратить взоры на его обладателя.

В дверях стоял высокий человек в просторных одеждах. Путь ему преградили скрещенные мечи охранников. Светло-коричневый балахон полностью скрывал его фигуру, если не считать отверстия для лица в капюшоне. В прорезях черного лицевого покрывала маски светилась пара абсолютно синих глаз, глаз без единого белого пятнышка.

– Пусть он войдет, – прошептал Айдахо.

– Пропустите его, – велел герцог.

После некоторого колебания охранники опустили мечи. Человек стремительно вошел в комнату, остановившись напротив герцога.

– Это Стилгар, глава сиегча, в котором я гостил, вождь тех людей, которые предупредили нас о харконненской банде, – сказал Айдахо.

– Добро пожаловать, – сказал Лето. – И почему же нам нельзя вынимать из ножен этот клинок?

Стилгар взглянул на Айдахо и сказал:

– Ты соблюдал среди нас обычаи чистоты и чести. Тебе я мог бы разрешить взглянуть на клинок человека, которому вы помогали... – Стилгар обжег взглядом остальных присутствующих в помещении. – Но их я не знаю. Не осквернят ли они благородное оружие?

– Я – герцог Лето, – сказал герцог. – Можете ли вы позволить мне увидеть этот клинок?

– Я позволю вам заслужить право извлечь его из ножен, – отчеканил Стилгар и, когда над столом пронесся ропот недовольства, поднял худую, в темных прожилках руку. – Напоминаю, это клинок того, кто помог вам.

В наступившей тишине Пол изучал этого человека, ощущая исходящую от него ауру власти. Он был вождем – фрименским вождем.

Офицер, сидевший на противоположной от Пола стороне стола, пробормотал:

– Кто он такой, чтобы учить нас, какими правами мы обладаем на Арракисе?

– Говорят, что герцог Лето Атрейдес правит с общего согласия подданных, – сказал Стилгар. – Так что я должен рассказать вам, в чем тут дело: на тех, кто видел крис, ложится определенная ответственность. – Он бросил мрачный взгляд на Айдахо. – Они становятся нашими. И не смогут покинуть Арракис без нашего согласия.

Халлек и еще несколько человек с гневом на лицах вскочили.

– Один лишь герцог Лето определяет... – начал Халлек.

– Одну минуту, – сказал Лето, и мягкость, прозвучавшая в его голосе, остановила их. Этот момент нельзя упустить, подумал он и обратился к вождю фрименов: – Сэр, я чту и уважаю личное достоинство каждого, кто уважает мое достоинство. Я действительно у вас в долгу. И я всегда плачу свои долги. Если по вашему обычаю этот нож должен остаться здесь в ножнах, значит, так и будет – по моему приказу. И если существует еще какой-нибудь способ почтить человека, погибшего, помогая нам, вам остается только указать его.

Фримен пристально посмотрел на герцога, потом медленно отвел в сторону лицевое покрывало, открыв тонкий нос и полногубый рот, обрамленный черной блестящей бородой, медленно склонился над столом и плюнул на его полированную поверхность.

Сидевшие за столом вскочили было на ноги, но тут прогремел голос Айдахо:

– Стойте!

В наступившей напряженной тишине Айдахо сказал:

– Мы благодарим тебя, Стилгар, за дар влаги твоего тела. Мы принимаем его с тем же чувством, с каким он был принесен. – И Айдахо тоже плюнул на стол.

Специально для герцога он прошептал:

– Вспомните, сколь драгоценна здесь вода, сир. Это был знак уважения.

Лето откинулся на спинку стула, поймал взгляд Пола, заметил печальную улыбку на лице сына и почувствовал, как медленно спадает напряжение за столом, по мере того как к людям приходит понимание.

Стилгар посмотрел на Айдахо:

– Ты неплохо вписался в мой сиегч, Дункан Айдахо. Есть ли у тебя долг преданности твоему герцогу?

– Он хочет меня завербовать, сир, – пояснил Айдахо.

– Согласится ли он, если ты будешь служить и ему, и мне? – спросил Лето.

– Вы хотите, чтобы я пошел с ним, сир?

– Я хочу, чтобы ты сам принял решение, – сказал Лето и не сумел спрятать волнение в голосе.

Айдахо посмотрел прямо в глаза Стилгара:

– Берешь меня на этих условиях, Стилгар? Учти, тогда мне в случае необходимости придется возвращаться на службу к моему герцогу.

– Ты хорошо сражаешься и сделал все, что сумел, для нашего друга, – проговорил Стилгар и перевел взгляд на Лето. – Пусть будет так: человек Айдахо оставляет у себя этот крик как знак его верности нам. Он, разумеется, должен быть очищен и пройти ритуалы, но это можно сделать. Он будет фрименом и солдатом Атрейдесов. Тому уже есть прецедент: так и Лиет служит двум господам.

– Дункан? – спросил Лето.

– Я понимаю, сир, – кивнул Айдахо.

– Значит, решено, – заключил Лето.

– Твоя вода – наша, Дункан Айдахо, – сказал Стилгар. – Тело нашего друга остается у вашего герцога. Его вода – вода Атрейдесов. Теперь между нами – связь, связь воды.

Лето вздохнул, встретившись взглядом с Хаватом. Старый ментат с довольным выражением лица кивнул.

– Я буду ждать внизу, – сказал Стилгар, – пока Айдахо простится со своими друзьями. Имя нашего погибшего друга было Турок. Помните об этом, когда придет время освободить его дух. Вы – друзья Турока.

Стилгар повернулся уходить.

– Может быть, вы задержитесь, хотя бы ненадолго? – спросил Лето.

Фримен снова повернулся к нему, небрежным жестом возвращая покрывало на место и что-то под ним поправляя. Перед тем как покрывало опустилось, Пол успел заметить что-то вроде тонкой трубки.

– А разве есть причина для задержки? – спросил Стилгар.

– Хотя бы почета ради, – пожал плечами герцог. – Честь...

– Честь велит мне как можно быстрее оказаться в другом месте, – сказал Стилгар, метнул еще один взгляд на Айдахо, круто развернулся и, широко шагая, вышел.

– Если другие фримены похожи на него, мы с ними неплохо сработаемся, – сказал Лето. – Мы можем быть очень полезны друг другу.

Айдахо проговорил сухим тоном:

– Он прекрасный образчик, сир.

– Ты понимаешь, что должен делать, Дункан?

– Я – ваш посол к фрименам, сир.

– От тебя зависит очень многое, Дункан. Мы должны набрать по меньшей мере пять батальонов этих людей – до того как на нас обрушатся сардаукары.

– Эта цель потребует некоторых усилий, сир. Фримены – весьма независимый народ. – Айдахо поколебался, потом сказал: – И еще одно, сир. Один из наемников, которых мы побили, пытался завладеть этим клинком нашего погибшего фрименского друга. Этот наемник говорит, что Харконнены обещают миллион соляриев всякому, кто доставит им хотя бы один-единственный крик.

Подбородок Лето вздернулся: герцог был удивлен.

– Почему же им так сильно хочется заполучить эти клинки?

– Нож изготавливают из зуба песчаного червя; это знак фримена, сир, и никто другой не может иметь его. С ним синеглазый человек может войти в любой сиетч в этой земле. Они потребовали бы у меня предъявить его, если бы меня не знали. Я на фримена не похож. Но...

– Питер де Вриз, – сказал герцог.

– Человек дьявольского коварства, милорд, – кивнул Хават. Айдахо спрятал крис под мундир.

– Береги этот нож, – сказал герцог.

– Я понимаю, милорд. – Он похлопал по радию на своей португее. – Я доложу обо всем при первой возможности. У Суфира есть код моего вызова. Используйте боевой язык.

Дункан отсалютовал, четко повернулся кругом. Они слышали, как его шаги удаляются по коридору. Лето и Хават обменялись понимающими взглядами.

– Нам многое предстоит сделать, сир, – сказал Халлек.

– А я не даю тебе приняться за работу, – усмехнулся Лето.

– У меня приготовлено сообщение о передовых базах, – сказал Хават. – Может, в другой раз, сир?

– Оно длинное?

– Я подготовил краткое изложение, так что не очень. Среди фрименов говорят, что в период действия Имперской Пустынной ботанической станции здесь, на Арракисе, было построено свыше двухсот таких баз. Предполагается, что все они были покинуты, но есть показания, что перед тем, как бросить, их законсервировали.

– Там сохранилось действующее оборудование? – спросил герцог.

– Согласно сообщениям, полученным от Дункана, да.

– Где расположены станции? – вмешался Халлек.

– Ответ на этот вопрос, – сказал Хават, – неизменно один и тот же: «Лиет знает».

– Бог знает, – пробормотал Лето.

– Возможно, все не так безнадежно, сир, – сказал Хават. – Вы ведь слышали, как этот Стилгар употребил его имя. Не может ли оно относиться к реальному лицу?

– «Служит двум господам», – вспомнил Халлек. – Звучит как религиозная цитата, пожалуй...

– Тебе виднее. Странно, что ты не знаешь наверняка, – буркнул герцог.

Халлек улыбнулся.

– Ну а Арбитр Смены, – сказал Лето, – Имперский Эколог – Кинес... Не может ли он знать, где находятся эти базы?

– Сир, – предостерег Хават, – Кинес служит Императору.

– И очень далеко от Императора, – сказал Лето. – Мне нужны эти базы. Они, наверное, битком набиты материалами, которые вполне можно было бы использовать для ремонта нашего оборудования.

– Сир! – воскликнул Хават. – Эти базы по закону все еще относятся к феоде Его Величества.

– Климат здесь достаточно свирепый, чтобы уничтожить все, что угодно, – задумчиво сказал герцог. – Мы всегда сможем свалить все на бури... Разыщите этого Кинеса и хотя бы узнайте, существуют ли базы на самом деле.

– Реквизировать их все-таки опасно, – покачал головой Хават. – Дункан уверен, что эти базы или некая связанная с ними идея имеют для фрименов некое глубокое значение. Мы можем оттолкнуть их от себя, если разорим эти базы.

Пол видел, с каким напряжением офицеры следят за каждым произнесенным словом. Казалось, намерения отца их глубоко расстраивают.

– Послушайся его, отец, – тихо сказал Пол. – Он прав.

– Сир, – сказал Хават, – на этих базах действительно может содержаться столько материалов, что хватило бы на ремонт всего оставленного нам оборудования, и все-таки они могут оказаться за пределами досягаемости по стратегическим причинам. Опрометчиво было бы предпринимать какие-либо шаги без дополнительных сведений. Империя наделила Кинеса полномочиями Арбитра. Мы не должны этого забывать. И фримены считаются с его мнением.

– Значит, проделайте все мягко, – сказал герцог. – Я всего лишь хочу знать, существуют ли базы, и только.

– Как прикажете, сир. – Хават сел, опустив глаза.

– Тогда все в порядке, – сказал герцог. – Мы знаем, что нам предстоит – работа. Мы к ней готовились. И у нас есть в ней кое-какой опыт. Мы знаем, каким будет вознаграждение. Альтернативы тоже достаточно ясны. У каждого есть свое задание... – Герцог посмотрел на Халлека. – Гурни, в первую очередь займись контрабандистами.

– «Вот, иду к бунтарям, обитающим в безводной земле», – нараспев произнес Халлек.

– Когда-нибудь я поймаю этого парня на отсутствии подходящей цитаты, и он будет похож на голого, – бросил герцог.

Фраза его отозвалась за столом смешками, но Пол услышал в них нотки неестественности. Герцог обратился к Хавату:

– Суфир, разверни на этом этаже еще один командный пункт – для разведки и связи. Когда сделаешь, приходи: ты мне понадобишься.

Хават встал и окинул комнату взглядом, словно ища поддержки. Потом направился к выходу, следом потянулись остальные.

Офицеры двигались торопливо, скребя пол отодвигаемыми стульями, сталкиваясь, обнаруживая явные признаки смущения.

Дело закончилось всеобщим замешательством, подумал Пол, глядя в спины. Раньше Совет всегда заканчивался в приподнятой атмосфере. А это собрание словно вытекало медленной струйкой, утомленное собственной неэффективностью, да и завершилось оно спором...

Впервые Пол позволил себе подумать о реальной возможности неудачи – и вовсе не из страха перед ней и не из-за предостережений, подобных тем, что исходили от старой Преподобной Матери, – его собственная оценка ситуации заставила взглянуть этой возможности в лицо.

«Отец в отчаянии, – подумал он. – Дела складываются для нас очень неудачно».

И Хават... Пол припомнил, как вел себя на совещании старый ментат – едва уловимые колебания, признаки беспокойства...

Да, Хават чем-то глубоко встревожен.

– Тебе, наверное, лучше всего остаться на ночь здесь, сын, – сказал герцог. – Все равно скоро рассветет. Я сообщу твоей матери. – Он тяжело поднялся. – Почему бы тебе не сдвинуть вместе несколько кресел и не прилечь отдохнуть?

– Я не устал, отец.

– Ну, как хочешь.

Герцог заложил руки за спину и принялся вышагивать взад-вперед вдоль стола. Как зверь в клетке.

– Ты собираешься обсудить с Хаватом возможность того, что среди наших людей есть предатель? – спросил Пол.

Герцог остановился напротив сына и сказал, глядя в темноту за окнами:

– Эту возможность мы обсуждали много раз.

– Старуха казалась такой уверенной в этом, – сказал Пол. – И то послание для матери...

– Меры предосторожности приняты, – сказал герцог. Он оглядел комнату, и в его глазах сверкнула ярость загнанного зверя. – Оставайся здесь. Мне надо обсудить с Суфиром кое-что насчет командных пунктов. – Герцог повернулся и быстро вышел, коротко кивнув у двери охранникам.

Пол смотрел на то место, где стоял отец. Оно опустело даже раньше, чем герцог вышел из комнаты. И Пол вспомнил слова старухи: «... твоего отца не спасет ничто».

* * *

В тот первый день, когда Муад'Диб с близкими его ехал по улицам Арракина, некоторые из людей, стоявших у дороги, вспомнили легенды и пророчества и отважились прокричать: «Махди!» Но этот их крик был более вопросом, нежели утверждением, ибо тогда существовала лишь надежда, что был он Лисан аль-Гаибом, Гласом из Внешнего Мира, предсказанным много веков назад. Взгляды их были прикованы также и к его матери, ибо все слышали, что была она Бене Гессерит, и потому сочли ее чем-то вроде второго Лисан аль-Гаиба.

Из учебника «Жизнь Муад'Диб» принцессы Ирулан

Герцог нашел Суфира Хавата – тот сидел один в угловой комнате. За стеной работали – устанавливали и налаживали аппаратуру связи, но здесь было довольно тихо. Герцог успел окинуть взглядом все помещение, пока Хават поднимался из-за стола, заваленного бумагами. В этом закутке с зелеными стенами, помимо стола, было еще три кресла на силовой подвеске, со спинок которых поспешно стерли букву «Х», – там виднелись пятна, немного отличные по цвету от всей обивки.

– Эти кресла достались нам в наследство от прежних хозяев, но они вполне безопасны, – сказал Хават. – А где Пол, сир?

– Я оставил его в комнате совещаний. Я решил, что ему стоит отдохнуть, и избавил от своего присутствия.

Хават кивнул, прошел к двери в соседнюю комнату и прикрыл ее. Шум помех и треск разрядов, доносившиеся оттуда, стихли.

– Суфир, – вздохнул Лето, – я вот думаю об имперских и харконненских запасах Пряности.

– Что вы имеете в виду, милорд?

Герцог поджал губы:

– Склады могут быть разрушены...

Увидев, что Хават собирается возразить, герцог поднял руку:

– Я говорю сейчас не о запасах Императора. Но неприятностям Харконненов он бы тайне порадовался. И как барону протестовать против уничтожения того, что он не может открыто признать своим?

Хават покачал головой:

– У нас мало людей, сир.

– Возьми часть людей Айдахо. И, может быть, кто-то из фрименов захочет отлучиться с планеты. Рейд на Гьеди Прайм мог бы дать нам тактическое преимущество, Суфир.

– Как прикажете, милорд. – Хават повернулся уходить, и герцог заметил, что старик нервничает. *Возможно, он боится, что я ему не доверяю. Наверняка он знает, что я получил частные сообщения о предательстве. Ну и – лучшее всего немедленно успокоить его страхи.*

– Суфир, – сказал он, – ты один из немногих, кому я полностью могу доверять: поэтому я хочу обсудить с тобой еще один вопрос. Оба мы знаем, какого неусыпного внимания требует опасность проникновения предателей в наши ряды... но у меня есть два новых сообщения.

Хават обернулся, и герцог пересказал ему все, что узнал от Пола.

Но вместо сосредоточения, возникающего у ментатов во время работы, эти сообщения лишь усилили беспокойство Хавата. Лето всмотрелся в лицо старика, потом сказал:

– Ты что-то скрываешь, дружище. Мне следовало догадаться еще на совещании штаба, ведь ты там так нервничал. Что это за опасность, о которой нельзя говорить перед всеми?

Испятнанные сафо губы Хавата вытянулись в прямую линию с разбежавшимися от уголков мелкими морщинами. И так, с почти неподвижными губами, он наконец сказал:

– Милорд, я даже не знаю, как к этому подступиться.

– Мы же приняли друг за друга немало шрамов, Суфир, – напомнил герцог. – И уж кто-кто, а ты можешь сказать мне все, что угодно, – и ты это знаешь.

Хават, по-прежнему глядя на герцога, подумал: «Таким я люблю его больше всего. Человеком чести, заслуживающим всей моей преданности и службы. Почему мне приходится причинять ему боль?»

– Итак? – потребовал Лето. Хават пожал плечами:

– Дело в обрывке сообщения, который мы отобрали у харконненского тайного курьера. Сообщение предназначалось для агента по имени Парди. У нас есть основание полагать, что этот Парди был главой всей здешней харконненской подпольной сети. Это сообщение... это такая вещь, которая может повлечь огромные последствия – или никаких. Дело в том, что его можно истолковать по-разному.

– И что же это за сообщение?

– Обрывок сообщения, милорд. Обрывок микрофильма, снабженного, как обычно, капсулой самоуничтожения. Мы сумели нейтрализовать воздействие кислоты незадолго до полного уничтожения информации – остался лишь фрагмент. Но фрагмент очень существенный.

– Да?

Хават потер губу:

– Он гласит: «... его никогда не заподозрит, и когда удар обрушится на него, довольно будет и того, что нанесет его рука любимого человека». Кассета была опечатана личной печатью барона, и я удостоверился в ее подлинности.

– Твое подозрение очевидно, – сказал герцог, и голос его стал ледяным.

– Я бы лучше отрубил себе руки, чем так расстраивать вас, – сказал Хават. – Милорд, а что, если...

– Леди Джессика, – сказал Лето и почувствовал, как быстро разгорается гнев. – А вы что, не сумели выбить факты из этого Парди?

– К сожалению, когда мы перехватили курьера, Парди уже не было в живых. А курьер, я уверен, просто не знал, что несет.

– Понятно.

Лето покачал головой: «Какая гнусность. Конечно, тут все подстроено – я-то знаю свою женщину».

– Милорд, если...

– Нет! – рявкнул герцог. – Здесь ошибка.

– Мы не можем этого игнорировать, милорд.

– Она со мной шестнадцать лет! Бессчетные возможности были для... Ты сам проверял и школу, и ее самое!

Хават горько проговорил:

– Кое-что ведь от меня уже ускользнуло...

– Это невозможно, я тебе говорю! Харконнены хотят уничтожить род Артрейдесов – имея в виду и Пола. Один раз они уже попытались. Может ли женщина строить заговоры против собственного сына?

– Возможно, против сына она заговоров не строит. И вчерашняя попытка могла быть ловким обманом.

– Нет, не могла!

– Сир, предполагается, что она не знает, кто ее родители, но что, если знает? Что, если, допустим, она сирота и виновна в этом Атрейдесы?

– Она бы ударила давным-давно. Яд, подсыпанный в мой бокал... удар стилета ночью. У кого было больше возможностей?

– Харконнены хотят уничтожить вас, милорд. Им недостаточно просто убить. В канли имеется ряд тонких различий. Представьте, что это не просто вендетта, а вендетта-шедевр, своего рода произведение искусства?..

Плечи герцога тяжело опустились. Он закрыл глаза, разом почувствовав себя постаревшим и безмерно усталым. «Этого просто не может быть. Она открыла мне свое сердце».

– Есть ли лучший способ уничтожить меня, чем посеять во мне подозрения к женщине, которую я люблю?

– Такую вероятность я рассматривал, – сказал Хават. – Но...

Герцог открыл глаза и посмотрел на Хавата.

«Пусть подозревает. Подозрение – его профессия. Может быть, притворившись, что верю в это, я сделаю врага менее осторожным...»

– Что ты предлагаешь? – прошептал герцог.

– Сейчас – непрерывное наблюдение, милорд. За ней нужно следить постоянно. Я постараюсь, чтобы это было сделано ненавязчиво. Для такой работы лучше всего подошел бы Айдахо. Мы могли бы, наверное, в течение недели вернуть его. Мы готовили одного молодого человека из отряда Айдахо – он идеально подходит, чтобы направить его к фрименам на замену Айдахо. Прирожденный дипломат.

– Только чтобы это не вредило нашим отношениям с фрименами.

– Разумеется, сир.

– А что насчет Пола?

– Можно предупредить доктора Юйэ – пусть присмотрит...

Лето уже повернулся к Хавату спиной.

– Оставляю это на твое усмотрение.

– Я буду осторожен, милорд.

«Хоть на это можно рассчитывать», – подумал Лето и сказал:

– Пойду прогуляюсь. Если я тебе понадоблюсь – я не собираюсь выходить за территорию дворца. Охрану можешь...

– Милорд, прежде чем вы уйдете, – у меня есть ролик, который мог бы вас заинтересовать. Это анализ фрименской религии в первом приближении. Помните, вы просили меня доложить об этом.

Герцог остановился и, не оборачиваясь, досадливо спросил:

– А подождать это не может?

– Разумеется, милорд. Вы спрашивали, что они выкрикивали. Это было слово «Махди!»

И обращено оно было к молодому господину. Когда они...

– К Полу?

– Да, милорд. У них тут есть легенда, пророчество, что к ним придет вождь, сын женщины из Бене Гессерит, который поведет их к подлинной свободе. Легенда следует обычному мессианскому образцу.

– Они думают, что Пол и есть этот... этот...

– Они только надеются, милорд. – Хават протянул ему капсулу.

Герцог взял ее и засунул в карман:

– Я просмотрю это позже.

– Разумеется, милорд.

– А сейчас мне нужно... подумать.

– Да, милорд.

Герцог глубоко вздохнул и быстро вышел. Он повернул направо по коридору, замедлил шаг и, заложив руки за спину, двинулся вперед, почти не обращая внимания на окружающее. Сменялись коридоры, лестницы, балконы, залы... Встречные салютовали ему и уступали дорогу.

Он вернулся в комнату совещаний: там было темно, и Пол спал на столе, укрывшись плащом охранника и положив под голову ранец. Герцог тихо пересек комнату и вышел на балкон, с которого открывался вид на посадочное поле. Охранник, дежуривший на балконе, узнал герцога в тусклом отсвете посадочных огней и встал «смирно».

– Все в порядке, – сказал ему герцог и оперся о холодный металл балюстрады.

На пустыню сошла предрассветная тишина. Он взглянул вверх. Прямо над головой звезды сверкали, точно золотые монеты на иссиня-черном бархате. С юга, зависнув над горизонтом, сквозь легкую пыльную дымку на него глядела Вторая луна – глядела недоверчиво и цинично.

Пока герцог смотрел, луна медленно опустилась за край Барьерной Стены, облив гребни скал стеклистым блеском, и во внезапно спустившейся темноте герцогу стало немного зябко. Он вздрогнул.

И почти в то же мгновение его пронзила вспышка гнева.

«Все последнее время Харконнены вредят мне, травят, охотятся за мной. Эти кучи дерьма с палаческими мозгами! Но я отсюда не уйду! – И заключил с оттенком печали: – Я должен править, пуская в ход глаза и когти – как ястреб среди малых птиц».

Он бессознательно провел рукой по эмблеме ястреба на своем мундире.

На востоке в ночном небе проступил призрачный жемчужно-серый веер, расцвел опаловой морской раковиной, затмившей звезды. Началось долгое, звонкое движение зари, поджегшей небо над изломанным горизонтом.

Это была картина такой красоты, которая поглотила его целиком.

Поистине есть вещи, ни с чем не сравнимые. Он никогда не мог представить себе, что здесь может существовать нечто столь прекрасное, как этот алый горизонт, пурпурные и охряные скалы. За посадочным полем, там, где слабая ночная роса коснулась жизни в торопливых семенах Арракиса, загорелись огромные пятна красных цветов. Через них бежала цепочка фиолетового... точно следы неведомого великана.

– Прекрасное утро, сир, – тихо произнес охранник. Герцог кивнул.

«Возможно, эту планету можно полюбить. Может быть, она даже станет хорошим домом моему сыну...»

Затем он увидел людей, движущихся среди цветов и словно обметающих их странными инструментами, напоминающими серпы. Это были сборщики росы. Вода здесь столь драгоценна, что необходимо собирать даже росу.

«...Но она может оказаться и ужасным местом», – подумал герцог.

* * *

Нет, наверное, более ужасного мгновения в познании мира – ужаснее, нежели миг, когда открываешь, что отец твой – живой человек из плоти и крови.

Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диб»

– Пол, то, что я делаю сейчас, – тяжело и отвратительно, но я должен сделать это...

Он стоял рядом с портативным ядоискателем, который доставили в комнату совещаний, чтобы они могли позавтракать там. Сенсорные щупы искателя безвольно повисли над столом, напомнив Полу какое-то только что издохшее огромное насекомое.

Герцог смотрел в окно на посадочное поле и клубы пыли на фоне утреннего неба.

Перед Полом был фильмоскоп с роликом о религии фрименов. Ролик составлял один из экспертов Хавата, и Пол почувствовал, что смущен ссылками на себя.

«Махдй!»

«Лисан аль-Гаиб!»

Он закрыл глаза и снова услышал эти крики взволнованных толп. «Так вот на что они надеются, – подумал он. И вспомнил, что говорила Преподобная Мать, – «Квисатц Хадерах». Воспоминания вновь разбудили в нем чувство ужасного предназначения, вызвали ощущение, что ему знаком этот странный мир, ощущение, которого он не мог объяснить.

– Да, отвратительно, – повторил герцог.

– Что ты имеешь в виду?

Лето повернулся, взглянул на сына:

– Дело в том, что Харконнены решили обмануть меня – чтобы я заподозрил твою мать. Они не знают, что я скорее усомнился бы в самом себе.

– Я тебя не понимаю, отец.

Лето опять посмотрел в окно. Белое солнце вошло в свой утренний квадрант. Молочный свет пронизал бурление пыльных облаков, расплескавшихся в слепых ущельях Барьерной Стены.

Медленно, понизив голос, стараясь сдерживать гнев, герцог рассказал Полу о таинственной записке.

– С тем же основанием ты мог бы заподозрить и меня, – сказал Пол.

– Надо, чтобы они думали, будто добились своего, – сказал герцог. – Чтобы считали меня таким дураком. Все должно выглядеть достоверно. Даже твоя мать должна быть уверена, что все это – всерьез и по-настоящему.

– Но почему?

– Нельзя, чтобы реакция твоей матери была игрой, притворством. О, она способна на великолепную игру... но слишком многое поставлено на карту. Я надеюсь разоблачить предателя. Должно казаться, что я полностью обманут. Придется причинить ей эту боль, чтобы она не испытала худших страданий.

– Тогда почему ты рассказываешь это мне, отец? А вдруг я что-то нечаянно выдам?

– Они не станут следить в этом деле за тобой, – сказал герцог. – Ты сохранишь секрет. Ты должен. – Герцог отошел к окну и продолжал не оборачиваясь: – Я рассказываю это тебе для того, чтобы – если со мной что-нибудь случится – ты мог рассказать ей правду: что я никогда, ни на одно мгновение не сомневался в ней. Мне хотелось бы, чтобы она это узнала.

В словах отца он почувствовал мысли о смерти и быстро проговорил:

– С тобой ничего не случится, отец. Ты...

– Не надо, сын.

Пол всматривался в отца, замечая утомление, сквозившее в наклоне головы, в линии плеч, в медлительности движений.

– Ты просто устал, отец.

– Я устал, – согласился герцог. – Я устал душой. Наверное, вырождение Великих Домов в конце концов поразило и меня. А ведь когда-то мы были такими сильными людьми!

Пол, внезапно испугавшись, горячо возразил:

– Наш Дом не вырождается.

– Не вырождается?

Герцог повернулся лицом к сыну, показав темные круги под жесткими глазами, циничный изгиб губ.

– Мне следовало жениться на твоей матери, сделать ее герцогиней. Но... то, что официально я не женат, дает надежду на союз со мной некоторым Домам, у которых есть незамужние дочери. – Он пожал плечами. – И я...

– Мать мне это объясняла.

– Ничто не дает вождю большей преданности, чем атмосфера бравადы, смелости, куража, – сказал герцог. – Вот я ее и культивирую.

– Ты руководишь хорошо, – запротестовал Пол. – Ты хорошо правишь. Люди следуют за тобой добровольно и с любовью.

– Мой корпус пропаганды – один из лучших, – горько усмехнулся герцог, отворачиваясь к пустыне. – Здесь, на Арракисе, у нас больше возможностей, чем Империя могла бы себе представить. Но иногда я думаю, что стоило бы предпочесть бегство, стать отступниками. Иногда я хочу, чтобы мы безымянно и бесследно растворились среди людей, став менее уязвимыми перед...

– Отец!

– Да, я устал, – повторил герцог. – Ты знаешь, что мы используем осадок, получающийся при очистке Пряности, в качестве сырья и уже запустили собственную фабрику по производству фильмомент?

– ?..

– Мы не можем допустить дефицита пленки, – объяснил герцог. – Как иначе мы можем наводнить своей информацией деревню и город? Люди должны знать, сколь хорошо я ими правлю. А как они смогут узнать это, если мы им не расскажем?

– Тебе надо все-таки немного отдохнуть, – сказал Пол. Герцог стоял совершенно неподвижно – четкий силуэт на фоне солнца.

– У Арракиса есть еще одно преимущество, о котором я чуть не забыл упомянуть. Пряность тут во всем. Мы вдыхаем ее и съедаем вместе с любой пищей. И я полагаю, это дает определенный иммунитет к некоторым из самых распространенных ядов из «Справочника асассина». И необходимость следить за каждой каплей воды ставит все производство пищи – выращивание дрожжей, гидропонику, производство химовита, – короче, все – под самый строгий надзор. Мы не можем, к примеру, избавиться от большей части нашего населения с помощью яда – поэтому и на нас не могут напасть таким способом. Арракис делает нас моральными и нравственными.

Пол хотел ответить, но герцог жестом прервал его:

– Мне нужен кто-то, кому я мог бы говорить подобные вещи, сын.

Он вздохнул и опять взглянул на иссушенный ландшафт, откуда теперь исчезли даже цветы – растоптанные сборщиками росы, увядшие под утренним солнцем.

– На Каладане мы правили, используя силу моря и воздуха, – сказал герцог. – Здесь мы должны ухватиться за силу Пустыни. Это твое будущее владение, Пол. Что с тобой станет, если со мной что-то случится? Наш Дом станет не отступническим, а, так сказать, партизанским Домом – преследуемым, бегущим...

Пол пытался что-то ответить, но так и не нашел что. Никогда еще он не видел отца таким.

– Чтобы сохранить Арракис, – продолжал герцог, – встаешь перед неизбежностью решений, которые могут стоить тебе самоуважения. – Он указал взглядом на зелено-черное знамя Атрейдесов, безвольно повисшее на флагштоке на краю посадочного поля. – Это благородное знамя может стать символом зла.

Пол сглотнул пересохшим горлом. Слова отца несли печать обреченности. Мальчик почувствовал пустоту в груди.

Герцог извлек из кармана таблетку стимулятора и проглотил, не запивая.

– Сила и страх, – сказал он. – Вот инструменты государственной власти... Я вынужден еще раз подчеркнуть, как важно, чтобы ты полностью овладел методами партизанской войны. Этот ролик... они называют тебя «Махди», «Лисан аль-Гаибом» – в крайнем случае попробуй поставить на это. Это – твой последний шанс.

Пол смотрел на отца и видел, как распрямляются его плечи – подействовала таблетка, – но слова страха и сомнения не забывались.

– Почему нет эколога? – пробормотал герцог. – Я же сказал Хавату, чтобы он доставил его сюда пораньше.

* * *

Однажды мой отец, Падишах-Император, взял меня за руку, и с помощью методов, которым научила меня моя мать, я почувствовала, что он расстроен. Он привел меня в Зал Портретов и подвел к эго-образу герцога Лето Атрейдеса. Я заметила сильное сходство между ними – моим отцом и этим человеком на портрете, – у обоих худощавые, тонкие лица с резкими чертами и холодные яркие глаза. «Принцесса-дочь, – сказал тогда мой отец, – хотел бы я, чтобы ты была постарше, когда этот человек выбирал себе жену...» В то время отцу был семьдесят один год, хотя выглядел он не старше, чем человек на портрете, а мне было всего четырнадцать; однако я помню, как решила тогда, что отец мой тайне желает породниться с герцогом и проклинал политическую неизбежность, сделавшую их врагами.

Принцесса Ирулан. «В доме моего отца»

Первая встреча с людьми, которых ему приказали предать, потрясла Кинеса. Он гордился собой, считая себя ученым, для которого легенды – не более чем занятные ключи к истокам культуры. Но мальчик так точно соответствовал древнему пророчеству! У него были «вещающий взгляд» и аура «сдержанной искренности».

Конечно, пророчество оставляло некоторый простор толкованиям – должна ли Богиня-Мать привезти Мессию с собой или же дать Ему жизнь уже здесь? Но все-таки тут было, было это странное соответствие между предсказанием и реальными людьми.

Они встретились утром возле административной башни арракинского космодрома. Неподалеку стоял наготове и тихо жужжал, словно большое сонное насекомое, орнитоптер без опознавательных знаков. Рядом дежурил охранник Атрейдесов с обнаженным мечом и включенным щитом – это было заметно по слабому дрожанию воздуха.

Увидев это дрожание, Кинес позволил себе саркастически улыбнуться: тут Арракис преподнесет им сюрприз!

Планетолог поднял руку, отсылая свою фрименскую охрану. Потом направился ко входу в здание – темной дыре в облицованном пластиком камне. Это громоздкое сооружение показалось ему таким незащищенным, таким ненадежным в сравнении с пещерой...

Внутри проема возникло какое-то движение. Тогда он остановился, поправляя плащ и дистикомб.

Двери широко распахнулись, открыв путь тяжеловооруженным охранникам – у всех были станнеры с «медленными» стрелками, мечи и силовые щиты. Вслед за ними появился высокий смуглый черноволосый человек, чьи черты напоминали хищную птицу. На нем был плащ-дзубба с гербом Атрейдесов на груди, и то, как он носил плащ, выдавало его незнакомство с этой одеждой – дзубба обвивалась вокруг его ног, словно липла к дистикомбу, а не развевалась свободно в ритме шагов, как должно.

Рядом с человеком в плаще шел мальчик – такой же черноволосый, но с более круглым овалом лица. Он выглядел моложе своих лет: как вспомнил Кинес, ему было пятнадцать. Однако, несмотря на юный вид, от него веяло повелительной, спокойной уверенностью, словно он видел и знал в окружающем мире нечто такое, чего не могли увидеть другие. И одет он был в плащ того же фасона, что и его отец, но носил его с небрежной легкостью, заставлявшей думать, будто этот мальчик всегда носил такую одежду.

«Махди будет замечать вещи, которые не могут увидеть другие», – гласило пророчество.

Кинес потряс головой, сказав себе: «Эти двое – лишь люди».

Вместе с герцогом и его сыном появился одетый, подобно им, для пустыни, человек, которого Кинес узнал, – Гурни Халлек. Кинес глубоко вздохнул, стараясь унять свое раздра-

жение против Халлека, осмелившегося поучать его, как надо вести себя с герцогом и герцогским наследником.

«Можете обращаться к герцогу «милорд» или «сир». Слово «высокородный» тоже допустимо, хотя это – обращение для более официальных случаев. Сына его можете называть «молодым господином» или «милордом». Герцог – очень снисходительный человек, но не выносит фамильярности».

И, глядя на приближающуюся группу, Кинес подумал: «Они достаточно скоро узнают, кто на Арракисе господин и хозяин. Надо же, приказали этому ментату расспрашивать меня среди ночи! Ждут, чтобы я помог им в проверке разработок Пряности!»

Смысл вопросов Хавата не ускользнул от Кинеса. Им нужны имперские базы. И ясно, что о базах они узнали от Айдахо.

Я велю Стилгару послать этому герцогу голову Айдахо.

Отряд герцога был теперь всего лишь в нескольких шагах от него, и песок скрипел под их пустынными сапогами.

Кинес поклонился:

– Милорд герцог, приветствую вас.

Пока Лето шел к орнитоптеру, он хорошо рассмотрел стоявшего рядом с машиной человека: Кинес был высок, худощав, одет для пустыни – в свободную накидку, дистикомб и низкие сапоги. Капюшон был небрежно отброшен, лицевой клапан отстегнут и висел сбоку, открывая взору песочного цвета волосы и редкую бороду. Глаза под густыми бровями были бездонно синими, их обвели круги въевшейся пыли.

– Вы эколог, – утвердительно сказал герцог.

– Мы здесь предпочитаем старый титул, милорд, – уточнил Кинес. – Планетолог.

– Что же, как вам угодно, – пожал плечами герцог и повернулся к Полу: – Сын, это Арбитр Смены, судья в спорах, человек, назначенный проследить, чтобы в нашем вступлении во владение этим леном были соблюдены необходимые формальности... – Герцог взглянул на Кинеса. – А это мой сын.

– Приветствую вас, – поклонился Кинес Полу.

– Вы фримен? – спросил Пол. Кинес улыбнулся:

– Меня принимают и в сиетче, и в деревне, молодой господин, но я состою на службе Его Величества, я – Имперский Планетолог.

Пол кивнул, удивленный аурой силы, исходящей от этого человека. Халлек показал Кинеса Полу из верхнего окна административной башни: «Вон тот человек, окруженный фрименским эскортом, – тот, что сейчас направляется к орнитоптеру».

Пол быстро осмотрел Кинеса в бинокль, отметив горделиво сжатые тонкие губы, высокий лоб. Халлек шепнул Полу:

– Станный тип. Разговаривает очень четко – никаких неопределенностей, каждая фраза словно бритвой отрезана.

И герцог, стоя позади, добавил:

– Типичный ученый.

Теперь же, находясь в нескольких футах от этого человека, Пол ощутил силу его личности, такую, словно Кинес был рожден повелевать.

– Как я понимаю, за дистикомбы и эти плащи мы должны благодарить вас, – проговорил герцог.

– Надеюсь, они вам впору, милорд, – сказал Кинес. – Они фрименского производства и подобраны максимально близко к размерам, которые сообщил мне вот этот ваш человек – Халлек.

– Меня обеспокоили ваши слова о том, что без этих одежд вы не ручаетесь за нашу безопасность в пустыне, – сказал герцог. – Мы ведь можем взять с собой сколько угодно воды. К

тому же мы не собираемся далеко отходить от орнитоптера, и у нас есть прикрытие с воздуха – вот эти машины, которые сейчас прямо над нами. Не может быть, чтобы нам что-то угрожало!

Кинес внимательно посмотрел на него, отметив насыщенную влагой кожу, и холодно заметил:

– Никогда не говорите, что может быть на Арракисе и чего не может. Здесь говорят только о вероятности.

Халлек подобрался:

– К герцогу следует обращаться «милорд» или «сир»!

Лето условным жестом приказал Халлеку умолкнуть и сказал:

– Наши порядки вновь здесь, Гурни. Будь снисходительнее.

– Как прикажете, сир.

– Мы перед вами в долгу, доктор Кинес, – промолвил Лето. – И запомним эти костюмы и вашу заботу о нас.

По какому-то внезапному побуждению Пол вспомнил цитату из Экуменической Библии и тихо произнес:

– «Дар есть благословение дающего».

И слова его неожиданно звучно разнеслись в тишине неподвижного воздуха. Фрименские охранники Кинеса, сидевшие на корточках в тени административной башни, повскакивали, что-то бормоча в явном возбуждении. Один из них воскликнул: «Лисан аль-Гаиб!»

Кинес быстро повернулся и раздраженно махнул охранникам рукой. Те, негромко, но возбужденно переговариваясь, неохотно отошли за угол здания.

– Любопытно, – пробормотал Лето. Кинес твердо взглянул на герцога и Пола:

– Большинство жителей Пустыни крайне суеверны. Не стоит обращать на них внимания. Они не имели в виду ничего дурного.

Но он не мог не вспомнить слова из легенды: «Они будут приветствовать вас Святыми Словами, и дары ваши будут благословенны».

Впечатление о Кинесе – частично основанное на кратком устном сообщении Хавата (осторожном и полном подозрений) – внезапно выкристаллизовалось для Лето: Кинес был фрименом. Кинес прибыл с фрименским эскортом, что могло, конечно, означать всего лишь, что фримены проверяют свое новообретенное право свободно перемещаться в черте города, – но эскорт этот выглядел скорее как почетная охрана. И по манерам Кинес был гордым человеком, привычным к свободе, и речь его и поведение сдерживались лишь его собственными подозрениями. Вопрос Пола был прямо по существу.

Лето стал воспринимать Кинеса как местного жителя.

– Не пора ли нам отправляться? – спросил Халлек. Герцог кивнул:

– Я полечу на своем топтере. Кинес может сесть в него рядом со мной – чтобы показывать дорогу. Вы с Полом сядете сзади.

– Одну минуту, – сказал Кинес. – С вашего позволения, сир, я должен проверить ваши дистрикомбы.

Герцог хотел было возразить, но Кинес опередил его:

– Я здесь не меньше забочусь о себе, чем о вас... милорд. Я слишком хорошо знаю, чье горло будет перерезано, случись что-нибудь с вами и вашим сыном, пока вы на моем попечении.

Герцог нахмурился, взвешивая возможности. Вот так ситуация! Отказавшись, я могу его оскорбить. А ценность этого человека для меня, возможно, неизмерима. Но... позволить ему пройти *внутри моей защиты, коснуться меня, когда я так мало о нем знаю?*

Эти мысли пронеслись, перейдя в твердое решение.

– Мы в ваших руках, – спокойно сказал он и шагнул вперед, раскрывая свой плащ и заметив, что Халлек приподнимается на носках, напрягшись как натянутая струна.

– И если вы окажете любезность, – добавил герцог, – я был бы весьма благодарен за разъяснения об этом костюме – вы так хорошо знакомы с ним.

– Разумеется, – отозвался Кинес, нащупывая на плече под плащом герцога герметичные застежки. Проверяя их, он начал: – Костюм многослойный – высокоэффективный фильтр и теплообменная система. – Он поправил застежки. – Слой, примыкающий к коже, пористый. Пот проходит сквозь него, охлаждая тело... идет почти нормальный процесс испарения. Следующие два слоя... – Кинес подтянул подгоночный ремешок на груди, – ... содержат волоконные теплообменники и осадители солей. Соли также используются вновь.

Герцог развел руками:

– В самом деле, очень интересно.

– Вдохните поглубже, – сказал Кинес.

Планетолог рассмотрел застежки возле подмышек, подтянул одну из них.

– Движения тела, в особенности дыхание, – сказал он, – а также осмотические процессы обеспечивают нагнетающую силу... – Он слегка ослабил ремешок на груди. – Утилизируемая вода переходит в накопительные карманы, из которых ее и извлекают через эту вот трубку, закрепленную в зажиме под шеей.

Герцог опустил голову, чтобы увидеть конец трубки.

– Эффективно и удобно, – хмыкнул он. – Хорошее изобретение.

Кинес опустился на колени, проверяя, как подогнан комбинезон на ногах.

– Моча и экскременты обрабатываются в буртиках на бедрах, – сказал он и поднялся на ноги, проверил воротник и поднял прикрепленный к нему клапан. – В открытой пустыне этим фильтром закрывают лицо, а трубку с этими пробками, обеспечивающими плотную подгонку, вставляют в ноздри. Вдыхают через ротовой фильтр, выдыхают через носовую трубку. С таким фрименским костюмом, конечно, если он в хорошем рабочем состоянии, вы потеряете не более глотка влаги в сутки – даже если окажетесь в Великом Эрге.

– Глоток в сутки! – повторил герцог.

Кинес надавил пальцем на лобную подушечку костюма и добавил:

– Она может немного натирать лоб. Если она вызовет раздражение кожи, пожалуйста, скажите мне. Я мог бы подогнать ее чуть плотнее.

– Благодарю, – сказал герцог. Когда Кинес на шаг отступил, герцог повел плечами в костюме, ощутив, что теперь костюм сидит лучше – плотнее и меньше раздражает.

Кинес повернулся к Полу:

– Теперь займемся мальчиком...

«Он хороший человек, но ему следует научиться обращаться к нам должным образом», – подумал герцог.

Пока Кинес проверял его костюм, Пол стоял неподвижно. Он вспомнил ощущения при примерке дистикомба: странно-гладкая, скользящая ткань в мелких морщинах... Разумеется, он прекрасно знал, что никогда раньше не надевал дистикомб. Но каждое движение собственных пальцев, подгоняющих застежки-липучки под неумелым руководством Гурни, казалось естественным, инстинктивным. Когда он затягивал костюм на груди, чтобы добиться максимальной нагнетающей силы от дыхания, он знал, что делает и почему. Когда стягивал ткань на шее и плотнее прилаживал лобную подушку, он знал, что, если этого не сделать, кожу сотрет до волдырей.

Кинес выпрямился и озадаченно отступил.

– Вы уже носили раньше дистикомб? – спросил он.

– Сегодня я надел его в первый раз.

– Значит, кто-то помог вам его подогнать?

– Нет.

– Голенища ваших пустынных сапог приспущены и закреплены у щиколотки. Кто вас этому научил?

– Мне казалось, что так будет правильно.

– И будьте уверены – это действительно правильно.

Кинес потер щеку, вспоминая слова легенды: «И будет он знать ваши пути, словно он рожден для них».

– Мы теряем время, – сказал герцог и, указав рукой на ожидающий топтер, двинулся к нему. Охранник отдал честь, герцог кивнул в ответ. Поднявшись в топтер, он закрепил свои ремни безопасности, пробежал пальцами по панели управления. Амортизаторы машины поскрипывали, когда его спутники садились.

Кинес тоже закрепил ремни и огляделся. Салон орнитоптера был непривычно комфортабельным, даже слишком роскошным – мягкая серо-зеленая обивка, мерцающие приборы, чистый увлажненный воздух, наполнивший его грудь, как только дверцы захлопнулись и мягко загудел кондиционер.

«Как удобно», – подумал он.

– Все в порядке, сир, – доложил Халлек.

Лето включил питание крыльев, ощутил их взмахи – раз, другой. Машина оторвалась от земли на десять метров, крылья напряглись, застыли, и кормовые реактивные двигатели, засвистев, толкнули топтер круто вверх.

– Держите к юго-востоку над Барьерной Стеной, – посоветовал Кинес. – Я сказал вашему дюнмастеру, чтобы он направил оборудование туда.

– Хорошо.

Герцог заложил вираж, машины сопровождения повторили маневр, заняли свои места, и группа повернула на юго-восток.

– Конструкция и налаженное производство этих дистикомбов говорят о высоком уровне технологии, – заметил герцог.

– Когда-нибудь, если пожелаете, я покажу вам фабрику в одном из сиетчей, – отозвался Кинес.

– Было бы интересно посмотреть, – кивнул герцог. – Я заметил, что дистикомбы производятся и в некоторых гарнизонных городках.

– Скверная имитация, – ответил Кинес. – Если обитатель Дюны заботится о своей шкуре, он носит фрименский комбинезон.

– И такой костюм позволяет свести расход воды до глотка в день?

– Когда правильно надет – с плотно пригнанной лобной подушкой и хорошей герметизацией, – тогда главный расход воды идет через ладони, – объяснил Кинес. – Если не требуется выполнять руками тонкую работу, можно надеть перчатки костюма, но большинство фрименов в открытой Пустыне предпочитают натирать руки соком листьев креозотового кустарника. Он подавляет потение.

Герцог бросил взгляд вниз, на изломанный ландшафт Барьерной Стены – истерзанные скалы, желто-бурые пятна, прорезанные черными линиями разломов. Будто какой-то исполин сбросил все это с орбиты и оставил так, как упало...

Они пролетели над мелким бассейном, на котором четко выделялись полосы серого песка, пересекавшие бассейн от горловины до противоположной стороны, где пальцы песчаной дельты тянулись вверх по темной скале.

Кинес откинулся в кресле, думая о пропитанных водой телах, одетых в дистикомбы. Поверх плаща у каждого был щит-пояс, а на поясе – кобура станнера с медленными стрелками; маленькие, с монетку, аварийные передатчики-медальоны на шее. И у герцога, и у его сына были ножи на запястьях, и ножны их выглядели изрядно потертыми. Люди эти поразили

Кинеса странным сочетанием мягкости и силы. В них чувствовалась какая-то уравновешенность – как были они в этом отличны от Харконненов!

– Когда вы будете докладывать Императору о смене правления, сообщите ли вы, что мы соблюдаем правила? – спросил Лето, на миг переведя взгляд с приборной панели на Кинеса.

– Харконнены ушли, вы пришли, – ответил Кинес.

– И всё как полагается? – спросил Лето. У Кинеса напряглось лицо.

– Как планетолог и Арбитр Смены, я непосредственно подчиняюсь Империи... милорд. Герцог жестко улыбнулся:

– Но нам обоим известно реальное положение дел.

– Позволю себе напомнить, что Его Величество покровительствует моей работе.

– Да? И в чем же она состоит?

В наступившей тишине Пол подумал: «Отец слишком жестко давит на этого Кинеса».

Пол покосился на Халлека, но воин-менестрель старательно вглядывался в унылый ландшафт за колпаком кабины.

Кинес натянуто проговорил:

– Вы, разумеется, имеете в виду мои обязанности как планетолога.

– Разумеется.

– Главным образом это биология и ботаника пустыни... кроме того, немного геологии – бурение и взятие образцов. Возможность целой планеты никогда нельзя исчерпать.

– Пряность вы тоже исследуете?

Кинес чуть вздрогнул, и Пол отметил каменную линию его скулы.

– Станный вопрос, милорд.

– Не забывайте, Кинес, что теперь это мой лен, а мои методы отличаются от харконненских. Меня не будут заботить ваши исследования Пряности до тех пор, пока вы будете посвящать меня в свои открытия. – Герцог в упор взглянул на планетолога. – Харконнены не поощряли исследований Пряности, не так ли?

Кинес не ответил.

– Здесь вы можете говорить откровенно, не опасаясь за свою жизнь, – сказал герцог.

– Императорский двор действительно далеко, – пробормотал Кинес и подумал: «Чего ждет от меня этот налитый водой пришелец? Неужели он считает меня настолько глупым, что надеется привлечь на свою сторону?»

Герцог рассмеялся, глядя на приборы:

– Как-то вы кисло отвечаете. Я вас понимаю: мы заявили сюда с целой армией дрессированных убийц и ждем, что вы немедленно поймете, насколько мы отличаемся от Харконненов, так?

– Я читал ваши пропагандистские материалы, которыми вы наводнили и сиегги, и деревни, – сказал Кинес. – «Любите доброго герцога». Ваш пропагандистский корпус...

– Хватит! – рявкнул Халлек. Он подался вперед – его больше не интересовали пейзажи внизу.

Пол положил ладонь на плечо Халлека.

– Гурни! – укоризненно сказал герцог и оглянулся. – Этот человек долго жил при Харконненах.

Халлек, помедлив мгновение, расслабился:

– Извините, сир.

– Ваш Хават – тонкий человек, – сказал Кинес. – Но цель его достаточно ясна.

– Значит, вы расскажете нам об этих базах? – спросил герцог.

Кинес резко ответил:

– Они принадлежат Его Величеству.

– Но они не используются.

– Их *можно* использовать.

– И Его Величество тоже так считает?

Кинес твердо взглянул на герцога:

– Арракис мог бы стать подлинным раем, если бы его правители поменьше думали о выкачивании Пряности.

«Он не ответил на мой вопрос», – подумал герцог и сказал:

– Как планета может стать раем без денег?

– Что такое деньги, если на них нельзя купить того, что вам нужно? – вопросом на вопрос ответил Кинес.

«Ах вот как!» – подумал герцог, а вслух сказал:

– Мы обсудим это в другой раз. А сейчас, кажется, мы приближаемся к внешнему краю Барьерной Стены. Мне держать тот же курс?

– Тот же, – пробормотал Кинес.

Пол посмотрел в свое окно. Внизу под ними гористый ландшафт постепенно перешел в унылое плоскогорье, потом в кинжальные выступы шельфа. За шельфом к горизонту тянулись серповидные холмики дюн, изредка перемежаемые более темными пятнами песка. Может быть, скальные обнажения. Яснее увидеть мешал раскаленный, дрожащий воздух у поверхности.

– Есть ли здесь какие-нибудь растения? – спросил Пол.

– Есть, – ответил Кинес. – В этих широтах в основном водятся мелкие водокрады, как мы их зовем, – буквально охотятся друг на друга ради воды, собирают даже слабые следы росы. Некоторые участки Пустыни прямо-таки кишат жизнью. И вся она приспособилась к этим условиям. Если вы окажетесь в песках, вам придется подражать этой жизни – иначе погибнете.

– Вы имеете в виду – придется красть воду друг у друга? У людей? – спросил Пол. Идея возмутила его, и голос это выдал.

– Бывает и так, – признал Кинес. – Но я имел в виду другое. Видите ли, климат моей планеты волей-неволей приучает к особому отношению к воде – *требует* такого отношения. Вы все время помните о воде – и не можете позволить себе потерять ничего, в чем есть хоть капля влаги.

И герцог повторил про себя: «...климат моей планеты!..»

– Возьмите на два градуса южнее, милорд, – обратился к нему планетолог. – С запада идет ветер.

Герцог кивнул. Он уже увидел, как с запада накатывается кипящая волна рыжей пыли. Он развернул орнитоптер – сопровождающие машины повторили вираж, их крылья сверкнули оранжевым, отраженным от дюн блеском.

– Думаю, мы обойдем фронт бури, – спокойно сказал Кинес.

– Опасно, должно быть, попасть в такую бурю, – заметил Пол. – Это правда, что песок, который она несет, режет даже самые прочные металлы?

– На этих высотах речь идет скорее о пыли, а не о песке, – ответил Кинес. – Поэтому по-настоящему опасны потеря видимости, турбулентные потоки, забитые воздухозаборники.

– А мы сегодня увидим, как добывают Пряность? – спросил Пол.

– Возможно, – отозвался Кинес.

Пол откинулся на спинку кресла. Вопросы были нужны ему, чтобы, используя способности к сверхвосприятию, «отметить» нового знакомого, как учила мать. Теперь он запомнил его – голос, мельчайшие детали лица и жестов. Неестественная складка на рукаве, почти незаметная, выдавала нож в пристегнутых к предплечью ножнах. Кроме того, он заметил странные выпуклости на поясе Кинеса. Пол слышал, что люди Пустыни подпоясывались кушаком, в котором носили всякие мелкие предметы. Видимо, Кинес тоже носил такой кушак – силовым щитом это быть никак не могло. Ворот одеяния скрепляла бронзовая фибула с выгравирован-

ным на ней зверьком – кажется, зайцем. Вторая брошь, поменьше, с тем же изображением, была прикреплена к откинтому на спину капюшону.

Халлек изогнулся в своем кресле (он сидел бок о бок с Полом) и извлек из заднего отсека балисет. Когда он начал настраивать его, Кинес бросил взгляд назад.

– Что мне сыграть, молодой господин?

– Что хочешь, Гурни. Выбери сам, – ответил Пол. Халлек склонился к деке, взял аккорд и негромко запел:

Отцы наши ели манну,
манну в пустыне —
в пылающих землях,
на землях жестоких смерчей.
О боже, спаси нас,
спаси, пусть гибель нас минет,
спаси, о, спаси нас
из этой земли раскаленной,
палящей,
о, выведи, боже, своих
из этой пустыни детей!..

Кинес искоса посмотрел на герцога:

– Вы действительно берете с собой весьма небольшую охрану, милорд. Но неужели каждый из них столь разносторонне одарен?

– Гурни? – усмехнулся герцог. – Гурни в своем роде уникален. Я предпочитаю, чтобы он всегда был подле меня – у Гурни удивительно зоркий глаз. Мало что ускользает от его внимания.

Планетолог слегка нахмурился.

Халлек, не прерывая мелодию, вставил:

Ибо я подобен сове,
пустынной сове – о!
Айя! да, подобен пустынной сове!

Герцог протянул руку, поднял из гнезда на панели микрофон и щелкнул кнопкой:

– Ведущий – Гемме. Летящий объект на девять часов⁷, сектор Б. Опознать объект.

– Это всего лишь птица, – произнес Кинес и добавил: – У вас прекрасное зрение.

Динамик на пульте затрещал, затем послышался ответ:

– Гемма – Ведущему. Объект рассмотрен при максимальном увеличении и опознан как птица. Это большая птица.

Пол взглянул в названный отцом участок неба. Действительно, там мелькала крохотная точка. Отец возбужден, подумал он. Все его чувства настороже.

– Вот не думал, что так глубоко в Пустыне встречаются такие большие птицы, – заметил герцог.

– Орел, наверное, – сказал Кинес. – Живые существа могут адаптироваться к любым условиям.

Орнитоптер прошел над голой каменистой равниной. Пол, глядя вниз с двухкилометровой высоты, ясно разглядел на камне смятую неровностями почвы тень их машины и рядом –

---

⁷ То есть на 90° влево.

тени орнитоптеров сопровождения. Земля казалась совершенно плоской, но скользящие тени разрушали эту иллюзию.

– Удавалось кому-либо выйти из Пустыни? – поинтересовался герцог.

Музыка Халлека смолкла – Гурни прервался в ожидании ответа.

– Не из глубокой, – ответил Кинес. – Было несколько случаев, когда люди выходили из второй зоны Пустыни. Они выжили, потому что шли по районам, где есть скальные отложения – туда черви заходят редко.

Что-то в тембре голоса Кинеса насторожило Пола. Его внимание и чувства сразу же обострились – годы тренировок не прошли зря.

– А-а, черви... – задумчиво сказал герцог. – Надо будет когда-нибудь обязательно посмотреть на червя.

– Возможно, уже сегодня вам представится такая возможность, – отозвался Кинес. – Где Пряность, там и черви.

– Всегда? – переспросил Халлек.

– Всегда.

– Надо ли это понимать так, что между червями и Пряностью существует какая-то связь? – небрежно спросил герцог.

Кинес повернулся, и Пол заметил, как сжаты его губы.

– Черви охраняют пески, где есть Пряность, – разъяснил планетолог. – У каждого червя есть своя... территория. Что касается Пряности... кто знает? Те образцы песчаных червей, которые мы исследовали, указывают на возможность весьма сложных химических процессов, протекающих в их организме. Так, в некоторых капиллярах и протоках желез отмечены следы соляной кислоты, а в других частях их тела – и гораздо более сложные кислоты. Я вам дам мою монографию об этом предмете.

– Щиты не спасают? – спросил герцог.

– Щиты! – презрительно бросил Кинес. – Только включите силовой щит там, где водятся черви, и ваша судьба решена. В таких случаях черви не обращают внимания даже на границы своих угодий и стекаются со всех концов, чтобы наброситься на источник силового поля. Никто из пользовавшихся щитом в Пустыне не пережил такую атаку.

– Тогда как же их ловят?

– Приходится бить их током высокого напряжения – причем каждый сегмент их тела в отдельности, – объяснил Кинес. – Это единственный способ. Их можно усыпить станнером, можно слегка оглушить взрывом, даже порвать – но каждый сегмент тела будет жить отдельно. Причем я не знаю, какое взрывчатое вещество – исключая лишь ядерное оружие – может уничтожить червя целиком. Они необычайно живучи.

– Почему вы не попытались истребить всех червей? – поинтересовался Пол.

– Слишком дорого, – ответил Кинес. – И слишком большая территория...

Пол снова откинулся на спинку сиденья. Его «чувство правды», восприимчивость к оттенкам голоса говорили, что Кинес в чем-то лжет, что его слова – полуправда. И он сказал себе: *«Если связь между червями и Пряностью все же есть, уничтожить червей – значит уничтожить Пряность!»*

– Скоро отпадет всякая вероятность того, что кому-то придется выбираться из Пустыни самому, – заявил герцог. – Стоит включить вот такой радиомаячок (он тронул медальон у себя на шее), и спасательная группа вылетит немедленно. В ближайшее время все наши работники получают такие же аварийные передатчики. Мы создаем специальную спасательную службу.

– Похвальное намерение, – отметил Кинес.

– Судя по вашему тону, вы не согласны с идеей спасательной службы, – нахмурился герцог.

– Не согласен? Отчего же, я согласен. Вот только пользы от вашей службы будет немного. Создаваемые бурями помехи глушат почти все сигналы. Передатчики просто коротит. Здесь уже пробовали внедрить нечто подобное, знаете ли. Но Арракис круто обращается с техникой. Кроме того, если на вас охотится червь, то вы просто не дожидетесь спасателей: чаще всего у вас есть пятнадцать, самое большее двадцать минут.

– Тогда что бы вы посоветовали? – спросил герцог.

– Вы спрашиваете у меня совета?

– Да – как у планетолога.

– И вы ему последуете?

– Коль скоро сочту его разумным.

– Прекрасно, милорд. В таком случае вот мой совет: никогда не путешествуйте в одиночку.

Герцог даже оторвался от панели управления.

– И это все?

– Это все. Никогда не путешествуйте в одиночку, на одной машине.

– А если, допустим, машины разбросало бурей и приходится – в одиночку – идти на вынужденную посадку? – спросил Халлек. – Можно что-то предпринять в этом случае?

– «Что-то» – очень широкое понятие, – пожал плечами Кинес.

– А что бы сделали вы? – спросил Пол.

Кинес бросил жесткий взгляд на подростка, снова повернулся к герцогу.

– Я, прежде всего, заботился бы о целостности своего дистикомба. Если бы я оказался вне ареала обитания песчаных червей или на скалах, я остался бы вблизи орнитоптера. В противном же случае постарался бы возможно быстрее уйти от него на максимальное расстояние. Тысячи метров обычно достаточно. Затем я бы укрылся под плащом. Червь уничтожит топтер, но, возможно, не заметит меня.

– И что потом? – спросил Халлек.

Кинес пожал плечами:

– Потом? Остаётся ждать, когда червь уйдет.

– Это все? – спросил Пол.

– Когда червь уйдет, можно попытаться выбраться из пустыни, – ответил Кинес. – И если идти тихо, обходить барабанные пески и приливные провалы – пыльные ямы, можно выйти на ближайший скальный участок. Таких участков довольно много, так что какие-то шансы будут.

– Что такое барабанные пески? – встрял Халлек.

– Участки уплотненного песка, – ответил Кинес. – Самый легкий шаг заставляет их греметь, как барабан. А черви всегда приходят на этот звук, – добавил он.

– А приливный провал? – спросил герцог.

– Углубления в почве пустыни, за столетия заполнившиеся пылью. Иногда они так велики, что в них есть течения и приливы. И любой из этих провалов поглотит всякого, кто неосторожно ступит на его поверхность...

Халлек устроился в кресле поудобнее и снова взялся за балисет. Проиграв вступление, он запел:

Здесь в пустыне охотятся дикие звери,
Поджидая беспечных в смертельных песках.
О, не надо гневить, искушать здесь богов,
властелинов пустыни,
Коль не ищешь ты гибели в этих страшных краях.
О, опасности...

Внезапно он оборвал песню, подался вперед:

– Сир, пыльное облако прямо по курсу.

– Вижу, Гурни.

– Вот туда нам и надо, – кивнул Кинес.

Пол приподнялся, вглядываясь. Впереди, километрах в тридцати, по поверхности пустыни катилось пыльное облако.

– Это один из ваших меланжевых комбайнов-подборщиков, – пояснил Кинес. – Он спущен на поверхность – а это значит, что он находится на меланжевой россыпи. Облако – это выбрасываемый комбайном отработанный песок, из которого на гридексе и центрифуге выбрана Пряность. Это облако ни с чем не спутаешь.

– Вижу летательный аппарат над облаком, – объявил герцог.

– Я вижу два... три... четыре топлера-наводчика, – ответил Кинес. – Наблюдают за пустыней – высматривают знак червя.

– Знак червя? – переспросил герцог.

– Он выглядит как песчаная волна, движущаяся к краулеру. Конечно, приходится расставлять и сейсмодатчики на поверхности: червь зачастую идет так глубоко, что волна не образуется. – Кинес обвел взглядом небо. – Странно, что не видно грузолета: он должен бы быть где-то поблизости.

– Так черви, по-вашему, появляются всегда? – спросил Халлек.

– Всегда.

Пол тронул Кинеса за плечо:

– Какую территорию занимает каждый червь?

Кинес свел брови. Этот ребенок продолжал задавать взрослые вопросы.

– Это зависит от размеров червя.

– Ну а все-таки? – спросил герцог.

– Большие контролируют триста-четырееста квадратных километров. Маленькие... – Он замолк: герцог резко включил реактивные тормоза.

Машина дернулась, словно взбрыкнувший скакун. Кормовые двигатели со свистом отключились: короткие крылья раскрылись, вытянулись во всю длину, захватили воздух широким взмахом.

Аппарат стал теперь полностью орнитоптером и летел, плавно взмахивая крыльями. Правая рука герцога лежала на рычаге, левой он показывал на восток, за комбайн.

– Это – знак червя?

Кинес перегнулся через его плечо, всмотрелся в даль.

Пол и Халлек оказались прижаты друг к другу. Пол заметил, что сопровождающие орнитоптеры, не сумев повторить неожиданный маневр герцога, залетели вперед и теперь разворачивались. Комбайн был все еще впереди, километрах в трех.

Там, куда показывал герцог, среди тянущейся к горизонту теневой ряби дюнных полумесяцев по прямой линии двигалась песчаная волна – продолговатый песчаный холм. Пол вспомнил, как тревожит водную гладь плывущая под поверхностью рыба.

– Да, червь, – сказал Кинес, – и большой.

Он повернулся, взял с панели микрофон, переключил частоту. Бросив взгляд на карту, закрепленную над головой на роликах для перемотки, планетолог произнес в микрофон:

– Вызываю краулер на Дельта Аякс Девять. След червя. Внимание, краулер на Дельта Аякс Девять – след червя. Подтвердите прием.

Динамик затрещал помехами, затем послышался ответ:

– Кто вызывает Дельта Аякс Девять? Прием.

– Они что-то слишком спокойны, – заметил Гурни. Кинес сказал в микрофон:

– Вызывает орнитоптер, совершающий неплановый полет, находимся в трех километрах к северо-востоку от вас. Червь идет пересекающим курсом, предположительно перехватит вас через двадцать пять минут.

Теперь из динамика раздался новый голос:

– Говорит командир звена наводчиков-наблюдателей. Подтверждаю сообщение: след червя. Рассчитываю время сближения.

Короткая пауза, затем:

– Максимальное время – двадцать шесть минут. Неплановый, прекрасная оценка времени. Кто у вас на борту? Прием.

Халлек отстегнул привязные ремни и вклинился между Кинесом и герцогом.

– Кинес, это обычная рабочая частота?

– Да. А что?

– Кто нас услышит?

– Только рабочие команды в этом районе. Так рассчитано, чтобы они не мешали друг другу и не устраивали кашу в эфире.

Динамик снова затрещал:

– Здесь Дельта Аякс Девять. Кто получит премию за предупреждение? Прием.

Халлек взглянул на герцога. Кинес объяснил:

– Тот, кто первый заметит знак червя и оповестит о нем, получает премию – процент от добычи. Поэтому они хотят знать...

– Ну так передайте им, кто первым обнаружил червя, – сказал Халлек.

Кинес поколебался, поднял микрофон:

– Премию получает герцог Лето Атрейдес. Герцог Лето Атрейдес. Прием.

Голос в динамике был спокоен, но искажен особенно сильным треском помех:

– Вас поняли. Благодарим.

– А теперь, – распорядился Халлек, – скажите им, пусть разделят премию между собой. Скажите, что так желает герцог.

Кинес сделал глубокий вздох и заговорил:

– Герцог желает, чтобы вы поделили его премию между собой. Как поняли? Прием.

– Поняли хорошо и благодарим, – ответил динамик. Герцог сказал, обращаясь к планетологу:

– Да, я забыл упомянуть, что Гурни также талантливый специалист по связям с общественностью.

Кинес бросил на Халлека озадаченный взгляд.

– Таким образом люди увидят, что их герцог заботится об их безопасности, – пояснил Халлек. – И об этом случае будут говорить. А поскольку обмен шел на зональной рабочей частоте, не думаю, что харконненские агенты слышали нас. – Он мельком глянул на сопровождающий топтер. – К тому же мы неплохо защищены. Так что риск был оправдан.

Герцог направил машину к песчаному облаку, извергаемому комбайном.

– Что они предпримут?

– Где-нибудь неподалеку должен находиться грузолет, – ответил Кинес. – Он прилетит и заберет краулер.

– Что, если грузолет попадет в аварию? – спросил Халлек.

– Вы же знаете – часть оборудования гибнет, – ответил Кинес. – Милорд, советую полететь поближе и посмотреть сверху. Вам это должно показаться любопытным.

Герцог свел брови и, быстро работая управлением, удерживал орнитоптер в равновесии в завихрениях воздуха над комбайном.

Пол посмотрел вниз. Песок все еще летел из пластико-металлического монстра под ними. Комбайн походил на огромного, желто-бурого с голубым жука, раскорячившегося на длинных

лапах со множеством широких гусениц. Впереди у жука был хоботок в виде огромной перевернутой воронки, засунутой в песок.

– Богатая россыпь, судя по цвету, – отметил Кинес. – Они будут работать до последней минуты.

Герцог добавил мощности на крылья, увеличил их жесткость, опустился ниже и вошел в планирующий полет по кругу над краулером. Оглядевшись, он увидел, что сопровождающие топтеры заняли позицию выше и также кружат над ними.

Пол разглядывал вырывающееся из отводных труб облако песка, перевел взгляд на пустыню, откуда неумолимо приближался червь.

– Почему мы не слышали, чтобы они вызвали грузолет? – спросил Халлек.

– Обычно связь с грузолетом идет на другой частоте, – ответил Кинес.

– Следовало бы держать наготове по два грузолета на каждый комбайн, – заметил герцог. – Там, внизу, на этой машине, двадцать шесть человек, не говоря уже о стоимости оборудования.

– У вас для этого недостаточно... – начал Кинес, но тут его прервал голос по радио:

– Эй, на наводчиках! Кто-нибудь из вас видит крыло? Оно не отвечает.

Раздался разноголосый хор – все наблюдатели заговорили вперебой. Их голоса перекрыл гудок. Наблюдатели смолкли, снова заговорил первый голос:

– Отвечайте по порядку номеров! Прием.

– Говорит командир звена наводчиков. В последний раз я видел, как крыло кружит довольно высоко на северо-востоке. Сейчас его не вижу. Прием.

– Наводчик Первый: крыло не вижу. Конец.

– Наводчик Второй: крыло не вижу. Конец.

– Наводчик Третий: крыло не вижу. Конец.

Молчание.

Герцог взглянул вниз:

– У них только четыре топтера-наводчика, да?

– Правильно, – ответил Кинес.

– У нас пять, – продолжил герцог. – И наши машины больше. Каждый из наших топтеров может взять дополнительно по три человека. Их наводчики – по два, полагаю.

Пол быстро подсчитал:

– Остаются еще трое.

– Так почему у них нет второго грузолета?! – разъяренно спросил герцог.

– У вас для этого недостаточно машин, – ответил Кинес.

– Тем более надо беречь то, что есть!

– Куда мог подеваться грузолет? – сердито спросил Халлек.

– Возможно, они совершили вынужденную посадку за пределами видимости, – ответил Кинес.

Герцог выхватил микрофон, задержал палец над кнопкой:

– Но как они могли выпустить грузолет из виду?

– Они наблюдают прежде всего за землей – высматривают знак червя, – объяснил Кинес.

Герцог щелкнул кнопкой:

– Здесь ваш герцог. Спускаемся, чтобы эвакуировать команду с Дельта Аякс Девять. Наводчикам следовать моим приказам. Наводчики садятся к востоку от краулера, мы – на западной стороне. Конец.

Он переключил передатчик на частоту своей группы, повторил приказ охране и передал микрофон обратно Кинесу. Тот вернулся на рабочую частоту, и динамик закричал:

– ... бункер почти полон! Повторяю, у нас почти полный бункер меланжи! Мы не можем бросить все это вонючему червю! Прием.

– К дьяволу меланжу! – рявкнул герцог. Он снова схватил микрофон и тоном приказа заговорил: – Пряность мы всегда можем собрать заново! Слушайте: места на топтерах хватит всем, кроме троих. Бросайте жребий или решайте как знаете – но мы вас забираем, и это приказ!

Он сунул микрофон Кинесу и пробормотал: «Прошу прощения», – Кинес потряс рукой, герцог ушиб ему палец.

– Сколько осталось времени? – спросил Пол.

– Девять минут, – ответил Кинес.

– Этот орнитоптер, – сказал герцог, – мощнее остальных. Если взлетать на турбине с крыльями, выпущенными на три четверти, сможем взять еще одного человека.

– Песок тут мягкий, – заметил Кинес.

– Сир, с четырьмя лишними людьми на борту да при старте на реактивной тяге мы рискуем сломать крылья, – сказал Халлек.

– Только не на этой машине, – возразил герцог. Топтер спланировал и сел возле краулера. Крылья изогнулись, и машина, скользя по песку, встала в двадцати метрах от борта комбайна.

Сейчас комбайн молчал, и отработанный песок больше не летел из отвалных труб. От краулера доносилось лишь негромкое гудение – когда герцог распахнул дверцу, оно стало слышнее.

Тотчас на них обрушился тяжелый, острый, густой запах корицы.

Рядом, по другую сторону краулера, с громким хлопанием крыльев сел один из наводчиков. Герцогский эскорт – машина за машиной – опускался и выстраивался в линию вслед за орнитоптером сеньора.

Пол, глядя из кабины на комбайн, поразился, какими маленькими кажутся рядом с ним орнитоптеры – комары рядом с огромным жуком-носорогом.

– Гурни, Пол, выбросьте заднее сиденье, – скомандовал герцог. Он сложил крылья, оставив их выпущенными на три четверти, установил их на правильный угол, проверил управление реактивными двигателями.

– Какого черта они не выходят?

– Надеются, что грузолет все же прилетит, – ответил Кинес. – Несколько минут у них еще есть.

Он смотрел на восток.

Все повернулись туда же. След червя им не был виден, но тем не менее в воздухе висело тяжелое напряжение.

Герцог взял микрофон, включил командную частоту своей группы, распорядился:

– Двоим выкинуть из машин экранные генераторы. Все, сколько есть! Тогда в каждую машину можно взять еще одного... Чтобы никого этой твари не оставить!

Он снова перешел на рабочую частоту, гаркнул:

– Эй, на Дельта Аякс Девять! Все наружу, немедленно! Это приказывает ваш герцог! Быстро – или я сейчас разнесу краулер лучеметом.

В передней части краулера откинулся люк, еще один у кормы, третий – наверху. Оттуда посыпались люди – они соскальзывали по обшивке, карабкались... Последним спустился высокий человек в залатанном рабочем комбинезоне. Он сперва спрыгнул на гусеницу, затем на песок.

Герцог вернул микрофон на пульт, соскочил на ступеньку над крылом, закричал:

– По два человека – в ваши наводчики!

Человек в комбинезоне с заплатами выдернул из толпы своих людей несколько пар, подтолкнул их к орнитоптерам, севшим по противоположную сторону комбайна.

– Еще четверо – сюда! – кричал герцог. – Четверо – в тот топтер! – Он ткнул пальцем в ближайший орнитоптер сопровождения. Солдаты как раз натужно выволакивали из него громоздкий силовой генератор. – И четверо – туда! – Герцог показал на другую машину, которая только что освободилась от своего генератора. – По три человека в каждую из оставшихся машин! Бегом, волки Пустыни!

Высокий человек закончил пересчитывать своих людей и с тремя оставшимися тяжело побежал по песку.

– Я слышу червя. Но не вижу, – сообщил Кинес.

Теперь слышали и остальные – шелестящий, шуршащий, наждачный звук, звук трения песка, далекий – но постепенно усиливающийся, приближающийся.

– Р-работнички... – пробормотал герцог. – Что за разгильдяйство!..

Вокруг послышалось хлопанье крыльев взлетающих орнитоптеров. Оно напомнило герцогу джунгли родной планеты – выходишь на поляну, раздвигая ветви, и огромные птицы-трупоеды поднимаются с мертвого быка.

Меланжеры добежали до их орнитоптера, полезли в кабину за спиной герцога. Халлек помогал – заталкивал их назад.

– Живей, ребята, ползайте! – погонял он. – Живее!

Пол, затиснутый в угол потными и пыльными рабочими, чувствовал запах испарины страха, запах испуга. Он заметил, что у двоих меланжеров плохо подогнаны шейные уплотнители дистикомбов – и запомнил эту деталь на будущее. Надо, чтобы отец приказал усилить дисциплину в части внимания к дистикомбам. Стоит ослабить внимание к подобным вещам, и люди начинают разбалтываться.

Последний меланжер, задыхаясь, влез в кабину и выговорил:

– Червь! Он уже почти здесь! Взлетайте!

Герцог уселся в свое кресло, нахмурился:

– У нас еще почти три минуты, если исходить из первоначальной оценки времени. Разве не так, Кинес? – Он захлопнул дверцу и проверил, как та закрыта.

– Так, милорд, – почти три минуты, – отозвался Кинес и подумал: «А он хладнокровный, этот герцог!»

– Все в порядке, сир, – доложил Халлек.

Герцог кивнул, проследил, как стартовал последний из орнитоптеров охраны, включил зажигание, еще раз пробежался взглядом по крыльям, приборам. Включил реактивную тягу.

Стартовое ускорение вжало герцога и Кинеса в спинки кресла, навалилось на тех, кто сбился в задней части кабины. Кинес наблюдал, как герцог управляет орнитоптером. А тот вел машину мягко и уверенно. Вот аппарат оторвался от земли, и герцог снова проверил приборную панель, оглянулся налево-направо – на крылья.

– Машина перегружена, сир, – заметил Халлек.

– Но в пределах допустимого, – возразил герцог. – Или ты думаешь, что я стану рисковать ее грузом, Гурни?

Халлек ухмыльнулся:

– Что вы, сир.

Герцог широким поворотом повел машину вверх.

Пол был притиснут возле окна и видел огромную брошенную машину внизу. Метрах в четырехстах от комбайна след червя исчез, и теперь песок вокруг машины словно бы слегка шевелился.

– Червь сейчас под краулером, – проговорил Кинес. – Сейчас вы увидите то, что видели очень и очень немногие.

Вокруг краулера над песком поднялись легкие облачка пыли. Огромный механизм накрепился на правый борт, осел... Чуть правее краулера начала образовываться чудовищная

воронка, словно водоворот в песчаном море. Песок в воронке двигался все быстрее. Теперь пыль и песок клубились над участком в несколько сот метров диаметром.

И они увидели *это*!

В песке открылась – нет, из него вынырнула! – огромная дыра. На усеивавших ее изнутри молочно-белых остриях сверкало солнце. Диаметр этого провала, прикинул Пол, по меньшей мере вдвое превосходил длину комбайна. Машина на его глазах соскользнула в глубину страшной дыры посреди целой лавины песка и пыли. Дыра закрылась – и исчезла.

– Боги, что за чудовище!.. – пробормотал кто-то над ухом Пола.

– Сlopал всю нашу Пряность! – добавил другой меланжер.

– Кому-то придется за это дорого заплатить, – пообещал герцог. – Можете быть уверены.

По ровному звучанию его голоса Пол почувствовал, как сильно разгневан отец. И он разделял этот гнев. Это было настоящее преступление – столько выброшено на ветер!

В наступившей тишине послышался голос Кинеса.

– Благословен будь Податель и вода Его, – негромко говорил он. – Благословенно явление и прохождение Его. Да будет очищен мир Его деянием. Да хранит он мир сей для людей своих...

– Что это? – спросил герцог. Но Кинес внезапно замолчал.

Пол взглянул на сбившихся вокруг меланжеров. Все они испуганно глядели в затылок Кинеса. Кто-то прошептал: «Лиет».

Кинес хмуро обернулся и бросил грозный взгляд на произнесшего это слово. Тот в замешательстве отпрянул.

Другой меланжер вдруг сухо, резко закашлялся. Наконец он сумел выговорить:

– Будь проклято это чертово пекло!..

Высокий арракиец, который последним покинул краулер, сказал успокаивающе:

– Тише, Косс, тише. Ты только сильнее будешь кашлять. – Он протиснулся немного вперед так, что оказался позади герцога. – Вы, конечно, и есть герцог Лето? – спросил он. – Мы вам обязаны жизнью. Признаться, мы уже думали, что нам крышка, – если бы не вы...

– Тихо, приятель, не мешай: герцог ведет машину, – сказал Халлек.

Пол взглянул на Халлека. Гурни тоже заметил напряженные складки в углах губ отца. Когда герцог бывал в гневе, все старались не привлекать его внимания и ходили на цыпочках.

Лето вывел было топтер из широкого круга, который он описывал над местом гибели комбайна, как вдруг его привлекло новое движение внизу. Червь скрылся в глубине, и теперь неподалеку от исчезнувшего краулера показались две человеческие фигуры. Они словно скользили над поверхностью, и их шаги совершенно не поднимали пыль.

– Это еще кто – там, внизу? – грозно спросил герцог.

– Это?.. Да так... два парня, которые попросили нас подвезти их, – пробормотал высокий меланжер.

– Почему про них не сообщили?

– Н-ну, они решили рискнуть, – объяснил высокий.

– Милорд, – заметил Кинес, – всем этим людям хорошо известно, что пытаться помочь оказавшимся во владениях червей практических бесполезно.

– Тем не менее с базы мы вышлем за ними топтер, – решил герцог.

– Они были прямо там, где вышел червь, – задумчиво проговорил Пол. – Как же они уцелели?

– Края отверстия проседают, – объяснил Кинес, – и поэтому трудно точно определить расстояние рядом с ним.

– Сир, мы напрасно расходуем топливо, – осмелился заметить Халлек.

– Что?.. Ах да, ты прав, Гурни.

Герцог развернул орнитоптер в сторону Барьерной Стены. Остальные машины тоже переставали кружить над сценой катастрофы, пристраиваясь к их орнитоптеру сверху и по сторонам.

Пол думал о сказанном Кинесом и высоким меланжером. Он чувствовал, что тут была и полуправда, и прямая ложь. Люди там, внизу, шли по песку слишком уверенно – и их шаг явно был рассчитан на то, чтобы он не приманил вновь червя из его песчаных глубин.

«Фримены! – подумал Пол. – Кто еще может так уверенно чувствовать себя на песке? Кого еще могли оставить вот так – и не беспокоиться за их жизнь, поскольку их жизни ничто не угрожает? Они знают, как выжить и жить здесь! Они могут перехитрить червя!..»

– Что делали фримены на краулере? – напрямик спросил он. Кинес вздрогнул и обернулся.

Высокий арракиец посмотрел на Пола широко открытыми глазами – сплошная глубокая синева.

– Кто этот парень? – резко спросил он.

Халлек передвинулся так, чтобы оказаться между Полом и меланжером, и ответил:

– Это – Пол Атрейдес, наследник герцога.

– С чего он взял, что на нашей тарахтелке были фримены? – настороженно спросил высокий.

– Они подходят под описание, – объяснил Пол. Кинес фыркнул.

– Да разве можно отличить фримена только на вид! – Он посмотрел на меланжера. – Эй, ты! Кто эти двое?

– Да так, дружки одного из наших, – неохотно ответил тот. – Из деревни. Попросились – покажи им да покажи меланжевые пески!

– Как же, фримены... – проворчал Кинес, отворачиваясь. – Какие тут фримены!

Но он слишком хорошо помнил легенду: «... и Лисан аль-Гаиб будет видеть сквозь всякие покровы, и уловки не обманут его».

– Все равно они, наверное, уже покойники, молодой сэр, – сказал арракиец. – Не нужно говорить о них худо.

Но Пол слышал фальшь в их голосах и уловил угрозу, заставившую Халлека инстинктивно занять позицию для охраны своего юного хозяина. Он сухо бросил:

– Ужасно умереть в таком месте.

Не поворачиваясь, Кинес ответил, словно цитируя:

– Когда бог желает, чтобы тварь его встретила свою смерть в некоем месте, то так направляет он желания сей твари, что они ведут ее в назначенное место.

Лето тяжело посмотрел на Кинеса.

И Кинес, встретив этот взгляд и так же твердо глядя герцогу в глаза, подумал: «Этот герцог больше беспокоился о людях, нежели о Пряности. Он рисковал своей жизнью – и жизнью своего сына! – чтобы спасти людей. Он спокойно принял гибель краулера, а угроза жизни людей привела его в бешенство. Такому вождю можно быть преданным до фанатизма. Победить его нелегко...»

И против собственной воли, против своих первоначальных выводов, Кинес признался себе: «Мне нравится этот герцог».

* * *

Чувство величия преходяще. Оно непостоянно и непоследовательно. Отчасти оно зависит от мифотворческого воображения человечества. Человек, испытывающий величие, должен чувствовать миф, в который вплетена его жизнь. Он должен отражать то, что этот миф проецирует на него. И он должен быть прежде всего ироничным – ибо именно ирония

удержит его от веры в собственное величие, она – единственное, что даст ему подвижность внутри себя. Без этого качества даже и случайное величие уничтожит человека.

Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диб»

Плавающие светильники изгнали ранние сумерки из обеденного зала Арракинского дворца. Их желтый свет озарял снизу огромную голову черного быка с окровавленными рогами и темно поблескивающий, писанный маслом портрет Старого Герцога.

Под этими реликвиями на белоснежных скатертях сияло начищенное до неправдоподобного блеска фамильное серебро Атрейдесов. Безукоризненно расставленное, оно образовывало геометрически совершенные островки напротив каждого из тяжелых деревянных кресел; сверкал хрусталь кубков и бокалов. Центральная люстра в классическом стиле пока не горела. Ее цепь тянулась вверх – туда, где скрывался в тени ядоискатель.

Остановившись в дверях, чтобы оглядеть зал и проверить, как все приготовлено к приему, герцог подумал о том, что значил ядоискатель в их жизни.

«В этом все мы, – думал он. – О нас можно судить по нашему языку – точные и изысканные названия для разных видов предательского убийства. Сегодня, например, кто-то может попытаться применить чаумурки – яд в питье. Или, скажем, чаумас – яд в пище...»

Он покачал головой.

На длинном столе подле каждого прибора стояла плоская хрустальная фляга с водой. Тут столько воды, что бедной арракинской семье хватило бы на год, подумал герцог.

По обе стороны от дверей на уровне пояса были поставлены огромные рукомойники – лотки из желтого фаянса с зеленым узором. Возле каждого рукомойника стоял стол со стопками полотенец. Обычай требовал, объяснил мажордом, чтобы каждый гость при входе церемонно погружал руки в рукомойник, плескал на пол воду – несколько горстей, а затем, вытерев руки полотенцем, бросал бы это полотенце в растущую у входа лужу. А после приема воду выжимали и подавали собравшимся у входа нищим.

«Как это по-харконненски, – подумал герцог, – поистине они не упустили ничего, в чем можно проявить низость деградировавшей души!» Он сделал тяжелый, медленный вдох, чувствуя, как его душит гнев.

– С этой традицией покончено, – пробормотал он.

Тут герцог увидел служанку – одну из тех узловатых, сварливых на вид старух, которых рекомендовал мажордом. Та явно болталась без дела возле дверей, ведущих на кухню. Герцог жестом подозвал ее, она вышла из тени, суетливо побежала к нему вокруг стола. Герцог обратил внимание на темное, словно продубленное, лицо, на ярко-синие глаза без белков.

– Что прикажет господин? – Она стояла, потупив глаза и опустив голову.

– Пусть уберут эти рукомойники и полотенца. – Герцог махнул рукой.

– Но... Высокородный... – Теперь старуха подняла голову и изумленно приоткрыла рот.

– Я знаю обычай! – отрезал он. – Пусть рукомойники поставят у входа снаружи. И покуда мы за столом – до конца приема! – всякий нищий может получить стакан воды. Все ясно?

На темном лице отразились досада и даже злость.

Лето вдруг сообразил, что она, конечно же, собиралась продать воду, выжатую из истоптанных полотенец, заработать несколько медяков на несчастных, которые приходят выпрашивать воду. Может, и это было в обычае?..

Лето нахмурился.

– Я выставлю там охранника, который проследит, чтобы мои приказы исполнялись в точности, – пригрозил он.

Резко повернувшись, герцог быстрыми шагами пошел к Большому залу. Воспоминания гудели в его голове подобно беззубому бормотанию старух. Он вспомнил открытую воду,

волны, траву вместо песка под ногами – чудесные годы, промелькнувшие мимо, точно уносимые бурей листья.

Все прошло.

«Старею, – подумал он. – Я ощутил ледяное прикосновение собственной смертности. И в чем?! В жадности какой-то старухи?..»

В Большом зале пестрая толпа собралась у камина, возле леди Джессики. Трещал настоящий открытый огонь, бросая оранжевые отблески на драгоценности, кружева и дорогие ткани. Герцог узнал среди собравшихся фабриканта дистикомбов из Карфага, импортера электронного оборудования, водоторговца, выстроившего свое летнее имение близ полярной шапки, представителя Гильд-Банка (он был чрезмерно худ и держался замкнуто), поставщика запасных частей для меланжедобывающей техники, тонкую, с жестким лицом женщину (говаривали, ее фирма по сопровождению и обслуживанию инопланетных гостей была лишь прикрытием для контрабандных операций, шпионажа и вымогательства). Большинство женщин здесь принадлежали к тому особенному типу, который странно сочетает недоступность и чувственность.

«Джессика царила бы над толпой, даже если бы не была хозяйкой дома», – подумалось герцогу. На ней не было драгоценных украшений, она подобрала себе одежду теплых цветов – длинное платье почти того же цвета, что и янтарное пламя в камине, коричневая, охряного оттенка лента, подхватившая бронзовые волосы.

Герцог понял, что она оделась так, чтобы поддразнить его, упрекнуть за недавнюю холодность. Ей было прекрасно известно, что она больше всего нравилась ему именно в этих цветах – он воспринимал ее как игру теплых красок.

Чуть в стороне от гостей стоял Дункан Айдахо. Его парадная форма сияла, плоское лицо непроницаемо, черные выющиеся кудри тщательно причесаны. Его отозвали от фрименов, и Хават дал ему секретное поручение: под видом охраны леди Джессики тщательно за нею следить.

Герцог оглядел зал.

В углу, окруженный группой молодых льстецов, пытающихся подладиться к нему – арракинской золотой молодежью, – стоял Пол. Неподалеку от них – три офицера войск Дома Атрей-дес. Герцога беспокоили девушки – наследник был бы для них желанной добычей. Однако Пол со всеми держался одинаково – замкнуто и подчеркнуто аристократически.

«Он будет достойно носить титул», – подумал герцог, и неприятный холодок коснулся его, когда он внезапно понял, что это – еще одна мысль о смерти.

Пол заметил в дверях отца и отвел глаза. Взглянул на группки гостей, руки в перстнях, держащие бокалы (и по возможности незаметные проверки этих бокалов крохотными карманными ядоискателями дистанционного действия). Внезапно Пол почувствовал неприязнь к этим пустым разговорам, к этим лицам – дешевым маскам, прикрывающим нарывающие, сочащиеся гноем мысли, к голосам, пытающимся спрятать за болтовней оглушительное молчание пустых душ.

«Просто я захандрил отчего-то, – подумал он. – Интересно, что сказал бы об этом Гурни?»

Он знал причину этой хандры. Ему не хотелось присутствовать на этом приеме, но отец был непреклонен: «У тебя есть долг. В частности, ты должен соответствовать своему положению. Ты для этого достаточно взрослый. Ты уже почти мужчина».

Пол смотрел, как отец вышел из дверей, оглядел зал и направился к окружавшей Джессике группе.

Подойдя, он услышал, как водоторговец спрашивает:

– А правда, что герцог намерен установить контроль за погодой?

Герцог ответил из-за его спины:

– Пока мы не заходили так далеко в своих планах.

Торговец живо обернулся. У него было почти дочерна загоревшее лицо с вкрадчивым выражением.

– О, герцог! – воскликнул он. – Мы вас ждали!

Лето взглянул на Джессику:

– Пришлось кое-что сделать.

Он вновь перевел взгляд на торговца и рассказал, что было сделано по его приказу с умывальниками.

– Насколько это зависит от меня, с этим старым обычаем будет покончено.

– Следует ли понимать это как ваш приказ, милорд? – осведомился водоторговец.

– Оставляю это на ваше... э-э... на вашу совесть, – ответил герцог и повернулся к подходящему к ним Кинесу.

– Как это благородно, как щедро с вашей стороны – отдать воду этим... – зашебетала какая-то дама, но на нее шикнули.

Герцог смотрел на Кинеса. Планетолог, отметил он, одет в темно-коричневый мундир старого образца с эполетами Гражданской Службы и золотой каплей – эмблемой его ранга в петлице.

– Герцог критикует наши обычаи? – раздраженно спросил водоторговец.

– Обычай уже изменился, – бросил герцог. Он кивнул Кинесу, заметил морщинку между бровей Джессики, подумал:

«Ей не идет нахмуренное лицо. Но это увеличит слухи о наших трениях...»

– С позволения герцога, – снова обратился к нему торговец, – нельзя ли подробнее узнать об изменениях в обычаях?

Лето уловил внезапно появившиеся в его голосе масляные нотки, заметил напряженное молчание, установившееся вокруг, то, как по всему залу лица стали поворачиваться к ним.

– Не пора ли к столу? – попыталась сменить тему Джессика.

– Но у нашего гостя остались вопросы, – любезно сказал Лето. Он внимательно смотрел на торговца: круглолицый, толстогубый человек с большими глазами. Припомнил доклад Хавата: «... а за этим водоторговцем надо следить. Запомните это имя – Лингар Беут. Харконнены пользовались его услугами, но не могли контролировать его».

– В связанных с водой обычаях так много любопытного, – улыбаясь, сказал Беут. – К примеру, хотелось бы знать, каковы ваши планы относительно устроенной при этом доме влажной оранжереи. Собираетесь ли вы впредь похвалиться ею перед людьми... милорд?

Лето взглянул торговцу в глаза, сдерживая гнев. Но тут было о чем подумать. Бросать ему вызов – в его собственном дворце! – особенно учитывая, что этот Беут подписал контракт о вассалитете, – это требовало смелости. И – чувства своей власти. Да, вода в этом мире – это власть. Предположим, системы водоснабжения здесь заминированы и могут быть в любой момент уничтожены... Вполне возможно, что именно с помощью такого дамоклов меча Беут сдерживал в узде Харконненов.

– У моего господина герцога и у меня особые планы относительно оранжереи, – вмешалась Джессика, улыбаясь Лето. – Мы, разумеется, сохраним ее – но сохраним для народа Арракиса, как опекуны. Ибо мы мечтаем о том, что когда-нибудь климат Арракиса изменится так, что станет возможным повсеместно выращивать такие растения просто под открытым небом.

«Умница! – подумал Лето. – Пусть-ка наш водоторговец поразмыслит над этим!»

– Я хорошо понимаю, насколько вы заинтересованы во всем, что связано с водой и погодным контролем, – сказал он, – но я бы порекомендовал вам более разнообразно размещать свои капиталы. Рано или поздно вода здесь перестанет быть самым дорогим товаром...

И он подумал: «Хавату следует удвоить усилия по внедрению в организацию этого Беута. И мы должны немедленно заняться системами водоснабжения. Меня никто в узде держать не посмеет!..»

Беут кивнул, все еще улыбаясь.

– Достойная мечта, милорд. – Он отступил на несколько шагов.

Лето вдруг увидел глаза Кинеса. Тот не отрываясь глядел в лицо Джессике. Словно преображенный – словно влюбленный... словно верующий в священном трансе...

...А мысли Кинеса были заняты словами пророчества – наконец оно полностью овладело им. Пророчество гласило также: «... *И они разделят сокровеннейшую вашу мечту*». Кинес, не отводя глаз, прямо спросил Джессику:

– Вы несете нам сокращение пути?

– А, доктор Кинес! – воскликнул водоторговец. – Вы оставили ради нас бродяжничество с шайками ваших фрименов? Как мило с вашей стороны, что вы присоединились к нам!

Кинес окинул Беута странным взглядом, проговорил:

– В Пустыне говорят, что обладание слишком большим количеством воды делает человека опасно неосторожным.

– Мало ли о чем говорят в Пустыне – у них много странных поговорок, – ответил Беут. Но его голос выдал беспокойство.

Джессика подошла к Лето, взяла его под руку – просто чтобы протянуть несколько секунд и успокоиться. Кинес сказал «сокращение пути». На старом языке это выражение прозвучало бы как «Квисатц Хадерах». Окружающие как будто не обратили внимание на странный вопрос планетолога, а сам он уже склонился над чьей-то женой и выслушивал ее кокетливую болтовню.

Квисатц Хадерах, подумала Джессика. Неужели Миссионария Протектива принесла сюда и *эту* легенду? В этой мысли скрывалась надежда для Пола. Он мог бы... мог бы быть этим Квисатц Хадерахом...

Представитель Гильд-Банка меж тем заговорил о чем-то с водоторговцем. Голос Беута перекрыл гудение возобновившихся разговоров:

– Немало людей хотело изменить Арракис!..

Герцог заметил, как Кинес, услышав это, вздрогнул, распрямился и даже отшатнулся от флиртующей дамы.

В неожиданно наступившей тишине охранник, переодетый в ливрею лакея, кашлянул за спиной Лето и объявил:

– Обед подан, милорд.

Герцог вопросительно взглянул на Джессику.

– Согласно здешнему обычаю, хозяева идут к столу позади гостей, – сказала она. – Или мы изменяем и этот обычай, милорд?

– Это, по-моему, неплохой обычай, – холодно ответил герцог. – Пока мы его оставим.

«Необходимо поддерживать иллюзию того, что я ей не доверяю и подозреваю в предательстве, – подумал герцог. Он посмотрел на чинно шествовавших мимо гостей. – Кто из вас поверил в эту ложь, дорогие гости?...»

Джессика чувствовала холодность и отстраненность герцога и думала о ней – не в первый раз за неделю. «Он выглядит как человек, борющийся с самим собой, – думала она. – В чем дело? Может, я просто поспешила с этим приемом? Но он же знает, как нам важно, чтобы наши офицеры, служащие и рядовые влились в местное общество. Мы для них – как родители, а ничто так не подчеркивает это, как подобного рода социальное единение...»

Лето, глядя на проходящих гостей, вспомнил, как отреагировал Суфир Хават, узнав о предстоящем приеме: «Сир! Я запрещаю вам это!...»

Герцог криво усмехнулся. На эту сцену стоило посмотреть. А когда герцог все же непреклонно решил присутствовать на обеде, Хават печально покачал головой. «Не нравится мне это, милорд, – заявил он. – У меня дурные предчувствия. Слишком уж быстро развиваются тут события. И это не похоже на Харконненов. Нет, совсем не похоже...»

Мимо прошел Пол. Он вел под руку девушку на полголовы выше его самого. Проходя мимо, он бросил короткий взгляд на отца, затем кивнул в ответ на какое-то замечание спутницы.

– Ее отец выпускает дистикомбы, – сказала Джессика. – Мне говорили, что только безнадежный глупец позволит себе оказаться в Пустыне в одном из этих дистикомбов...

– А кто этот человек впереди Пола? – спросил герцог. – Со шрамом на лице? Я его не узнаю.

– Его включили в список гостей в последний момент, – шепотом объяснила она. – Гурни послал ему приглашение. Это контрабандист.

– Гурни? Зачем он его позвал?

– По моей просьбе. Все согласовано с Хаватом, хотя сначала Хават и упирался. Контрабандиста зовут Туек, Эсмар Туек. Среди своих он обладает большим влиянием. Здесь его все знают, он часто бывает на приемах в разных домах.

– Зачем он здесь?

– Именно затем, чтобы каждый из присутствующих задал себе этот вопрос. Само присутствие Туека вызовет сомнения, подозрения и колебания. Кроме того, его приглашение будет для многих свидетельством нашей готовности выполнить указы о борьбе с коррупцией и взысканием, в том числе и подключая к этому контрабандистов. Кстати, именно этот момент Халлек одобрил.

– Не уверен, что я одобряю все это. – Он поклонился проходившей мимо паре и увидел, что почти все гости уже прошли в Обеденный зал. – Но почему ты не пригласила кого-то из фрименов?

– Кинес же здесь.

– Да, Кинес здесь, – согласился герцог. – Между прочим, у тебя есть для меня еще какие-нибудь сюрпризы? – Он повел Джессику вслед за последней парой гостей.

– Все прочее абсолютно обыченно, – заверила Джессика.

И подумала: «Дорогой, разве ты не понимаешь – у контрабандиста под контролем скоростные корабли и его можно купить? У нас должна быть возможность бежать с Арракиса, если все обернется против нас!..»

Они вошли в зал. Джессика убрала свою руку с руки герцога, он усадил ее и пошел на свой конец стола, к отодвинутому лакеем креслу. Все уселись в свистящем шуршании дорогих тканей и поскрипывании кресел – но герцог продолжал стоять. Он подал знак рукой, и окружавшие стол охранники в лакейских ливреях отступили к стенам и застыли, как статуи.

Повисла напряженная тишина.

Джессика взглянула через стол, заметила, как чуть подрагивают уголки губ Лето, как потемнели от гнева его скулы. «Что так рассердило его? – спросила она себя. – Не может быть, чтобы это из-за того, что я пригласила контрабандиста...»

– Кое-кто из присутствующих не одобрил то, как я изменил обычай относительно рукомольников, – произнес герцог. – Но этим я хотел дать вам понять, что здесь многое переменится!

Стояло неловкое молчание.

Они, похоже, решили, что герцог пьян, подумала Джессика. Герцог поднял свою флягу с водой, держа ее высоко – так, что та засверкала в лучах плавающих светильников.

– Как Рыцарь Империи, – объявил он, – я поднимаю тост!

Гости поспешно подняли свои фляги, не сводя глаз с герцога. На какой-то миг все замерли, лишь один из светильников медленно плыл в воздухе, подхваченный слабым сквозняком из кухонных дверей. Тени играли на ястребином лице герцога.

– Я здесь, и я не отступлю! – выкрикнул герцог свой девиз. Гости поднесли было фляги к губам, но остановились: герцог продолжал держать свою флягу поднятой. – Тост же мой –

это одна из тех сентенций, которая так близка всем нам: «Бизнес делает прогресс! Удача ведет повсюду!»

Он пригубил воды. Гости последовали его примеру, но при этом обменивались вопросительными взглядами.

– Гурни! – позвал герцог.

Халлек отозвался из алькова неподалеку от герцогского края стола:

– Слушаю, милорд.

– Сыграй нам, Гурни.

Из алькова выплыл глубокий минорный аккорд балисета. Слуги по знаку герцога принялись разносить блюда – жареного песчаного зайца под соусом кепеда, апломаж по-сирийски, чукку в глазури, кофе с меланжей (над столом потек густой коричневый запах), настоящий гусиный паштет в горшочке – пот-а-оэ, поданный с игристым каладанским.

Однако сам герцог продолжал стоять.

Гости ждали: их внимание разрывалось между стоящим герцогом и появившимися перед ними аппетитными блюдами. Наконец Лето произнес:

– В старые времена хозяин сам был обязан развлекать гостей своими талантами. – Костяшки его пальцев побелели – он стиснул свою флягу. – Петъ я не умею, но прочитаю вам слова песни Гурни. И пусть они будут еще одним тостом – тостом за всех тех, кто отдал жизнь, дабы мы достигли нынешнего своего положения.

Неловкий шумок пронесся над столом.

Джессика опустила глаза, взглянула на соседей. Ближе всего сидели круглолицый водоторговец с супругой, бледный, с аскетическим лицом представитель Гильд-Банка (все время казалось, будто он собирается свистнуть; вообще же он походил на пугало и не отводил глаз от Лето); сильный, хмурый, в морщинах и шрамах Туек, опустивший свои синие от меланжи глаза.

– Примите, друзья, парад давно ушедших солдат, – речитативом начал герцог. – Равно готовых принять тяжесть ран и наград. На духах этих солдат нашего Дома цвета. Примите, друзья, парад давно ушедших солдат: ведь вероломство в них не поднялось ни на миг. С ними уходит прочь военное счастье в ночь. Примите, друзья, парад давно ушедших солдат. Когда наше время с тобой уйдет с улыбкой скупой, соблазн военных побед покинет мир ему вслед...

На последней фразе голос герцога постепенно затих. Он отпил большой глоток и резко поставил флягу. Вода от толчка плеснула на скатерть.

В смущенном молчании гости тоже выпили воды и опустили фляги.

И снова герцог поднял свою уже полупустую флягу и в этот раз вылил остатки воды на пол, зная, что все должны последовать его примеру.

Первой вылила на пол свою флягу Джессика. Но все остальные застыли на миг и не сразу проделали то же самое. Джессика заметила, как сидящий рядом с отцом Пол изучает реакции окружающих. Ей и самой любопытно было наблюдать за ними – особенно за женщинами. Ведь это была превосходная, чистая питьевая вода, а не выжимки из мокрых полотенец. Было видно, насколько неохотно они выливают воду – видно по дрожащим рукам и замедленным движениям, нервному смеху... и явно вынужденному подчинению необходимости. Какая-то дама уронила флягу и отвернулась, когда муж поднял ее.

Но больше всего ее заинтересовал Кинес. Планетолог после небольшого колебания опустил свою флягу в контейнер, спрятанный под полой его длинного одеяния. Заметив, что Джессика смотрит на него, Кинес улыбнулся, поднял свою флягу в молчаливом тосте в ее честь. Похоже, он совершенно не смущался тем, что сделал.

Музыка Халлека все еще звучала в зале, только теперь не так минорно. Теперь это была ритмичная, веселая мелодия – словно Гурни пытался поднять настроение собравшихся.

– Обед начинается, – объявил герцог и сел.

Он разгневан и неуверен, поняла Джессика. Потеря комбайна ударила по нему сильнее, чем должна была бы. Тут что-то большее, чем просто погибшая машина и груз Пряности. Он выглядит как отчаявшийся человек. Она подняла вилку, пытаясь в движении скрыть переполнявшую ее горечь. Но что тут удивительного? Он действительно отчаялся.

Сначала вяло, а затем со все большим оживлением обед постепенно входил в свое русло. Фабрикант дистикомбов сделал Джессике комплимент относительно качества вина и мастерства шеф-повара.

– И вино, и повара мы привезли с собой с Каладана, – ответила Джессика.

– Превосходно! – кивнул собеседник, отведывая чукку. – Просто превосходно! И ни малейшего привкуса меланжи. Право, когда Пряность добавлена во всякое блюдо, это приедается.

Представитель Гильд-Банка обратился через стол к Кинесу:

– Как я слышал, доктор Кинес, еще один комбайн уничтожен песчаным червем.

– Новости, я вижу, разносятся быстро, – заметил герцог.

– Следовательно, это правда? – спросил водоторговец, переключая внимание на Лето.

– Разумеется, правда! – отрезал герцог. – Проклятый грузолет исчез куда-то, как не был.

Но куда и как может исчезнуть такая огромная машина?!

– Когда появился червь, оказалось, что вывезти оборудование не на чем, – подтвердил Кинес.

– Такое не должно было стать возможным! – повторил герцог.

– Неужели никто не видел, как улетел грузолет? – удивился банкир.

– Наводчики-наблюдатели смотрят большей частью за песком, – объяснил Кинес. – Их интересует прежде всего знак червя. Экипаж грузолета состоит из четырех человек – двух пилотов и двух приданных рядовых-специалистов. Если один из членов экипажа – а возможно, и двое – были наемниками врагов герцога...

– Мм-м, понимаю, – кивнул банкир. – Ну а вы – как Арбитр Смены – примете какие-то меры?

– Я должен серьезно обдумать свою позицию, – ответил Кинес. – И во всяком случае, я бы не хотел обсуждать это за столом.

Говоря это, Кинес подумал: «А ведь этот ходячий скелет *знает*, что происшествия подобного рода мне приказано оставлять без внимания!..»

Банкир улыбнулся и вернулся к еде.

Джессика, глядя на все это, вспомнила одну из лекций в школе Бене Гессерит из курса «Шпионаж и контршпионаж». Лекцию читает полная, с добродушным и смешливым лицом Преподобная Мать, и ее веселый голос странно контрастирует с темой:

«Следует отметить, что учеников любой школы шпионажа и/или контршпионажа объединяет общий тип основных реакций. Всякое закрытое учение оставляет свою печать, свой структурный рисунок – и этот отпечаток можно как уловить, так и использовать для предсказания реакций противника.

Далее, мотивационные поведенческие схемы у всех агентов-шпионов схожи. Иначе говоря, есть некоторые типы мотивации, общие для всех, несмотря на разные школы и противоположные цели.

Вы будете изучать прежде всего, как вычленив для анализа этот общий элемент. Вначале вы увидите, как по общей схеме допроса вычислить внутреннюю ориентацию допрашивающего; далее мы займемся мысленно-речевой ориентацией объекта анализа. Вы увидите, что определить базовый язык объекта достаточно просто, пользуясь оттенками голоса и структурой речи...»

И сейчас, сидя за столом вместе со своим сыном и герцогом, со всеми гостями и слушая представителя Гильд-Банка, Джессика вдруг почувствовала холодок: она ясно поняла, что

перед нею – харконненский агент. Построение речи было характерно для Гьеди Прайм. Оно было слегка замаскировано, но для ее тренированного восприятия звучало так ясно, как если бы он открыто заявил о своей роли.

Значит ли это, что сама Гильдия выступает против Дома Атрейдес? – спросила она себя. Эта мысль потрясла ее, и она постаралась скрыть эмоции, приказав переменить блюдо... а сама продолжала слышать, как выдает себя банкир. Теперь он переведет разговор на что-нибудь внешне безобидное, но со зловещим подтекстом, решила она. Это укладывается в характерную для него схему.

Банкир прожевал кусок, проглотил, запил вином, улыбнулся в ответ на какие-то слова своей соседки справа. Затем он как будто прислушался к одному из гостей, рассказывавшему герцогу, что у собственно арракийских растений не бывает шипов.

– Я люблю наблюдать за полетом птиц на Арракисе, – заметил банкир, обращаясь к Джессике. – Разумеется, все наши птицы – трупоеды, и многие из них могут обходиться без воды – они научились пить кровь...

Дочь фабриканта дистикомбов, сидевшая напротив между Полом и его отцом, нахмурила свое прелестное личико:

– Ой, Су-Су, вечно вы говорите всякие гадости!

Банкир улыбнулся.

– Меня прозвали Су-Су, потому что я – советник по финансам Союза Водоносов.

Поскольку Джессика все так же молча глядела на него, он добавил:

– Это потому, что разносчики воды так кричат – «Су-Су Су-ук!» – Он симитировал крик водоноса с такой точностью, что многие из сидевших за столом засмеялись.

Джессика отметила хвастливые нотки в голосе, но главное, на что она обратила внимание, – это что девушка говорит по заранее заданной роли и именно в определенный момент. Она сказала это, чтобы дать банкиру возможность сказать то, что он сказал: Джессика покосилась на Лингара Беута. Водяной магнат, насупившись, поглощал пищу, целиком отдавшись этому занятию.

Джессика прекрасно поняла сказанное банкиром: «Я тоже контролирую воду – основу и источник всякой власти на Арракисе».

Пол заметил и фальшь в голосе банкира, и то, что мать внимательно следит за разговором, явно пользуясь приемами Бене Гессерит. Повинуясь импульсу, Пол решил принять вызов и обратился к банкиру:

– Вы хотите сказать, что эти птицы – каннибалы?

– Станный вопрос, молодой господин, – поднял брови банкир. – Я сказал лишь, что птицы пьют кровь. Это совсем не значит, что это должна быть кровь их сородичей, не так ли?

– Это был отнюдь не странный вопрос, – возразил Пол, и Джессика услышала в его голосе тонкий звон ответного выпада рапиры – она сама обучала его. – Большинство образованных людей знает, что наиболее жестокая конкуренция – это конкуренция внутри вида. – Пол демонстративно наколот на вилку кусочек с тарелки собеседника и съел его. – Ибо они, фигурально выражаясь, едят с одной тарелки. У них одинаковые потребности.

Банкир замер и, нахмурившись, взглянул на герцога.

– Было бы ошибкой считать моего сына ребенком, – улыбнулся ему герцог.

Джессика оглядела стол, заметила, как прояснилось лицо Беута, как ухмыляются Кинес и контрабандист Туек.

– Да, таков закон экологии, – подтвердил Кинес, – и молодой господин, судя по всему, прекрасно его понимает. Борьба за существование внутри системы – это борьба за овладение свободной энергией системы. Кровь же – весьма эффективный источник энергии.

Банкир положил вилку и раздраженно сказал:

– Я слышал, что фрименский сброд пьет кровь своих мертвецов...

Кинес покачал головой, наставительно сказал – будто читал лекцию:

– Не кровь, сэр. Отнюдь. Но вся вода человека – вся – принадлежит его народу, его племени. Когда живешь возле Великой Равнины, это становится необходимостью. Вода здесь бесценна, а ведь человеческое тело на семьдесят процентов состоит из воды. И, разумеется, покойник в своей воде уже не нуждается.

Банкир положил руки на край стола возле тарелки – Джессике показалось, что сейчас он в ярости встанет и уйдет. Кинес взглянул на Джессику.

– Простите, миледи, что я позволил себе обсуждать за столом столь неаппетитный предмет, но вам солгали, и я обязан был внести ясность.

– Вы так долго якшались с фрименским отребьем, что позабыли всяческие приличия, – буркнул банкир.

Кинес изучающе обвел спокойным взглядом побелевшее, подергивающееся лицо.

– Следует ли понимать это как вызов? – осведомился он. Банкир замер. Он сглотнул, помедлил и наконец выговорил:

– Конечно, нет... Я не нанес бы такого оскорбления нашим любезным хозяевам!

Джессика услышала в его голосе страх. Этот страх был и в лице, дыхании, биении жилки на виске. Банкир боялся, панически боялся Кинеса!..

– Наши любезные хозяева сами вполне способны решать, оскорблены они или нет, – сказал Кинес. – Они храбрые и достойные люди, понимающие, что такое защита своей чести. Все мы можем убедиться в их мужестве хотя бы по тому, что они здесь... сейчас... на Арракисе.

Джессика видела, что Лето в восторге от этого разговора. Однако остальные гости – почти все – похоже, не разделяли этот восторг. Гости сидели так, словно были готовы сорваться с места – они опустили руки со стола, напряглись... Исключение составляли Беут, явно наслаждавшийся замешательством банкира, и Туек, который, казалось, ждал, как поведет себя Кинес. Пол взирал на Кинеса в восхищении.

– Итак?... – спросил Кинес.

– Я-а... не хотел никого оскорбить. Если вы, однако, чувствуете себя оскорбленным, я прошу принять мои извинения...

– Искренне и свободно принесенное извинение так же искренне принимается, – кивнул Кинес. Улыбнувшись Джессике, он вернулся к еде, словно ничего не произошло.

Контрабандист, отметила Джессика, тоже расслабился. Он выглядел как верный соратник, готовый броситься на помощь Кинесу. Между Кинесом и Туеком явно была некая связь.

Лето поиграл вилкой, с любопытством посмотрел на Кинеса. Поведение эколога говорило об изменении его отношения к Дому Атрейдес. Во время полета в Пустыню он был гораздо холоднее.

Джессика подала знак переменить блюда и напитки. Слуги появились с *langues de lapins de garenne* под грибным и дрожжевым соусом.

Мало-помалу разговор за столом возобновился. Но теперь Джессика слышала в голосах возбужденные нотки. Банкир же ел в угрюмом молчании. Кинес убил бы его не моргнув глазом, решила она. И поняла, что поведение Кинеса выдавало весьма легкое отношение к убийству. Он был способен убивать – запросто. Это, догадалась она, видимо, общее для всех фрименов качество.

Джессика повернулась налево, к производителю дистикомбов:

– Я не перестаю изумляться значению воды на Арракисе.

– Да, большое значение, – согласился он. – Между прочим, что это за блюдо? На вкус бесподобно.

– Языки диких кроликов в особом соусе, – ответила она. – Это старинный рецепт.

– Я обязательно должен получить его.

– Я прослежу, чтобы его для вас записали, – кивнула Джессика.

Кинес, взглянув на Джессику, произнес:

– Новички на Арракисе часто недооценивают значение воды здесь. Видите ли, нам приходится иметь дело с так называемым Законом Минимума.

В его голосе она услышала особые нотки – словно он как-то испытывал ее. Она ответила:

– Рост ограничивается тем из необходимых условий, которое находится в минимуме. Проще говоря, наименее благоприятное условие определяет скорость роста.

– Нечасто доводится встречать среди представителей Великих Домов людей, сведущих в планетологии, – улыбнулся Кинес. – Так вот, нехватка воды на Арракисе и является этим наименее благоприятным условием для жизни. Кстати, не следует забывать, что и *рост* сам по себе тоже может создавать неблагоприятные условия – если к нему не относятся с максимальной осторожностью.

Джессика почувствовала в словах Кинеса какое-то замаскированное сообщение, но какое – не поняла.

– Рост... – задумчиво сказала она. – Вы хотите сказать, что Арракис может иметь такой регулярный водообменный цикл, который был бы способен обеспечить и лучшие условия для существования здесь?

– Невозможно! – воскликнул водоторговец. Джессика повернулась к нему:

– Невозможно?

– Невозможно на Арракисе, – поправился Беут. – Не слушайте этого мечтателя. В конце концов, все лабораторные исследования свидетельствуют против него!

Кинес посмотрел на Беута, и Джессика увидела, как разговоры за столом затихают и внимание гостей обращается к новому разгорающемуся спору.

– Лабораторные исследования закрывают нам глаза на один очень простой факт, – произнес Кинес. – И факт этот следующий: мы сталкиваемся здесь с веществами и явлениями, возникшими и существующими под открытым небом планеты – где растения и животные ведут нормальный образ жизни.

– Нормальный! – фыркнул Беут. – На Арракисе ничто не может быть нормальным!

– Отнюдь, – возразил Кинес. – Вполне возможно установить определенные гармонические экосистемы на основе самоподдерживающегося баланса. Следует лишь правильно оценить пределы возможностей планеты и пределы нагрузки на нее.

– Никто и никогда не сделает всего этого, – отмахнулся Беут.

Внезапно герцог понял, когда именно изменилось отношение Кинеса: в тот самый момент, когда Джессика сказала, что они собираются в качестве опекунов сохранить влаголюбивые растения для Арракиса.

– А что необходимо для установления такой самоподдерживающейся системы, доктор Кинес? – спросил Лето.

– Если удастся заставить три процента зеленых растений на Арракисе вырабатывать углеводы, могущие служить пищей, – циклическая система установлена, – ответил Кинес.

– Следовательно, единственная проблема – это вода? – спросил герцог. Он чувствовал возбуждение Кинеса и сам был захвачен им.

– Вода – это основная проблема, затеняющая все остальные. Вот, например: атмосфера планеты богата кислородом – при том, что отсутствуют обычные сопутствующие явления, как то: широко распространенная растительность и такие крупные источники углекислого газа, как, например, вулканы. Наконец, на весьма обширных участках территории планеты наблюдаются необычные химические реакции.

– Проводятся ли какие-либо экспериментальные работы? – спросил герцог.

– У нас было достаточно времени, чтобы исследовать эффект Тансли. Небольшие эксперименты на любительской основе, которые дают теперь рабочие данные для моей науки, – сказал Кинес.

– Но воды здесь недостаточно, – настаивал Беут. – Здесь просто недостаточно воды.

– О да, ведь господин Беут – специалист по всему, что связано с водой, – тонко улыбнулся Кинес и вернулся к еде.

Герцог резко махнул рукой:

– Нет! Мне нужен ответ. Доктор Кинес, здесь достаточно воды?

Кинес глядел в свою тарелку.

Джессика следила за эмоциями на его лица. Он хорошо скрывает свои чувства, подумала она. Но теперь, когда она *определила* Кинеса, ей было ясно, что он жалеет о сказанном.

– Так достаточно ли здесь воды? – настаивал герцог.

– М-мм... возможно, – неуверенно сказал Кинес. «Он *изображает* неуверенность!» – подумала Джессика.

У Пола чувство правды было более развито. Ему пришлось прибегнуть к помощи всей своей подготовки, чтобы скрыть возбуждение. Здесь действительно достаточно воды, но Кинес не хочет, чтобы это стало известным!

– У нашего любезного планетолога есть немало любопытных идей. О чем он только не мечтает; и по большей части мечтает вместе с фрименами – о пророчествах и мессиях, – уронил Беут.

В разных концах стола раздались смешки. Джессика автоматически отметила, что засмеялись контрабандист, дочка фабриканта дистикомбов, Дункан Айдахо, владелица странной службы сопровождения туристов...

«Странно распределяются сегодня напряжения, – подумала она. – Я слишком многого не знаю! Вокруг что-то происходит – много чего! – а что, я не знаю. Мне необходимо найти для себя источники информации».

Герцог перевел взгляд с Кинеса на Беута, затем – на Джессику. Он чувствовал себя странно подавленным – словно упустил что-то жизненно важное.

– Возможно... – пробормотал он. – Возможно, это и так...

Кинес быстро сказал:

– Может быть, лучше обсудить все это в другой раз, милорд? Слишком многое...

Планетолог замолчал: в дверь для прислуги вбежал человек в униформе войск Дома Атрейдес, миновал стражника и, быстро подойдя к герцогу, склонился и прошептал что-то ему на ухо.

Джессика узнала кокарду Хаватова корпуса безопасности и с большим трудом сумела подавить беспокойство. Обернувшись к спутнице производителя дистикомбов – миниатюрной темноволосой женщине с кукольным личиком и слегка раскосыми глазами, она любезно осведомилась:

– Вы почти ничего не ели, дорогая. Хотите, я велю принести для вас что-нибудь?

Прежде чем ответить, женщина взглянула на фабриканта:

– Благодарю, я не голодна.

В этот момент герцог резко поднялся и тоном команды объявил:

– Прошу всех оставаться на местах, господа. Надеюсь, вы извините меня – дела требуют моего личного внимания. – Он вышел из-за стола. – Пол, останься, пожалуйста, за хозяина.

Пол тоже встал. Он хотел спросить, чем вызван уход отца, но приходилось играть свою роль. Он пересел в отцовское кресло.

Герцог обернулся к алькову, в котором сидел Халлек:

– Гурни, займи место Пола, пожалуйста. Нехорошо, если за столом останется нечетное число людей. После обеда, возможно, вам с Полом придется подъехать на полевой командный пункт. Я свяжусь с вами.

Халлек был в парадной форме. Грузный, уродливый, словно слепленный из неровных глыб, он выглядел как-то неуместно среди этой сверкающей изысканной роскоши. Он поставил свой балисет к стене, подошел к креслу, которое раньше занимал Пол, уселся.

– Господа, тревожиться не о чем, – сказал герцог. – Однако прошу никого не уходить, пока охрана не объявит, что это безопасно. Здесь вы все в абсолютной безопасности, а мы очень скоро разберемся со случившимся досадным происшествием.

Пол распознал ключевые слова во фразе отца: «охрана», «безопасно», «безопасность», «скоро». Случившееся было связано с вопросами безопасности – не с нападением. Он увидел, что и мать поняла это скрытое сообщение. Оба расслабились.

Герцог коротко поклонился и покинул зал через служебные двери, сопровождаемый охранником.

Пол обратился к гостям:

– Господа, прошу вас, продолжим ужин. Если я не ошибаюсь, доктор Кинес, вы говорили о воде?

– Я бы хотел обсудить этот вопрос как-нибудь в другое время, если позволите, – покачал головой Кинес.

– Как вам угодно, – согласился Пол.

И Джессика с гордостью отметила, с каким достоинством и зрелой уверенностью держится ее сын.

Банкир поднял свою флягу с водой, показал ею в сторону Беута:

– Право, никто из присутствующих здесь не сможет превзойти господина Лингара Беута в цветистости фраз. Можно подумать, что он стремится войти в число Великих Домов!.. Господин Беут, прошу вас – скажите тост! Возможно, у вас найдется крупица мудрости для мальчика, к которому надо относиться как к мужчине.

Джессика стиснула под столом руку в кулак. Она видела, как Халлек подал знак Дункану Айдахо, и стража вдоль стен пошевелилась, приняв стойку повышенной готовности.

Беут злобно покосился на банкира.

Пол взглянул на Халлека, на изготовившихся стражников, перевел глаза на банкира – и смотрел, пока тот не опустил глаза. Наконец он заговорил:

– Однажды на Каладане мне пришлось увидеть вытащенное на берег тело утонувшего рыбака. Он...

– Утонувшего? – удивленно перебила его дочь фабриканта дистикомбов.

– Да. Человек погружается в воду, пока, захлебнувшись, не умирает. Это называется – «утонуть».

– Какая удивительная смерть! – пробормотала она. Улыбка Пола стала колючей. Он снова посмотрел банкиру в лицо.

– Но вот что интересно. На теле этого утонувшего человека были необычные раны на плечах – раны, нанесенные шипастыми сапогами другого рыбака. Дело в том, что утонувший был не один в лодке – это такое средство для передвижения по воде, которая затонула... ушла под воду. Так вот, один из тех рыбаков, которые помогали достать тело из воды, сказал, что уже не в первый раз видит подобные раны – и они означают, что тонущий человек карабкался на плечи своего несчастного товарища, пытаясь дотянуться до поверхности. До воздуха.

– И что же в этом интересного? – буркнул банкир.

– Главным образом интересно замечание, которое сделал по этому поводу мой отец герцог. Он сказал, что можно понять, когда тонущий человек карабкается на твои плечи – кроме тех только случаев, когда это происходит в обществе, на приеме. – Пол помедлил, чтобы дать банкиру сообразить, что последует дальше, и закончил: – В особенности же, хотел бы я добавить, тогда, когда это происходит за столом на званом обеде.

В зале наступила внезапная тишина.

«Это было опрометчиво, – подумала Джессика. – Пожалуй, положение этого банкира позволяет ему даже бросить вызов моему сыну!» Она видела, что Айдахо напрягся, готовый ринуться в бой. Охранники Дома тоже встали на изготовку. Гурни Халлек не сводил глаз со своего визави.

– Хо-хо-хо-хооо!..

Это расхохотался контрабандист Туек, откинув назад голову, расхохотался от всей души. На лицах некоторых гостей появились неуверенные, нервные улыбки. Беут открыто ухмылялся.

Банкир отодвинулся со стулом от стола и яростно смотрел на Пола.

– Кто задевает Атрейдеса – тот делает это на свой страх и риск, – заметил Кинес.

Прежде чем Пол смог ответить, Джессика наклонилась вперед, к банкиру:

– Сэр!

«Надо разгадать игру этого харконненского ставленника. Он что, должен был испытать Пола? Проверить, насколько далеко можно зайти?.. И кто здесь поддерживает его?..»

– Сэр, сын мой показал нам, так сказать, одеяние вообще, а вам кажется, что оно сшито по вашей мерке. Поистине сие удивительно. – Она опустила руку и как бы невзначай скользнула ею вдоль ноги – туда, где в пристегнутых под коленом ножнах был спрятан крис.

Банкир перевел злой взгляд на Джессику. Многие из гостей тоже переместили внимание с сына на мать, а Джессика увидела, что Пол слегка отодвинулся от стола, освобождая себе пространство для действия. Он принял скрытый в реплике матери сигнал: Джессика сказала «одеяние» – то есть, на кодовом языке, «приготовься к бою».

Кинес, прикидывая что-то, посмотрел на Джессику и подал Туеку едва заметный знак рукой.

Контрабандист не спеша поднялся, встал, слегка покачиваясь, поднял свою флягу.

– Я хочу поднять тост, – объявил он, – за юного Пола Атрейдеса – еще мальчика на вид, но уже зрелого мужа по поступкам.

«Почему они вмешиваются?» – удивилась Джессика. Банкир смотрел теперь на Кинеса, и Джессика опять увидела страх в его глазах.

За столом уже поднимали фляги.

«Да, Кинес ведет – и за ним идут, – думала Джессика. – А он показал, что принимает сторону Пола. Но в чем секрет его влияния? Не в том же, что он – Арбитр Смены. Ведь это – должность временная. И уж конечно, не в том, что он – имперский чиновник!..»

Она сняла пальцы с рукояти криса, подняла свою флягу в сторону Кинеса, тот ответил тем же.

Лишь Пол и банкир (Су-Су! Надо же было придумать такое дурацкое прозвище!) сидели неподвижно и не поднимали тост. Банкир не отводил глаз от Кинеса; Пол глядел в тарелку.

«Я неплохо справлялся с ситуацией, – думал он. – Так почему же они вмешались?» Исподтишка он бросил взгляд через стол. Сказал:

– В таком обществе, как наше, человек не должен слишком поспешно оскорбляться. Это часто бывает равносильно самоубийству. – Он посмотрел на дочку фабриканта дистикомбов. – Вы согласны?

– О да. Да. Разумеется, я согласна, – ответила та. – Вокруг столько насилия и жестокости! И так часто желания оскорбить нет, а люди погибают. Так бессмысленно!..

– В самом деле бессмысленно, – согласился Халлек. Джессика, оценив совершенную игру девушки, поняла: эта пустоголовенькая девочка – вовсе не пустоголовенькая девочка. Джессика заметила угрозу и поняла, что и Халлек ее заметил. Они решили окрутить Пола, соблазнить его при помощи обыкновенного секса! Джессика немного расслабилась. Пол скорее всего заметил все первым – в его подготовку, конечно, входило изучение и подобных простеньких трюков.

– Вам не кажется, что следует извиниться? – спросил Кинес банкира.

Тот кисло улыбнулся Джессике:

– Простите, миледи. Боюсь, я чересчур увлекся вашими винами. У вас подают довольно крепкие напитки, и я к таким не привык.

Джессика услышала скрытый в его голосе яд и чрезвычайно любезным голосом ответила:

– Когда встречаются незнакомцы, следует делать скидки на разницу в обычаях и воспитании.

– Благодарю вас, миледи, – выдавил банкир. Темноволосая спутница фабриканта дистикомбов склонилась к Джессике:

– Герцог сказал, что мы здесь в безопасности. Надеюсь, речь не идет о войне?..

Ей велели перевести разговор в это русло, поняла Джессика.

– Скорее всего это окажется какими-нибудь пустяками, – улыбнулась она. – Сейчас столько дел, которые требуют личного присутствия герцога! Покуда между Харконненами и Атрейдесами существует вражда, быть излишне осторожным нельзя. Герцог объявил канли и в том поклялся. И, разумеется, он не оставит в живых ни одного харконненского агента на планете. – Она взглянула на агента Гильд-Банка: – Как вы понимаете, Конвенция на его стороне. – Она повернулась к Кинесу: – Я права, доктор Кинес?

– Без всякого сомнения, – кивнул планетолог. Фабрикант дистикомбов слегка потянул назад спутницу. Та взглянула на своего патрона, сказала:

– Я, пожалуй, съела бы чего-нибудь сейчас. Мне очень понравилось то блюдо из птицы...

Джессика махнула слуге, повернулась к банкиру:

– Помнится, вы говорили тут о птицах и их повадках. Здесь, на Арракисе, столько нового и интересного для меня. К примеру, не расскажете ли вы мне, где добывается Пряность? Меланжеры-разведчики далеко заходят в Пустыню?

– О нет, миледи, – ответил тот. – Глубокая Пустыня неважно изучена, мы знаем о ней очень мало. Что же касается южной части Пустыни, то о ней у нас практически никаких сведений.

– Есть легенды, – сказал Кинес, – что где-то на дальнем юге находится великая Материнская Жила, мать всех месторождений Пряности. Впрочем, я склонен полагать, что это – выдумка, рожденная исключительно как поэтический образ. Некоторые особенно дерзкие меланжеры-разведчики доходили даже до окраинных районов Центрального пояса, но это чрезвычайно опасно – ориентирование затруднено, а бури часты. Чем дальше от Барьерной Стены, тем выше уровень смертности. Считается, что заходить далеко на юг невыгодно, такие экспедиции не оправдаются. Может быть, если бы у нас были метеоспутники, – хотя бы один...

Беут поднял глаза, заметив с полным ртом:

– Говорят, что фримены заходят туда. Они путешествуют где хотят и сумели найти там влажники и соломенцы.

– Влажники и соломенцы?

Кинес поспешно ответил:

– Пустые слухи, миледи. На этой планете такие объекты не встречаются. Вообще же влажник – это место, где грунтовые воды поднимаются на поверхность или достаточно близко к поверхности, так что воду можно обнаружить по определенным признакам и затем добыть, выкопав углубление. Соломенец – это тот же влажник, но такой, где воду можно добыть, просто потянув через соломинку... во всяком случае, так было сказано.

«Он нас обманывает», – почувствовала Джессика.

«Почему он лжет?» – задумался Пол.

– Очень, очень интересно, – улыбнулась Джессика, думая: «Так было сказано... Как тут витиевато говорят, однако! Знали бы они, как много можно узнать по такой речи о том, как они зависят от предрассудков!»

– Я слышал, у вас есть поговорка, – сказал Пол: – «Из города – лоск, из Пустыни – мудрость»...

– На Арракисе есть множество поговорок, – отозвался Кинес. Раньше, чем Джессика успела задать еще один вопрос, возле нее склонился слуга и подал записку. Она развернула листок, узнала почерк и кодовые значки герцога, прочла.

– Господа, – произнесла она, – вам будет приятно узнать, что герцог посылает нам утешительные известия. Дело, которое оторвало его от нас, благополучно разрешено. Найден пропавший грузолет. Харконненский агент, пробравшийся в экипаж, перебил его и повел грузолет на базу контрабандистов, предполагая продать машину им. Однако сейчас и преступник и грузолет возвращены нам.

Джессика слегка поклонилась Туеку.

Контрабандист в ответ тоже склонил голову.

Джессика спрятала записку в рукав.

– Я весьма рад, что дело не дошло до открытого столкновения, – заметил банкир. – Ведь народ надеется, что с Атрейдесами сюда пришли мир и процветание.

– В особенности процветание, – согласился Беут.

– Может быть, перейдем к десерту? – предложила Джессика. – Я велела повару приготовить наши каладанские сладости: рис пунди под соусом дольса.

– Звучит заманчиво, – хмыкнул фабрикант дистикомбов. – Я смогу получить рецепт?

– Любой рецепт, какой вам понравится, – ответила Джессика, *отмечая* фабриканта. Надо сказать про него Хавату. Фабрикант, судя по всему, был трусливым мелким карьеристом, а таких всегда легко купить.

Вокруг возобновились разговоры: «... а какая прекрасная ткань!...», «... и он решил заказать оправу, достойную этого камня...», «... в следующем квартале мы можем попытаться поднять производительность...»

Джессика смотрела в свою тарелку, напряженно думая о закодированной части послания герцога: «Харконнены попытались тайно переправить сюда большую партию лучеметов. Мы перехватили ее. Но это может означать, что другие партии оружия мы пропустили. И это условно означает, что они не думают о силовых щитах. Необходимо срочно принять соответствующие меры предосторожности».

Джессика подумала о лучеметах. Белые огненные лучи прожигали любые известные материалы, если те не были защищены силовым полем. Однако Харконненов явно не беспокоило, что реакция с обратной связью между лазерным лучом и силовым полем вызывает взрыв, способный уничтожить как щит, так и сам лазер. Почему? Почему их это не тревожит? Ведь сила такого взрыва сильно и опасно варьируется в зависимости от различных условий и может даже сравняться с мощностью ядерного взрыва – даже превзойти ее, а может уничтожить лишь самого стрелка и его экранированную цель...

Неизвестность наполняла ее неуверенностью.

Пол сказал:

– Я не сомневался, что мы найдем грузолет. Если отец берется за проблему – он ее решает. Похоже, сейчас это начинают понимать и Харконнены.

Он хвастает, подумала Джессика. Напрасно. Тот, кому предстоит сегодня ночевать глубоко под землей, чтобы обезопасить себя от лучеметов, не имеет права на подобную похвальбу.

* * *

Выхода нет: мы платим за грехи отцов, за совершенное ими насилие. Избежать этого невозможно.

Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диб»

Джессика услышала какой-то шум в Большом зале, включила светильник у изголовья. Часы еще не перевели на местное время, и ей пришлось вычесть двадцать одну минуту. Получилось что-то около двух часов утра.

Шум был довольно громкий, совершенно неуместный и какой-то бессвязный.

Что это? Нападение Харконненов?

Выскользнув из постели, она включила мониторы – проверила, где сын и герцог. Пол спокойно спал в подвальной комнате, наспех переоборудованной под спальню. Очевидно, туда шум не проникал. Комната герцога была пуста, постель не смята. Он что, все еще на полевом командном пункте?

В передней части дома, однако, мониторов не было.

Джессика стояла посреди комнаты и прислушивалась.

Один голос кричал что-то непонятное. Кто-то еще крикнул, чтобы привели доктора Юйэ. Джессика нашла халат, накинула на плечи, сунула ноги в домашние туфли, пристегнула к ноге крис в ножнах.

Снова кто-то позвал Юйэ.

Джессика перехватила халат поясом, выскользнула из комнаты в коридор. Внезапно ее поразила мысль: что, если что-то случилось с Лето?

Коридор, казалось, никогда не кончится. Она пробежала сквозь арку, пролетела мимо Обеденного зала, по другому коридору к Большому залу. Зал был ярко освещен, стенные светильники включены на полную мощность.

Справа от входа двое охранников держали Дункана Айдахо. Голова у того бессильно склонялась вперед; висела неприятная, резкая тишина, слышалось лишь прерывистое дыхание.

Один из охранников осуждающе сказал Дункану:

– Вот видишь, что ты наделал! Разбудил леди Джессику.

За спиной у них ветер раздувал портьеры – дверь не закрыли. Не было ни герцога, ни Юйэ. Мэйпс стояла в стороне, холодно глядя на Айдахо. На ней было длинное свободное платье с узором из змей по краю, незашнурованные пустынные сапоги.

– А, значит, й-я разбудил леди Джессику, – пробормотал Айдахо. Он поднял лицо к потолку, выкрикнул: – Меч мой впервы́е был к... кровью обогрен на Груммане!..

«Великая Мать! – поняла Джессика. – Он же пьян!»

Темное круглое лицо Айдахо исказила хмурая гримаса. Брови сведены, волосы, выющиеся как шерсть черной овцы, залеплены грязью. Большая рваная прореха на френче открывала парадную рубашку, в которой вчера он был на обеде.

Когда Джессика подошла, один из охранников коротко поклонился ей, не отпуская Айдахо.

– Мы не знаем, что с ним делать, миледи. Он шумел перед парадным входом и не хотел идти внутрь. Мы опасались, что местные могут увидеть его в таком виде. Это было бы плохо: повредило бы нашей репутации.

– Где он был? – спросила Джессика.

– Провожал домой одну молодую даму, миледи. Приказ Хавата.

– Какую даму?

– Да, так... собственно, девку из чьей-то свиты. Понимаете, миледи? – Охранник взглянул в сторону Мэйпс и понизил голос: – Когда надо вызнать что-нибудь у дамы или приглядеть за ней, всегда посылают Айдахо.

«Это так, – подумала Джессика. – Но с чего он вдруг напился?»

Она свела брови, повернулась к Мэйпс:

– Мэйпс, принеси стимулятор. Кофеин, пожалуй. Может быть, осталось немного кофе с Пряностью?

Мэйпс пожала плечами, пошла на кухню. Незашнурованные пустынные сапоги громко шлепали по каменному полу.

Айдахо постарался повернуть голову так, чтобы через плечо увидеть Джессику, но голова только вяло покачнулась.

– Прикончил за тр-ри... сотни л'дей – для герцыга! – пробормотал он. – А что мм-не тут дел'ть? Не м'гу я жить под землей! И не м'гу жить тут на з'мле! Что эт' за... м-и'сто такое, а?

Джессика услышала какой-то звук из соседней залы, повернулась. Это оказался Юйэ; в левой руке он держал свой медицинский чемоданчик. Юйэ был полностью одет и выглядел бледным и измученным. Вытатуированный ромб ярко выделялся на побледневшем лбу.

– А, добрый наш докт'р! – взревел Айдахо. – Наш мастер п-пластырей и пил-люль! – Он повернулся к Джессике. – Дураком м'ня выс-ставить х'тите, да?..

Джессика молча стояла, нахмурилась. Почему же Айдахо напился? Или его опоили какой-нибудь дрянью?

– Слишк'м мно-а пива с Пряностью, – сообщил Айдахо, пытаясь встать прямо.

Мэйпс вернулась, неся дымящуюся чашку, остановилась в нерешительности позади Юйэ, взглянула на Джессику. Та отрицательно покачала головой.

Юйэ опустил чемоданчик на пол, поклонился Джессике.

– Так, значит, пряное пиво, э-э? – спросил он.

– Лучшее поила ник'да не пил, – заверил Айдахо. Он хотел встать «смирно», но из этого ничего не вышло. – М-меч мой впервые был кровью об'грен на Груммане! – заявил он. – Закол Хра... Харкен... для герцыга его убил.

Юйэ повернулся, увидел чашку в руках у Мэйпс:

– Это что?

– Кофеин, – ответила Джессика.

Юйэ принял чашку, протянул ее Дункану.

– Ну-ка выпей это, приятель, – велел он.

– Н-не х'чу больше пить, – мотнул головой Айдахо.

– Я сказал, пей!

Голова Айдахо качнулась в сторону Юйэ, он, волоча охранников, сделал неверный шаг в сторону доктора.

– М-мне... мне надоело угождать Империи, док. Пускай в эт'т раз бу'т по-моему.

– Хорошо, только сначала выпей это, – ответил Юйэ. – Пей, это всего лишь кофеин.

– Дрянь, как у... как все здесь. Чертово с'нце слишк'м йяркое. Цвет у всего тут н-неправильный. Все тут не так. Или...

– Ну, будет, ведь ночь на дворе. – Юйэ старался говорить убедительно. – Будь паинькой, выпей это. Тебе сразу станет лучше.

– А й-я не хочу, чтобы мне стало л-лучше! – упрямо возразил Айдахо.

– Мы не можем препираться здесь всю ночь, – сказала Джессика и подумала: «Тут нужен небольшой шок!»

– Вам незачем здесь оставаться, миледи, – заметил Юйэ. – Я все сделаю.

Джессика покачала головой, шагнула к Айдахо, наотмашь ударила его по щеке.

Айдахо отшатнулся, увлекая за собой охранников. Он бешеными глазами смотрел на нее.

– Никто не смеет так вести себя в доме своего герцога, – холодно сказала она, вырвала у Юйэ чашку, расплескав почти треть, и сунула ее Дункану. – А теперь пей! Это приказ.

Айдахо резко вскинулся и, мрачно и зло глядя на Джессику с высоты своего роста, медленно произнес, тщательно выговаривая слова:

– Я не подчиняюсь приказам проклятых харконненских шпионов.

Юйэ застыл на мгновение и резко обернулся к Джессике.

Она побледнела, но кивнула. Теперь ей, во всяком случае, все было ясно – отдельные детали сложились, все те странные слова и поступки, которые она замечала в последние дни, – теперь она могла все это как бы истолковать. Ее охватил гнев – такой сильный, что она едва могла сдержать его. Потребовалась вся ее бене-гессеритская подготовка, чтобы успокоить пульс и дыхание. Но даже тогда она чувствовала, как обжигает ее этот гнев.

Когда надо вызвать что-нибудь у дамы или пригласить за ней, всегда посылают Айдахо!..

Она метнула в Юйэ пылающий взгляд. Тот потупился.

– Вы это знали?! – требовательно спросила она.

– Я... слышал разговоры, миледи. Сплетни. Но я не хотел отягощать вашу ношу лишним грузом...

– Хават! – резко сказала она. – Я желаю немедленно видеть Суфира Хавата!

– Но, миледи...

– Немедленно.

«Конечно, это Хават, – думала она. – Если бы такое подозрение высказал кто-то другой, оно было бы отвергнуто тотчас».

Айдахо потряс головой, пробормотал: «К ч-черту всю йэту мерзось...»

Джессика взглянула на чашку у себя в руках и внезапно выплеснула ее содержимое в лицо Айдахо.

– Заприте его в одной из гостевых комнат восточного крыла, – скомандовала Джессика. – Пусть проспится.

Стражники были явно расстроены.

– Может быть, отвести его в какое-нибудь другое место, миледи? – уныло спросил один. – Например...

– Ему надо быть здесь! – отрезала Джессика. – У него тут задание. – В ее голосе звучала горечь. – Он у нас мастер по слежке за женщинами.

Стражник сглотнул.

– Тебе известно, где сейчас герцог? – спросила она.

– Он на командном пункте, миледи.

– Хават с ним?

– Хават в городе, миледи.

– Немедленно найди его и приведи ко мне, – велела Джессика. – Я буду в своем кабинете.

– Но, миледи...

– Если понадобится, я вызову герцога, – холодно проговорила она, – но я надеюсь, мне не придется этого делать. Не хотелось бы беспокоить его этим.

– Слушаюсь, миледи.

Джессика сунула Мэйпс опустевшую чашку, встретила взглядом с ее вопрошающими – синее на синем – глазами.

– Можешь идти спать, Мэйпс.

– Вы уверены, что я вам не понадоблюсь?

Джессика мрачно усмехнулась:

– Уверена.

– Не может ли все это подождать до утра? – спросил Юйэ. – Я сейчас дал бы вам транквилизатор, и...

– Идите к себе. Я сама разберусь, – сказала Джессика и, чтобы смягчить резкость приказа, потрепала Юйэ по руке. – Это все, что вы можете сделать.

Высоко подняв голову, она резко повернулась и пошла в свои апартаменты. Холодные стены... коридоры... знакомая дверь... Джессика распахнула ее, вбежала и захлопнула дверь за собой. Долго стояла, невидящими глазами уставясь на подернутые дымкой силового поля окна. Хават! Неужели это его удалось купить Харконненам? Ну что ж, посмотрим...

Джессика подошла к глубокому старомодному креслу, покрытому вышитым чехлом из выделанной кожи шлага, подвинула кресло, чтобы видеть дверь. Внезапно она очень отчетливо ощутила крис, пристегнутый к ноге. Отстегнула и надела на руку, попробовала, легко ли выскальзывает клинок в ладонь. Снова оглядела комнату, запоминая расположение всех вещей в ней – на случай всяких неожиданностей: в углу полукресло, стулья с прямыми спинками вдоль стены, два низких стола, у двери в спальню – цитра на подставке.

Плавающие светильники лили бледный розовый свет. Она притушила их, села в кресло, погладила шитый чехол. Царственная массивность кресла – это именно то, что ей сейчас нужно.

«Теперь пусть приходит, – думала она. – Посмотрим...»

Она приготовилась к ожиданию, как учит этому Бене Гессерит: набираться терпения и копить силы.

Стук в дверь раздался раньше, чем она рассчитывала. Она сказала «Входите», и вошел Хават.

Джессика следила за ним, не вставая с кресла, видя переполняющую его энергию, – явно вызванную наркотиками. А сквозь эту энергию проглядывала огромная усталость. Слезающиеся глаза блестели. Обветренное лицо казалось желтоватым в розовых лучах светильников. На правом рукаве темнело большое мокрое пятно.

Джессика поняла, что сегодня у него не обошлось без крови. Указав на один из стульев с прямой спинкой, Джессика велела:

– Возьми тот стул и садись напротив меня.

Хават поклонился и сделал так, как было сказано. «Вот пьяный идиот, Айдахо чертов!..» – думал он. Он изучал лицо Джессики, пытаясь придумать, как поправить дело.

– Нам давно пора выяснить отношения, – начала Джессика.

– Что взволновало вас, миледи? – Хават сел, упер ладони в колени.

– Хватит изображать невинность! – резко сказала она. – Если Юйэ еще не объяснил тебе, почему тебя вызвали, то кто-нибудь из твоих шпионов в моем окружении донес наверняка. Настолько-то мы можем быть откровенны друг с другом!

– Как вам угодно, миледи.

– Прежде всего ответь мне на один вопрос, – сказала Джессика. – Итак: ты сейчас – харконненский агент?

Хават подскочил, его лицо потемнело от гнева.

– Вы смеете *так* оскорблять меня?!

– Сядь, – спокойно сказала она. – *Ты* оскорбил меня так.

Хават медленно опустился в кресло.

Джессика, читая знаки на так хорошо знакомом ей лице, слегка расслабилась и глубоко вздохнула. *Нет, это не Хават.*

– Теперь я знаю, что ты верен моему герцогу, – произнесла она. – И я готова простить нанесенное тобой оскорбление.

– А разве есть что прощать?

Джессика нахмурилась: «Следует ли мне сейчас использовать мой козырь?.. Рассказать ли ему о том, что эти несколько недель я носила в моем лоне дочь герцога? Нет... даже сам Лето не знает об этом. Это только осложнило бы его жизнь и отвлекло бы – как раз тогда, когда он должен сосредоточить все силы на спасении собственной жизни. А это – это я еще успею использовать».

– Правдовидица, конечно, узнала бы истину, – сказала она. – Но у нас нет Правдовидицы, признанной Верховной Коллегией.

– Точно так. Правдовидицы у нас нет.

– Есть ли среди нас предатель? – спросила она. – Я тщательно изучала всех наших людей. Кто это может быть? Не Гурни. Уж конечно, не Дункан. Их заместителей не следует даже принимать во внимание – они занимают недостаточно стратегически важные посты. И это не ты, Суфир. Это не может быть Пол. *Я знаю*, что это не я. Итак, кто остается? Доктор Юйэ. Так что, вызвать его сюда и допросить?

– Вы же знаете, что это ерунда, – отмахнулся Хават. – Он прошел кондиционирование в высшем колледже. *Это* я знаю наверняка.

– Не говоря уже о том, что его жена, из Бене Гессерит, была убита Харконненами, – добавила Джессика.

– Так вот что с ней случилось, – пробормотал Хават.

– Или ты не слышал, какая ненависть звучит в его голосе всякий раз, когда он поминает Харконненов?

– Вы же знаете, что у меня нет слуха на эти штуки.

– Ну а на меня почему пало подозрение? – спросила Джессика.

Хават нахмурился:

– Миледи угодно ставить своего слугу в весьма сложное положение... Ведь прежде всего моя верность принадлежит герцогу.

– И я многое готова простить за эту верность, – отозвалась Джессика.

– И вновь мне приходится спрашивать: а есть ли что прощать?

– Итак, пат? – спросила она. – Тупик?

Он пожал плечами.

– Тогда изменим тему на некоторое время, – предложила она. – Вот Дункан Айдахо, удивительный боец, превосходный телохранитель и разведчик. Сегодня он напился пьян каким-то пряным пивом. Мне доложили, что и другие наши люди одурманены этим напитком. Это так?

– Вам же доложили, миледи.

– Так. Скажи, Суфир, тебе не кажется, что их пьянство – это симптом?

– Миледи изволит говорить загадками.

– Ты же ментат, так пользуйся своими способностями! – резко сказала она. – Ты не понимаешь, что случилось с Дунканом и прочими? Так я объясню тебе это в четырех словах! У них нет дома.

Хават ткнул пальцем в пол:

– Их дом – Арракис.

– Арракис для них – это Неведомое и Незнакомое. Их домом был Каладан, но мы вырвали их оттуда. Теперь у них нет дома. И они боятся, что их герцог потерпит поражение. Подведет их.

Он закаменел.

– Любого из наших людей за такие слова...

– Перестань, Хават. Когда врач ставит диагноз опасной болезни – разве это поражение или измена? Все, чего я хочу, – это вылечить болезнь.

– Такого рода дела входят в *мои* обязанности.

– Но, надо полагать, ты понимаешь, что и мне небезразлично течение этой болезни. И я надеюсь, ты не откажешь мне в том, что я тоже кое-что могу в этой области.

«Может, встряхнуть его хорошенько? – подумала она. – Он явно нуждается во встряске, которая вырвала бы его из шаблонных представлений».

– Ваш интерес к этим делам можно объяснить по-разному, – пожал плечами Хават.

– Так ты уже приговорил меня?

– Конечно, нет, миледи. Но в данной ситуации я не имею права рисковать. Упускать нельзя ничего.

– Прошлой ночью – прямо здесь, в доме! – ты проглядел покушение на моего сына, – указала она. – Чье это упущение?

Он помрачнел:

– Я подал герцогу прошение об отставке, но он его отклонил.

– А почему ты не подал его мне? Или Полу?

Теперь он был разозлен по-настоящему. Это ясно читалось в учатившемся дыхании, раздувшихся ноздрях, тяжелом взгляде. На виске билась жилка.

– Я служу герцогу, – отрезал Хават.

– Предателя нет, – сказала она. – Угроза исходит откуда-то еще. Возможно, она связана с лучеметами. Например, замаскированные лучеметы с часовым механизмом, нацеленным на домашние силовые поля. Возможно, они...

– Да, но как после взрыва доказать, что тут не применялось ядерное оружие? – возразил он. – Нет, миледи, на такое нарушение законов они не пойдут. Радиация – это свидетельство, которое практически невозможно скрыть. Нет. Они соблюдают почти все правила. Так что мы наверняка имеем дело с предателем.

– Ты служишь герцогу, – усмехнулась она. – И, пытаясь спасти его, ты его уничтожишь. Ты этого хочешь?

Он глубоко вздохнул. Помедлил.

– Если вы невиновны, я приношу глубочайшие извинения.

– Рассуди сам, Суфир, – сказала она. – Люди лучше всего чувствуют себя тогда, когда у каждого есть свое место и каждый знает о своем положении в мире, в событиях, происходящих вокруг него. Уничтожь место человека в мире, и ты уничтожишь самого человека. Ты и я – вот два человека в окружении герцога, обладающие почти идеальной возможностью уничтожить место другого. Разве не могла я ночью нашептать герцогу про тебя что-то, что вызвало бы его подозрение к тебе? Когда он легче всего поддался бы таким наговорам, Суфир? Надо ли мне объяснять это подробнее?..

– Вы угрожаете мне? – почти прорычал он.

– Ну разумеется, нет! Я лишь хочу показать тебе, как кто-то атакует нас через самое устройство нашей жизни, воздействуя на ее обстоятельства. Это умно – дьявольски умно! И отразить такое нападение мы можем лишь одним-единственным способом: мы должны так изменить нашу жизнь, чтобы не осталось ни малейшей щели для их стрел.

– Так вы и обвиняете меня в нашептывании беспочвенных подозрений?

– Да. Беспочвенных.

– И вы бы противодействовали им собственными нашептываниями?

– Нашептывания, тайны и прочее – это твоя сфера, Хават. Не моя.

– Значит, вы сомневаетесь в моих способностях?

Она вздохнула.

– Суфир, я хочу, чтобы ты сам оценил, насколько и как ты эмоционально вовлечен во все это. *Естественный человек* — это животное, лишенное логики. Поэтому твое восприятие всех событий и человеческих отношений с точки зрения логики – неестественно. Но тут ничего не поделаешь: ты обречен проецировать логику на них, поскольку это оказывается полезным в большинстве случаев. Сам ты суть воплощение логики – ментат. Но твои подходы к проблемам и попытки их решения – это в самом буквальном смысле внешние проекции твоего сознания. Их надо изучать всесторонне.

– Вы учите меня моей работе? – спросил он, даже не пытаясь скрыть возмущение... и нотки презрения.

– Ты видишь все вокруг себя и применяешь к замеченному свою логику, – объяснила она. – Но особенность человеческого сознания такова, что логикой всего труднее исследовать проблемы, связанные с глубоко личными мотивами. И тогда мы бродим вокруг в темноте и

возлагаем вину за свои проблемы на все, кроме той единственной причины, которая в действительности мучает нас.

– Вы намеренно хотите подорвать мою веру в свои возможности как ментата, – отрывисто сказал он. – Если бы я узнал, что любой из наших людей пытается подобным образом саботировать любое другое оружие из нашего арсенала, я без колебаний обвинил его и уничтожил бы.

– Хорошие ментаты не пренебрегают фактором возможной ошибки в своих расчетах. Уважение к этому фактору – это здоровая черта.

– Я с этим никогда и не спорил!

– Тогда попробуй приложить свои способности к симптомам, которые мы оба видим: случаи пьянства, ссоры... Среди наших людей ходят самые нелепые слухи об Арракисе. Они запустили даже свои простейшие...

– Это все от праздности, и ничего больше, – возразил Хават. – И не пытайтесь запутать меня, напуская таинственность на самые простые вещи.

Джессика пристально разглядывала его – и представляла себе, как солдаты и охрана в казармах говорят между собой о своих бедах, о тоске и тревоге – и как от этого повисает в воздухе тяжелое напряжение, почти физически ощутимое – как запах горелой изоляции. «Они становятся похожи на героев древней, еще догильдийской легенды, – думала она. – Как команда потерянного звездолета «Амполирос». Терзаемые болезнью, сидели они у корабельных орудий – всегда ищущие, всегда наготове и всегда не готовые...»

– Почему ты никогда не использовал до конца мои возможности в своей службе герцогу? – спросила она. – Или ты боялся соперника в моем лице?

Он сверкнул на нее глазами.

– Я кое-что знаю о том, чему учат Бене Гессерит... – Он угрюмо оглядел ее и замолк.

– Что же ты? Продолжай, – усмехнулась она. – Ты хотел сказать «бене-гессеритских ведьм».

– Я действительно кое-что знаю о той *настоящей* подготовке, которую дают в Бене Гессерит, – хмуро сказал он. – Я же видел, как все это проявляется у Пола. И меня не обманет этот ваш лозунг на публику – мол, «мы существуем лишь для служения».

«Да, шок должен быть по-настоящему сильным, – решила Джессика. – И он почти готов к нему».

– Ты почтительно выслушиваешь меня на Совете, – сказала она, – но почти никогда не принимаешь мои советы. Почему?

– Я не верю советам, рожденным бене-гессеритскими мотивами, – отрезал он. – Вы можете думать, что видите человека насквозь, что можете заставить его поступать так, как вам...

– Суфир! – взорвалась она. – Глупец, несчастный глупец – вот ты кто!

Хават нахмурился, заставил себя снова сесть.

– Какие бы слухи о наших школах ни доходили до тебя, – промолвила она, – правда куда больше этих слухов. Если бы я хотела уничтожить герцога... или тебя, или кого угодно из тех, кто находится в пределах моей досягаемости, – ты бы не смог помешать мне.

Сказав это, она подумала: «Почему я позволяю гордыне заставлять меня говорить так? Разве этому меня учили? И не так должна я шокировать его...»

Хават сунул руку за пазуху, где у него всегда лежал миниатюрный пистолет с ядовитыми иглами. «Она без щита, – подумал он. – Это всё что, блеф? Ведь я могу убить ее сейчас... но, но! – если я ошибаюсь, последствия будут ужасны!»

Джессика увидела, как его рука скользнула к внутреннему карману.

– Я надеюсь, между нами нужды в насилии не возникнет, – сказала она.

– Достойная надежда, – согласился он.

– Но тем временем болезнь распространяется в наших рядах и разъедает их, – продолжала Джессика. – И я должна вновь спросить тебя: не разумнее ли предположить, что это Харконнены посеяли в нас подозрение друг к другу, чтобы разъединить и столкнуть нас?

– Кажется, мы все же вернулись в тупик, – угрюмо буркнул Хават.

Она вздохнула и подумала: «Он почти готов».

– Герцог и я заменяем этим людям отца и мать, – сказала она. – Это положение...

– Герцог не женился на вас, – перебил Хават. Джессика сдержалась, усилием воли сохранив спокойствие.

Он хорошо парировал.

– Но он не женится и ни на ком другом, – уточнила она. – Во всяком случае, пока я жива. И, как я сказала, мы для наших людей вместо родителей. Разбить сложившиеся отношения, рассорить и запутать нас – какая цель для Харконненов будет более соблазнительной?

Он понял, куда она клонит, и его брови сдвинулись.

– Герцог? – продолжала она. – Да, это заманчивая цель, но никто не охраняется лучше, чем герцог. Разве что Пол. Я? Разумеется, они бы не отказались от такой добычи; но уж кто-кто, а они знают, что Бене Гессерит – добыча не из легких. Но есть и другая мишень. Человек, чьи обязанности по определению создают огромное слепое пятно. Человек, для которого подозрительность так же естественна, как дыхание. Человек, вся жизнь которого построена на тайнах, интригах, намеках и хитростях. – Она протянула к нему руку. – И этот человек – ты!

Хават вскочил со стула.

– Я не отпускала тебя, Суфир! – резко бросила она.

Старый ментат почти упал на стул – мышцы вдруг отказались ему служить.

Она невесело улыбнулась:

– Теперь ты кое-что узнал о том, чему нас учат *по-настоящему*, – проговорила она.

Хават попытался сглотнуть – горло пересохло. Ее приказ был таким властным, не допускающим даже малейшего неповиновения, – и он не смог противиться. Тело послушалось раньше, чем он успел что-либо подумать. И ничто не могло бы удержать его от выполнения этого приказа – ни логика, ни гнев... ничто. Чтобы сделать то, что удалось сделать ей, необходимо глубоко, до самых сокровенных подробностей, знать того, кому приказываешь. Он не представлял себе, что возможен такой контроль над человеком...

– Я говорила тебе, что мы должны понять друг друга, – сказала Джессика. – Я имела в виду, что *ты* должен понять меня. Я тебя понимаю давно. И я могу сказать тебе, что твоя преданность герцогу – это все, что гарантирует твою безопасность сейчас, когда ты рядом со мной...

Он не мог отвести от нее глаз. Облизнул губы.

– Если бы мне нужна была марионетка, я бы заставила герцога жениться на мне, – спокойно продолжала Джессика. – Причем он был бы уверен, что женился по собственной доброй воле.

Хават наконец опустил голову и исподлобья взглянул на нее сквозь редкие ресницы. Лишь великолепное владение собой помогло ему удержаться и не позвать стражу. Владение собой... и мысль о том, что эта женщина может попросту *не позволить* ему кликнуть охрану. Он вспомнил, как она заставила его подчиниться, и по его спине пробежали мурашки. Ведь пока он был ошарашен приказом, ей ничего не стоило достать оружие и убить его!

«Неужели у каждого человека есть такое «слепое пятно»? – думал он. – И каждого можно заставить подчиняться раньше даже, чем он сможет осознать все и воспротивиться?»

Эта мысль поразила его. Кто может противостоять наделенному подобной властью?!

– Сейчас ты увидел железный кулак внутри мягкой перчатки Бене Гессерит, – сказала она. – Немногие, увидев его, оставались жить. И то, что я сделала, – довольно простая вещь для нас. Ты не видел всего, на что я способна. Подумай об этом!

– Так почему вы не уничтожаете врагов герцога? – спросил он.

– Что я должна уничтожить? – переспросила она. – Или ты хочешь, чтобы герцог сделался слабым и всегда зависел от меня?

– Но с такой властью...

– Власть – это палка о двух концах, Суфир, – произнесла Джессика. – Ты думаешь сейчас: «Ей ничего не стоит создать оружие из человека и нацелить его в самое сердце врага». Да, Суфир. Даже и в твоё сердце. Но чего бы я достигла? Если бы многие из нас поступали так, разве не пало бы недоверие и ненависть на всех Бене Гессерит?

– Мне нечего ответить вам, – выговорил Хават. – Вы знаете, что нечего.

– Ты никому не расскажешь о случившемся здесь, никому и ничего, – сказала она. – Я знаю тебя, Суфир.

– Миледи... – Снова старик попытался сглотнуть сухим горлом. И подумал: «Да, у нее действительно есть великая сила. Но разве не делает ее это еще более опасным орудием в руках Харконненов?»

– Друзья могут уничтожить герцога так же легко, как и его враги, – сказала Джессика. – Но теперь я верю – ты найдешь корни своих подозрений и вырвешь их.

– Если они все же окажутся беспочвенными, – добавил он.

– Если? – насмешливо прищурилась Джессика.

– Да, если, – подтвердил он.

– Ты действительно очень упорен, – сказала она.

– Просто осторожен, – ответил он, – и помню о факторе возможной ошибки.

– Тогда я задам еще один вопрос. Ты стоишь лицом к лицу с другим человеком, беспомощный и беззащитный, связанный по рукам и ногам, и этот другой держит нож у твоего горла. Но не причиняет тебе вреда, освобождает тебя, отдает тебе оружие и позволяет воспользоваться им по своему усмотрению... – Она поднялась, повернулась спиной к Хавату. – Теперь ты можешь идти, Суфир.

Старый ментат встал, постоял немного в нерешительности – его рука потянулась было к оружию в кармане. Он вспомнил арену и отца герцога (он был храбрым человеком, каковы бы ни были его недостатки), вспомнил давнюю корриду. Разъяренный черный бык замер, пригнув голову, – неподвижный и потерявший уверенность. Старый Герцог отвернулся от быка – спиной к рогам зверя, красный плащ картинно наброшен на руку, а трибуны гремели рукоплесканиями и приветственными криками.

«Сейчас я – бык, а она – матадор», – подумал Хават. Он отдернул руку от кармана, увидел, что пустая ладонь блестит от пота.

И он знал, что, какой бы ни оказалась правда в конце концов, он никогда не забудет этот момент и никогда не перестанет восхищаться леди Джессикой.

Молча повернувшись, Хават вышел.

Джессика отвела глаза от отражения комнаты в оконном стекле, повернулась к закрывшейся двери.

– А теперь, – прошептала она, – начнется настоящая схватка.

* * *

Сражаться ли станешь с тенями?

С грезами вступишь ли в схватку?

Ты движешься словно во сне?

Время ушло, ускользнуло.

Украдена жизнь твоя.

Ты так медлил с пустяками,

Ты – жертва своего безрассудства.

Плач по Джамису на Погребальных Равнинах. Из сборника «Песни Муад'Диб», сост. принцесса Ирулан

Лето стоял в атриуме дворца, изучая записку под светом единственного горящего светильника, плавающего в воздухе. До рассвета оставалось несколько часов, и Лето ощущал неимоверную усталость. Записку только что принес гонец от фрименов – вручил ее охраннику на внешнем посту, как только герцог вернулся с полевого командного пункта.

В записке было сказано только: «Столб дыма днем, столб огня ночью».

Подписи не было.

Что бы это значило?

Посланный ушел, не дожидаясь ответа, и его не успели ни о чем спросить. Он просто растворился в темноте, как туманная тень.

Лето сунул записку в карман мундира. Позже надо будет показать ее Хавату. Он отбросил со лба прядь волос, глубоко вздохнул. Действие стимулирующих таблеток почти прошло. Со дня большого приема минуло уже двое суток – и гораздо больше с тех пор, как ему удалось поспать.

Как будто мало было дел с обороной, пришлось провести еще нелегкую, беспокойную беседу с Хаватом: тот докладывал о своей встрече с Джессикой.

«Может быть, разбудить Джессику? – думал он. – Больше не стоит играть с ней в тайны. Или стоит?.. Этот мне чертов Дункан Айдахо!» – Герцог покачал головой. – Нет, впрочем, – не Дункан. Я сам виноват: надо было с самого начала посвятить ее в мои замыслы. Теперь наконец я должен сделать это, прежде чем причинен большой вред».

Это решение несколько улучшило его настроение. Герцог поспешно зашагал из атриума, через Большой зал и по коридорам в семейное крыло.

Вдруг герцог остановился у ответвлявшегося к службам коридора – оттуда, из этого служебного коридора, доносились странные, похожие на мяуканье звуки. Лето опустил левую руку на выключатель поясного щита, правой вытянул из ножен кинжал. Клинок в руке придал ему уверенность: от странного звука по его спине пробежал холодок.

Герцог бесшумно крался по служебному проходу, проклиная про себя тусклое освещение. Здесь, с промежутками в восемь метров, висели самые маленькие плавающие светильники, притом прикрученные до минимума. Темные каменные стены поглощали почти весь свет.

В полумраке он увидел впереди какую-то темную тень на полу, протянувшуюся через весь коридор.

Лето помедлил, хотел было включить щит, но передумал: силовое поле ограничило бы его движения и слух... и кроме того, он помнил о захваченной партии лучеметов.

Он тихо подошел к тени и увидел человека, лежащего лицом вниз на каменном полу. Лето, держа нож наготове, ногой перевернул тело и нагнулся рассмотреть в тусклом свете лицо. Это был контрабандист Туек, и на груди у него темнело большое мокрое пятно. Из мертвых глаз смотрела пустая темнота. Лето дотронулся до пятна – оно было еще теплым.

Почему этот человек здесь – и почему он мертв? Кто мог убить его?

Мяукающий звук здесь слышался громче. Он доносился из бокового прохода впереди – этот проход вел в центральную комнату, где установили главный силовой генератор дома.

Все еще держа руку на выключателе щита, сжимая кинжал, герцог обошел тело, проскользнул по коридору и осторожно выглянул из-за угла, пытаясь рассмотреть генераторную.

Там, в нескольких шагах, на полу темнела еще одна тень, и он сразу понял, что это и есть источник мяукающего звука. Тень мучительно медленно ползла в его сторону, бормоча что-то и судорожно, со стоном, хватая ртом воздух.

Лето подавил неожиданный удушливый приступ страха, бросился к ползущей фигуре, наклонился к ней. Это была Мэйпс, фрименка-домоправительница. Ее лицо было закрыто рассыпавшимися волосами, одежда в беспорядке. По спине и по боку тянулась темная, тускло отсвечивающая полоса. Лето прикоснулся к ее плечу. Мэйпс приподнялась на локтях, вскинула голову. Ее глаза, скрытые тенями, казались пустыми черными провалами.

– Вы... – выдохнула она. – Охрана... убили... послала... за... Туе-ком... спасти... миледи... вас... вы... здесь... нельзя... – Она упала, ударившись лицом о камень пола.

Лето попробовал нащупать пульс в височной артерии – пульса не было. Он взглянул на темное пятно. Ее ударили ножом в спину. Но кто? Мозг герцога лихорадочно работал. Что это значит? Кто-то убил охранников? И Туек – кто послал за ним? Джессика? Но зачем?..

Он начал подниматься на ноги, и тут какое-то шестое чувство предупредило его. Его рука дернулась к кнопке поясного щита, но было уже поздно. Руку ударило, Лето почувствовал боль, увидел вонзившуюся иглу-дротик, почувствовал, как вверх по руке от иглы растекается волна онемения. Лишь огромным усилием преодолевая парализующее действие яда, ему удалось повернуть голову, чтобы увидеть врага.

В открытой двери генераторной стоял Юйэ. В свете более яркого светильника над дверью его лицо отливало желтизной. Из генераторной не слышался характерный гул генераторов – они были отключены.

«Юйэ! – пронеслось в голове Лето. – Он отключил поле! Снял экран с дома! Мы беззащитны!»

Юйэ направился к герцогу, на ходу убирая в карман игломет.

Оказывается, Лето мог еще говорить. Он выдохнул:

– Юйэ!.. Как?..

В этот момент яд парализовал мышцы ног, и он осел на пол, скользнув спиной по стене.

Когда Юйэ наклонился к герцогу и прикоснулся к его лбу, лицо доктора было грустным. Лето еще чувствовал прикосновение, но как бы издали, глухо.

– Яд избирательного действия, – сообщил Юйэ. – Вы можете говорить, хотя я бы вам этого не советовал.

Юйэ бросил взгляд в сторону главного коридора, снова склонился к Лето, выдернул стрелку и отбросил ее. Герцогу звук упавшей на пол стрелки показался далеким и почти неслышным.

«Невозможно! – подумал герцог. – Он же кондиционирован!..»

– Как?.. – прошептал Лето.

– Мой герцог, мне очень жаль, но есть вещи посильнее, чем это. – Юйэ дотронулся до вытатуированного на лбу ромба. – Я, право, и сам удивляюсь, как можно обойти блок, наложенный на фебрильное сознание. Но я хочу убить человека. Да, я действительно хочу этого. И не остановлюсь ради этого ни перед чем.

Юйэ взглянул сверху вниз на герцога.

– О нет, я говорю не о вас, дорогой герцог. Речь идет о бароне Харконнене. Я хочу убить барона.

– Бар... он Хар...

– Не разговаривайте, бедный мой герцог. У вас мало времени. Я должен заменить зуб, который вставил вам после вашего падения в Нареале. Сейчас я приведу вас в бессознательное состояние и поменяю зуб.

Он раскрыл ладонь, посмотрел на какой-то предмет в ней.

– Точная копия. И сердечник идеально сформирован в виде нерва, так что обычные детекторы и даже быстрое сканирование его не обнаружат. Но когда вы с силой нажмете на этот зуб другим, оболочка треснет; после этого сразу делайте резкий выдох – и сформируется облачко чрезвычайно ядовитого газа...

Лето смотрел Юйэ в глаза, снизу вверх, и видел в этих глазах безумие, видел пот на лбу, подбородке.

– Вы в любом случае обречены, мой бедный герцог, – сказал Юйэ. – Но до того, как вы умрете, вы окажетесь рядом с бароном. Он будет уверен, что вы достаточно одурманены наркотиками, чтобы не попытаться напасть на него перед смертью. И вы действительно будете одурманены – и связаны. Но нападение может иногда принимать довольно необычные формы. А вы будете помнить про зуб. *Зуб*, герцог Лето Атрейдес. Вы будете помнить про зуб...

Старый доктор наклонялся все ближе и ближе, пока наконец его лицо и свисающие усы не заняли целиком сужающееся поле зрения герцога.

– Зуб... – пробормотал Юйэ.

– Зачем... – шепнул Лето.

Юйэ опустил перед герцогом на колено.

– Я заключил сделку с дьяволом. Шайтаном. С бароном! И я должен удостовериться, что он выполнил свою часть договора. Когда я увижу его, я буду знать. Да, лишь только я взгляну на него – я узнаю это. Но никогда не смогу оказаться рядом с бароном, не уплатив его цену. И эта цена – вы, мой бедный герцог. И я буду, буду знать... когда увижу его. Моя бедная Уанна многому научила меня, и в том числе она научила, как распознать истину в моменты больших напряжений. Я не способен к этому всегда, правда, – но когда я увижу его, тогда я пойму.

Лето попытался опустить взгляд к искусственному зубу в руке Юйэ. Ему казалось, что он видит кошмарный сон – все это было невозможно!

Лиловые губы Юйэ дернулись в подобии усмешки.

– Мне не дадут подойти близко к барону, не то, конечно, я сам сделал бы это. Нет, меня он будет держать на безопасном расстоянии. Но вы... да! Вы – мое чудесное орудие и оружие! Вы окажетесь с ним лицом к лицу – он не упустит случая поглумиться над вами и немного похвастать!..

Мускул на левой скуле доктора подергивался, когда он говорил. Этот мускул гипнотизировал герцога. Юйэ склонился еще ближе.

– А вы, мой добрый герцог, мой бесценный герцог – вы должны все время помнить о зубе. – Он показал зуб, зажав его указательным и большим пальцами. – Потому что этот зуб – единственное, что у вас остается.

Губы Лето беззвучно шевельнулись. Потом он все-таки сумел прошептать «нет».

– Ах, нет! Вы не должны отказываться. Потому что в обмен за эту маленькую услугу я кое-что сделаю для вас. Я спасу вашего сына и вашу женщину. Никто другой не сумеет спасти их. А я могу. Их доставят туда, где никакие Харконнены до них не доберутся.

– Как спасешь?... – выдохнул Лето.

– Я сделаю так, что их сочтут мертвыми, и переправлю их к людям, которые хватаются за нож при одном имени Харконненов, которые так ненавидят Харконненов, что сожгли бы стул, на который садился Харконнен, и засыпали бы солью землю, по которой ступала нога Харконнена... – Юйэ потрогал подбородок и скулы герцога. – Ваша челюсть уже потеряла чувствительность?

Герцог обнаружил, что не может ответить. Он ощутил слабый, далекий рывок и увидел руку Юйэ, держащую перстень с герцогской печаткой.

– Это для Пола, – объяснил доктор. – А вы сейчас потеряете сознание. Прощайте, мой бедный герцог. При нашей следующей встрече у нас не будет времени для беседы.

Прохладное онемение расходилось от челюсти, по щекам... Полутемный коридор сжался в точку – последними исчезли лиловые губы Юйэ.

– Помните о зубе! – прошипел Юйэ. – О зубе!

* * *

Должна была бы существовать наука о недовольстве. Ибо людям нужны трудные времена, тяготы и угнетение, чтобы развивались их душевные силы.

Из сборника «Избранные изречения Муад'Диб», сост. принцесса Ирулан

Джессика проснулась в темноте, ощущая, как тяжелое предчувствие наполняет мертвую тишину вокруг. Она не могла понять, отчего ее мозг и тело так вялы и тяжелы. По нервам пробежала слабая дрожь страха. Джессика хотела сесть и включить свет, но что-то ее остановило. У нее во рту был... странный привкус.

Умп-умп-умп-умп...

Глухой звук, направление которого в темноте понять было невозможно.

Минута ожидания была переполнена тянущимся временем, острыми шуршащими движениями.

Теперь она начала ощущать свое тело. Почувствовала путы на запястьях и лодыжках. Кляп во рту. Она лежала на боку, с руками, связанными за спиной. Она слегка пошевелила руками, пробуя путы, поняла, что это – кримскелловое волокно, которое будет только сильнее врезаться в тело от рывков.

И тогда она вспомнила.

Какое-то движение в темной спальне. Что-то мокрое, едко пахнущее прижалось к лицу, забило рот. Руки, схватившие ее. Она непроизвольно вдохнула – лишь один вдох, но она ощутила наркотик в мягкой влажности. Сознание стало покидать ее, и Джессика соскользнула в черную пустоту страха...

«Вот и случилось, – подумала она. – Как оказалось просто одолеть сестру Бене Гессерит. Все, что было нужно для этого, – предательство. Хават был прав!.. – Она заставила себя не дергать путы. – Это не моя спальня, – поняла она. – Меня перенесли куда-то».

Постепенно ей удалось вернуть себе внутреннее спокойствие.

Она почувствовала застоявшийся запах своего пота, в котором слышались химические нотки страха.

«Где же Пол? – думала она. – Что они сделали с моим сыном?»

Надо сохранять спокойствие.

Она все же смогла сдержаться, прочитав про себя древние формулы.

Но страх продолжал висеть рядом с ней.

«Лето, где ты, Лето?»

Мрак словно шевельнулся, отступая. В нем появились тени. Она напрягла внимание. Белая линия. Под дверью.

«Значит, я на полу».

Джессика оттолкнула от себя воспоминание о пережитом ужасе. «Я должна оставаться спокойной, внимательной и быть наготове. Другого шанса может не представиться». Она снова проделала ритуал внутреннего успокоения.

Неровное биение сердца успокоилось, теперь Джессика могла отсчитывать время. Она прикинула – получалось, она пролежала в беспамятстве около часа. Закрыв глаза, Джессика сфокусировала внимание на приближающихся шагах.

Шли четверо. Джессика отмечала различия в походке.

«Надо притвориться, что я все еще без сознания», – подумала она, расслабила мышцы, ощущая холод каменного пола. Проверила готовность тела, затем услышала, как открывается дверь, увидела сквозь закрытые веки свет.

Шаги приблизились. Кто-то стоял над ней.

– Вы уже пришли в себя, – прогудел густой бас. – Не надо притворяться.

Она открыла глаза.

Над ней возвышался барон Владимир Харконнен. Теперь она смогла разглядеть и комнату. Это была та подвальная комната, где оборудовали спальню для Пола. Она увидела и его походную койку – пустую. Свет исходил от плавающих ламп, принесенных охранниками барона, вставшими у дверей. Коридор был освещен так ярко, что Джессика не могла смотреть в сторону двери.

Она подняла взгляд на барона. Выпуклости под желтым плащом выдавали портативные силовые генераторы, поддерживавшие могучую тушу; ангельски розовели жирные щеки под черными паучьими глазками.

– Доза наркотика точно рассчитана, – пророкотал он. – Мы с точностью до минуты знали, когда вы очнетесь.

«Но как это было возможно? – подумала Джессика. – Для этого они должны были знать мой точный вес, мой метаболизм, мою... Юйэ!»

– Как жаль, что нельзя освободить вас от кляпа, – заметил барон. – У нас могла бы состояться очень интересная беседа.

«Кроме Юйэ – некому, – думала она. – Но как это может быть?!»

Барон, полуобернувшись, бросил в коридор:

– Питер, войди.

Раньше Джессика никогда не видела человека, вошедшего и вставшего рядом с бароном. Но она узнала его лицо, узнала и самого человека. Это был Питер де Вриз, ментат-ассасин. Теперь она изучала его: ястребиные черты, сплошь синие глаза, судя по которым он мог бы быть уроженцем Арракиса, однако движения, поза – в мельчайших деталях, заметных внимательному взгляду, сказали Джессике, что это не так. К тому же его тело было слишком уж хорошо напитано водой. Высокий, худой, несколько женоподобный.

– Да, жаль, жаль, дорогая леди Джессика, что мы не можем побеседовать, – продолжал меж тем барон. – Но я знаю, на что вы способны. – Он глянул на своего ментата. – Верно, Питер?

– Да, мой барон, – отозвался тот.

У него оказался тенор. Тенор, от звука которого по спине пробежал холодок. Раньше Джессике не приходилось слышать такой морозящий голос. Для всякого, обученного приемам Бене Гессерит, этот голос звучал точно крик: убийца!

– А знаете, у меня для Питера есть небольшой сюрприз, – сообщил барон. – Он-то полагает, что явился сюда, чтобы забрать свою награду, свой трофей. То есть вас, леди. Однако я собираюсь продемонстрировать, что на самом деле вы ему не нужны.

– Вам угодно играть со мной, барон? – спросил Питер. И улыбнулся.

Джессика изумилась, что при виде этой улыбки барон не схватился за оружие и не отпрыгнул от этого Питера. Хотя, поправила она себя, барон не мог прочесть эту улыбку: у него не было нужных для этого навыков.

– Питер во многом наивен, – сказал барон. – Вот, к примеру, он не желает понять, насколько вы опасны, леди Джессика. Я бы продемонстрировал ему это – но к чему бессмысленный риск? – Барон улыбнулся Питеру, чье лицо превратилось в неподвижную маску ожидания. – Я же знаю, чего хочет мой Питер на самом деле. А Питер хочет власти.

– Вы обещали мне ее, – проговорил Питер. – Женщину. – Его голос утратил какую-то часть своего ледяного спокойствия.

Джессика, слыша заметные здесь только ей угрожающие нотки в голосе Питера, внутренне содрогнулась. Как сумел барон превратить ментата в животное, в такое чудовище?

– Но я предлагаю тебе выбор, Питер, – сказал барон.

– Что за выбор?

Барон прищелкнул толстыми пальцами.

– Либо эта женщина и изгнание из пределов Империи – либо принадлежавшее Атрей-десам герцогство Арракийское, которым ты будешь править от моего имени по своему усмотрению.

Джессика видела, как паучьи глазки изучают Питера.

– Ты можешь быть герцогом здесь, Питер, – сказал барон. – Во всем, кроме только титула.

«Значит, Лето – мой Лето – мертв?» – спросила себя Джессика, чувствуя, как откуда-то из глубины поднимается безмолвный крик.

Барон не сводил взгляда с ментата.

– Ты должен понять, чего хочешь, Питер. Ты хочешь ее потому лишь, что она была женщиной герцога. Символом его власти – прекрасной, полезной, великолепно тренированной для своей роли. Но – герцогство, Питер! Целое герцогство! Это куда больше, чем символ. Это уже реальность. Реальность, которая может дать тебе много женщин... и куда больше того.

– Вы не смеетесь над Питером?

Барон развернулся к нему с той легкостью, которую давала ему силовая портупея.

– Смеюсь? Я? Не забудь, что я отказался от мальчишки. Или ты забыл, что рассказал изменник о подготовке этого парня? Они оба, и мать и сын, смертельно опасны. – Барон улыбнулся. – А сейчас я должен идти. Я пришлю стражника, которого оставил пока в коридоре. Он глух, как камень. Ему приказано сопровождать вас двоих на первом этапе твоего изгнания. Если он увидит, что эта женщина начинает подчинять тебя, берет над тобой контроль, – он приведет ее к покорности. Он не позволит тебе вынуть ее кляп до тех пор, пока вы не покинете Арракис. Если же ты сделаешь другой выбор... тогда и его приказ меняется.

– Не нужно его звать, – сказал Питер. – Я уже выбрал.

– Ах-хах!.. – фыркнул барон. – Такой скорый выбор может означать лишь одно.

– Я беру герцогство, – объявил Питер.

Джессика подумала: неужели он не понимает, что барон обманывает его?! Хотя – как ему понять? Ведь он – порченный ментат! Разум его извращен...

Барон взглянул вниз, на Джессику.

– Разве не чудесно, что я так хорошо знаю Питера? Я побился об заклад со своим начальником вооружений, что Питер сделает именно такой выбор. Ха! Ну что ж. Я ухожу. Так будет лучше. Да, гораздо лучше. Надеюсь, вы меня понимаете, леди Джессика. Ненависти к вам у меня нет. То, что я делаю, – я делаю по необходимости. Так будет лучше. Да. Потом, собственно, я ведь не приказывал уничтожить вас. Когда меня спросят о том, что случилось с вами, я смогу вполне искренне пожать плечами...

– Значит, вы оставляете эту работу мне? – спросил Питер.

– Стражник, которого я пришлю, выполнит твои приказы... – ответил барон. – Что бы ни случилось, это будет на тебе. – Он уставился в глаза Питеру. – Да. На моих руках крови не будет. Да. Я ничего не знаю. Ты подождешь, пока я уйду, и только потом сделаешь то, что должен. Да. Ну... а, да. Да. Так лучше.

«Он боится допроса Правовидицей, – догадалась Джессика. – Но – кого именно? Ах да, разумеется! Преподобная Мать Гайя-Елена! А раз он знает, что ему придется предстать перед ней, значит... значит, Император наверняка замешан в это дело. Бедный Лето!..»

Последний раз взглянув на Джессику, барон повернулся и вышел. Она проводила его взглядом, думая: «Да, Преподобная была права. Враг оказался слишком силен, как она и предупреждала».

Вошли двое стражников в харконненских мундирах. За ними следовал третий, лицо – маска из сплошных шрамов. Он остановился в дверях, держа наготове лучemet.

«Это и есть глухой, – поняла Джессика, разглядывая изрезанное лицо. – Барон понимает, что против всякого другого я могу использовать Голос».

«Резаный», как назвала его про себя Джессика, посмотрел на Питера.

– Мальчишка снаружи, на носилках, – сообщил он. – Какие будут приказания?

Питер обратился к Джессике:

– Я хотел связать вас угрозой для жизни вашего сына... но теперь вижу, что это не сработало бы. Я дал было чувствам затмить разум – для ментата это скверная политика! – Он посмотрел на первую пару солдат, повернулся лицом к глухому, чтобы тот мог читать по губам: – Отвезите их в Пустыню, как советовал поступить с мальчишкой изменник. Он недурно придумал. Их тела никто не должен найти.

– Вы сами не хотите убить их? – переспросил Резаный.

(«Он читает по губам», – подумала Джессика.)

– Я следую примеру барона, – ответил Питер. – Итак, доставьте их туда, куда предложил изменник.

В голосе Питера Джессика услышала нотки ментат-контроля. «И он тоже боится встречи с Правдовидицей», – подумала она.

Питер пожал плечами, повернулся и вышел. На пороге он мгновение помедлил, и Джессика подумала было, сейчас он обернется – бросить на нее последний взгляд. Но он вышел не оглядываясь.

– Что до меня, то и я не хотел бы встретиться с Правдовидицей после нынешней работы, – пробурчал Резаный.

– Да ты-то вряд ли когда столкнешься с этой старой ведьмой, – успокоил один из стражников. Он подошел к голове Джессики, склонился над ней. – Ну что, если трепаться тут, так мы никогда дело и не сделаем. Берись за ноги, и...

– Так, может, кончить их прямо тут? – предложил Резаный.

– Пачкаться... – возразил первый стражник. – Разве что ты хочешь придушить их. Я-то предпочитаю делать дело как велено, по-простому. Свезем их в Пустыню, как изменник говорит, там резанем, подманим червя... И следов не останется.

– Ну, пожалуй... да, пожалуй, ты прав, – согласился Резаный. Джессика наблюдала за ними, отмечая необходимое. Но кляп не позволял ей использовать Голос – к тому же не следовало забывать о глухом...

Резаный сунул бластер в кобуру, взял ее за ноги. Они подняли ее, как мешок с зерном, вынесли из комнаты и бросили на висящие в силовом поле носилки рядом с еще одним связанным человеком. Укладывая Джессику, они повернули ее набок, и в десяти сантиметрах от своего лица она увидела лицо сына. Пол был связан, но кляпа у него во рту не было. Его глаза были закрыты, он ровно дышал. Усыплен?

Стражники подхватили носилки, и веки Пола слегка приподнялись – темные щелки внимательно смотрели в ее лицо.

«Он не должен пытаться использовать Голос! – испугалась она. – Глухой!»

Пол закрыл глаза.

Он незаметно для окружающих выполнял дыхательные упражнения сосредоточения, успокаивая свое сознание и внимательно прислушиваясь к пленителям. Да, глухой стражник представлял собой проблему, но Пол ничем не выдавал охватившее его отчаяние. Успокаивающий бене-гессеритский ритуал, которому мать его научила, помогал Полу сохранять готовность, чтобы использовать любой шанс.

Пол рискнул еще раз слегка приоткрыть глаза и посмотреть на мать. Кажется, вреда ей пока не причинили – если не считать кляпа во рту.

Кто, интересно, сумел схватить ее? С ним самим все ясно – он лег, приняв данную доктором Юйэ капсулу, и проснулся уже связанный, на носилках. Возможно, с ней случилось нечто подобное. Если следовать логике, предателем должен был быть Юйэ, но пока он решил не

спешить с окончательным суждением: в голове просто не укладывалось, что суккский доктор может оказаться предателем.

Носилки слегка накренились – харконненские стражники выводили их сквозь двери дома в освещенную звездами ночь; один из силовых генераторов зацепился за косяк. Вот они пошли по песку – слышно было, как он шуршит под ногами. Над головой, заслоняя звезды, нависла тень – крыло орнитоптера. Носилки опустились на землю.

Глаза Пола привыкли наконец к темноте, и он увидел, как глухой стражник открывает дверцу кабины и заглядывает внутрь. На его лицо падал зеленоватый отсвет от приборной панели.

– Так что, нам этот топтер брать? – спросил он и обернулся, чтобы видеть губы второго.

– Изменник говорил, что именно он оборудован специально для работы в пустыне, – последовал ответ.

Резаный кивнул:

– Ладно, только ж это – штабная машина связи. Там, как этих двоих сунем, места будет только разве еще для двоих.

– Двоих хватит, – отозвался его собеседник, подставляя лицо слабому свету приборов, чтобы хорошо читались движения губ. – Мы теперь и сами о них позаботимся, Кайнет.

– Барон мне велел удостовериться во всем лично, – возразил Резаный.

– А чего ты беспокоишься? – спросил стражник, стоявший по другую сторону носилок. – Все будет нормально.

– Она – бене-гессеритская ведьма, – объяснил глухой. – Она опасна.

– А-а... – Стражник суеверно поднес кулак к уху. – Из этих, значит?.. Ясно.

Второй стражник фыркнул:

– Так что с того? Мы ж ее скормим червям. А я не думаю, чтоб даже бене-гессеритская ведьма имела власть над песчаными червями! А, Циго? – Он подтолкнул приятеля локтем.

– Угу, – буркнул тот. Он вернулся к носилкам, взялся за плечи Джессики. – Давай, Кайнет. Хочешь посмотреть, чего с ними будет, – можешь лететь с нами.

– Как мило, Циго, что ты меня пригласил, – съязвил Резаный. Джессика почувствовала, что ее поднимают. Тень от крыла над ней повернулась, открывая звезды. Ее засунули на заднее сиденье, проверили кримскелловые путы и привязали к сиденью. Пола бросили рядом, его тоже прикрутили к спинке – и Джессика заметила, что сына связали обыкновенной веревкой.

Глухой Резаный, которого называли Кайнет, уселся впереди. Стражник по имени Циго обошел орнитоптер и вскарабкался на другое переднее сиденье.

Кайнет захлопнул дверцу, склонился к приборам. Орнитоптер упруго взмахнул крыльями, взлетел и направился к югу, за Барьерную Стену.

Циго похлопал напарника по плечу:

– Слушай, ты бы обернулся, приглядел за этими...

– А ты знаешь, куда лететь? – спросил Кайнет, читая слова по губам.

– Мы же вместе слушали, что советовал изменник.

Кайнет развернул свое кресло. Джессика увидела слабый отблеск звезд на лучемете в его руке. Постепенно ее глаза привыкли – казалось, светлая внутренняя обшивка салона слабо флуорисцирует, – но покрытое шрамами лицо оставалось в тени. Джессика пошевелилась, чтобы попробовать ремни кресла, – оказалось, они затянуты не слишком туго. У правой руки она ощутила какую-то шероховатость – и поняла, что ремень разрезан почти до конца и лопнет от резкого рывка.

«Значит, кто-то подготовил орнитоптер для нас? – подумала она. – Но кто?»

Она медленно отодвинула свои связанные ноги от ног Пола.

– А ведь жаль так вот просто взять и прикончить такую красотку, – заметил Резаный. – У тебя, скажем, были когда-нибудь бабенки из высокородных? – Он повернулся к пилоту.

– Бене Гессерит вовсе не все из высокородных, – ответил тот.

– Но выглядят все сплошь как аристократки.

«Ему меня достаточно хорошо видно», – подумала Джессика. Она подтянула связанные ноги на сиденье и свернулась в клубочек изящно изломанных линий, посмотрела Резаному в глаза.

– Ну разве не хороша, а? – причмокнул Кайнет и облизнул губы. – Нет, как хочешь, а это прямое транжирство. – Он посмотрел на Цигу.

– Ты думаешь о том, о чем, как я думаю, ты думаешь? – усмехнулся пилот.

– Так а кто узнает? – сказал глухой. – Потом, после этого, конечно... – Он пожал плечами. – У меня аристократок еще не было. И вряд ли такой шансец еще когда выскочит. А?

– Только посмей коснуться моей матери, ты... – процедил Пол сквозь зубы, яростно глядя на Резаного.

– Ха! – загоготал пилот. – А щенок, оказывается, может гавкать! Ну, зато кусаться ему сейчас несподручно.

Джессика же подумала: Пол использовал слишком высокий тон. Но, может быть, это все же сработает. Дальше они летели в молчании.

«Несчастные глупцы, – думала Джессика, изучающе разглядывая стражников и припоминая слова барона. – Их убьют, едва только они доложат, что задание выполнено. Барону не нужны свидетели».

Орнитоптер накренился, выполняя поворот над южным гребнем Барьерной Стены, и Джессика увидела внизу бескрайние пески, освещенные луной.

– Хватит, пожалуй, – сказал пилот. – Изменник советовал оставить их где-нибудь на песке поблизости от Барьерной Стены, в любом месте. – Он направил машину по пологой дуге вниз, к дюнам, остановил в воздухе над самой поверхностью песка.

Джессика увидела, что Пол начал ритмически дышать – опять успокаивающее упражнение. Он закрыл глаза и снова открыл. Джессика глядела на него – помочь ему она не могла. Он еще не полностью овладел искусством Голоса, и если ему не удастся...

Орнитоптер, мягко качнувшись, опустился на песок.

Джессика оглянулась назад, на север, где возвышалась Барьерная Стена, и увидела, как над ней мелькнули крылья.

«Кто-то летит следом за нами! – поняла она. – Но кто?.. – Мгновение спустя она поняла: – Конечно, это люди барона, которых он послал следить за этими двоими. И уж конечно, кто-нибудь следит и за шпионами!..»

Цигу выключил роторы крыльев. Сразу же обрушилась тишина.

Джессика повернула голову. В окне за плечом Резаного она увидела тусклый свет встающей луны, стеклистые скалы, поднимающиеся из песка. Их испещрили проеденные песком борозды.

Пол откашлялся.

– Ну что, Кайнет, давай? – спросил пилот.

– Даже не знаю, Цигу.

Цигу повернулся:

– Да ты только взгляни!

Он потянулся к юбке Джессики.

– Вынь у нее кляп!

Джессика услышала, как прокатились в воздухе эти слова. Тон, тембр абсолютно правильны – резкие, повелительные. Может быть, тон мог быть чуточку ниже – но все равно должен был совпасть с психоспектром стражника.

Рука Цигу дернулась к повязке на рту Джессики и потянула узел.

– Прекрати! – крикнул Кайнет.

– А, да заткнись ты, – отмахнулся Циго. – Руки-то у нее связаны. – Он развязал наконец узел, и повязка упала. Блестя глазами, он разглядывал Джессику.

Кайнет положил руку на плечо пилота:

– Слушай, Циго, незачем...

Джессика повернула голову, вытолкнула языком кляп. Она заговорила низким, глубоким голосом, в котором проскальзывали многообещающие нотки:

– Господа, вовсе незачем *драться* из-за меня!

Одновременно она плавно подвинулась в сторону Кайнета.

Стражники напряглись – Джессика увидела, что оба почувствовали необходимость именно *драться* за нее. Иных резонов для драки, собственно, и не требовалось. Они уже дрались, мысленно.

Она старалась держать лицо как можно выше, в слабом свете приборной доски – чтобы Кайнет мог читать по губам:

– Не нужно спорить.

Они еще дальше отодвинулись друг от друга, бросая осторожные взгляды.

– Стоит ли драки хоть одна женщина?

То, как она произнесла эти слова, – само ее присутствие! – окончательно убеждали в том, что уж кто-кто, а она-то, безусловно, стоит драки.

Пол сжал губы, заставил себя лежать молча. У него был только один шанс воспользоваться Голосом. Теперь все зависело от матери, чей опыт был настолько больше...

– Н-ну да, – пробормотал Резаный. – Вовсе незачем драться...

Его руки дернулись к горлу пилота. Но его удар наткнулся на сверкнувшую сталь, остановившую руку Кайнета и вонзившуюся в его грудь, завершая движение.

Резаный застонал и, пошатнувшись, упал, ударившись о дверцу кабины.

– За кого он меня держал, раз думал, что я не знаю такого трюка? – Циго выдернул из тела нож, сверкнувший в лунном свете.

– А теперь разберемся со щенком, – сказал он, склоняясь над Полом.

– Это лишнее, – пробормотала Джессика.

Циго остановился.

– Разве не лучше, чтобы я делала все добровольно? – спросила она, улыбаясь. – Дай мальчику шанс. Совсем маленький, какой может у него быть в Пустыне, там... Дай ему этот шанс, и... – она улыбнулась, – ты будешь очень хорошо вознагражден.

Циго посмотрел по сторонам, снова повернулся к Джессике.

– Я слышал, что бывает с человеком в этой пустыне, – буркнул он. – Нож для мальчика – это почти что милость.

– Разве я прошу о многом? – умоляюще сказала Джессика.

– Ты меня хочешь обмануть, – пробормотал Циго.

– Я не хочу видеть смерть своего сына, – сказала Джессика. – Где же тут обман?

Циго просунулся назад, оперся локтем о ручку дверцы, схватил Пола и, протаскивая по сиденью, наполовину вытянул его из салона. Поднял нож.

– Ну, волчонок, что ты сделаешь, если я разрежу твои веревки?

– Он немедленно уйдет отсюда вон в те скалы, – ответила за сына Джессика.

– Ты это сделаешь, парень? – переспросил Циго. Голос Пола был в должной мере мрачным:

– Да.

Нож опустился, рассек путы на ногах. Пол почувствовал, как рука Циго легла ему на спину – вытолкнуть на песок, – притворился, будто его шатает, упал плечом на раму дверцы, развернулся – как будто для того, чтобы удержаться от падения, – и изо всех сил ударил правой ногой.

Движение носка ноги было нацелено с точностью, достойной всех лет его долгих тренировок. Словно все эти тренировки сосредоточились в единственном миге. В момент удара сработали почти все мышцы тела. Носок врезался в мягкое подреберье Циго, с ужасающей силой пробил печень, диафрагму и закончил движение, ударив и порвав правый желудочек сердца...

Издав захлебывающийся вскрик, стражник опрокинулся на сиденье. Пол не мог использовать руки – он упал на песок, перекатился через голову и вскочил на ноги, используя импульс падения. Снова нырнул в кабину, схватил зубами нож и держал, пока мать перепиливала свои путы на руках. Затем она взяла у него нож и освободила его руки.

– Я могла бы справиться и сама, – сказала она. – Ему бы пришлось освободить меня. А это был неразумный риск.

– Я увидел шанс и воспользовался им, – ответил он.

Она услышала оставшиеся в его голосе нотки контроля, сказала:

– На потолке кабины нарисован родовой знак Юйэ.

Он поднял голову и тоже разглядел завитушку.

– Выйди из орнитоптера и осмотри его, – велела она. – Под сиденьем пилота что-то лежит, я почувствовала, когда нас вносили в машину.

– Бомба?

– Вряд ли. Тут что-то странное.

Пол выпрыгнул на песок, Джессика – за ним. Она повернулась, вытащила из-под сиденья сверток. При этом ноги Циго оказались у самого ее лица, а на свертке она ощутила влагу и поняла, что это – кровь пилота.

Напрасная потеря влаги, подосадовала она, поняв затем, что думает как арракийка.

Пол огляделся вокруг, увидел скалу, поднимающуюся из песка, как берег из воды, изрезанные ветром каменные барьеры за этим «берегом». Оглянулся – мать достала из орнитоптера сверток и застыла, вглядываясь в сторону Барьерной Стены.

Проследив ее взгляд, он увидел еще один орнитоптер, спускающийся к ним по крутой дуге. Понял, что они просто не успеют выкинуть тела из машины и взлететь.

– Пол, беги! – крикнула Джессика. – Это Харконнены!

* * *

Арракис учит «пониманию ножа», учит относиться к жизни так: отрезать все несовершенное и незавершенное, говоря: «Вот теперь это совершенно и завершено – ибо кончается здесь».

Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диб»

Человек в харконненском мундире, бежавший по коридору, резко остановился и уставился на Юйэ. Он сразу увидел и мертвое тело Мэйпс, и бесчувственное тело герцога, и неподвижно стоящего Юйэ. В правой руке человека был лучемет. Его окружала аура какой-то будничной жестокости, силы и странной спокойной уравновешенности, от которой по телу Юйэ прошла дрожь.

Да это же сардаукар, понял Юйэ. И, судя по виду, не менее чем башар. Скорее всего из личных гвардейцев Императора, присланных им для наблюдения за ходом событий. Он может надеть любую форму, но сардаукар есть сардаукар, этого не скроешь.

– Ты – Юйэ, – утвердительно сказал переодетый сардаукар. Он с любопытством рассматривал кольцо Суккской Школы, перехватившее волосы доктора, вытатуированный ромб на его лбу. Затем он посмотрел Юйэ в глаза.

– Да, я Юйэ, – признал доктор.

– Ты можешь быть теперь спокоен. Как только ты выключил силовые экраны, мы вошли внутрь. Мы полностью контролируем ситуацию. Это герцог?

– Да, это герцог.

– Он мертв?

– Только без сознания. Лучше вам его связать.

– Ты лечил и этих, прочих? – Он взглянул на тело Мэйпс.

– Увы, да... – пробормотал Юйэ.

– Увы?! – ухмыльнулся сардаукар. Он подошел, взглянул на Лето. – Так, стало быть, это и есть знаменитый Красный герцог?..

«Если бы я еще сомневался, кто он, – мелькнуло в голове у Юйэ, – эти слова рассеяли бы все сомнения. Только Император зовет Атрейдесов Красными герцогами».

Сардаукар нагнулся, срезал с мундира герцога эмблему с красным ястребом.

– Небольшой сувенир, – заявил он. – А где перстень с герцогской печатью?

– У него ее нет, – ответил Юйэ.

– Сам вижу! – рявкнул сардаукар. Юйэ напрягся, сглотнул.

«Если они нажмут на меня – допросят с помощью Правдовидицы, – они узнают все про кольцо... про подготовленный мною топтер... все пойдет прахом!»

– Герцог давал иногда свой перстень доверенному курьеру, в знак того, что приказ исходит от него самого, – осторожно соврал Юйэ.

– Видно, это были действительно очень доверенные курьеры, – пробормотал сардаукар себе под нос.

– Так вы его свяжете? – отважился напомнить Юйэ.

– А сколько он еще проваляется?

– Около двух часов. Я не мог так точно рассчитать его дозу, как сделал это для женщины и мальчика.

Сардаукар ткнул герцога ногой:

– Этого не стоило бояться, даже когда он был в сознании. А когда очнутся женщина и парень?

– Минут через десять.

– Так скоро?

– Мне сказали, что барон прибудет сразу вслед за своими людьми.

– Правильно сказали. А ты, Юйэ, подождешь снаружи. – Он холодно взглянул на Юйэ. – Ступай!

Юйэ взглянул на Лето:

– А как быть с...

– Его перевяжут хорошенько, как цыпленка для жаренья, и доставят к барону. – Сардаукар снова посмотрел на черный ромб на лбу доктора. – Тебя тут все узнают: ты будешь в безопасности здесь. Ну все, предатель. Довольно болтать, у нас нет времени. Вон сюда уже идут наши.

«Предатель», – подумал Юйэ. Он опустил взгляд, прошел мимо сардаукара. Вот так история и запомнит его: Юйэ, предатель.

По дороге к выходу из дома он еще несколько раз наткнулся на трупы и всякий раз останавливался, вглядываясь и боясь узнать Пола или Джессику. Но это все были солдаты в форме Дома Атрейдес или Харконнен.

Он вышел из парадных дверей в полыхающую пожаром ночь.

Харконненские охранники взяли оружие на изготовку, разглядывая Юйэ. Они зажгли пальмы вдоль дороги, чтобы осветить дом. Из оранжевых языков пламени поднимались черные клубы дыма от горючей жидкости, которой облили стволы пальм.

– А, да это предатель! – сказал кто-то.

– Барон скоро наверняка захочет полюбоваться на тебя, – бросил кто-то еще.

«Мне надо пойти к орнитоптеру, – думал Юйэ. – Я должен спрятать перстень с печатью там, где Пол найдет его».

Тут он испугался: Если Айдахо подозревает меня или если потеряет терпение – если он не дожидается, если его не будет в нужном месте, Джессика и Пол погибнут. И не будет у меня даже малейшего утешения!»

Харконненский охранник отпустил его руку, велел:

– Поди встань вот там, подожди. Не путайся под ногами.

Юйэ вдруг увидел себя со стороны: вышвырнут, отброшен, стоит он посреди разрушения – ему не оставили ничего, и даже капли жалости нет для него.

Айдахо обязательно должен сделать все как надо, ему нельзя потерпеть неудачу!..

Еще один охранник налетел на него, рывкнул:

– С дороги, ты!..

«Даже выиграв с моей помощью, они презирают меня!» – подумал Юйэ. Его оттолкнули, он выпрямился, пытаясь сохранить хоть часть достоинства.

– Жди барона! – прорычал командир стражников.

Юйэ кивнул, побрел вдоль фасада с тщательно сыгранной ненарочитостью. Свернул за угол, куда не падал свет полыхающих пальм. Затем быстро – каждый шаг выдавал его волнение – он бросился на задний двор, где под блоком «влажной оранжереи» ждал орнитоптер. Его поставили туда, чтобы вывезти пленных Пола и его мать.

У распахнутых задних дверей дома дежурил охранник. Но он смотрел внутрь, в освещенный зал, где солдаты с грохотом переворачивали все вверх дном.

Как они уверены в себе!

Скрываясь в тених, Юйэ обошел орнитоптер, осторожно открыл дверцу на противоположной от стражника стороне машины. Под передними сиденьями он нащупал спрятанный им там ранее фримпакет. Приоткрыл клапан упаковки, сунул внутрь герцогский перстень. Под его рукой прошуршал лист меланжевой бумаги – его записка; втиснул перстень в сложенный лист. Убрал руку, застегнул пакет.

Юйэ беззвучно прикрыл дверцу, подкрался обратно, к углу дома, и опять к главному входу, где пылали пальмы.

«Дело сделано», – подумал он.

Выйдя в свет горящих деревьев, запахнул плотнее плащ и устоял в огонь.

«Скоро я все узнаю. Скоро я увижу барона и все узнаю. А барон... на барона у меня есть зуб. Маленький зуб против барона...»

* * *

Существует легенда: в миг смерти герцога Лето Атрейдеса небеса над родовым его замком на Каладане прочертил метеор...

Принцесса Ирулан. «Введение в историю Муад'Диб для детей»

Барон Владимир Харконнен стоял у большого обзорного иллюминатора в рубке лихтера, где он устроил командный пост. За стеклом полыхала пожаром ночь над Арракином. Барон внимательно смотрел вдаль, где возвышалась Барьерная Стена. Там делало свое дело его секретное оружие.

Ствольная артиллерия.

Пушки били по пещерам, куда отошли люди герцога, чтобы принять последний бой. Размерно вспыхивало рыжее пламя, и в этих коротких вспышках – столбы камня и песка. Вер-

ных герцогу солдат заживо хоронили там – им предстояло умереть от голода, словно пойманным в своей норе животным.

Барон явственно ощущал, как вздрагивает там, вдали, земля. Ритмическая дрожь передавалась ему сквозь металл корабля: брум... брум... Потом: БРУММ – брум!

«Ну кто еще додумался бы вспомнить об артиллерии в наши дни силовых щитов? – мысленно усмехнулся он. – Но можно было догадаться, что они побегут в эти пещеры. Право, Император оценит сообразительность, с которой я сохранил жизни его и моих бойцов...»

Он подрегулировал один из небольших генераторов, поддерживавших его жирное тело. Его губы растянулись в улыбке, отчего многочисленные подбородки вздернулись.

«Жаль терять таких бойцов, как люди герцога, – подумал барон и улыбнулся еще шире, посмеиваясь над собой. – Но жалость должна быть жестокой!»

Он кивнул сам себе. Поражение по определению означает безвозвратные потери. Перед человеком, способным принимать правильные решения, лежала вся вселенная. А неуверенных в себе кроликов надо было найти и загнать в норы – как иначе контролировать и разводить их? Барон представил себе своих солдат как пчел, атакующих кроликов.

«Медовым звоном гудит день, когда на тебя трудится довольно работающих пчел», – подумал он.

Позади открылась дверь. Барон рассмотрел отражение в темном стекле иллюминатора, прежде чем обернуться.

Вошел Питер де Вриз, за ним следовал Умман Куду. Начальник личной гвардии барона. За дверью суетились люди, виднелись бараныи лица стражников. В его присутствии они старательно напускали на себя такой тупой вид.

Барон обернулся.

Питер тронул указательным пальцем спадавшую на лоб прядь в обычном своем насмешливом салюте.

– Славные новости, милорд! Сардаукары доставили к нам герцога!

– Само собой, – отозвался барон своим гулким басом.

Он разглядывал мрачное, злодейское выражение на женоподобном лице своего ментата. И глаза – затененные щелочки сплошной синевы.

«Скоро мне придется отделаться от него, – подумал барон. – Он почти уже пережил свою полезность. Почти уже достиг момента, когда он станет опасен для меня. Однако прежде необходимо сделать так, чтобы народ Арракиса возненавидел его. Н-ну а потом – потом они будут приветствовать моего Фейд-Рауту как своего спасителя».

Барон перевел взгляд на начальника своей гвардии – Уммана Куду. Острые скулы, подбородок словно туфля. Человек, которому барон мог доверять, ибо хорошо знал все его пороки.

– Прежде всего где изменник, выдавший мне герцога? – спросил барон. – Надо бы его наградить.

Питер изящно повернулся на носке, махнул стражнику снаружи.

Там задвигались темные силуэты. Вошел Юйэ. Его движения были скованны и вялы. Усы уныло свисали с красно-лиловых губ. Лишь старые глаза выглядели живыми. Пройдя три шага, Юйэ по знаку Питера остановился, глядя через помещение на барона.

– А-ахх, вот и наш доктор Юйэ. Приветствую!

– Мое почтение, милорд барон...

– Мне сказали, вы все-таки подарили нам герцога.

– Я выполнил свою часть соглашения, милорд.

Барон взглянул на Питера. Тот кивнул. Барон вновь посмотрел на Юйэ.

– Стало быть, придерживаемся буквы договора, э? А я... – Он словно выплюнул: – Что я должен был сделать в ответ?

– Вы сами помните что, милорд Харконнен.

Теперь Юйэ позволил себе думать. В его голове оглушительно отдавалось беззвучное тиканье часов. Он уже видел еле заметные знаки, выдававшие барона. Да, Уанна была мертва – и эти негодяи ничего не могли уже ей сделать. И это хорошо – иначе у них по-прежнему была бы узда для него. Поведение же барона указывало на то, что эта узда исчезла...

– Вы полагаете, я должен это помнить?

– Вы обещали освободить от страданий мою Уанну.

Барон покивал:

– Ах да. В самом деле. Теперь я вспомнил. Действительно, я обещал это. Собственно, именно так и удалось нам обойти имперское кондиционирование. Помнится, вы не могли вынести вида этой вашей бене-гессеритской ведьмы, корчащейся в болеусилителях Питера. Н-ну что же – барон Владимир Харконнен всегда держит свое слово. Я обещал, что избавлю ее от мучений и позволю тебе соединиться с ней. Да будет так! – Он махнул Питеру.

Синие глаза Питера остекленели. Его движение было совсем кошачьим – внезапным и плавным. Когтем сверкнул нож, вонзаясь в спину Юйэ.

Старик замер, вытянулся, не отрывая взгляда от лица барона.

– Вот ты и присоединишься к ней! – крикнул барон.

Юйэ стоял пошатываясь. Губы его шевельнулись; он говорил очень четко и словно бы нараспев:

– Ты... думал... ты... по... бе... дил... меня... Ты... ду... мал, я... не... знал, *чтоб...* я... купил... для... своей... Уанны.

Он упал. Не склонился, не обмяк, не осел. Упал, как падает срубленное дерево.

– Так присоединись к ней! – повторил барон. Но эти слова прозвучали как слабое эхо.

Слова и поведение Юйэ наполнили его дурными предчувствиями. Он резко переключил свое внимание на Питера, который как раз вытирал лезвие ножа куском ткани. Синие глаза светились удовлетворением.

«Вот, значит, как он убивает, когда делает это своими руками, – подумал барон. – Полезно знать такие вещи».

– Итак, он все-таки выдал нам герцога? – спросил барон.

– Да, милорд, разумеется, – ответил Питер.

– Ну так приведите его сюда!

Питер бросил взгляд на капитана гвардейцев – тот бросился выполнять приказ.

Барон опустил взгляд на тело Юйэ. Тело упало так, что казалось, оно не из костей и плоти, а из дуба.

– Никогда не верил предателям, – проговорил барон. – Даже и таким, которые превращены в предателей мной самим.

Он посмотрел в ночь за иллюминатором. Вся эта черная тишина снаружи принадлежала теперь ему, и он это знал. Артиллерия у Барьерной Стены уже замолчала: ставшие ловушками норы были завалены, пойманные звери обречены. Неожиданно барона поразила мысль, что он не может представить ничего прекраснее этой абсолютной черной пустоты. Если только не считать белого на черном. Серебристо-белого на черном. Молочно-белого, как изысканный фарфор.

Но неуверенность не оставляла его.

Что хотел сказать этот старый дурак доктор? Он скорее всего понимал, что его ждет. Но что он имел в виду, говоря о поражении? «Ты думал, что победил меня...»

Что он имел в виду?

Ввели герцога Лето Атрейдеса. Его руки были скованы цепью, орлиное лицо в грязи. На груди мундира зияла дыра – кто-то вырвал нашитый герб. С пояса тоже свисали оторванные лоскуты – поясной щит срывали, не расстегнув ремешки на мундире. С мясом. Безумные, остекленевшие глаза.

– Н-н-ну... – протянул барон. Он глубоко вдохнул и остановился в неуверенности. Понял, что заговорил слишком громко. Он так долго ждал этого мгновения – и вот оно утратило часть своей прелести!

Будь проклят чертов доктор – во веки веков!

– Я вижу, доброго нашего герцога накачали наркотиками, – заметил Питер. – Собственно, Юйэ так и поймал его – одурманил. – Питер повернулся к герцогу. – Это так, любезный герцог? Вы одурманены?

Голос шел откуда-то издалека. Лето чувствовал цепь на руках, ноющую боль в мышцах; чувствовал свои потрескавшиеся губы, горящие щеки, сухой вкус жажды во рту. Но звуки он слышал плохо – они доходили до него глухо, словно сквозь ватное одеяло. И он почти ничего не видел, только смутные тени.

– А что с мальчишкой? – спросил барон. – Есть новости?

Питер быстро облизнул губы.

– Ты что-то знаешь! – резко сказал барон. – Ну?

Питер посмотрел на начальника гвардейцев, снова на барона.

– Люди, которым дали это поручение, милорд, они... э-э... их... э... нашли.

– И они доложили, что все в порядке?

– Они мертвы, мой барон.

– Естественно! Но я спрашиваю...

– Их *нашли* мертвыми, милорд.

Лицо барона потемнело.

– А женщина и мальчишка?

– Никаких следов, милорд. Но там успел побывать песчаный червь – как раз когда происходил осмотр места происшествия... Быть может, все произошло именно так, как мы и хотели, – несчастный случай... вполне вероятно...

– Вероятности меня не устраивают, Питер. Ну а что насчет пропавшего топтера? Может ли это обстоятельство навести моего ментата на какие-нибудь мысли?

– В нем, несомненно, бежал кто-то из людей герцога. Убил нашего пилота и бежал.

– И кто же именно из людей герцога?

– Пилота убили очень чисто и тихо, милорд. Возможно, Хават. Или Халлек. Может быть, Айдахо. Или любой из других главных приближенных...

– Возможно, вероятно, может быть... – пробормотал барон и перевел взгляд на пошатывающегося, одурманенного герцога.

– Но мы владеем положением, милорд, – сказал Питер.

– Владеем?! А где тогда этот планетолог? Кинес?

– По крайней мере нам известно, где его искать. За ним уже послали наших людей, милорд.

– Не нравится мне что-то, как помогает нам этот слуга Императора, – пробормотал барон.

Ватное одеяло все еще окутывало герцога, глушило слова разговора. Но некоторые из этих слов прорывались в мозг герцога и словно вспыхивали там. «Женщина и мальчишка... никаких следов». Значит, Пол и Джессика спаслись! А участь Хавата, Халлека и Айдахо оставалась пока неизвестной. Значит, надежда еще есть...

– А где перстень с герцогской печатью? – требовательно спросил барон. – У него на пальце его нет!

– Сардаукар сказал, что герцог был без кольца, когда его взяли, милорд, – доложил капитан стражи.

– Поторопился ты убить доктора, – пробурчал барон. – Это была ошибка. Ты должен был доложить мне об этом, Питер. А ты действовал слишком поспешно, и это может повредить нашему делу. «Вероятности!..» – передразнил он.

В мозгу герцога билась одна мысль: Пол и Джессика спаслись!.. И что-то еще. Да. Сделка. Он почти... почти вспомнил...

Зуб!

Теперь он точно вспомнил часть этой сделки: капсула ядовитого газа, скрытая в искусственном зубе.

Кто-то велел ему помнить про зуб. Зуб... зуб был у него во рту. Он ощупал его языком. Все, что он должен сделать, – сильно надавить на него другим зубом...

Но еще рано!

Этот «кто-то» велел ждать, пока он не окажется совсем рядом с бароном. Но – кто?.. Он не мог вспомнить.

– Долго он еще будет в таком состоянии? – осведомился барон.

– Возможно, еще час, милорд.

– «Возможно», – передразнил барон и вновь отвернулся к темноте за стеклом. – Ладно. Я проголодался.

«Это барон, – думал Лето, – вот эта расплывчатая серая тень». Тень двигалась вперед и назад, качалась вместе с комнатой, которая сжималась и расширялась, становилась то светлее, то темнее, окутывалась мраком, и вновь свет заливал ее.

Время стало для герцога каким-то слоистым. Он всплывал через эти слои...

«Я должен подождать».

Стол. Тут стоял стол – его Лето видел отчетливо. И огромный, жирный человек на дальнем конце стола. И остатки трапезы перед ним. А сам Лето, оказывается, сидел напротив. Он ощутил кресло, цепи, ремни, привязывавшие к креслу его гудящее, онемевшее тело. Он понял, что прошло сколько-то времени – но сколько?

– Похоже, он приходит в себя, мой барон.

Шелковый голос. Это Питер.

– Вижу, Питер.

Гулкий бас. А это барон.

Окружающее постепенно приобретало четкие формы. Кресло под ним стало более жестким. Туже стали ремни.

Теперь он и барона видел достаточно четко. Лето следил за движениями его рук: барон все время что-то трогал, ощупывал – край тарелки, ручку ложки, жирный палец скользил по складкам подбородка...

Лето следил за движущейся рукой как зачарованный.

– Сейчас вы можете слышать меня, герцог Лето, – обратился к нему барон. – Я знаю, что можете. Так вот. Мы хотим узнать у вас – где ваша наложница и прижитый с нею ребенок?

Лето не пропускал ничего в его словах; но слова барона были для него огромным облегчением. *Значит, это правда – им не удалось схватить Пола и Джессику.*

– Мы не в игрушки играем! – пророкотал барон. – Вам лучше понять это.

Он склонился к Лето, изучая его лицо. Ах, как жаль, что нельзя решить дело с глазу на глаз, между ними двоими. То, что кто-то еще видел человека королевской крови в таком положении, создавало дурной прецедент.

Лето чувствовал, как к нему постепенно возвращаются силы. И, словно башня на равнине, стояла перед его внутренним взором вернувшаяся память о зубе. Внутри – капсула с ядовитым газом, выполненная в форме нерва... Он вспомнил, кто поместил это смертоносное оружие в его рот.

Юйэ.

Он смутно вспомнил виденное в наркотическом дурмане – мимо него тогда проволокли тело... Теперь он знал, что это был Юйэ.

– Слышите этот звук, герцог Лето? – спросил барон.

Лето только теперь осознал, что слышит странный захлебывающийся звук – кто-то кричал от невыносимой боли.

– Мы, видите ли, поймали одного из ваших людей, одетого под фримена, – объяснил барон. – Разгадать его было совсем просто: глаза, вы же сами знаете. Он утверждает, что якобы был послан к фрименам, чтобы шпионить за ними... но я достаточно долго прожил на этой планете, любезный кузэн. За этими пустынными оборванцами не шпионят, это чушь. Скажите мне – вам удалось купить их помощь? Вы отослали свою женщину и сына к ним?

Лето почувствовал, как страх сжимает его грудь. Если Юйэ послал их к людям Пустыни... их будут искать, пока не найдут.

– Ну-ну, – добродушно прогудел барон. – У нас мало времени – и до боли дойдет скоро. Прошу, любезный мой герцог, не доводите нас до этого. – Барон многозначительно посмотрел на стоявшего возле Лето Питера. – У Питера, конечно, здесь нет с собой всех необходимых инструментов – его арсенал остался дома... но я уверен, он сумеет что-нибудь сымпровизировать.

– Иногда импровизация работает всего лучше, мой барон.

Вкрадчивый, шелковый голос. Он звучал над самым ухом герцога.

– У вас, как я понимаю, был аварийный план, – сказал барон. – Так куда вы отослали женщину с мальчиком? – Он взглянул на руку Лето. – На вас нет кольца. Оно у мальчика?

Барон поднял взгляд от руки герцога к его глазам.

– Не хотите отвечать... – проговорил барон. – Зачем заставлять меня делать то, что мне делать не хотелось бы? Ведь Питер применит простые и прямые методы. Не могу не признать, что порой они действительно являются наиболее эффективными – но мне не нравится, что подобные методы придется применить к вам.

– Например, кипящее масло на спине. Или на веки, – предложил Питер. – Или на другие части тела. И особенно хорошо действует, когда объект не знает, куда попадет масло в следующий миг. Хороший метод, и есть некая своеобразная красота в узоре белых пузырей на обнаженной коже... не правда ли, барон?

– Это изысканное зрелище, – согласился барон, но голос его звучал очень кисло.

Эти шупающие пальцы!.. Лето глядел на жирные пальцы, на кольца и перстни, унизывающие пухлые, как у младенца, руки, ни на миг не прекращающие двигаться.

Крик боли, доносящийся сквозь дверь за спиной герцога, терзал его нервы. Кого они схватили, думал герцог. Неужели Айдахо?

– Поверьте, любезный кузэн, – повторил барон, – я бы не хотел доводить дело до этого.

– Представьте только, как нервные сигналы спешат-торопятся за помощью, которая не может прийти! – сказал Питер. – В этом есть своя прелесть, это просто художественно!

– Да, Питер, ты у нас настоящий художник, – прорычал барон. – А теперь, сделай милость, помолчи!

Лето вспомнил вдруг, как Гурни Халлек как-то при виде изображения барона процитировал: «И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя... а на головах его имена богохульные».

– Мы напрасно теряем время, мой барон, – вмешался Питер.

– Возможно. – Барон кивнул. – Вы же сами понимаете, дорогой Лето, в конце концов вы скажете нам, где они. Какой-то уровень боли сломит вас. Я куплю вас болью.

«Скорее всего он прав, – подумал Лето. – Если бы не зуб... и то, что я просто не знаю, где они».

Барон подцепил ломтик мяса, сунул в рот, медленно прожевал и проглотил. Надо попробовать по-другому, подумал он.

– Полюбуйся-ка на этого святого, Питер. Он думает, что его нельзя купить.

При этом барон подумал: «Да! Смотри на него – считающего себя неподкупным. Смотри, как держат его миллионы акций – миллионы долей себя самого, продававшихся каждую секунду его жизни! Возьми его сейчас и потряси – он загремит, как пустая жестянка. Пуст! Распродан подчистую! Так какая разница – как он умрет теперь?..»

Крик за стеной смолк.

Барон увидел Уммана Куду. Капитан стражи появился в дверях и покачал головой. Пленник так и не дал нужной информации. Еще одна неудача!.. Всё. Хватит тянуть с этим дураком герцогом – с этим глупцом, не понимающим, какой ад может обрушиться на него – ад, находящийся на бесконечно малом от него расстоянии. Малом, как толщина нерва.

Эта мысль успокоила барона, поборол его нежелание подвергать пыткам особу королевской крови. Сейчас он представлял себя хирургом, делающим бесчисленные разрезы ножницами – он срезал маски с дураков, открывая спрятанный ад.

Все, все они кролики! И все пытаются спрятаться, завидев хищника.

Лето смотрел через стол и сам не понимал, чего ждет. Зуб быстро покончил бы со всем этим. Но... в общем, почти вся эта жизнь была хороша. Он обнаружил, что вспоминает змея, реющего в перламутрово-голубом каладанском небе, Пола, радостно смеющегося при виде этого змея. И восход здесь, на Арракисе, – ярко окрашенные гряды Барьерной Стены за пыльным маревом...

– Скверно... – пробормотал барон. Он оттолкнулся от стола, легко поднялся – помогали поддерживавшие его тушу силовые генераторы – и заколебался на миг, заметив странную перемену в герцoge. Тот глубоко вдохнул, его челюсть напряглась, на ней вздулся бугорок мускула – так сильно Лето стиснул зубы.

«Как он боится меня!» – подумал барон.

А Лето, испугавшись, что барон может уйти от него, изо всех сил надавил на зуб-капсулу. Почувствовав, как он лопнул, открыл рот и резко выдохнул остроощиплющий парок, вкус которого уже наполнил его рот. Барон вдруг уменьшился, стал удаляться – словно сужающийся тоннель раздел его и герцога. Над ухом Лето кто-то охнул. Тот самый «шелковый» голос. Питер. Значит, и ему досталось!

– Питер! В чем дело?

Рокочущий бас был где-то очень далеко.

В мозгу Лето опять шевельнулись воспоминания. Словно беззубый шепот старых ведьм. Комната, стол, барон, пара полных ужаса сплошь синих глаз – все смешалось вокруг, сжалось...

Там был еще человек с туплеобразным подбородком – падающий игрушечный человек. У него был сломанный, свернутый влево нос – словно маятник, отклонившись в сторону, застыл навсегда.

Лето услышал далекий грохот бьющегося фарфора. Далекий раскатистый бас. Сейчас его сознание было подобно бездонному сосуду, вобравшему все, что было когда-то: каждый крик... каждый шепот... каждое... молчание...

Последняя мысль... Лето увидел ее как бесформенное светлое пятно в лучах тьмы: «День, когда плоть обретает форму, и плоть, когда день обретает форму». Эта мысль поразила его ощущением необыкновенной полноты – чувство, которое, он знал, невозможно объяснить.

И наступила тишина.

Барон стоял, прижавшись спиной к потайной двери – двери своего личного тайного выхода, устроенного позади стола. Он захлопнул ее, выскочив из полной трупов каюты. Кажется, вокруг суетилась охрана... «Неужели и я вдохнул *это*? – спросил он себя. – Что бы это ни было – неужели Лето достал и меня?!»

Постепенно он снова стал слышать звуки... и смог соображать. Кто-то кричал, приказывал... *противогазы... дверь не открывать... включить вентиляцию на максимум...*

«Все остальные упали почти сразу. А я еще на ногах! Я еще дышу! Ад побери... еще немного – и...»

Теперь он мог трезво оценить происшедшее. Его щит был включен – на малую мощность, но вполне достаточно, чтобы замедлить молекулярный обмен на границе силового поля. Кроме того, он уже вставал и оттолкнулся от стола... и еще – вскрик Питера, на который вбежал капитан стражи, прямо навстречу собственной гибели.

Случай да предупреждение, прозвучавшее во вскрике умирающего человека, – вот что его спасло.

Барон, разумеется, не чувствовал никакой благодарности к Питеру. Глупец сам виноват в своей гибели. И этот дурак капитан!.. Утверждал, что сканировал каждого, кого приводили к барону. Как же сумел этот герцог?.. Никакого предупреждения! Даже ядоискатель над столом не сработал, пока не стало поздно... Как?

«Впрочем, теперь уже это не важно, – подумал барон. Он уже вновь обрел уверенность в себе. – Просто следующий капитан стражи начнет с ответа на этот вопрос».

Он заметил, что суэта усилилась, особенно за углом коридора, у второй двери в эту комнату смерти. Барон оторвался от своей двери, оглядел слуг вокруг. Они молча смотрели – ждали, что будет делать хозяин. Гневается ли? И как?..

Тут барон понял, что лишь несколько секунд прошло с того момента, как он выбежал из страшной комнаты.

Несколько стражников стояли, наведя оружие на дверь. Другие повернулись в сторону пустого зала, на звуки из-за угла справа от них.

Оттуда, из-за угла, быстро вышел, почти выбежал человек с противогазом, болтающимся на шее на завязках. Он внимательно смотрел на каждый ядоискатель – они висели под потолком вдоль коридора. Желтоволосый, плосколицый, с зелеными глазами, жесткими, резко очерченными линиями по сторонам толстогубого рта. Он походил на какое-то водное животное, по ошибке помещенное на сушу.

Барон, разглядев его, вспомнил и имя подошедшего: Нефуд. Йакин Нефуд. Капрал стражи. У него было пристрастие к семуте, комбинации наркотика и музыки, звучавшей в самых глубинах сознания. Такие вещи о людях всегда полезно знать.

Стражник остановился перед бароном, отдал честь.

– В коридоре все чисто, милорд. Я видел все снаружи и понял, что это какой-то ядовитый газ. Вентиляторы подавали воздух в вашу комнату из этих коридоров... – Он бросил взгляд на ядоискатель над головой барона. – Люди все на месте, никто не пытался скрыться. Мы сейчас дегазируем комнату. Какие будут приказания?

Барон узнал и голос – это он выкрикивал приказания. А этот капрал молодец, дело свое знает!

– Там, внутри, все мертвы? – спросил он.

– Да, милорд.

«Придется приспособливаться», – подумал барон.

– Прежде всего – мои поздравления, Нефуд. С этого момента ты – капитан моей гвардии. И, надеюсь, ты извлечешь хороший урок из судьбы своего предшественника.

Барон наблюдал за изменяющимся выражением лица стражника, получившего неожиданное повышение. Нефуд знал, что теперь у него не будет недостатка в его семуте. Он кивнул:

– Милорд знает, что я всецело предан заботе о его безопасности.

– Знаю. Ну, к делу. Я думаю, у герцога что-то было во рту. Так вот ты узнаешь, что это было, как сработало, кто помог ему вооружиться подобным образом. И примешь все меры к тому, чтобы...

Он замолчал. Его мысль прервало какое-то смятение в коридоре, за спиной. Стража у дверей лифта на нижних ярусах фрегата пыталась задержать высокого полковника-башара, только что вышедшего из лифта.

Барон не мог вспомнить лицо башара. Узкое лицо, рот – точно разрез бритвой, глаза – два черных, как тушь, пятна.

– Руки прочь, стервятники, трупоеды! – прорычал башар, отбрасывая с дороги охрану.

«А, сардаукар...» – подумал барон.

Полковник-башар уверенно подошел к барону, выжидающе прищуривавшему глаза. Офицеры Корпуса сардаукаров стесняли его – все они казались ему родственниками герцога... покойного герцога. И как они позволяли себе говорить с бароном!..

Полковник-башар встал в полушаге от барона, упер руки в бедра. Охранники неуверенно крутились позади.

Барон заметил и то, что офицер не салютовал ему, и презрительное выражение на лице – и его неуверенность возросла. На планете был лишь один легион сардаукаров – десять бригад; но барон не обманывал себя. Этот легион вполне мог, повернув оружие против сил Харконненов, разгромить их.

– Скажите своим мальчикам, чтобы они не пытались мешать мне видиться с вами, барон, – прорычал он. – Мои парни привели к вам герцога Атрейдеса – прежде, чем мы с вами могли решить его судьбу. Мы обсудим ее сейчас!

«Я не могу потерять лицо перед своими людьми», – подумал барон.

– Так что же? – Барону удалось произнести эти слова холодно и спокойно, и он почувствовал гордость.

– Мой Император повелел мне проследить, чтобы его царственный родич умер без мучений, чисто и быстро, – объявил полковник-башар.

– Таков же был и приказ Его Величества мне, – солгал барон. – Вы же не думаете, что я могу послушаться своего Императора?

– Я должен доложить моему Императору лишь то, что видел собственными глазами, – ответил сардаукар.

– Герцог уже мертв, – отрезал барон и махнул рукой, давая офицеру понять, что тот может идти.

Но полковник-башар не сдвинулся с места – стоял, глядя барону в лицо. Ни малейшее движение мускула или глаза не показывало, что он понял, что его отсылают.

– Как он умер? – резко спросил он.

«Это уже чересчур!» – подумал барон.

– От собственной руки, если вам так уж необходимо это знать, – огрызнулся барон. – Он принял яд.

– Я должен увидеть тело, – заявил полковник-башар. – И немедленно.

В притворном негодовании барон поднял глаза к потолку. Тем временем он лихорадочно обдумывал создавшееся положение.

Проклятие! Этот глазастый сардаукар увидит комнату прежде, чем удастся убрать следы происшедшего!..

Помешать этому было нельзя, понял барон. Сардаукар увидит все. Поймет, что герцогу удалось убить людей барона... что сам барон уцелел, судя по всему, чисто случайно. Остатки ужина на столе, мертвый герцог напротив, смерть и разрушение вокруг говорили слишком о многом.

И помешать этому нельзя!

– И задержать меня не удастся! – рывкнул полковник-башар.

– Никто вас и не задерживает, – ответил барон, глядя в обсидиановые глаза сардаукара. – Я ничего не скрываю от своего Императора. – Он кивнул Нефуду. – Покажи полковнику-башару все, сейчас же. Проведи его в дверь, у которой ты стоял, Нефуд.

– Прошу вас сюда, сэр, – показал Нефуд.

Медленно, высокомерно сардаукар обошел барона, плечом вперед прошел сквозь толпу охранников.

«Невыносимо, – думал барон. – Теперь Император узнает о моем промахе! И поймет его как признак моей слабости!..»

Ужасно было понимать, что Император и его сардаукары одинаково презирали слабость. Барон прикусил губу, пытаясь утешить себя воспоминанием о том, что по крайней мере Император ничего не узнал о налете Атрейдесов на Гьеди Прайм и уничтожении харконненских складов с Пряностью.

Будь проклят этот скользкий герцог!

Барон глядел в спину уходящим – заносчивому надменному сардаукару и коренастому Нефуду, оказавшемуся таким полезным человеком.

«Надо приспособливаться к обстоятельствам, – думал барон. – Придется опять поставить над этой чертовой планетой Раббана. И ничем его не ограничивать. Арракис должен быть готов принять моего Фейд-Рауту. Дьявол побери мерзавца Питера – дал себя убить прежде, чем я использовал его до конца!»

Барон вздохнул.

И надо будет, не откладывая, послать на Тлейлакс за новым ментатом. Уж конечно, они уже подготовили его для меня!

Стражник рядом с ним кашлянул. Барон повернулся к нему:

– Я проголодался.

– Слушаю, милорд.

– И я хочу отвлечься, пока вы чистите комнату и выясняете все детали случившегося, – прогудел барон.

Стражник опустил глаза:

– Чем желал бы отвлечься милорд?

– Я буду в опочивальне, – сказал барон. – Так вот, пришли туда этого мальчишку, которого мы купили на Гамонте – ну того, с очаровательными глазами. И вот что, дайте ему наркотик. У меня нет настроения бороться...

– Слушаю, милорд...

Барон развернулся и пошел своей подпрыгивающей походкой, вызванной поддерживавшим его тушу полем подвески, в сторону своих апартаментов. «Да, – думал он, – того парнишку с очаровательными глазами. Парнишку, так похожего на юного Пола Атрейдеса».

* * *

О моря Каладана!

О люди герцога Лето!

Пала его твердыня,

Пала навеки...

Из сборника «Песни Муад'Диб», сост. принцесса Ирулан

Полу казалось, что все его прошлое, все, что он испытал в жизни, обратилось в песок, клубящийся в песочных часах. Он сидел, обняв колени, подле матери, внутри крохотной палатки из ткани и пластика – диститента, который нашелся вместе с фирменскими одеяниями (Пол и Джессика уже облачились в них) в спрятанной в топтере сумке.

Пол несколько не сомневался в том, кто положил ранец под сиденье, кто направил машину с ними именно сюда.

Юйэ.

Доктор-предатель отправил их прямо в руки Дункана Айдахо.

Пол сидел, глядя сквозь прозрачную стенку в торце диститента на освещенные луной скалы, окружавшие убежище, где их спрятал Айдахо.

«Прячусь, как ребенок – а ведь я теперь герцог!» – подумал Пол. Эта мысль раздражала – но от того, что они поступают лишь разумно, деться было некуда.

С его восприятием за ночь случилось нечто странное. Теперь он обостренно-ясно видел все происходящее вокруг него, все случившееся с ним. И чувствовал, что не в силах остановить поток вливающейся в него информации, не в силах избавиться от той ледяной точности, с которой добавлялась каждая новая деталь к его знанию. Вся способность к расчету сосредоточилась в его обостренном восприятии. Это были способности ментата – и гораздо больше.

Пол вспомнил мгновения бессильной ярости, охватившей его, когда неизвестный орнитоптер вынырнул из тьмы и пошел на них, падая стремительно, как гигантский коршун, и ветер был в его крыльях. В этот миг что-то случилось с разумом Пола. Орнитоптер скользнул на крыло, развернулся, пролетел над песчаным гребнем к бегущим фигурам – к матери и к нему самому, сел. Пол вспомнил запах горелой серы от скользнувших по песку обожженных трением полозьев, донесенный до них ветерком.

Мать повернулась, готовая принять разряд лучемета от харконненского наемника, – и увидела Дункана Айдахо. Тот распахнул дверцу машины, высунулся наружу и закричал:

– Скорее! След червя к югу!..

Но Пол, поворачиваясь, уже знал, кто пилотирует топтер. Мельчайшие детали – стиль полета, резкое приземление – детали столь неприметные, что даже мать их не разглядела, – эти детали точно сказали Полу, кто сидел в пилотском кресле.

В противоположном конце палатки шевельнулась Джессика, задумчиво проговорила:

– Я вижу лишь одно возможное объяснение. Харконнены держали заложницей жену Юйэ. Он ненавидел Харконненов! Я не могла ошибиться в этом. Да ты и сам прочел записку. Но почему он спас нас?

«Она поняла это только сейчас... и как плохо, как мало поняла!» – подумал Пол. Эта мысль была для него потрясением. Сам-то он понял это как нечто очевидное, уже читая записку, приложенную к герцогскому перстню с печатью.

«Не пытайтесь простить меня, – писал Юйэ. – Я не хочу вашего прощения. И без него тяжело мое бремя. Сделанное мною – сделано без злобы, но и без надежды быть понятым. Это – мой тахадди-аль-бурхан, величайшее мое испытание. Посылаю вам герцогскую печать Атрейдесов в знак того, что написанное мною истинно. Когда вы будете читать эти строки, герцога Лето уже не будет в живых. Утешьтесь тем, что он, обещаю, умрет не один: тот, кого и вы и я ненавидим более всех на свете, умрет вместе с ним».

Ни обращения к адресату, ни подписи. Но они хорошо знали этот почерк – почерк Юйэ.

Вспомнив письмо, Пол вновь ощутил и горечь того момента. Нечто болезненно-чужое, происходящее вне его нового, пробужденного сознания. Он прочел о гибели отца, понял, что это правда, – но воспринял это лишь как новую информацию, которую следовало внести в память, а затем использовать.

«Я любил отца, – подумал Пол и понял, что это действительно так. – Я должен чувствовать скорбь. Я должен хоть что-то чувствовать!..»

Но все, что он чувствовал, было лишь понимание: это – важная информация.

Да, всего лишь факт, важный, но такой же, как и многие другие.

Все время его разум продолжал отстраненно накапливать впечатления, ощущения, рассчитывать и экстраполировать данные.

Полу вспомнились слова Халлека: «Настроение – это для животных или в любви... А сражаешься ты, когда возникает необходимость, а не по настроению».

«Вот, наверное, в чем дело, – подумал Пол. – Отца оплакивать я буду позже... когда будет для этого время».

Но он не чувствовал, чтобы холодная отчетливость его разума прервалась хоть на миг. Эта новая отчетливость была лишь началом, ощущал он, – и она росла. Его охватило чувство ужасного предназначения, впервые испытанное во время встречи с Преподобной Матерью Гайей-Еленой Мохийам. Во время испытания гом джаббаром. Правая рука – рука, все еще помнившая ту боль, – заныла, он ощутил, как ее покалывает и дергает...

«Интересно, каково быть этим их Квисатц Хадерахом?» — подумал он.

– Я подумала было, что Хават опять проглядел и Юйэ вовсе не был Суккским доктором, – задумчиво проговорила Джессика.

– Он был тем, кем мы его считали, – ответил Пол, подумал: «Почему она так медленно осознает такие простые вещи?» Вслух же он сказал: – Если Айдахо не доберется до Кинеса, мы...

– Он – не единственная наша надежда, – перебила Джессика.

– Я хотел сказать не о том.

Она услышала в его голосе стальные, повелительные нотки и удивленно взглянула сквозь сумрак палатки на сына. Темный силуэт на фоне посеребренных луною скал, видневшихся сквозь прозрачную торцевую стенку диститента.

– Наверняка спасся еще кто-то из людей твоего отца, – сказала она. – Мы должны их собрать, найти...

– Нам придется рассчитывать только на себя, – жестко сказал Пол. – И наша первая забота – это семейный ядерный арсенал. Мы должны получить его прежде, чем до него доберутся Харконнены.

– Вряд ли им удастся найти наше ядерное оружие, – возразила Джессика. – Вспомни, как оно спрятано!

– Мы не можем рисковать.

Она подумала: «Он рассчитывал угрожать планете и запасам Пряности семейным атомным оружием. Шантаж – вот что у него на уме! Но если он решится... все, на что он сможет рассчитывать, – это бегство, отступничество, жизнь без имени...»

Слова матери вызвали у Пола мысль о людях, погибших в эту ночь. Это была уже мысль герцога. «Люди – вот истинная сила Великих Домов», – подумал Пол и вспомнил слова Хавата: «Грустно расставаться с людьми, а место – это всего лишь место».

– За них сардаукары, – сказала Джессика. – Придется ждать, пока сардаукары не уйдут.

– Они думают, что поймали нас между Пустыней и сардаукарами, – ответил Пол. – Они хотят, чтобы не осталось никого из Дома Атрейдес. Тотальное уничтожение – вот их цель. Так что не стоит рассчитывать на то, что кто-то из наших спасется.

– Не могут же они бесконечно рисковать раскрыть роль Императора в случившемся!

– Разве?

– Но ведь хоть кто-то из наших людей спасется, и...

– Ты веришь, что кто-то может спастись?

Джессика отвернулась, испуганная горькой силой в голосе сына. В нем звучала точнейшая оценка шансов. Она почувствовала, что разум сына неожиданно сделал скачок и был теперь гораздо мощнее ее разума; теперь Пол в некоторых отношениях видел много больше, чем она. Джессика сама участвовала в формировании этого разума – но теперь вдруг ощутила страх перед ним. Она подумала о герцоге, о своем потерянном прибежище – и слезы обожгли ее глаза.

«Такова судьба, Лето, – подумала она. – Сказано: *«Время любить и время скорбеть...»* — Она положила руку на свой живот, сконцентрировала внимание на эмбрионе. – Вот во мне дочь Атрейдеса – та, которую мне было велено произвести на свет. Но Преподобная ошибалась: дочь не спасла бы моего Лето. Это дитя – всего лишь жизнь, которая среди смерти и разрушения тянется к будущему. И я зачала его, послушная инстинкту, а не приказу!...»

– Попробуй еще раз приемник на частотах коммуникационной сети, – предложил Пол.

«Разум работает, как бы ни хотели мы сдержать его», – подумала она.

Джессика достала маленький приемник, который оставил им Айдахо, щелкнула выключателем. Загорелся зеленый огонек, из динамика раздался жестяной скрежет помех. Джессика уменьшила громкость, принялась шарить по частотам. Послышался голос – кто-то говорил на боевом языке Дома Атрейдес:

– ... назад и перегруппировались у обрыва. Федор сообщил, что в Карфаге не спасся никто, а Гильд-Банк разграблен.

«Карфаг! – подумала Джессика. – Харконненское гнездо...»

– Это сардаукары, – продолжал голос. – Осторожно – остерегайся сардаукаров в форме Атрейдесов. Они...

Рев перекрыл его слова. Затем настала тишина.

– Попробуй другие частоты, – сказал Пол.

– Ты понимаешь, что это значит? – спросила Джессика.

– Я ожидал этого, – спокойно сказал Пол. – Они хотят, чтобы Гильдия обвинила в разрушении банка именно нас. А если против нас Гильдия – мы пойманы на Арракисе и не сможем покинуть его. Попробуй другие частоты.

Она взвесила его слова: «Я ожидал этого». Что с ним случилось?... Помедлив, Джессика вновь занялась приемником. Она вращала ручку настройки, время от времени выхватывая из эфира обрывки, говорящие о происходящей битве. Голоса выкрикивали на боевом языке Дома Атрейдес: «Отступаем!...», «Попробуй перегруппироваться на...», «Заперты в пещере у...». И нельзя было ошибиться, слыша возбуждение победы в харконненской тарабарщине, звучавшей на других частотах. Резкие команды, боевые рапорты. Этого было недостаточно для Джессики, чтобы опознать и понять язык – но тон был ясен.

Харконнены победили.

Пол потряс сумку, прислушиваясь к плеску воды в двух литраках. Он глубоко вздохнул и сквозь прозрачную стенку палатки посмотрел на очертания скал, выделявшиеся на фоне усыпанного звездами неба. Левой рукой пощупал сфинктерный клапан, служивший входом в палатку.

– Скоро рассвет, – произнес он. – Мы можем ждать Айдахо еще день. Но не ночь. Вторую ночь мы тратить не можем. В Пустыне ходят ночью, а днем укрываются в тени.

Человеку без дистикомба, сидящему в тени, в Пустыне необходимо в день пять литров воды для сохранения веса тела, вспомнила Джессика. Она вдруг по-новому ощутила прильнувшую к коже гладкую мягкую ткань дистикомба. Теперь их жизни зависели от этой одежды.

– Если мы уйдем отсюда, Айдахо нас не найдет, – сказала она.

– Есть способы заставить говорить любого человека, – ответил Пол. – Если Айдахо не вернется к рассвету, придется учесть возможность того, что его схватили. Сколько, по-твоему, сможет он продержаться на допросе?..

Вопрос был, конечно, риторический, и она не ответила.

Пол поднял крышку сумки, достал руководство – микрокнигу, снабженную самосветящейся полоской для чтения в темноте и лупой. Зеленые и оранжевые буквы: *литраки, дистикомба, энергокапсюли, запасные катетеры, инюркель, бинокль, ремпакет к дистикомбу, краскомет, карта укрытий, носовые фильтры, параконпас, крюки Подателя, манки, «столб огня»...*

Сколько всего нужно, чтобы выжить в Пустыне!..

Наконец он отложил руководство в сторону, на пол палатки.

– Но куда нам идти? – спросила Джессика.

– Отец говорил как-то о мощи Пустыни, – задумчиво сказал Пол. – Без нее Харконненам не править этой планетой. Они и не правили ею никогда, и никогда не будут. Не будут – даже если в их распоряжении окажется десять тысяч легионов сардаукаров.

– Пол, не думаешь же ты, что...

– У нас достаточно тому доказательств, – покачал головой Пол. – Прямо здесь, в палатке. Сама она, затем эта укладка и ее содержимое, наконец, дистикомбы. Нам известно, что Гильдия требует немыслимую цену за вывод на орбиту метеоспутников – цену, практически исключающую их покупку. Нам известно, что...

– При чем здесь метеоспутники? – перебила Джессика. – Они же не могут... – Она вдруг замолчала.

Пол своим новым сверхчутким восприятием считывал ее реакции, подмечал мельчайшие детали, просчитывал...

– Теперь ты и сама видишь, – утвердительно сказал он. – Спутники снимают все, что есть внизу. Им видно все. А в глубине Пустыни есть вещи, которые чужой видеть не должен...

– Ты хочешь сказать, что эту планету контролирует Гильдия?

Как медленен был ее разум!..

– Да нет же! – нетерпеливо воскликнул он. – Сами фримены! Это они платят Гильдии за свое спокойствие, а та не суется в их владения и других не пускает. И платят они той монетой, которая всегда в достатке у владеющих мощью Пустыни. Пряностью. Это – больше, чем прикидки во втором приближении по косвенным данным, это – точно вычисленный ответ. Будь в этом уверена.

– Пол, – проговорила Джессика, – ты же еще не ментат, как же ты можешь быть так уверен, что...

– Я никогда и не буду ментатом, – медленно ответил он. – Я – нечто другое... урод...

– Пол! Как ты можешь...

– Оставь меня!

Он отвернулся от нее к темноте за прозрачной стенкой. Почему я не могу почувствовать скорбь?.. Каждая частица его тела жаждала облегчения в слезах – но отныне ему не суждено было больше испытывать такое облегчение.

Никогда ранее Джессика не слышала такой тоски в голосе сына. Ей хотелось прикоснуться к нему, обнять, утешить, помочь – но она чувствовала, что ничего не может сделать. Он должен сам во всем разобраться, пережить все.

Светящаяся полоска на руководстве к фримпакету, лежащему на полу между ними, привлекла ее внимание. Джессика подняла его, открыла титульный лист, прочла: «Наставление о Благодатной Пустыне, месте, исполненном жизни. Здесь – аят и бурхан Жизни. Верь, и Ал-Лат не сожжет тебя».

«Звучит как Книга Азхар, – подумала Джессика, вспоминая, как изучала Великие Тайны. – Работа Манипулятора Вероучений?.. Значит, и их присылали сюда...»

Пол достал из сумки паракомпас, положил обратно, сказал:

– Только подумай обо всех этих фрименских устройствах – имеющих, заметь, весьма специальное назначение. Удивительная сложность и продуманность. Согласись, цивилизация, создавшая подобное, скрывает глубины, о которых никто не подозревал.

Неуверенно, все еще встревоженная резкостью его голоса, Джессика вновь вернулась к книге. Рассмотрела рисунок – созвездие арракийского неба, «Муад'Диб, или Мышь», – сообщила подпись. Оттуда же Джессика узнала и запомнила, что «хвост» Мыши указывает на север.

Пол посмотрел в темноту, царившую в палатке. Движения матери едва можно было различить в слабом свете люминесцирующей полосы на руководстве. «Теперь, – подумал он, – пора выполнить просьбу отца. Именно сейчас, пока есть время для скорби. Позже скорбь будет помехой для нас». Эта холодная логика вдруг неприятно поразила его самого.

– Мама, – позвал он.

– Что?

Она услышала, как изменился его голос, – у нее вдруг похолодело внутри. Прежде она не слыхала в голосе сына такой стальной силы.

– Отец мой мертв, – сказал он.

Она обратилась внутрь себя, сопоставляя известные ей факты, и факты, и факты... как учит принимать информацию Путь Бене Гессерит. И чувство страшной потери охватило ее.

Джессика кивнула, не в силах произнести ни слова.

– Однажды отец сказал мне, – проговорил Пол, – чтобы я передал тебе, в случае, если что-то случится с ним, его слова. Он боялся – ты поверишь, что он в самом деле не верил тебе.

«Напрасное опасение!..» – подумала она.

– Он хотел, чтобы ты знала: он никогда не подозревал тебя, – продолжал Пол. Он объяснил ей, как все было, и добавил: – Отец хотел, чтобы ты знала, что он всегда тебе верил, во всем. Всегда любил. Он скорее усомнился бы в себе самом. И об одном лишь жалел – что так и не сделал тебя герцогиней, своей супругой.

Когда она смахнула слезы, в ее голове мелькнула мысль: «Напрасная трата воды»... Однако эта мысль была лишь попыткой заглушить горе гневом. Лето, мой Лето! Какие страдания причиняем мы любимым!

Резким движением она погасила светящуюся полосу руководства. Рыдания сотрясали ее.

Пол слышал, как горюет мать. Но внутри себя чувствовал лишь пустоту.

«Во мне нет скорби, – подумал он. – Почему? Почему?..» Неспособность чувствовать горе казалась ему грехом или уродством.

– *Время искать и время терять*, – пронеслись в голове у Джессики слова Экуменической Библии, – *время сберегать и время бросать; время любить и время ненавидеть; время войне и время миру*.

Между тем разум Пола продолжал работать с этой новой леденящей точностью. Он видел пути, легшие перед ним на этой враждебной планете. Не имея даже того предохранительного клапана, который дает нам сон, он фокусировал свое восприятие будущего – и видел его, как просчитанные наиболее вероятные варианты, – но он видел его и чем-то другим, особенным, таинственным чувством – словно бы разум его погрузился в некую среду, лишённую времени, и ощутил там ветры грядущего...

Резко, словно найдя наконец необходимый ключ, разум Пола поднялся на новый уровень восприятия. Он почувствовал, будто изо всех сил цепляется за этот уровень и, обретя неуверенную опору, оглядывается кругом. Он оказался словно бы внутри гигантского шара, от которого во все стороны разбегались тысячи путей... но это было бы лишь отдаленное подобие настоящему испытанным им чувств.

Однажды он видел, как бьется на ветру тонкий газовый платок. Теперь он воспринимал будущее так, словно оно само обвивалось вокруг чего-то столь же колеблющегося и непостоянного, как тот платок.

Он видел людей.

Ощущал жар и холод бесчисленных вероятностей.

Узнавал имена, названия, места, переживал бессчетные эмоции, впитывал информацию, проникавшую из миллионов неведомых источников.

У него было время исследовать, испытать и попробовать все, – но не придать испытанному какую-то форму...

Это был целый спектр вероятностей, от отдаленного прошлого до далекого будущего и от весьма вероятного до почти невероятного. Он видел и бесчисленные варианты собственной смерти. Он видел новые планеты, новые культуры.

И людей.

Людей.

Такие сонмы их, что нельзя счесть; однако его разум изучал их, сортировал...

Даже гильдиеров.

И он подумал: «Гильдия – вот кто примет нас. Моя странность не будет для нее чем-то чересчур необычным, напротив, они высоко оценят ее... и даже будут с гарантией снабжать меня Пряностью».

Но мысль о том, что всю свою жизнь он будет вести мчащиеся во Вселенной корабли, используя свой мозг для просчета возможных вариантов будущего, была ему отвратительна. Тем не менее это тоже был шанс, на крайний случай. И к тому же, именно увидев свое вероятное будущее в варианте, связанном с Гильд-навигаторами, он осознал свою *странность*, а главное – понял ее.

«Нет, я обладаю иным типом предвидения, и я воспринимаю не то, что они. Я вижу *возможные пути*».

Это новое восприятие несло в себе и успокоение, и тревогу – многое в этом новом мире, открывшемся перед ним, уходило в глубину, тонуло, исчезало из поля зрения...

Чувство ушло так же быстро, как и пришло. Он осознал, что все пережитое прошло сквозь него за одно биение сердца!

Но за этот миг его сознание и восприятие были перевернуты и освещены каким-то новым, пугающим светом. Он повернулся, озираясь.

Ночь все еще заполняла палатку и укрытие в скалах. Мать все еще всхлипывала.

А он по-прежнему не чувствовал горя... эта пустота отделилась от его разума, который продолжал размеренно работать – перебирал информацию, взвешивал, оценивал, вычислял, выдавал ответы, подобно тому, как происходит это у ментатов.

Теперь, знал он, у него был доступ к такому объему информации, как ни у кого до сих пор, но от этого не стало меньшим бремя этой пустоты внутри его. Что-то должно было вот-вот рухнуть. Словно затикал внутри часовой механизм бомбы. И хотел того Пол или нет, этот механизм продолжал непреклонно тикать. При этом он регистрировал малейшие изменения вокруг: едва заметные колебания влажности, ничтожное падение температуры, шорох насекомого, ползущего по стенке палатки, торжественное приближение зари, уже высветлившей клочок неба, видимый сквозь прозрачный торец диститента.

Пустота внутри была невыносима. То, что он знал, как был запущен механизм, ничего не меняло. Посмотрев назад, в свое собственное прошлое, он мог увидеть, как все начиналось: тренировки, оттачивание природных способностей, утонченно подобранные нагрузки сложнейших дисциплин, даже полученная в критический момент Экуменическая Библия... и наконец, в последнее время, – Пряность в больших дозах. И теперь он мог смотреть вперед, в будущее: самое пугающее направление! Но туда вело все, что случилось с ним.

«Я – монстр! – подумал он. – Урод!...»

– Нет... – сказал он. – Нет. Нет! НЕТ!!!

Он вдруг понял, что бьет кулаками по полу палатки. (А та странная новая его часть неумолимо считала: отметила эту вспышку как интересную информацию о его эмоциях и включила эту информацию в свои расчеты.)

– Пол!

Мать оказалась рядом – удерживала его руки. Лицо Джессики сероватым пятном вырисовывалось во мраке, он чувствовал ее взгляд.

– Что случилось, Пол? Что тебя мучает?

– Это ты!..

– Я, я, – успокаивающе сказала она. – Все хорошо, все в порядке...

– Что ты со мной сделала?! – горько спросил он.

Во внезапном озарении она поняла часть того, что он имел в виду, и ответила:

– Я родила тебя.

Инстинкт, проницательность и утонченное знание подсказали, что именно такой ответ нужен был, чтобы успокоить его. Он почувствовал ее руки, ласково сдерживающие его, увидел неясно очерченное в темноте ее лицо. (Некоторые наследственные черты ее лица были замечены его новым сознанием, включены в общую сумму данных, просчитаны, получившийся результат выдан и принят к сведению...)

– Отпусти меня, – резко сказал он. Она услышала сталь в его голосе и повиновалась.

– Может быть, скажешь все-таки, что случилось, Пол?

– Ты знала, что делаешь, когда тренировала меня?

В его голосе не осталось ничего детского, подумала она и ответила:

– Я надеялась – как все родители, – что ты вырастешь и станешь иным... лучше, чем я...

– Иным?

Она услышала горечь в его голосе.

– Пол, я...

– Тебе не сын был нужен! – закричал он. – А этот – Квисатц Хадерах! Бене Гессерит мужского пола!..

Ее словно оттолкнуло – так сильна была его горечь.

– Но, Пол...

– Ты спрашивала отца, хотел ли он этого?!

Она ответила ему мягко (и горе вновь ожило в ней):

– Кем бы ты ни был, Пол, но ты настолько же сын своего отца, насколько и мой.

– Да, но твоё воспитание! Твои тренировки! Все то, что... разбудило... спящего...

– Спящего?

– Вот здесь. – Он дотронулся до своей головы, потом положил руку на грудь. – Здесь, во мне. И это все продолжается... продолжается... продол...

– Пол! – крикнула она, слыша, что он вот-вот сорвется в истерику.

– Послушай, – сказал он. – Ведь ты хотела, чтобы Преподобная Мать узнала о моих снах? Так вот послушай теперь сама, вместо нее. Только что я видел сон – наяву. Спал и бодрствовал. А знаешь почему?

– Успокойся, – сказала она. – Если что-то и...

– Это Пряность, – произнес он. – Она здесь всюду. В воздухе, в почве, в еде. Гериатрическая Пряность. Она подобна снадобью Правдовидиц – это яд!

Она замерла.

Он тихо повторил:

– Это яд. Тонкий. Коварный. Незаметный. И – необратимый. Причем он не убивает – разве только если прекратишь принимать его. Теперь мы не можем покинуть Арракис, не взяв с собой часть его.

Спокойствие в голосе пугало и не оставляло места для возражений.

– Ты – и Пряность, – произнес Пол. – Пряность меняет всякого, кто принял достаточное ее количество. Однако благодаря тебе я смог воспринять эту перемену своим сознанием, и сознание мое изменилось. Для большинства она остается на подсознательном уровне, где ее можно заглушить. Я же ее вижу.

– Пол, ты...

– Я вижу ее! – повторил он.

Она услышала нотки безумия в его голосе и не знала, что ей делать.

Однако он снова заговорил, и сталь вновь появилась в его голосе.

– Мы здесь в ловушке.

«Да, мы здесь в ловушке», – мысленно согласилась она.

Она не могла не признать его правоту. Вся сила Бене Гессерит, любые хитрости, любая изобретательность – ничто не могло теперь освободить их от Арракиса. Пряность давала сильное привыкание. Тело ее узнало это гораздо раньше, чем сумел осознать разум.

«Значит, здесь суждено нам прожить всю свою жизнь, – подумала она, – на этой адской планете. Это место нам уготовано – если, конечно, мы сумеем ускользнуть от Харконненов. И все, что мне остается, – это быть племенной кобылой, сохраняющей важную генетическую линию для Плана Бене Гессерит».

– Я должен рассказать тебе о моем сне наяву, – промолвил Пол. Теперь в его голосе звучала ярость. – А чтобы ты не просто выслушала, но услышала и поняла, что я знаю, о чем говорю, – скажу прежде, что мне известно. Ты родишь дочь, мою сестру, здесь, на Арракисе...

Чтобы подавить нахлынувший страх, Джессика уперлась руками в пол палатки, вжалась спиной в ее стенку. Она знала, что ее беременность еще нельзя было заметить со стороны, и лишь бене-гессеритская подготовка позволила ей уловить первые, слабые знаки жизни, зарождающейся в ее теле, угадать пробуждение эмбриона, которому было всего несколько недель.

– Лишь для служения... – прошептала Джессика, пытаясь найти опору в девизе Бене Гессерит: «Мы живем лишь для служения».

– Так вот, – сказал Пол, – мы найдем свой дом среди фрименов. Там, где ваша Миссионария Протектива подготовила для нас убежище.

«Да, они подготовили для нас путь в Пустыню, – мелькнуло в голове Джессики. – Но откуда ему знать про Миссионарию Протектива?!» Ей становилось все труднее преодолеть страх перед подавляющей отчужденностью сына.

Он внимательно всматривался в темный силуэт матери и своим новым зрением видел ее страх и все ее реакции – словно Джессике озарял яркий свет. Он вдруг почувствовал сострадание к ней.

– Я не сумею даже начать рассказывать тебе все то, что случится здесь, – проговорил он. – Я даже самому себе не сумею пересказать это, хоть и видел все. Это чувство будущего... контролировать его я не могу. Оно просто происходит со мной, случается – и все. Ближайшее будущее – где-то на год вперед – я как-то различаю... оно похоже на... дорогу. Путь. Как Центральный проспект у нас, на Каладане. Кое-чего я не вижу... мест, скрытых в тени... словно дорога уходит за холм (тут он вновь подумал о вьющейся на ветру палатке) ... и у нее есть развилки...

Он замолчал – вновь на него нахлынуло ощущение видения. Не пророческий сон, не ощущение жизни, расширяющейся во все стороны подобно сброшенной звездной оболочке, раздвигающей ткань времени...

Джессика нащупала регулятор флуоресцентной полосы.

Тусклый зеленоватый свет отодвинул тени, уменьшил ее страх. Она увидела лицо Пола, его глаза, обращенные внутрь. Джессика вспомнила, где видела похожие лица: на записях, сделанных в районах бедствий, на лицах детей, страдающих от голода или от страшных ран. Глаза словно ямы, узкая прорезь сжатых губ, запавшие щеки.

«Так выглядят люди, узнавшие о чем-то страшном... например, те, кого заставили осознать свою смертность», – подумала она. Да, он действительно больше не ребенок.

Но тут она начала понимать, что означают его слова, и это вытеснило из ее головы все прочее. Пол видел будущее – он видел путь к спасению!..

– Значит, мы можем скрыться от Харконненов! – выдохнула она.

– Харконнены, – хмуро усмехнулся он. – Выбрось из головы этих... душа каждого человека в их Доме искажена, весь их Дом – нарушение заповеди «не искази душу...».

Он внимательно рассматривал лицо матери, освещенное флуоресцентной полоской книги. Ее черты говорили многое.

– Почему ты сказал «каждого человека», или ты забыл, чему научила тебя Пре...

– А ты уверена, что знаешь, где проводить границу, и можешь определить, кто – человек, а кто нет? – прервал он ее. – Мы несем с собой свое прошлое. И, мать моя, есть нечто, чего ты не знала и должна узнать – и мы тоже Харконнены, ты и я.

С ее разумом случилось что-то пугающее: он будто отключился, как будто пытался отгородиться от внешнего мира. Но голос Пола неумолимо звучал, увлекая ее за собой:

– Когда тебе придется снова увидеть зеркало, рассмотри внимательно свое лицо – а пока посмотри на меня. Родовые черты видны достаточно ясно, если только ты не будешь закрывать на них глаза. Посмотри на мои руки, на мое сложение. Ну а если это тебя не убеждает – поверь мне на слово. Я был в будущем, я видел там записи, некое место... у меня есть все данные. Мы – Харконнены.

– Побочная ветвь, наверно? – с надеждой спросила она. – Отошедшая от их Дома? Так ведь, правда?... Какой-нибудь двоюродный...

– Ты – дочь самого барона, – сказал он. Джессика зажала руками рот, а он продолжил: – Барон в молодости был весьма падок на удовольствия; и как-то раз он дал себя соблазнить. Но соблазнила его не кто-нибудь, а одна из сестер Бене Гессерит, одна из вас – для вашей генетической программы.

Его слова «одна из вас» прозвучали как пощечина. Но они подхлестнули ее разум – и, оценив полученную информацию, она не могла опровергнуть сына. Теперь многое стало ясно в ее собственном прошлом, разорванные концы сошлись, многое стало на свои места. Ее дочь, которую требовал от нее орден Бене Гессерит, была нужна вовсе не для прекращения старой вражды Атрейдесов и Харконненов. Ее рождение должно было закрепить некий генетический фактор, полученный в двух этих линиях... Да, но какой фактор? Она пыталась найти ответ – но не могла.

Словно читая ее мысли, Пол сказал:

– Они думали, что так получают *меня* поколение спустя. Но я – не то, чего они ожидали. И я пришел прежде времени. И они не знают этого.

И снова Джессика зажала руками рот.

Великая Мать! Да он же... Квисатц Хадерах!

Ей казалось, что она стоит перед ним нагая – а он пронизывает ее взглядом, от которого почти ничто не скроется. В этом, поняла она, и была причина ее страха.

– Ты думаешь, что я – Квисатц Хадерах, – произнес он. – Выбрось это из головы. Я – нечто иное. Нежданное и непредусмотренное.

«Я обязана сообщить об этом в одну из школ, – пронеслось у нее в голове. – Надо изучить Брачный Индекс, может быть, тогда станет ясно, что произошло...»

– Но они не узнают обо мне, пока не станет слишком поздно, – спокойно сказал он.

Она попыталась отвлечь его. Опустила руки, спросила:

– Мы найдем убежище среди фрименов?

– У фрименов есть поговорка, которую они приписывают Шай-Хулуду, Старому Отцу-Вечности, – ответил он. – Так вот, они говорят: «Будь готов принять то, что дано тебе испытать».

И подумал: «Да, мать моя. Среди фрименов. И станут глаза твои – синими, и будет подле твоего прекрасного носа мозоль от трубки носового фильтра дистикомба... и ты родишь мою сестру – святую Алию, Деву Ножа».

– Но... если ты – не Квисатц Хадерах... – проговорила Джессика, – то...

– Ты этого не знаешь, – кивнул он. – И не поверишь, пока не увидишь сама...

И мысленно ответил: «Я – семья».

Внезапно он понял, как плодородна земля, в которую упало это семя. И когда он понял это, то чувство ужасного предназначения вновь охватило его, просочившись сквозь пустоту в его душе. И он едва не задохнулся от горя.

Во время прозрения он увидел перед собой в будущем два главных пути. На одном ему предстояло сойтись лицом к лицу с черным бароном; они сталкивались, и Пол приветствовал его: «Привет, дед». Но от мысли об этом пути и том, что лежало перед ним на этом пути, ему стало дурно.

Второй же путь... Безвестность и существование во мраке – мраке, над которым вставали огненные пики насилия, – вот что лежало на том пути. Он увидел новую религию, религию воинов, увидел огонь, охватывающий Вселенную, видел черно-зеленое знамя Атрейдесов, реющее над легионами фанатиков, опьяненных меланжевым ликером. Среди них были Гурни Халлек и горстка людей его отца – увы, ничтожная горстка! – и каждый идущий под этими знаменами отмечен знаком ястреба из храма-усыпальницы его отца, Усыпальницы Головы Лето.

– Этим путем я идти не могу, – пробормотал он. – А старые ведьмы из этих твоих школ этого именно и хотят...

– Я не понимаю тебя, Пол, – жалобно сказала Джессика. Он не ответил, думал о семени – о себе, – думал, как это семя, думал и чувствовал новым сознанием – сознанием расы, которое впервые ощутил как ужасное предназначение. Оказывается, он более не мог ненавидеть ни Бене Гессерит, ни Императора, ни даже Харконненов. Все они служили потребности расы обновить застоявшуюся кровь, освежить наследственность, смешать и переплести генетические линии в одном великом море... А для этого раса знала лишь один путь, древний, испытанный, надежный и сметающий все на своем пути. Джихад.

«Но я не могу идти этим путем!...» – в отчаянии подумал он.

И тут вновь он увидел внутренним взором усыпальницу головы своего отца и безумие насилия, осененное черно-зеленым знаменем.

Джессика кашлянула, обеспокоенная его долгим молчанием.

– Так... дадут нам фримены убежище?

Он поднял взгляд, посмотрел сквозь зеленоватый полумрак палатки, освещенный люминофором книги, на ее лицо – патрицианские черты, отмеченные знаками вырождения, вызванного эндогамными браками.

– Да, – сказал он. – Есть и такая возможность. – Он кивнул. – Да. И они назовут меня... Муад'Диб и «Сокращающий путь». Да... они будут звать меня так.

И он закрыл глаза и подумал: «Теперь, о мой отец, я могу наконец оплакать тебя». И почувствовал слезы на своих щеках.

Книга II

Муад'Диб

Когда Падишах-Император, мой отец, узнал о гибели герцога Лето и о том, как именно он погиб, он пришел в такой гнев, в каком мы никогда его не видели ранее. Он обвинял мою мать и навязанное ему соглашение, обязавшее его возвести на трон сестру Бене Гессерит; обвинял Гильдию и старого негодяя барона – обвинял всех, кто ему попался на глаза, не исключая и меня. Он кричал, что и я такая же ведьма, как и все прочие. Когда же я попыталась успокоить его, упирая на то, что это было сделано согласно древним правилам самосохранения, которым правители следовали с древнейших времен, он лишь фыркнул и спросил, уж не считаю ли я его слабым правителем, нуждающимся в такой защите. И тогда мне стало ясно, что не сожаление о гибели герцога так взъярило его, а мысль о том, чем могла обернуться для него эта гибель...

Вспоминая сейчас об этом, я думаю, что и мой отец мог обладать некоторым даром предвидения – ибо очевидно, что и его род, и род Муад'Диб имеют близкую наследственность, восходя к единому корню.

Принцесса Ирулан. «В доме моего отца»

– И вот время Харконнену убить Харконнена, – прошептал Пол.

Он проснулся на закате, в темном, герметически закрытом диститенте.

Он услышал, как от его шепота пошевелилась мать у противоположной стенки палатки.

Пол посмотрел на детектор близости на полу, чьи циферблаты подсвечивались в темноте зеленоватым светом люминофорных трубок.

– Скоро ночь, – проговорила мать. – Может быть, поднимешь противосолнечные экраны?

Только теперь Пол понял, что уже некоторое время она дышит по-иному, не так, как во сне, – значит, молча лежала во тьме, пока не убедилась, что он проснулся.

– Экраны здесь ни при чем, – отозвался он. – Была буря. Палатку занесло песком. Скоро я ее раскопаю.

– Значит, Дункан не прилетел.

– Нет.

Пол рассеянно потерял герцогский перстень (он носил отцовский знак на большом пальце – великоват), и вдруг его охватила дрожь яростной ненависти к этой планете, к самой ее сущности. Эта планета помогла убить его отца.

– Я слышала, как началась буря, – сказала Джессика.

Бессодержательность ее слов помогла Полу немного успокоиться. Он вспомнил начало бури – он наблюдал его сквозь прозрачную стенку палатки. Сначала, будто холодный дождь, застучали песчинки по поверхности котловины, зазмеились песчаные вихорьки по земле, потом от них замутилось небо, стеной упал песчаный ливень. Он увидел, как меняется форма каменного шпиля напротив – стремительный порыв бури в одно мгновение засыпал его, превратив в низкий желтоватый курган. Ворвавшись в котловину, песок затянул небо тускло-бурым пологом – а затем палатку засыпало, и настала темнота.

Опорные дуги палатки скрипнули, приняв на себя вес песка, затем наступила тишина, нарушаемая лишь глухими свистящими вздохами помпы шноркеля, подававшего воздух с поверхности в диститент.

– Попробуй опять приемник, – предложила Джессика.

– Бесполезно, – ответил Пол.

Он нащупал водяную трубку, удерживаемую зажимом у воротника, глотнул теплой воды и подумал, что теперь начинается по-настоящему арракийская жизнь. Жизнь, зависящая от

восстановленной воды, собранной из выделений тела... вода была совершенно безвкусной, но смягчила пересохшее горло.

Джессика услышала, как он пьет, почувствовала, как липнет к коже скользкая ткань дистикомба, но не поддавалась своей жажде. Признать ее – значило окончательно проснуться к суровой реальности Арракиса, где приходится беречь каждую каплю влаги, собирать ничтожное количество конденсата в водяные карманы диститента и жалеть о каждом выдохе в открытый воздух...

Насколько легче было бы вновь ускользнуть от реальности в сон!..

Но сегодня днем она видела иной сон... до сих пор, вспоминая его, она вздрагивала. Ей снилось, что она подставляет руки струящемуся песку, а песок сыплется, сыплется и заносит начерченное на песке имя: Герцог Лето Атрейдес. Она хочет поправить имя, но не успевает – первую букву засыпает прежде, чем она прочерчивает последнюю.

И песок все течет, все сыплется...

Сон завершился плачем-причитанием, который становился все громче и громче. Странный плач: какая-то часть разума осознала, что это ее собственный голос – но детский, почти младенческий. От нее уходила какая-то женщина, чьи черты ускользали из памяти.

«Моя неизвестная мать, – поняла Джессика. – Та сестра Бене Гессерит, которая выносила меня и отдала меня Ордену – потому что так ей приказали. Интересно, радовалась ли она, что отделалась от харконненского ребенка?..»

– Их слабое место – Пряность, – проговорил Пол. – По ней и надо бить.

«Как он может *сейчас* думать об атаке?» – поразила ее.

– Здесь вся планета – сплошной склад Пряности, – возразила она. – Как здесь бить, куда?

Было слышно, как он завозился, потянул к себе по полу рюкзак.

– На Каладане это была власть на море и в воздухе – сила воздуха и сила моря. Здесь это должна быть власть в Пустыне и сила Пустыни. И ключ к ней – фримены.

Последние слова донеслись уже от сфинктерного клапана входа. Тренированное ухо Бене Гессерит слышало в его голосе горечь, направленную против матери.

«Всю жизнь его учили ненавидеть Харконненов, – подумала она. – И вот он узнает, что сам он – тоже Харконнен... из-за меня. Как же мало он меня знает! Я была единственной женщиной герцога и приняла и его жизнь, и его ценности настолько, что ради них пошла против воли Бене Гессерит...»

Пол протянул руку, включил ленточный светильник диститента, и его зеленоватый свет наполнил тесное пространство под сводом палатки. Пол сел на корточки возле входного клапана, изготовив дистикомб к выходу в открытую пустыню: капюшон надвинут на лоб, ротовой и носовой фильтры на месте. Только узкая полоска лица и темные глаза остались открытыми – сверкнули, когда он на секунду обернулся к ней.

– Приготовься – открываю. – Из-под фильтра его голос прозвучал глухо.

Джессика тоже натянула фильтр, занялась капюшоном. Пол разгерметизировал входной клапан.

Как только клапан открылся, шуршащий песок потек в палатку – прежде чем Пол успел остановить его статическим уплотнителем.

Орудая уплотнителем, Пол принялся расчищать проход – в стене песка образовалось и стало увеличиваться углубление. Он скользнул наружу – Джессика слышала, как он ползет по лазу к поверхности.

«Кто или что ждет нас наверху? – подумала она. – Харконненские солдаты и сардаукары? Хотя это – опасность, которую можно ожидать. Но есть еще и иные, неведомые...»

Она вновь подумала о статическом уплотнителе и прочих диковинных инструментах во фримпакете. И каждый из них показался ей вдруг олицетворением этих неведомых опасностей.

Затем она почувствовала дуновение ворвавшегося в палатку раскаленного воздуха с поверхности, тронувшего кожу между капюшоном и лицевым клапаном.

– Подай мне укладку, – негромко, осторожно попросил Пол. Джессика повиновалась; слышно было, как булькнула вода в литраках, когда она потянула по полу рюкзак. На фоне звезд чернел силуэт сына.

– Давай, – сказал он и, нагнувшись, принял рюкзак и вытянул его наверх.

Теперь был виден только усеянный звездами круг. Казалось, оттуда на нее нацелились сверкающие острия какого-то оружия. Внезапно этот круг ночного неба прочертили яркие штрихи метеоритного дождя. Метеориты показались ей дурным предзнаменованием – тигровые полосы на шкуре неба, леденящая кровь, сверкающая могильная решетка. И она вдруг остро ощутила, как лезвием меча нависла над ними награда, обещанная за их головы.

– Поторопись, – позвал Пол. – Я хочу убрать палатку.

Струйка песка с шелестом просыпалась на ее левую руку.

«Сколько песчинок удержит рука?» – спросила она себя.

– Помочь? – спросил Пол.

– Не надо.

Она переглотнула сухим горлом и скользнула в лаз. Песок, уплотненный электрическим полем, сухо поскрипывал под руками. Пол нагнулся в лаз, подал руку. Теперь она стояла рядом с сыном на гладком пятачке озаренной звездным светом Пустыни. Оглядевшись, Джессика увидела, что песок почти до краев наполнил впадину – лишь верхушки скал выступали над его ровной поверхностью. Напрягая свое тренированное восприятие, она вслушивалась в окружающую тьму.

Топоток и писк каких-то мелких зверушек.

Хлопанье крыльев, крик.

Шорох сыплющегося песка, движение...

... это Пол сложил диститент и вытянул его из песка.

Звезды давали ровно столько света, чтобы наполнить угрозой каждую тень. Джессика нервно покосилась на окружавшие их сгустки мрака.

«Темнота – это слепое напоминание о давно ушедших временах, – подумалось Джессике. – Вслушиваясь в нее, мы инстинктивно боимся услышать вой стаи, охотившейся некогда за нашими предками – так давно, что лишь в самых примитивных наших клетках сохранилась память об этом вое. Во тьме видят уши, видят ноздри...»

Пол приблизился, проговорил:

– Дункан сказал, что, если его схватят, он сумеет продержаться... примерно до этого времени. Не дольше. Надо уходить.

Он вскинул на плечи укладку, поднялся на низкую теперь скалистую кромку укрывшей их каменной чаши, перешел на склон, обращенный в открытую Пустыню.

Джессика механически следовала за ним – про себя она отметила, что теперь уже она следует за сыном...

«Вот, тяжелее горе мое всего песка морского, – звучало в ее голове. – Этот мир опустошил меня, отняв все, кроме одной, древнейшей цели – заботы о будущей жизни. Теперь я живу лишь для моего юного герцога и для еще не рожденной дочери...»

Она поднялась к Полу, чувствуя, как осыпается под ногами песок – словно хватает за ноги.

Пол глядел на север, туда, где за скалистыми грядками вставала далекая каменная стена.

Она напоминала древний линкор в звездном ореоле. Невидимая волна возносила длинный стремительный корпус, увенчанный бумерангами антенн, отогнутыми назад трубами, П-образной кормовой надстройкой.

Над силуэтом взметнулось оранжевое пламя. С неба вниз в это пламя ударила ослепительная пурпурная черта.

И еще одна!

И вновь оранжевый сполох бьет вверх!

Это было – словно там, вдали, шло морское сражение древних времен, словно артиллерийская канонада – и эта ужасающая картина заставила их замереть.

– Огненные столбы, – прошептал Пол.

Над далекими скалами поднялась гирлянда красных огней. Пурпурные штрихи рассекли небо.

– Это выхлопы реактивных турбин и лучеметы, – сказала Джессика.

Первая луна, красноватая из-за висящей в воздухе пыли, встала над горизонтом слева от них. Там еще виднелся хвост бури – пустыня словно кипела тучами песка.

– Похоже, это харконненские топтеры выслеживают нас с воздуха, – озабоченно проговорил Пол. – Видишь, как они прочесывают пустыню – хотят быть уверенными, что выжгли все, что там есть. Так вытапывают гнездо каких-нибудь ядовитых насекомых...

– Гнездо Атрейдесов, – пробормотала Джессика.

– Надо найти укрытие, – сказал Пол. – Пойдем на север, придерживаясь скал. Если они поймут нас на открытом месте... – Он отвернулся, подгоняя лямки рюкзака. – Они бьют по всему, что движется.

Он сделал шаг по склону – и услышал шелест скользящего в воздухе орнитоптера, увидел темные силуэты машин над ними.

* * *

Отец сказал мне однажды, что уважение к истине лежит в основе всех почти систем морали. «Ничто не возникает из ничего», – сказал он. Глубокая мысль – если только понимать, сколь изменчивой может быть «истина».

Принцесса Ирулан. «Беседы с Муад'Дибом»

– Я всегда гордился тем, что вижу вещи такими, каковы они есть, – сказал Суфир Хават. – Это – проклятие всякого ментата. Невозможно не просчитывать поступающую информацию, невозможно остановиться.

В предрассветном сумраке можно было видеть, как сосредоточено старое обветренное лицо. Губы в пятнах от сафо сжаты в узкую прямую линию, от них пролегли тяжелые складки.

На песке, напротив Хавата, безмолвно сидел на корточках человек в свободном длинном одеянии. Слова старого ментата его явно не тронули.

Оба они сидели под скалой, козырьком нависавшей над широкой и неглубокой впадиной. Рассвет уже окрасил иззубренные верхушки скал в розовый цвет. Под козырьком было холодно – здесь задержался отставший от уходящей ночи сухой, пронизывающий холодок. Перед самым рассветом дул теплый ветерок, но сейчас вновь похолодало. Хават слышал, как стучат зубами немногочисленные уцелевшие солдаты.

Человек напротив Хавата был фримен. Он пришел к Хавату чуть только забрезжил «ложный рассвет». Он скользил, словно едва касаясь песка, сливаясь с дюнами. За его движениями, скрытыми полумраком и развевающимся одеянием, невозможно было уследить.

Фримен протянул руку, пальцем начертил на песке подобие чаши с выходящей из нее стрелкой.

– Там без счета харконненских дозоров, – сказал он. Поднял палец от рисунка, ткнул в сторону скал, откуда спустился Хават со своими бойцами.

Хават кивнул.

Да, их там много.

Но он все еще не понимал, что было нужно этому фримену – и это его беспокоило. Он привык, что ментат способен определить движущие мотивы поступков.

Только что он пережил худшую ночь в своей жизни. Он был в гарнизонной городке Тсимпо, одном из буферных форпостов Карфага, бывшей столицы планеты, когда начали поступать сообщения о нападении. Сначала он подумал, что это – просто рейд, что Харконнены пробуют силы противника.

Но сообщение приходило за сообщением, и они приходили все чаще.

Два легиона высадились в Карфаге.

Пять легионов – пятьдесят бригад! – атакуют главную базу герцога в Арракине.

Один легион – в Арсунте.

Две боевые группы – в Расколотых Скалах.

Затем сообщения стали более подробными: среди атакующих – имперские сардаукары, вероятно, два легиона. И стало ясно, что врагу точно известно, сколько и куда посылать войск. Совершенно точно! У них была превосходная разведка.

Потрясение и ярость Хавата возросли настолько, что еще немного – и он, как ментат, вышел бы из строя. Масштабы атаки сами по себе были как удар.

И вот он сидит здесь, под скалой в пустыне, кивает сам себе, словно дряхлый старик, кутается в драный и изрубленный мундир, словно пытаясь спрятаться от холодных теней.

Но сколько, сколько же их!..

Он всегда допускал, что враги наймут для налета или разведки боем лихтер Гильдии. Это было бы вполне в духе подобных междоусобиц Великих Домов. Лихтеры с грузом принадлежащей Дому Атрейdes Пряности взлетали и садились на Арракисе регулярно. И разумеется, Хават принял необходимые меры на случай атаки с фальшивого лихтера. Они не предполагали, что даже в большом, массированном нападении будет участвовать больше десяти бригад.

Но, судя по последним данным, десант на Арракис был высажен более чем с двух тысяч кораблей – и не только лихтеров; на планету опускались фрегаты, разведчики, мониторы, крашеры, десантные транспорты, грузобомбы...

Больше сотни бригад – десять легионов!

Стоимость подобного предприятия едва могла бы покрыть доход Арракиса от продажи Пряности за полвека! И то не наверняка.

«Я недооценил сумму, которую барон был готов истратить на эту войну, – горько подумал Хават. – Я обманул доверие моего герцога – и погубил его!»

И оставалось еще это предательство.

«Я сумею прожить еще достаточно, – думал он, стискивая кулаки, – чтобы увидеть, как ее удавят. Надо было убить ее, когда была еще возможность. Мог – и не убил!..» – Хават не сомневался, что их предала именно леди Джессика. Слишком хорошо вписывалась она в общую картину всех известных фактов.

– Ваш Гурни Халлек и часть его людей сейчас в безопасности – у наших друзей контрабандистов, – объявил вдруг фримен.

– Это хорошо.

Значит, Халлек сумеет унести ноги с этой адской планеты. Хоть кто-то спасется...

Хават оглянулся на свой маленький отряд. Горстка! Еще ночью у него было три сотни отборных бойцов. Теперь их осталось ровно двадцать – и половина из них ранены. Некоторые спали – стоя, опершись на скалу или раскинувшись на песке у ее подножия. Их последний орнитоптер – они использовали его как экраноплан для перевозки раненых – отказал уже перед самым рассветом. Они разрезали его лучеметами на куски и зарыли их, а затем сумели все же добрести до этого укрытия на краю котловины.

Лишь приблизительно мог Хават представить, где они находятся – километров двести к юго-востоку от Арракина, а основные пути между сиегчами Барьерной Стены лежали где-то южнее.

Фримен, сидевший напротив Хавата, откинул капюшон и шапочку дистикомба, открыв песчаного цвета шевелюру и бороду. Волосы были гладко зачесаны назад с высокого лба. Непроницаемо синие глаза – как и все фримены, он потреблял много меланжи. У левого угла рта усы и борода были словно запятнаны – здесь волосы свалились, прижатые изогнутой трубкой, идущей от носовых фильтров.

Фримен вынул фильтры из ноздрей, поправил их, вставил на место и почесал шрам возле носа.

– Если собираетесь этой ночью пересечь впадину, – проговорил он, – не вздумайте включать щиты. Там, – он развернулся на пятках и махнул рукой на юг, – в Стене есть проход, а до самого эрга тянутся открытые пески. А щиты могут привлечь... – он заколебался, словно подыскивая слово, – червя. Они нечасто заходят сюда, но к работающему щиту червь придет наверняка.

«Он сказал «червь», – отметил Хават. – А хотел сказать нечто другое. Но что? И что ему от нас нужно?»

Хават вздохнул. Он даже и не помнил, когда ему приходилось так уставать. Мышцы были так измотаны, что никакие энергетические таблетки уже не помогали.

Проклятые сардаукары!

С горьким осознанием собственной вины Халлек думал о воинах-фанатиках и интриге – да нет, настоящем предательстве Императора, воплотившемся в их вторжении. Впрочем, как ментат, он понимал, что у него практически нет шансов предстать с доказательствами этого предательства перед Высшим Советом Ландсраада – а больше никто и не мог бы восстановить закон и справедливость...

– Вы хотите попасть к контрабандистам? – спросил фримен.

– А это возможно?

– Путь долг...

«Фримены не любят говорить «нет» – так сказал ему как-то Айдахо...

– Ты мне так и не сказал, – мрачно проговорил Хават, – помогут твои люди моим раненым или нет?

– Они – ранены...

Тот же проклятый ответ! Опять и опять!

– Да знаем мы, что они ранены! – вспыхнул Хават. – Это не...

– Успокойся, друг, – остерег фримен. – Что говорят сами раненые? Разве нету меж ними таких, кто понимает водную нужду племени?

– О воде мы не говорили, – сказал Хават. – Мы...

– Понимаю тебя, – кивнул фримен. – Понимаю, отчего ты не хочешь говорить об этом...

Они твои друзья и соплеменники. Но есть ли у вас вода?

– Недостаточно...

Фримен показал на мундир Хавата – сквозь прорехи виднелась опаленная кожа, – сказал:

– Вижу я, вас захватили врасплох в вашем сиегче – без дистикомбов. Значит, тебе, друг, теперь принимать Водяное решение...

– Можем мы заплатить за вашу помощь?

– У вас нет воды, – пожал плечами фримен. Он оглядел небольшую группу за спиной Хавата. – Сколькими ранеными вы можете пожертвовать?

Хават замолчал. Будучи ментатом, он чувствовал, что они, похоже, просто не понимают друг друга. Слова соединялись во фразы – но смысл ускользал. Что-то тут было не так.

– Я – Суфир Хават, – проговорил он, – и имею право говорить от имени моего герцога. Я могу дать тебе обязательство об уплате за твою помощь. И мне нужна небольшая помощь – всего-то чтобы мои люди уцелели достаточно долго, чтобы убить изменницу, полагающую ныне, что она за пределами правосудия...

– Так ты хочешь, чтобы мы приняли твою сторону в вендетте?

– С вендеттой я справлюсь и сам. Все, что мне надо, – это избавиться от ответственности за раненых, чтобы заняться этой вендеттой...

Фримен нахмурился:

– Как ты можешь отвечать за своих раненых? Они сами за себя отвечают. Ведь речь – о воде, Суфир Хават. Или хочешь ты, чтоб я сам, без тебя, принял то Водяное решение?

И фримен положил руку на скрытое под его плащом оружие. Хават напрягся. *Измена?..*

– Чего ты боишься? – спросил фримен.

«Эта мне фрименская прямота!» – подумал Хават и осторожно сказал:

– Моя голова ведь оценена...

– А-а, – отнял руку от оружия фримен. – Ты думаешь, мы продажны, как византийцы? Ты не знаешь нас. У Харконненов неостанется воды даже чтобы купить и самого малого ребенка из фрименов.

«Но у них хватило богатств, чтобы заплатить Гильдии за перевозку более чем двух тысяч боевых кораблей», – подумал Хават. Сама мысль о таких расходах ошеломила!

– Мы оба сражаемся против Харконненов, – сказал Хават. – Разве не должны мы разделять все проблемы и тяготы войны?

– А мы их и разделяем, – сказал фримен. – Я видел, как вы бились с Харконненами. Хорошо бились. В иные времена хотел бы я, чтобы ты бился плечом к плечу со мною!..

– Так скажи, где моя рука может пригодиться тебе? – горячо сказал Хават.

– Кто знает? – промолвил фримен. – Сейчас повсюду – харконненские войска... Однако ты до сих пор так и не принял Водяного решения – и не передал его своим раненым.

«Я должен быть осторожен, – напомнил себе Хават. – Я явно не понимаю чего-то важного».

– Может, – сказал он, – ты покажешь мне путь? Путь, годный для Арракиса?

– Вот мысли чужака, – с легкой насмешкой сказал фримен и показал куда-то на северо-запад, за скальные вершины. – Мы же видели, как пришли вы ночью через пески. – Он опустил руку. – Вот ты расположил своих людей на сыпучем склоне дюны. А это – плохо. У вас нет ни дистикомбов, ни воды. Вам долго не продержаться.

– Да, нелегко дается жизнь на Арракисе, – признал Халлек.

– То правда. Но мы все же убивали Харконненов!

– А что вы делаете со своими ранеными? – напрямую спросил Хават.

– Разве не знает настоящий человек, когда его стоит спасать и когда нет? – поднял брови фримен. – Ведь твои раненые знают, что у вас нет воды. – Он повернул голову, искоса взглянул на Хавата. – Пришло время Водяного решения... И раненые, и здоровые должны теперь подумать о судьбе всего племени, о его будущем.

«Будущее племени, – подумал Хават. – Будущее племени Атрейдесов! А ведь в этом есть смысл...»

Он наконец заставил себя задать вопрос, которого избегал до сих пор. Боялся задать.

– Ты знаешь что-нибудь о моем герцоге – или о его сыне?

Непроницаемые синие глаза снизу вверх посмотрели в глаза Хавата.

– Что-нибудь?

– Какова их судьба?! – почти крикнул Хават.

– Судьба у всех одна, – неторопливо ответил фримен. – Герцог твой, говорят, уже принял ее. А что до Лисан аль-Гаиба, его сына... его судьба – в руках Лиета. А Лиет не сказал еще.

«Я мог и не спрашивать – я знал это и так». Он вновь взглянул на своих людей. Они уже все проснулись. И все слышали. Они смотрели вдаль, на пески, и по их лицам видно было, что они поняли: на Каладан возврата нет, а теперь потеряны и Арракис.

Хават повернулся к фримену:

– А о Дункане Айдахо ты знаешь что-нибудь?

– Он был в Большом доме, когда отключился ваш щит, – ответил тот. – Это я знаю... но и только.

«Да, она отключила щит – ипустила Харконненов, – билось в голове у Хавата. – Я – я! – сидел спиной к двери! Но как могла она совершить это – когда это должно было повернуться и против ее сына?.. Но... кто поймет мысли гессеритской ведьмы... если их можно назвать человеческими мыслями...»

Хават попытался сглотнуть – горло пересохло.

– А о мальчике... когда ты узнаешь хоть что-нибудь о мальчике?

– Мы слишком мало знаем о том, что делается сейчас в Арракине, – не спеша ответил фримен. – Кто знает?..

– Но вы сможете узнать?..

– Возможно. – Фримен почесал рубец возле носа. – Скажи мне теперь, Суфир Хават: знаешь ли ты что-либо о большом оружии, которым пользовались Харконнены?

«Артиллерия, – горько подумал Хават. – Ну кто мог подумать, что они вспомнят о пушках в наш век силовых щитов?!»

– Ты говоришь об артиллерии, с помощью которой они засыпали в пещерах наших бойцов, – проговорил он. – Я знал о подобном оружии со взрывчатыми снарядами... теоретически.

– Кто укрылся в пещере, имеющей лишь один выход, заслуживает смерти, – отрезал фримен.

– Но зачем ты спрашиваешь об этом оружии?

– Так угодно Лиету.

«Это – то, что ему от нас нужно?» – подумал Хават. И вслух:

– Так ты пришел к нам за информацией о больших пушках?

– Лиет пожелал сам увидеть такое оружие.

– Чего же проще, – хмыкнул Хават. – Захватите одну пушку.

– Да, – кивнул фримен. – Мы и захватили. Спрятали ее там, где Стилгар сможет изучить ее для Лиета – и где Лиет сможет сам осмотреть ее, коль скоро будет на то его воля. Впрочем, не думаю я, что Лиету это будет интересно: неважное оружие. Не самая лучшая конструкция для Арракиса.

– Вы... *захватили* пушку?! – не веря своим ушам, переспросил Хават.

– Ну да, – ответил фримен спокойно. – Добрая была сеча. Мы потеряли лишь двоих, зато пустили воду, пожалуй, сотне их бойцов.

«Да ведь при каждой пушке были *сардаукары*! – мысленно закричал Хават. – А этот безумец из пустыни запросто говорит, что они потеряли лишь двоих – и это против сардаукаров!..»

– Мы бы и тех двоих не потеряли, – заметил фримен, словно читая его мысли, – если бы не те, другие, что дрались за Харконненов. Среди них были отменные бойцы!

Один из людей Хавата подошел, припадая на раненую ногу, взглянул сверху вниз на сидящего на корточках фримена:

– Ты говоришь о *сардаукарах*?!

– Он говорит именно о сардаукарах, – устало кивнул Хават.

– Сардаукары, вот как! – сказал фримен, и в голосе его, кажется, зазвучало недоброе веселье. – Ага! Вот, значит, каковы они. Да, добрая выдалась ночь. Сардаукары, скажи-ка! А какой легион? Вы знаете?

– Нет... не знаем, – ответил Хават.

– Сардаукары, – задумчиво пробормотал фримен. – А в харконненской форме! Вот странно, а?

– Значит, Император не хочет, чтобы знали, что он выступил против Великого Дома.

– Но *вы-то* знаете, что это – сардаукары.

– Да кто я такой? – горько спросил Хават.

– Ты – Суфир Хават, – спокойно напомнил фримен. – Ну что ж, мы бы это и так узнали в свое время: мы уже послали троих пленных к Лиету, чтобы его люди допросили их.

Адъютант Хавата медленно переспросил, не веря своим ушам:

– *Вы... взяли в плен сардаукара?!*

– Только троих, – отмахнулся фримен. – Очень уж хорошо дерутся.

«Ах, если б у нас было время привлечь на свою сторону фрименов! – горько подумал Хават. – Если б мы успели обучить и вооружить их!.. Великая Мать, какое войско б у нас было!..»

– Может, ты откладываешь решение, беспокоясь из-за Лисан аль-Гаиба? – спросил фримен. – Если так, то знай, что не будет ему вреда ни от кого и ни от чего, коль скоро он и впрямь Лисан аль-Гаиб. Итак, не думай пока о том, чему нет свидетельства.

– Я служил... Лисан аль-Гаибу, – проговорил Хават. – Его безопасность, конечно, заботит меня: ведь я присягал ему!

– Присягал на его воде?

Хават бросил взгляд на своего адъютанта, все еще недоверчиво разглядывающего фримена, и вновь повернулся к сидящему перед ним.

– Да, на его воде.

– Ты хочешь вернуться в Арракин – в место его воды?

– В... да. В место его воды.

– Так что ж ты не сказал сразу, что это – дело воды?.. – Фримен поднялся, плотнее вставил фильтры в нос.

Хават кивком велел адъютанту вернуться к остальным. Тот, устало пожав плечами, подчинился. Хават услышал, что бойцы принялись негромко обсуждать происходящее.

– К воде, – заявил фримен, – путь есть всегда.

Кто-то выругался за спиной Хавата.

– Суфир! – крикнул адъютант. – Арки умер.

Фримен прижал к уху кулак:

– Это знак! Союз воды!.. – Он прямо взглянул на Хавата: – Поблизости у нас есть место для приятия воды. Так я зову моих людей?..

Адъютант подошел к Хавату.

– Суфир, у пары наших остались жены в Арракине. Они... Ну да ты понимаешь, каково им теперь...

Фримен все еще держал сжатый кулак у уха.

– Так что же, Суфир Хават, – Союз воды? – требовательно переспросил он.

Мозг Хавата лихорадочно работал. Сам он уже понял, что скорее всего имел в виду фримен, но боялся того, как прореагируют скучившиеся под скальным козырьком люди, когда и они поймут смысл происходящего...

– Союз воды, – наконец сказал он решительно.

– Да соединятся наши племена, – отозвался фримен, опуская кулак.

Словно по сигналу, к ним скользнули со скалы еще четверо фрименов, метнулись под козырек, завернули тело во что-то вроде савана, подняли его и бегом понесли вдоль скальной стены, направо. Их ноги вздымали клубы пыли. Все было кончено раньше, чем кто-либо из измученного отряда Хавата сумел сообразить, что происходит. Четверка, несущая, будто мешок, завернутый в ткань труп, скрылась за поворотом скальной стены.

Один из бойцов Хавата наконец опомнился:

– Эй, что это они делают с Арки?! – крикнул он. – Он же был...

– Они унесли его... чтобы похоронить, – сказал Хават.

– Фримены не хоронят своих мертвецов! – рявкнул боец. – С нами твои шутки не пройдут, Суфир! Мы-то знаем, что они делают! А Арки был один из...

– Рай обещан погибшему за дело Лисан аль-Гаиба, – произнес фримен. – Коли вы служите Лисан аль-Гаибу, как сами то сказали, к чему здесь крики скорби? Память об умершем такой смертью сохранится, доколе жива вообще людская память!

Но люди Хавата подступили к фримену, и их лица не сулили ничего доброго. Один из них даже схватился за лучемер, отнятый в бою с врагом.

– Стоять! – рявкнул Хават. Впрочем, он и сам с трудом подавлял слабость в мышцах, поднявшуюся при мысли о... – Эти люди с почтением относятся к нашим убитым. Обычаи у всех разные, а смысл один!

– Да они же хотят выжать из Арки всю воду! – возмущенно крикнул человек с лучемером.

– Твои люди хотят присутствовать при церемонии? – осведомился фримен.

«Он даже не понимает, в чем дело!» – подумал Хават почти с отчаянием. Наивность фримена была просто пугающей.

– Они беспокоятся о своем мертвом товарище – он пользовался большим уважением, – объяснил Хават.

– Разумеется, мы отнесемся к вашему товарищу с тем же уважением, как если бы он был одним из нас, – кивнул фримен. – Меж нами – Союз воды. Мы знаем и блюдем обычаи. Плоть человека принадлежит ему самому, вода – племени.

Поспешно – потому что боец с лучемером подошел еще на шаг – Хават спросил:

– Теперь вы поможете нашим раненым?

– О чем спрашивать – или не заключен Союз воды? – удивился фримен. – Мы сделаем для вас все, что делает племя для своих. Прежде всего дадим вам дистикомбы и все самое необходимое.

Человек с лучемером заколебался.

Адъютант Хавата спросил:

– Мы что, покупаем помощь за... воду Арки?

– Мы ничего не покупаем, – отрезал Хават. – Мы присоединяемся к их племени.

– У всех – свои обычаи... – пробормотал кто-то. Хават позволил себе слегка расслабиться.

– А они помогут нам добраться до Арракина?

– Мы будем бить Харконненов, – ответил фримен. Ухмыльнулся и добавил: – И сардаукаров.

Он отступил на шаг, приставил согнутые ладони к ушам и откинул голову, прислушиваясь. Опустил руки, сказал:

– Орнитоптер. Спрячьтесь под скалу и не шевелитесь.

Хават махнул рукой, и его люди поспешили выполнить приказ. Фримен взял Хавата за руку, подтолкнул его к остальным:

– Сражаться будем, когда придет время войне, время битве.

Он пошарил под плащом, достал небольшую клетку и вынул из нее маленькое крылатое создание.

Хават узнал в нем крошечного нетопыря. Тот повернул голову – на Хавата глянули сплошь синие глаза. Как у фримена.

Фримен погладил зверька, успокаивая и, кажется, напевая что-то. Наклонил над ним голову и уронил с языка каплю слюны в открытый рот нетопыря. Нетопырь расправил крылья, но не взлетел с раскрытой ладони хозяина. Тогда фримен вынул маленькую трубочку, поднес

ее к голове нетопыря и проговорил что-то в эту трубочку. Потом поднял создание на ладони, подкинул в воздух.

Нетопырь бесшумным зигзагом метнулся вдоль скальной стены и пропал из глаз.

Фримен сложил клеточку и снова запрятал под плащ. Вновь склонил вбок голову, прислушиваясь.

– Прочесывают плоскогорье по квадратам, – сообщил он. – Интересно, кого они ищут?..

– Они знают, в каком направлении мы отходили, – ответил Хават.

– Никогда не нужно думать, будто охотятся только за тобой одним, – покачал головой фримен. – Взгляни-ка на тот край котловины. Увидишь кое-что любопытное.

Время шло.

Кое-кто из людей Хавата начал шевелиться и перешептываться.

– Замрите и молчите, как испуганные животные! – прошипел фримен.

В этот момент Хават уловил на дальнем конце котловины движение – мелькающие облачка, рыже-бурые на рыже-буром.

– Мой маленький дружок доставил свое сообщение, – сказал фримен. – Он прекрасный гонец, что днем, что ночью. Жаль было бы потерять его.

Движение вдали замерло. На всем четырех-пятикилометровом пространстве раскаленного песка теперь не двигалось ничего – лишь колеблющиеся столбы горячего воздуха поднимались над этой огромной сковородкой.

– Ни звука теперь! – шепотом предупредил фримен.

Из пролома в противоположной стене вышла тяжелой поступью вереница темных фигур. Они шли прямо через котловину. Хавату они показались фрименами... только больно уж неуклюже шел их отряд по песку. Он насчитал шестерых, бредущих по дюнам.

Сверху-справа-сзади послышалось мерное хлопанье крыльев орнитоптера. Машина показалась над ними из-за скального гребня, это был орнитоптер из воздушного флота Атрей-десов, наспех перекрашенный в боевые цвета Харконненов, с намалеванными баронскими эмблемами. Топтер по плавной дуге снизился к идущим по дюнам.

Фигурки на гребне дюны остановились, замахали руками.

Топтер сделал круг над ними и по крутой спирали сел, подняв клубы пыли, прямо перед фрименами. Из него выскочили пятеро – Хават увидел мерцание отталкивающих пыль щитов, узнал в движениях этих людей жесткую ловкость сардаукаров.

– Айе! На них эти идиотские щиты! – прошипел фримен над ухом Хавата. Он смотрел в сторону открытой южной стены впадины.

– Это сардаукары, – шепнул Хават.

– Хорошо!..

Сардаукары приближались, беря неподвижную группку фрименов в полукольцо. Солнце сверкало на клинках. Фримены же стояли рядом, словно бы не замечая приближающегося противника.

И вдруг из песка вокруг обеих групп взметнулись, словно выброшенные взрывом, фримены. Вот они у орнитоптера – вот в нем... Фигурки сошлись на гребне дюны, и пыльное облако скрыло их.

Наконец пыль осела. На песке остались стоять лишь фримены.

– Они оставили в топтере лишь троих, – сказал фримен. – Нам повезло. Думаю, нам удалось захватить машину неповрежденной.

Позади кто-то прошептал, пораженный:

– Но это ведь были *сардаукары*!..

– Ты тоже заметил, как они хорошо бились? – спросил фримен.

Хават сделал наконец глубокий вдох, ощутил опаленную пыль, жару, сушь. Голосом под стать этой суши он выговорил:

– Да, они хорошо дрались. Очень.

Захваченный топтер взлетел, резко взмахнув крыльями, и пошел на юг, поднимаясь по крутой дуге.

Значит, этим фрименам и топтер не в диковинку, отметил для себя Хават.

С далекой дюны фримен махнул квадратным зеленым флажком: раз и два.

– Еще летят! – крикнул фримен. – Ну, приготовьтесь. Я надеюсь, мы уйдем без новых неудобств.

«Неудобств!» – саркастически хмыкнул Хават, но ничего не сказал вслух.

Он увидел еще два топтера – они шли высоко, но теперь резко снизились, хотя на песке, как вдруг оказалось, больше не было ни одного фримена. Лишь восемь синих мазков – тела сардаукаров в харконненской форме – остались на месте недавней схватки.

Еще один орнитооптер прошел над скалой прямо над головой Хавата. Тот даже дыхание задержал при виде его – это был большой транспортно-десантный корабль. Он летел медленно, широко распахнув огромные крылья. Идет с полной нагрузкой – точно гигантская птица, возвращающаяся в свое гнездо.

С одного из снижающихся орнитооптеров ударил пурпурный лазерный луч, чиркнул по песку.

– Труссы!.. – проскрежетал фримен.

Транспортный орнитооптер опустился возле неподвижных синих фигурок. Его крылья полностью раскрылись, забили – аппарат старался мгновенно сбросить скорость и сесть.

Вдруг внимание Хавата привлекла вспышка света на юге – там блеснул в солнечных лучах металл. Это пикировал на турбинах, полностью сложив крылья, еще один аппарат. На фоне темного серебристо-серого неба расплавленным золотом светились реактивные струи. Словно серебряная стрела, мчался он к транспортнику, щит на котором был снят из-за вонючих огнем лучеметов.

Топтер врезался в транспортную машину.

Котловина вздрогнула от взрыва. Со скальных стен покатались камни. Огненный гейзер ударил в небо оттуда, где только что были две машины, а сейчас бушевало пламя.

«Это был фримен, взлетевший в захваченном топтере, – пронеслось у Хавата. – Он пожертвовал собой, чтобы уничтожить вражеский транспортник. Великая Мать, что за люди эти фримены».

– Разумный обмен, – прокомментировал фримен. – В транспорте было, наверно, человек триста. Ну, теперь надобно распорядиться насчет их воды – и подумать, как захватить другой орнитооптер.

Он уже вышел было из укрытия под скалой, как вдруг прямо перед ним со скал посыпались в замедленном падении, поддерживаемые силовыми поясами, люди в синей форме Харконненов. Спустя мгновение Хават понял, что это – сардаукары, успел разглядеть выражение боевой ярости, застывшее на жестких лицах, успел заметить, что на них нет щитов и у каждого в одной руке – нож, в другой – станнер.

Брошенный нож вонзился прямо в горло фримену – недавнему собеседнику Хавата, и тот упал лицом вниз. Хават успел только выхватить свой нож, но в этот миг в него вонзилась игла станнера – и мир вокруг исчез.

* * *

Да, Муад'Диб действительно мог видеть будущее, однако вы должны понять, что у этого его дара были границы. Сравните это со зрением: у вас есть глаза, но без света вы ничего не увидите. Находясь на дне ущелья, вы не увидите ничего за его пределами. Точно так же и Муад'Диб не всегда мог по собственной воле заглядывать в таинственную страну будущего.

Муад'Диб учит нас: единое лишь неверное решение в пророчестве или неверный выбор единого лишь слова могут полностью изменить и самое будущее. Он говорит: «Широко в видении время, будто врата; но когда проходишь сквозь это видение – оно становится лишь узкой дверью». И он всегда отвергал искушение избрать ясный и спокойный путь, предупреждая: «...ибо такой путь ведет вниз, к застою».

Принцесса Ирулан. «Арракис Пробуждающийся»

Когда из тьмы над ними выплыли, планируя, орнитоптеры, Пол схватил мать за руку:

– Не шевелись! – почти крикнул он.

Но тут он увидел в лунном свете ведущую машину – то, как она сложила, приземляясь, крылья, ловкое, пожалуй, даже лихое движение рук пилота под колпаком.

– Это Айдахо, – выдохнул он.

Орнитоптеры спустились в котловину, словно птицы в гнездо. Еще не улеглась поднятая ими пыль, а Айдахо уже выскочил из кабины и мчался к ним. За ним скользили две фигуры в свободных фрименских одеждах. Одного Пол узнал – высокий, с бородой цвета песка, – Кинес.

– Сюда! – крикнул Кинес, поворачивая налево.

За его спиной другие фримены набросили на орнитоптеры маскировочные полотнища. В одну минуту машины превратились в гряды невысоких барханов.

Айдахо с разлету замер перед Полом, отдал честь:

– Милорд, поблизости отсюда у фрименов есть временное убежище, где мы можем...

– А там что такое? – перебил Пол, показывая за дальние холмы, где все еще сверкали огни дюн и секущие пустыню пурпурные лазерные лучи.

На круглом, спокойном лице Айдахо мелькнула нечастая на нем улыбка.

– Милорд... сир, я приготовил для них небольшой сюрп...

Слепящее белое пламя озарило Пустыню. Яркое, как солнце, отбросившее на камень окружающего котловину гребня резкие тени. В один миг Айдахо, схватив Пола за руку, а Джессика – за плечо, столкнул их со скалы вниз, на песок котловины. Они распростерлись на песке, а над ними прокатилась рокошущая волна, сотрясая скалу, откуда они только что так стремительно спустились. Посыпались каменные обломки.

Айдахо сел, стряхивая с себя песок.

– Слава богу, это не наше фамильное ядерное... – проговорила Джессика. – Я-то было уже подумала...

– Так ты подсунул им включенный щит! – догадался Пол.

– И пребольшой, притом включенный на максимум! – радостно сообщил Айдахо. – Как только луч его задел... – Он развел руками.

– Субатомный синтез, – кивнула Джессика. – Опасное оружие!

– Какое оружие, миледи, – просто защита. Эти поганцы впредь дважды подумают, прежде чем опять нажмут спуск лучемета!..

К ним подошли фримены, прилетевшие вместе с Айдахо. Один из них негромко сказал:

– Друзья, нам надо укрыться.

Пол вскочил на ноги, а Айдахо помог встать Джессике.

– Этот взрыв, уж можно не сомневаться, привлечет к себе внимание, сир! – сказал Айдахо.

«Сир», – повторил про себя Пол.

Это слово так странно звучало, когда относилось к нему... «Сиром» всегда называли отца!

И опять он ощутил, как коснулось его чувство грядущего. Увидел себя, зараженного сознанием дикого народа, толкающего населенную людьми Вселенную к хаосу. Это видение

столь потрясло Пола, что Айдахо пришлось вести его вдоль края котловины к скальному выступу, где фримены уже вкапывались в песок с помощью своих статических уплотнителей.

– Позвольте ваш рюкзак, сир, – сказал Айдахо.

– Мне не тяжело, Дункан.

– У вас нет щита, – настаивал тот. – Возьмите мой. – Он оглядел далекие скалы. – Не думаю, чтобы кто-нибудь опять принялся палить из лучеметов поблизости.

– Оставь щит себе, Дункан. Твоя правая рука – куда лучшая защита для меня.

Джессика, видя, как подействовала похвала, как Айдахо придвинулся ближе к Полу, подумала: «Как, однако, уверенно обращается с людьми мой сын!»

Фримен отодвинул камень, закрывавший лаз вниз, в скальное основание пустыни. Сверху вход прикрыли маскировочным полотнищем.

– Сюда, – сказал один из фрименов и повел их вниз, во тьму, по крутым каменным ступеням.

Полотнище за спиной закрыло от них солнечный свет. Впереди загорелся другой – тусклый зеленоватый, озарив ступени, каменные стены, поворот налево. Теперь со всех сторон беглецов окружали фримены, которые слегка подталкивали их, словно торопясь укрыться. Они повернули, и перед ними открылся еще один марш лестницы, который привел в пещеру с грубо обтесанными стенами.

Кинес подошел, откинул капюшон джуббы. В зеленом свете маслянисто поблескивал высокий ворот дистикомба. Его длинные волосы и борода были в беспорядке. Синие, без капли белизны, глаза казались черными под густыми бровями.

В это мгновение Кинес думал: «Зачем помогаю я этим людям? За всю жизнь я не делал ничего опаснее – и это может обречь меня на смерть вместе с ними...»

Он в упор посмотрел на Пола. Перед ним стоял мальчик, только что вступивший в мужество, мальчик, прячущий скорбь и отбросивший все, кроме того, что он должен был принять на свои плечи, – герцогский титул и все, что с ним связано. И Кинес вдруг понял, что герцогство Атрейдесов все еще существует – и лишь благодаря этому подростку. И от этого нельзя было просто отмахнуться...

Джессика обежала взглядом пещеру, отмечая, как учит Бене Гессерит, все, что можно отметить. Лаборатория, и явно не военная. Все какое-то квадратное, сплошные углы и плоскости – на старинный манер.

– Вот, значит, одна из Имперских Экологических Испытательных Станций, которые отец хотел получить в качестве своих передовых баз, – сказал Пол.

«Отец хотел получить, – повторил про себя Кинес и снова поразился тому, что делает. – Не сглупил ли я, помогая им? Зачем я это делаю? Сейчас было бы так просто схватить его и купить за него союз с Харконненами...»

Следуя примеру матери, Пол обвел взглядом помещение, отметив длинный рабочий стол, унылые каменные стены. На столе расставлены приборы – шкалы светятся, тускло отсвечивают экраны из металлической сетки, от которых отходят стеклянные трубки. Запах озона наполнял пещеру.

Несколько фрименов ушли куда-то за угол, и оттуда раздались новые звуки – закашлял двигатель, загудели, раскручиваясь, приводные ремни и редукторы.

В дальнем конце пещеры Пол разглядел ряды клеток с какими-то маленькими зверушками в них.

– Ты верно угадал, что это за место, – обратился к нему Кинес. – Но скажи, а как бы ты распорядился станцией, Пол Атрейдес?

– Использовал бы ее, чтобы сделать этот мир по-настоящему пригодным и достойным местом для людей, – не колеблясь, ответил Пол.

«Потому, наверно, я и помогаю им», – подумал Кинес.

Гудение машин постепенно утихло. В тишине резко прозвучал тонкий крик от одной из клеток. Он тут же умолк, как будто зверек смутился.

Пол вновь посмотрел на клетки. Теперь он разглядел, что в них сидят бурокрылые нетопыри. Из боковой стены выходила и тянулась вдоль клеток автоматическая кормушка.

Из скрытой части пещеры вернулся фримен, негромко сказал Кинесу:

– Лиет, силовые генераторы не действуют. Я не могу замаскировать нас от детекторов дальности.

– Сможешь починить?

– Быстро – нет. Детали, увы... – Фримен пожал плечами.

– Ясно, – сказал Кинес. – Что ж, придется обойтись без машин. Выдвиньте на поверхность заборники ручной помпы.

– Исполняем немедленно, – ответил фримен уже на ходу.

Кинес повернулся к Полу:

– Ты дал хороший ответ.

Джессика отметила, как свободно и сильно прозвучал его голос. Это был – *королевский* голос, голос, привыкший повелевать. И, конечно, она заметила это обращение – «Лиет». Значит, вот каков другой лик скромного планетолога, его фрименское «альтер эго». Лиет.

– Мы бесконечно признательны за вашу помощь, – сказала она.

– М-мм... посмотрим, – отозвался Кинес и кивнул одному из своих людей. – Шамир, кофе с Пряностью в мои апартаменты.

– Сию минуту, Лиет, – ответил тот.

Кинес кивнул на арку в стене:

– Прошу вас...

Принимая приглашение, Джессика позволила себе царственный кивок. Она заметила, как Пол сделал Айдахо знак, приказывая ему оставаться на страже.

Короткий, в пару шагов проход привел их к массивной двери, открывшейся в освещенную золотистыми плавающими лампами кубическую комнату. Проходя, Джессика провела рукой по двери и с изумлением ощутила под пальцами пласталь!

Пол вошел, сделал три шага и остановился, бросив на пол рюкзак. Услышал, как закрылась за спиной дверь, осмотрел комнату: куб с ребром метров в восемь, рыжевато-бурые каменные стены, справа к стене пристроены металлические шкафы с каталожными ящиками. В центре кабинета стоял низкий стол с крышкой молочного стекла, в толще которого блестели желтые пузыри. Вокруг стола – четыре кресла на силовой подвеске.

Кинес обошел Пола, отодвинул для Джессики кресло.

Та села, отметив, как сын изучает комнату.

Пол какие-то мгновения помедлил – не сел. Легкая неправильность в движении воздуха сказала ему, что где-то справа, позади шкафов, был потайной выход из комнаты.

– Может быть, присядешь, Пол Атрейдес? – пригласил Кинес.

«Как старательно он избегает произносить мой титул», – подумал Пол. Однако он сел и молча ждал, пока усядется Кинес.

– Ты понял, что Арракис может быть раем, – начал эколог. – Но, как сам видишь, Империя присылает сюда лишь своих головорезов да охотников за Пряностью!

Пол показал ему большой палец, на который он надел герцогский перстень.

– Ты видишь это кольцо?

– Да.

– Знаешь, что это означает?

Джессика обернулась и в упор посмотрела на сына.

– Твой отец лежит, мертвый, в руинах Арракина, – сказал Кинес. – Значит, ты, теоретически, – герцог.

– Я – солдат Империи, – резко ответил Пол, – так что *теоретически* я – головорез...
Лицо Кинеса омрачилось.

– Даже когда над телом твоего отца стоят сардаукары?

– Сардаукары – одно, а законный источник моей власти – совсем иное, – ответил Пол.

– Арракис сам решает, кому носить мантию вождя, – отрезал Кинес.

И Джессика, вновь повернувшись к нему, сказала себе: «В этом человеке – сталь, никем не укрощенная... а нам нужна сталь. Но Пол играет с огнем...»

Пол же произнес:

– Сардаукары лишь показывают, как боялся Император моего отца. А теперь я дам Императору причины бояться...

– Мальчик, – сказал Кинес, – есть вещи, которые ты не...

– Впредь, – оборвал его Пол, – называй меня «сир» или «милорд».

«Мягче надо, мягче!» – воскликнула про себя Джессика. Кинес уставился на Пола, и Джессика заметила в его лице одновременно восхищение и усмешку.

– Сир, – едва уловимо помедлив, произнес Кинес.

– Я стесняю Императора, – сказал Пол. – Я стесняю всех, кто хотел бы поделить Арракис как свою добычу. И пока я жив, я намереваюсь и впредь так их стеснять, чтобы застрять в их горле, словно кость, – чтобы они подавились и задохнулись!..

– Это все слова, – отмахнулся Кинес.

Пол в упор посмотрел на него. Наконец он заговорил:

– У вас есть легенда о Лисан аль-Гаибе, о Глазе из Внешнего Мира, о том, кто поведет фрименов в рай. У вас есть...

– Предрассудки! – буркнул Кинес.

– Возможно, – согласился Пол, – а может быть – и нет... Порой у предрассудков бывают странные корни и еще более странные плоды.

– У тебя есть план... Это-то мне, по крайней мере, ясно... сир.

– Могли бы твои фримены предоставить мне бесспорные доказательства того, что во всех этих делах замешаны сардаукары, переодетые в харконненскую форму?

– Пожалуй, да.

– Император, разумеется, вернет здесь власть Харконненам, – пояснил Пол. – Может быть, даже назначит правителем Зверя Раббана. Пусть. Но раз Император позволил себе увязнуть здесь так, что ему уже не скрыть свою вину, – пусть считается с возможностью представления Ландсрааду официального протеста. Пусть он ответит там, где...

– Пол! – воскликнула Джессика.

– Предположим, что Высший Совет Ландсраада примет твоё дело к рассмотрению, – возразил Кинес. – Тогда возможен лишь один исход: тотальная война Империи и Великих Домов.

– Хаос, – кивнула Джессика.

– Но я, – сказал Пол, – представлю своё дело не им, а самому Императору. И предложу ему альтернативу хаосу.

– Шантаж? – сухо спросила Джессика.

– Ну, шантаж – это лишь один из инструментов политики, как ты сама объясняла, – ответил Пол, и Джессика услышала горечь в его голосе. – Дело в том, что у Императора нет сыновей. Только дочери.

– На трон метишь? – усмехнулась Джессика.

– Император не посмеет рисковать – тотальная война может взорвать Империю, – сказал Пол. – Сожженные планеты, всеобщий хаос – нет, на такой риск он не пойдет.

– Ты затеваешь отчаянную игру, – задумчиво сказал Кинес.

– Чего более всего боятся Великие Дома Ландсраада? – спросил Пол. – Больше всего они боятся именно того, что происходит на Арракисе – здесь и сейчас. Того, что сардаукары перебьют их поодиночке, одного за другим. Вот, собственно, почему и существует Ландсраад. Это – то, что сцементировало Великую Конвенцию. Лишь объединившись, Великие Дома могут противостоять силам Империи.

– Но они...

– Они боятся именно этого, – повторил Пол. – Арракис станет для них тревожным сигналом. Каждый из них увидит себя в моем отце – увидит, как волки отбивают овцу от стада и режут ее...

Кинес обратился к Джессике:

– Может сработать этот план?

– Я не ментат, – ответила Джессика.

– Но ты – из Бене Гессерит.

Она испытующе взглянула на него, затем произнесла:

– В его плане есть и сильные, и слабые стороны... как у любого плана на этом этапе. И всякий план зависит от исполнения не меньше, чем от замысла...

– «Закон есть высшая наука», – процитировал Пол. – Так начертано над воротами императорского дворца. Вот я и хочу показать ему, что такое закон.

– Главное же, я не уверен, что могу доверять тому, кто задумал подобное, – проговорил Кинес. – У Арракиса есть собственный план, который мы...

– Взойдя на трон, – спокойно сказал Пол, – я смогу мановением руки превратить Арракис в рай. Этой монетой я и собираюсь заплатить за вашу поддержку.

Кинес застыл.

– Моя преданность не продается, сир.

Пол в упор взглянул на него через стол, встретив холодный блеск синих – синих-на-синем – глаз. Он изучил властное выражение обрамленного бородой лица, и жесткая улыбка коснулась его губ.

– Хорошо сказано, – промолвил он. – Я приношу свои извинения.

Кинес посмотрел Полу в глаза и наконец произнес:

– Ни один из Харконненов никогда не признавал своих ошибок. Возможно, ты и не такой, как они, Атрейдес.

– Может быть, таковы уж недостатки их воспитания, – усмехнулся Пол. – Ты сказал, что твоя преданность не продается, но, думаю, есть у меня такая монета, которую ты согласишься принять. За твою преданность я предлагаю свою преданность. Целиком и полностью.

«Мой сын в полной мере обладает знаменитой искренностью Атрейдесов. У него есть это поразительное, граничащее с наивностью, чувство чести – и какое же это великое оружие!...»

Она видела, как потрясли Кинеса слова сына.

– Чепуха, – сказал Кинес. – Ты всего лишь мальчик, и...

– Я – герцог, – поправил Пол. – И я – Атрейдес. Атрейдесы никогда не нарушали такой клятвы.

Кинес сглотнул.

– Когда я говорю «целиком и полностью», – продолжал Пол, – я не делаю никаких оговорок. Я готов, если нужно, отдать за тебя жизнь.

– Сир! – вырвалось у Кинеса. Но теперь Джессика видела, что он обращается не к пятнадцатилетнему мальчику, а к мужчине – и к высшему. Теперь Кинес не иронизировал – королевское обращение значило именно то, что должно значить.

«Сейчас он отдал бы жизнь за Пола, – мелькнуло в голове у Джессики. – Как у Атрейдесов получается это – так легко, так быстро?...»

– Я вижу, что ты говоришь то, что думаешь, – сказал Кинес. – Однако Харкон...

Дверь за спиной Пола распахнулась от удара. Он резко обернулся – и увидел, что там идет бой. Слышались крики, звон стали, мелькали в проходе искаженные восковые лица.

Пол и Джессика метнулись к двери. Айдахо защищал проход; сквозь мерцание щита сверкали налитые кровью глаза. К Айдахо тянулись руки врагов, сверкающие дуги стали тщетно обрушивались на его щит. Оранжево сверкнуло пламя станнера, но щит отразил его стрелку. И казалось, что клинки Айдахо находятся одновременно всюду. С них срывались тяжелые красные капли.

Потом рядом с Полом вдруг оказался Кинес. Вдвоем они изо всех сил навалились на дверь. Пол в последний раз увидел Айдахо, отражавшего натиск целой толпы солдат в харконненских мундирах, запомнил его таким – резкие, рассчитанные движения, черные космы, в которых расцвел алый цветок смерти... затем дверь закрылась. Кинес с лязгом задвинул засовы.

– Похоже, я сделал выбор, – проговорил он.

– Кто-то успел засечь ваши машины, прежде чем они отключились, – сказал Пол. Он взял мать за руку, отвел ее от двери и увидел отчаяние в ее глазах.

– Я должен был заподозрить неладное с самого начала – когда нам не принесли кофе, – сказал Кинес.

– У тебя здесь есть потайной выход, – сказал Пол. – Воспользуемся им?

Кинес глубоко вздохнул:

– Эта дверь продержится минут двадцать – если они не применяют лучемер.

– Они побоятся стрелять из лучемета – на случай, если с нашей стороны двери есть действующий щит, – уверенно сказал Пол.

– Это были сардаукары в харконненских мундирах, – прошептала Джессика.

Раздались мощные, ритмичные удары в дверь.

Кинес показал на металлические шкафы вдоль правой стены:

– Сюда.

Он подошел к первому шкафу, выдвинул ящик, покрутил в нем что-то. Все шкафы отошли в сторону наподобие двери, открыв черный зев тоннеля.

– Эта дверь тоже из пластали, – заметил Кинес.

– Вы хорошо подготовились к неожиданностям, – сказала Джессика.

– Мы восемьдесят лет жили под Харконненами, – ответил Кинес. Он провел их в темноту хода и закрыл вход.

Во мраке Джессика разглядела на полу перед собой светящуюся стрелу.

Сзади раздался голос Кинеса:

– Здесь мы расстанемся. Эта стена прочнее – она продержится не меньше часа. Идите вот по таким светящимся стрелкам – они будут гаснуть за вами. Стрелки проведут вас через лабиринт к другому выходу – там у меня спрятан топтер. Этой ночью в пустыне буря. Ваша единственная надежда – догнать ее, оседлать и лететь вместе с ней, на гребне. Мои люди проделывали такое, когда угоняли топтеры. Если вы продержитесь высоко на гребне – вы уцелеете...

– А что будет с тобой? – спросил Пол.

– Попробую уйти другой дорогой. Если меня и схватят... что же, я пока еще остаюсь Имперским Планетологом. Скажу, что был вашим пленником.

«Бежим, словно трусы, – подумал Пол. – Но что остается делать – мне надо выжить, чтобы отомстить за отца!..» Он обернулся к двери.

Джессика услышала это его движение.

– Дункан уже мертв, Пол. Ты же видел его рану. Ему уже не поможешь.

– Когда-нибудь они мне дорого заплатят за всех, – тяжело сказал Пол.

– Только если поспешишь сейчас, – отозвался из темноты Кинес, и Пол почувствовал его руку на плече.

– Где мы встретимся, Кинес? – спросил мальчик.

– Я прикажу фрименам разыскать вас. Путь бури известен... А теперь поторопитесь – и пусть Великая Мать дарует вам быстроту и удачу...

Они услышали стремительные шаги по неровному каменному полу во тьме – Кинес уходил.

Джессика нащупала руку Пола.

– Нам нельзя разойтись, – сказала она.

– Да.

Они прошли первую стрелку – та погасла, едва лишь они коснулись ее. Впереди зажглась другая.

Они прошли и ее и, как только она погасла, увидели вдали следующую.

Теперь они бежали.

«Планы внутри планов, и в них опять планы, и в них – новые планы, – подумала Джессика. – Не стали ли мы теперь сами частью чьих-то планов?»

Стрелки вели их, указывая повороты, мимо боковых ответвлений, еле различимых в слабом люминесцирующем свете. Некоторое время путь вел вниз, но затем начал неуклонно подниматься. Наконец они взбежали по ступеням, повернули и вскоре уперлись в стену с черной ручкой посередине. Пол повернул ее, и дверь стремительно распахнулась. Вспыхнули лампы, осветив высеченную в скале пещеру, посреди которой стоял на своих пружинистых амортизаторах орнитоптер. Дальше была гладкая серая стена с идеограммой «Выход» на ней.

– Интересно, куда пошел Кинес? – тихо спросила Джессика.

– Он поступил в точности так, как должен был поступить всякий хороший партизанский вожак, – ответил Пол. – Разбил нас на две группы и сделал так, что, даже если его схватят, он не сможет сказать, где мы. Он просто не будет этого знать.

Пол ввел ее в зал с орнитоптером, отметил, что каждый их шаг поднимает облачка пыли.

– Никто не входил сюда уже очень давно, – сказал он.

– Он был так уверен, что фримены найдут нас, – заметила Джессика.

– Я тоже в этом уверен.

Пол отпустил ее руку, подошел к машине слева, открыл дверцу и уложил рюкзак на заднем сиденье, пристегнув его.

– Топтер экранирован от масс-детекторов, – деловито сообщил он. – На приборную панель вынесено дистанционное управление механизмом дверей и светом. Да, восемьдесят лет под Харконненами научили их ничего не упускать из виду.

Джессика прислонилась к другому борту, восстанавливая дыхание.

– Харконнены наверняка установили наблюдение за всем этим районом, – сказала она. – Они кто угодно, только не дураки.

Она обратилась к своему чувству направления и добавила, показывая направо:

– Буря, которую мы видели, в той стороне.

Пол кивнул. Ему не хотелось ничего делать. Он знал почему – но пользы от этого знания было мало. В какой-то момент этой ночью он направил линию своего решения в глубокую неизвестность. Он представлял себе окружающую их область времени – но «здесь-и-сейчас» оставалось для него тайной. Словно он видел самого себя со стороны – спускающимся в долину и исчезающим из виду. Он знал, что из множества лежащих там путей лишь некоторые выведут Пола Атрейдеса наверх, к свету, но большинство путей уводило во мрак.

– Чем дольше мы будем ждать, тем лучше они успеют подготовиться, – напомнила Джессика.

– Забирайся внутрь и пристегнись, – ответил Пол. Затем сел в машину сам, все еще борясь с пугающей мыслью о том, что это – «слепая» земля, недоступная пророческому видению. Внезапно он осознал, что все больше полагается на свои пророческие видения, и именно

это ослабило его теперь, в момент действия. Не зря учили Бене Гессерит: «Если доверяешься только зрению, все остальные чувства слабеют». Теперь он понял это по-настоящему и обещал себе, что больше в эту ловушку не попадет, если останется жив.

Пол застегнул пристежные ремни, убедился, что и мать пристегнулась, проверил аппаратуру топтера. Поблескивал тонкий металлический каркас расправленных крыльев. Он тронул клавишу ретрактора – крылья сложились для старта на реактивной тяге, как учил его Гурни Халлек. Легко повернулась рукоятка стартера, двигатели ожили, и вспыхнули циферблаты на приборной панели. Затем негромко засвистели турбины.

– Готова? – спросил он.

– Да.

Он нажал дистанционный выключатель – и в пещере погас свет.

Их охватила тьма.

Он видел свою руку как темную тень над светящимися циферблатами. Затем включил механизмы дверей, и впереди раздался скрежет. Прошуршал осыпавшийся песок, его щек коснулся порыв пыльного горячего ветра. Он захлопнул дверь кабины, ощутив повышение давления.

В темноте открывшегося прямоугольного проема мерцали за пыльной завесой звезды. В их свете обозначился скальный карниз, а за ним – море песчаных волн.

Пол вжал в панель светящуюся клавишу. Хлопнули крылья, резким взмахом подняв орнитоптер из его гнезда. Огненные струи ударили из турбин, крылья приняли угол для набора высоты.

Джессика, не касаясь клавиш, прошла рукой по дублирующему пульту и почувствовала, как уверенно сын ведет машину. Она была одновременно испугана и возбуждена. Сейчас вся надежда – на выучку Пола. На его юность и быстроту...

Пол прибавил тягу. Топтер резко пошел вверх, вжав их в сиденья. Закрывая звезды, впереди вставала темная стена. Он увеличил площадь крыла и добавил энергии двигателям.

Еще несколько раз с силой ударили крылья, и они поднялись над посеребренными звездным светом вершинами скал. Красная от пыли Вторая луна встала над горизонтом справа, четко обрисовав силуэт бури.

Руки Пола замелькали над приборами. Крылья почти полностью ушли в корпус. Тяжесть навалилась на них, когда топтер вошел в крутой вираж.

– Позади реактивные выхлопы!

– Видел.

Он до отказа отжал сектор газа.

Словно вспугнутый зверь, топтер рванулся вперед, на юго-запад, к буре и обширному заливу песчаного океана. Под ними мелькнули ломаные тени – здесь скальное основание уходило под пески, а дальше тянулись лишь полукруглые гребни дюн.

А над горизонтом, словно чудовищная исполинская стена, вставала буря.

Что-то трянуло орнитоптер.

– Это взрыв! – выдохнула Джессика. – Они стреляют из чего-то вроде пушек или ракетных...

Неожиданно для нее Пол как-то по-звериному ухмыльнулся.

– Похоже, они не рискуют больше палить из лучеметов, – заметил он.

– Но у нас нет щитов!

– А откуда им это знать?..

Машину вновь трянуло.

Пол, изогнувшись, глянул назад.

– Только один из них может угнаться за нами, у остальных не хватит скорости, – сказал он.

Он вновь повернулся вперед – там росла стена бури, казавшаяся плотной, ощутимой, она угрожающе нависла над ними.

– Пусковые установки... ракеты... прочее древнее оружие – вот что мы непременно дадим фрименам, – прошептал Пол.

– Буря, – проговорила Джессика. – Может, лучше повернуть?

– А что та машина позади нас?

– Догоняет.

– Держись!..

Пол втянул крылья почти до отказа, и в крутом левом вираже вошел в обманчиво медленно кипящую стену, почувствовал, как ускорение оттягивает щеки.

Казалось, они просто вошли в пыльное облако, но оно становилось все плотнее и плотнее и наконец закрыло пустыню и луну... Кабина топтера погрузилась во мрак, озаряемый лишь зеленоватым светом приборов, за стенками шуршало и свистело.

Джессика вспомнила все ужасы, какие рассказывали про здешние бури, которые режут металл, точно масло, срывают с костей мясо, а затем истачивают самые кости. Почувствовала, как вздрагивает топтер под напором налитанного пылью ветра, игравшего машиной, пока Пол сражался с управлением. Вдруг он отключил энергию – и аппарат сразу вздыбился, его металл задребезжал, зашипел.

– Песок!.. – закричала Джессика.

В свете приборов она увидела, как Пол помотал головой:

– На такой высоте песка почти нет!..

Но она чувствовала, как их затягивает в этот песчаный Мальстрем⁸.

Пол расправил крылья на полный размах, услышал, как они заскрипели от напряжения. Он не сводил глаз с приборов и по наитию парил, набирая высоту, сражаясь за каждый метр.

Свист и вой за бортом стали тише.

Топтер начал крениться на левое крыло. Пол отдал все внимание светящемуся глобусу авиагоризонта и сумел-таки выровнять машину.

У Джессики было странное ощущение, будто они неподвижны, а движется все вокруг. Лишь стремительно текущие по остеклению буроватые струи да громкий шелест за обшивкой напоминали ей о бушующих вокруг силах.

«Скорость ветра – километров шестьсот – семьсот, – подумала она. В крови пылал адреналин. – *Я не должна бояться*, – начала она про себя литанию против страха Бене Гессерит, беззвучно выговаривая слова. – *Ибо страх убивает разум...*»

Постепенно ее долгая подготовка взяла верх.

Спокойствие и самообладание вернулись к ней.

– Мы ухватили тигра за хвост, – прошептал Пол. – Мы не можем спуститься, не можем сесть... и поднять машину выше я тоже вряд ли сумею. Придется нестись вместе с бурей, пока она не выдохнется.

Мгновенно ее спокойствие испарилось. Джессика почувствовала, как стучат ее зубы, стиснула их. Затем раздался тихий, спокойный голос Пола:

– *«Страх убивает разум. Страх – есть малая смерть, влекущая за собой уничтожение. Но я встречу свой страх и приму его. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. А когда он пройдет через меня, я обращу свой внутренний взор на его путь; и там, где был страх, не останется ничего – лишь я, я сам».*

---

⁸ Мальстрем – знаменитые водовороты у Лофотенских островов (Норвегия). В переносном значении – мощный водоворот.

* * *

Что ты презираешь? Скажи, и я узнаю, кто ты: именно это определяет твою истинную суть.

Принцесса Ирулан. «Муад'Диб»

– Они мертвы, мой барон, – доложил капитан Йакин Нефуд, начальник баронской охраны. – И мальчишка, и женщина, без сомнения, мертвы.

Барон Владимир Харконнен сел в своей кровати с силовой подвеской. Его опочивальня размещалась в самом сердце севшего в Арракине фрегата, словно в яйце с многослойной скорлупой. Впрочем, в баронских апартаментах металл обшивки был скрыт тяжелыми драпировками, мягкой матерчатой обивкой, подушками и редкостными произведениями искусства.

– Это точно, – повторил капитан. – Они мертвы.

Жирное тело барона шевельнулось в силовой паутине постели, он устоял на эболиновую статую прыгающего мальчика в нише напротив. Сон исчез. Он поправил под толстой, в складках, шеей подушку со спрятанным внутри генератором подвески, и в свете единственного в опочивальне плавающего светильника перевел взгляд на стоящего в дверях капитана Нефуда – тот не мог переступить порог перекрытой пенташитом двери.

– Они, несомненно, мертвы, – вновь повторил охранник. Барон заметил, что глаза Нефуда все еще мутны от семуты.

Было очевидно, что бравый капитан был в глубоком наркотическом трансе, когда получил сообщение, и, успев только принять антидот, бросился сюда, к хозяину.

– У меня есть подробный рапорт, – пробормотал Нефуд.

«Пусть попотеет немного, – подумал барон. – Инструменты власти всегда надлежит держать отточенными и наготове. Сила и страх – вот что оттачивает и готовит их...»

– Ты сам видел тела? – прогудел барон. Нефуд замялся.

– Ну?

– Милорд... видели, как они нырнули в песчаную бурю... сила ветра – больше восьмисот километров в час... Никто не выйдет живым из такой бури, милорд! Никто и ничто! Погибла одна из преследовавших их наших машин...

Барон внимательно смотрел на Нефуда и отмечал, как у того нервно подергивается мускул на скуле, как двигается подбородок, когда Нефуд, волнуясь, сглатывает слюну.

– Так ты видел тела? – повторил барон.

– Милорд...

– Так что же ты явился сюда распускать перья и греметь доспехами?! – прорычал барон. – Чтобы сказать «несомненно» про то, чего точно не знаешь?! Может, надеешься, что я похвалю тебя за глупость, да еще и повышение дам?!

Лицо Нефуда побелело как мел.

«Смотрите на этого труса! Цыпленок! – думал барон. – И меня окружают сплошь такие вот никчемные болваны! Рассыпь я перед ним песок и скажи, что это зерно, – ведь примется клевать!...»

– Значит, вы пришли туда, следуя за этим Айдахо? – спросил барон.

– Да, милорд.

«Ишь как бодро отвечает!» – мысленно скривился барон и вслух спросил:

– Попытались, значит, бежать к фрименам?

– Да, милорд.

– Что еще ценного было в этом твоём... рапорте?

– Имперский планетолог Кинес замешан в этом деле, милорд. Айдахо встретился с Кинесом при весьма таинственных... я бы сказал – подозрительных обстоятельствах.

– И что дальше?

– Они... э-э... вместе поспешили в некое место в Пустыне, где, очевидно, скрывались мальчишка и его мать. Увлечшись погоней, несколько групп преследования угодили под взрыв – они попали из лучемета в силовой щит...

– Сколько мы потеряли?

– Я... э-э... не знаю пока точной цифры, милорд.

«Лжет, – подумал барон. – Потери явно слишком велики».

– Значит, этот имперский лакей Кинес затеял двойную игру, а?

– Отвечаю моей репутацией, барон.

«Скажите-ка – его репутацией!..»

– Так распорядись, пусть его убьют, – велел барон.

– Милорд! Позволю себе напомнить: Кинес – Имперский планетолог, слуга Его Вели...

– Ну так сделай так, чтобы это сошло за несчастный случай!

– Милорд, вместе с нашими бойцами в захвате этого фрименского гнезда участвовали и сардаукары, и Кинес в плену у них...

– Забери его. Скажи, что я желаю лично его допросить.

– А если они откажут?

– Не откажут, если ты будешь делать все как надо.

Нефуд сглотнул:

– Слушаю, мой барон.

– Он должен умереть, – прорычал барон. – Он посмел помогать моим врагам!..

Нефуд переступил с ноги на ногу.

– Что еще?

– Милорд, сардаукары захватили... двоих людей, которые могут представлять интерес для вас. И второй – это старший ассассин покойного герцога.

– Хават? Суфир Хават?!

– Я сам видел пленного, милорд. Это Хават.

– Вот не думал, что такое возможно!

– Сообщают, что в него выстрелили из станнера, милорд. В Пустыне, где он не решался пользоваться щитом. Так что его взяли практически невредимым. Если мы сумеем заполучить Хавата – нам удастся неплохо позабавиться.

– Ты говоришь о ментате, – проворчал барон. – Ментатами не бросаются. Он говорил, что он думает о поражении? Знает ли он, насколько... нет, не может быть.

– Он сказал немного, милорд, но достаточно, чтобы понять, что предателем он считает леди Джессику.

– Ах-xxx...

Барон снова откинулся на подушки, размышляя.

– Ты уверен? – спросил он наконец. – Ты *уверен*, что его ненависть направлена прежде всего на леди Джессику?

– Он сказал так в моем присутствии, милорд.

– Так пусть он думает, что она жива.

– Но, милорд...

– Не перебивай. Пусть с Хаватом хорошо обращаются. Я запрещаю говорить ему о докторе Юйэ, истинном предателе. Упомяните как-нибудь, что доктор Юйэ пал, защищая герцога. В каком-то смысле это даже правда... А мы укрепим его подозрения в отношении леди Джессики.

– Конечно, милорд, но...

– Хават голоден? Хочет пить?

– Милорд, но Хават все еще в руках сардаукаров!..

– Ах да. Конечно. Но сардаукары не меньше моего хотят выкачать информацию из Хавата. Я заметил кое-что в наших союзниках, Нефуд. Они не слишком ревностны... по политическим мотивам. Я уверен, что это не случайно: очевидно, так хочет Император. Да. Я в этом уверен. Вот ты и напомнишь командиру сардаукаров, что я известен своим умением выжимать информацию из самых молчаливых субъектов...

Нефуд выглядел глубоко несчастным.

– Да, милорд.

– Скажешь командиру сардаукаров, что я намерен допросить Хавата и Кинеса вместе, устроив им очную ставку и используя одного против другого. Это он, я полагаю, поймет.

– Да, милорд.

– А когда мы заполучим обоих... – Барон покивал.

– Милорд, сардаукары наверняка потребуют, чтобы их наблюдатель присутствовал на всех... допросах.

– Я уверен, что мы сумеем изобрести способ отвести всех нежеланных наблюдателей, Нефуд.

– Понимаю, милорд. Тогда с Кинесом и произойдет несчастный случай?

– И с Кинесом, и с Хаватом, Нефуд. Но по-настоящему погибнет лишь Кинес. А Хават мне нужен. Да. Ах-х, да.

Нефуд моргнул, сглотнул. Казалось, он хотел спросить о чем-то, но удержался.

– Хавату будут давать и еду, и питье, – распорядился барон, – с ним будут обращаться хорошо, проявлять симпатию. Но в его воду ты добавишь остаточный яд, разработанный покойным Питером де Вризом. И ты же проследишь, чтобы с этого момента он регулярно получал в пищу противоядие... пока я не отменю это распоряжение.

– Противоядие, да... – Нефуд потряс головой. – Но...

– Не будь так глуп, Нефуд. Герцогу почти удалось убить меня с помощью этой капсулы с ядом в зубе. Газ, который он выдохнул, метаясь в меня, лишил меня лучшего моего ментата – Питера. Так что мне нужна замена.

– Хават?

– Хават.

– Но...

– Ты хочешь сказать, что Хават полностью предан Атрейдесам? Это так, но все Атрейдесы мертвы. Мы же, так сказать, совратим Хавата. Следует убедить его, что он никак не виновен в поражении герцога, что оно – дело рук бене-гессеритской ведьмы. У него был слабый хозяин, чей разум был замутнен эмоциями. Ментаты, знаешь ли, высоко ценят умение вычислять, не отвлекаясь эмоциями, Нефуд. Вот мы и совратим нашего славного, грозного, неподкупного Суфира Хавата.

– Совратим его... Да, милорд.

– Прежний хозяин Хавата, к несчастью, был не слишком состоятелен и не мог поднять своего ментата к вершинам разума – что есть право ментата. Хават, несомненно, поймет, что в этом есть некая доля правды. Так, герцог не мог позволить себе нанять максимально эффективных шпионов, чтобы обеспечить своего ментата необходимой информацией. – Барон поглядел на Нефуда. – Не будем себя обманывать, Нефуд: правда – это мощное оружие. Мы знаем, чем мы победили Атрейдесов; знает и Хават. Мы победили их своим богатством.

– Богатством. Да, милорд.

– Итак, мы совратим Хавата, – повторил барон. – Мы укроем его от сардаукаров. И мы будем держать в резерве... возможность в любой момент прекратить введение противоядия. Остаточный яд невозможно вывести из организма. И, Нефуд, Хавату незачем знать про этот яд.

Противоядие не обнаруживается ядоискателем. Пусть себе Хават исследует свою пищу сколько хочет – даже следа яда он не обнаружит.

Глаза Нефуда расширились – он наконец понял.

– Отсутствие некоторых веществ бывает так же смертоносно, как и присутствие других, – усмехнулся барон. – Вот, скажем, отсутствие воздуха, а? Или воды. Отсутствие чего угодно, к чему мы привыкли и от чего зависим. – Барон многозначительно кивнул. – Ты понял, о чем я говорю, Нефуд?

Нефуд сглотнул:

– Да, милорд.

– А раз понял – займись делом. Разыщи командира сардаукаров и приступай.

– Сию минуту, милорд. – Нефуд поклонился, повернулся и поспешно удалился.

«Только представить – Хават на моей стороне! – подумал барон. – Сардаукары отдадут мне его. Если они что и заподозрят – так только что я хочу его – ментата! – уничтожить. Что ж, я помогу им впасть в такое заблуждение. Дурачье! Один из самых грозных ментатов во всей истории – ментат, которого научили убивать! – и они отдадут его мне, словно никчемную игрушку, которую не жаль и сломать. А я – я покажу им, на что годится такая игрушка!..»

Барон протянул руку под драпировку подле постели и нажал кнопку, вызывая своего старшего племянника, Раббана. Улыбаясь, откинулся назад.

И все Атрейдесы мертвы!

Дурак капитан прав, конечно. Ничто, попавшее в песчаную бурю Арракиса, не спасется. Во всяком случае, орнитоптер обречен... как и его пассажиры. Женщина и мальчишка мертвы. Взятки нужным людям, немыслимые расходы на доставку на планету достаточной для обеспечения подавляющего превосходства армии... хитроумные доносы, предназначенные лишь для ушей самого Императора, все тщательно продуманные интриги наконец принесли плоды.

Сила и страх – страх и сила!..

Барон уже ясно представлял, что будет дальше. Однажды Харконнен станет Императором. Не он сам, конечно, и вряд ли прямой его отпрыск. Но – Харконнен! Только, конечно, не Раббан, которого он сейчас вызвал. А – младший брат Раббана. Юный Фейд-Раута. Его ум и хитрость были по душе барону. Особенно же его... злобность.

Чудесный мальчуган. Через год-два – когда ему будет семнадцать – станет окончательно ясно, выйдет ли из него оружие, с помощью которого Дом Харконнен добудет трон...

– Приветствую вас, милорд барон...

За полем дверного щита баронской опочивальни стоял невысокий, полный, с широким лицом человек, в котором ясно проглядывали родовые черты Харконненов по мужской линии – близко посаженные глаза, массивные плечи. Он был жирноват, но еще достаточно гибок. Впрочем, было очевидно, что рано или поздно и ему придется поддерживать лишний вес генераторами силовой подвески...

«Мышцы вместо мозга – танк, да и только, – подумал барон. – Да уж, не ментат мой племянничек, далеко не... Не Питер де Вриз, хотя, возможно, для непосредственно стоящей перед нами задачи Раббан как инструмент даже ценнее... Если дать ему свободу действий... он сотрет в пыль все на своем пути. О, как же будут его ненавидеть на Арракисе!..»

– А, мой дорогой Раббан, – приветливо сказал барон, снимая пенташит со входа, впрочем, индивидуальный щит он одновременно и демонстративно перевел на полную мощность. Он знал, что в свете плавающей лампы его мерцание будет хорошо заметно.

– Вы вызвали меня... – сказал Раббан, переступая порог. Он бросил взгляд на колеблющийся воздух вокруг барона, поискал плавающее кресло, не нашел.

– Встань поближе, чтобы я тебя лучше видел, – велел барон. Раббан подошел еще на шаг. Ясно, что чертов старик специально велел убрать все кресла – чтобы посетители стояли.

– Атрейдесы мертвы, – объявил барон. – Все до единого. Вот почему я вызвал тебя сюда, на Арракис. Эта планета снова твоя.

Раббан моргнул:

– Н-но... я думал, что вы хотите сделать Питера де Вриза...

– Питер тоже мертв.

– Питер?!

– Питер.

Барон вновь включил пентацит и перевел его в режим полного отражения любой энергии.

– Все-таки он вам надоел окончательно, а? – развязно спросил Раббан, но его голос в энергоизолированной комнате прозвучал тускло и безжизненно.

– Вот что я скажу тебе – и не собираюсь повторять, – прорычал барон. – Ты, похоже, позволил себе намекнуть, что я разделался с Питером так запросто, словно бы это был – так, пустячок? – Он прищелкнул жирными пальцами. – Вот такая мелочь, а?.. Так вот, племянничек: я не настолько глуп. И поверь, впредь я буду *очень* недоволен, если ты еще хоть раз словом или действием намекнешь, что я так глуп.

Казалось, Раббан начал косить сильнее обычного: он был испуган. Он-то знал, насколько далеко может зайти барон в гневе на членов собственной семьи. Правда, смертью дело кончалось редко – если такая смерть не сулила выгоды или виновный не чересчур напрашивался. Но семейные наказания могли быть весьма неприятны...

– Простите, милорд барон. – Раббан потупился, одновременно изображая покорность и скрывая гнев.

– Ты меня не обманешь, Раббан, – буркнул барон. Раббан, не поднимая глаз, сглотнул.

– Заруби на носу, – сказал барон, – никогда не уничтожай человека, не подумав, просто, так сказать, по законам войны. Если убиваешь – убивай для дела и знай, зачем именно!

Раббан вспыхнул:

– Но вы же убили изменника Юйэ! Я видел, как отсюда вынесли его тело – вчера, когда я прибыл.

Испугавшись звука собственных слов, Раббан уставился на дядю.

Но тот неожиданно улыбнулся.

– Я просто осторожен с опасным оружием. Доктор Юйэ был предателем, он выдал мне герцога. – Голос барона зазвучал с новой силой: – Я подчинил себе доктора Суккской школы! Внутренней Суккской школы! Ты слышишь, мальчик? Ты понимаешь, что это значит? Но это было чересчур опасное оружие, чтобы просто бросить его. Так что его я уничтожил не бесцельно и хорошо продумав это действие...

– А Император знает, что вы сумели подчинить себе Суккского доктора?

«Вопрос прямо в точку, – мысленно скривился барон. – Неужели я недооценил племянничка?..»

– Император пока ничего не знает, – нехотя ответил он. – Но сардаукары ему обо всем доложат. Однако до того я, по каналам КООАМ, отправлю ему свой рапорт. И объясню, что мне посчастливилось найти доктора, который лишь изображал прошедшего Имперское кондиционирование. То есть фальшивого доктора, ясно? Поскольку каждый знает, что Имперское кондиционирование необратимо, – объяснение примут.

– Ах-х-х, понимаю, – пробормотал Раббан.

«Да уж, надеюсь, понимаешь, – проворчал про себя барон. – Надеюсь, ты понимаешь, что для нас жизненно важно, чтобы эта история осталась в тайне».

Внезапно барон изумился: «Зачем я сделал это? Зачем расхвастался перед этим дураком племянником, которого мне предстоит использовать и избавиться от него?..» Барон разозлился на себя. Было такое чувство, словно его предали.

– Это должно остаться в тайне, – проговорил Раббан. – Я понимаю.

Барон вздохнул.

– На этот раз ты получишь совсем иные инструкции относительно Арракиса, племянник. Когда ты правил тут раньше – я строго контролировал тебя. Теперь я требую лишь одного.

– Слушаю, милорд.

– Доходов.

– Доходов?

– Ты представляешь, Раббан, сколько нам пришлось затратить, чтобы доставить сюда такую армию? Ты хоть краем уха слышал, сколько берет Гильдия за военные перевозки?..

– Дорого, да?

– Дорого?! – Барон ткнул в Раббана жирной рукой. – Если ты шестьдесят лет будешь сдирать с Арракиса каждый грош, который он может дать, ты едва-едва возместишь наши расходы!

Раббан открыл было рот, но снова закрыл, не в силах сказать хоть что-нибудь.

– «Дорого!» – передразнил барон с презрительной гримасой. – Проклятая монополия Гильдии на космические перевозки пустила бы меня по миру, не запланируй я эти расходы уже очень давно. Ты должен знать, что это именно *мы*, и только мы, оплатили всю операцию. Включая даже перевозку сардаукаров.

И – уже далеко не в первый раз – барон подумал о том, придет ли когда-нибудь время, когда можно будет как-нибудь обойти Гильдию, а то и вовсе *обойтись* без нее. Гильдия хитра: сперва берет ровно столько, сколько можно взять без особых возражений клиента... ну а потом клиент оказывается у нее в руках, и уж тут – плати, плати и плати...

Причем всегда самые немыслимые запросы Гильдии связаны именно с военными операциями. «Наценка за риск», как называют это приторно-услужливые и скользкие агенты Гильдии. А стоит умудриться внедрить своего агента в Гильд-Банк – они подсовывают в ответ двух своих...

Невыносимо!

– Значит, доход, – повторил Раббан. Барон сжал руку в кулак:

– Дави, души, выжимай!

– И, пока мне удастся выжимать из них доход, я волен в остальном делать все, что хочу?

– Абсолютно все.

– Пушки, которые вы привезли сюда, – с надеждой спросил Раббан, – нельзя ли их...

– Пушки я уважу, – отрезал барон.

– Но вы же...

– Эти игрушки тебе не понадобятся. Они были хороши как сюрприз – а теперь толку от них будет мало. Как металл они нужнее. Они бесполезны против щитов, Раббан. Все дело в неожиданности. Было нетрудно предсказать, что люди герцога укроются в пещерах. И наши пушки просто закупорили их там...

– Но фримены как раз не пользуются щитами.

– Можешь, если хочешь, оставить себе часть лучеметов.

– Да, милорд. И – я получаю свободу действий?

– До тех пор, пока можешь выжимать доход...

Раббан растянул губы в зловещей и самодовольной улыбке.

– Это я совершенно ясно понял, милорд.

– «Совершенно ясно» ты не понимаешь ничего, – пробурчал барон. – Так что давай договоримся с самого начала. Все, что ты понимаешь, все, что тебе нужно понимать, – это как исполнять мои приказы. Ты когда-нибудь думал, что на этой планете живут пять миллионов человек?

– Разве милорд забыл, что я уже был здесь его регентом-сиридаром? И если милорд простит поправку – эта цифра скорее всего занижена. Очень трудно сосчитать все так вот разбросанное по впадинам и котловинам население. А если считать еще и фрименов...

– Фрименов учитывать не стоит!

– Простите, милорд, но сардаукары придерживаются противоположного мнения...

Барон помедлил, в упор глядя на племянника.

– Что ты об этом знаешь?

– Прошлой ночью, когда я прибыл, милорд уже изволил отдыхать. Я... э-э... взял на себя смелость связаться кое с кем из моих... э-э... прежних помощников. Они служили проводниками сардаукарам и сообщают, что к северо-востоку отсюда фрименская банда подстерегла в засаде отряд сардаукаров и полностью его уничтожила.

– Уничтожила отряд *сардаукаров*?!

– Да, милорд.

– Невероятно!

Раббан пожал плечами.

– Фримены уничтожили сардаукаров! – скривившись, повторил барон.

– Я лишь довожу до вас то, что мне доложили, – ответил Раббан. – Мне также сообщили, что все та же банда фрименов до того захватила знаменитого Суфира Хавата, любимца герцога...

– Ах-х-ххх...

Барон, улыбаясь, покивал.

– Я верю докладу, – сказал Раббан. – Вы просто не представляете, сколько хлопот доставляли эти фримены...

– Может быть. Только твои люди видели не фрименов. Это наверняка были обученные Хаватом бойцы Атрейдесов, переодетые фрименами. Это – единственное разумное объяснение.

Раббан снова пожал плечами:

– Ну, сардаукары, во всяком случае, сочли их фрименами. И уже начали погром с целью истребить всех фрименов поголовно.

– Вот и прекрасно!

– Но...

– Сардаукарам будет чем заняться. А мы скоро заполучим Хавата. Я знаю это! Я это чувствую! Ах, какой день! Какой день! Сардаукары гоняются по пустыне за никому не нужными шайками этого отребья – а мы получаем самый ценный трофей!

– Милорд... – Раббан нерешительно нахмурился. – Милорд, я всегда чувствовал, что мы недооцениваем фрименов, как их число, так и...

– Забудь о них, мальчик. Они не в счет. Нас должны заботить города, поселки... Ведь там живет много людей, а?

– Очень много, милорд.

– Вот они-то меня и беспокоят, Раббан.

– Беспокоят вас?..

– О... положим, о девяти десятых и говорить не стоит. Но во всяком стаде, знаешь ли... Например, Малые Дома и все такие прочие... люди с излишним самомнением, которые могли бы затеять что-нибудь опасное. К примеру, если кто-нибудь из них вырвется отсюда с историей о том, что здесь произошло, я буду в высшей степени недоволен. Ты имеешь представление о том, насколько я могу быть недоволен?..

Раббан только сглотнул.

– Прежде всего возьми заложника от каждого Малого Дома, – велел барон. – Все, что должны знать за пределами Арракиса, – это что произошла обычная междоусобная война двух

Домов. И никаких сардаукаров, ясно? Герцогу, как положено, предложили четверть имущества и высылку – но бедняга погиб от несчастного случая прежде, чем успел принять мои условия. А ведь уже собирался их принять! Вот и всё. А любой слух о каких-то сардаукарах на Арракисе достоин лишь осмеяния.

– Как угодно Императору, – кивнул Раббан.

– Да, именно. Как угодно Императору.

– А что насчет контрабандистов?

А кто поверит контрабандистам? Их терпят – но им не верят. Впрочем, на всякий случай попробуй кое-кого из них подмазать... ну и принять другие необходимые меры. Не мне тебя учить – какие...

– Да, милорд.

– Итак, вот все мои инструкции относительно Арракиса, Раббан: доход – и твердая рука. Никакого снисхождения! Считай этих недоумков теми, кто они есть – рабами, которые завидуют своим хозяевам и только и ждут, чтобы представилась возможность для мятежа. И – ни намека на жалость или милосердие!..

– В одиночку – истребить население целой планеты? – спросил Раббан.

– Истребить? – Удивление барона выразилось в резком повороте его головы. – Кто сказал – истребить?!

– Н-ну... я понял так, что вы хотите заселить Арракис заново, и...

– Я, племянничек, приказал «выжимай», а не «уничтожай». Не расходуй людишек понапрасну – лишь приведи их к полной покорности. Ты должен стать хищником, мой мальчик.

Барон улыбнулся совсем по-детски – на пухлых щеках появились младенческие ямочки.

– Хищник никогда не останавливается. И ты не давай пощады, не останавливайся. Милосердие – это химера. Желудок отбросит его голодным урчанием; горло – хрипом жажды. Вот и будь всегда алчен, голоден и жаждущ, – барон погладил свое нежащееся в силовой подвеске тело, словно составленное из жировых шаров, – как я.

– Понимаю, милорд...

Раббан повел глазами по сторонам.

– Что-то еще неясно, племянник?

– Только одно, дядя: что сделать с планетологом, Кинесом?

– Ах да, Кинес.

– Ведь он – человек Императора, милорд. И имеет право поступать как сочтет необходимым и полную свободу перемещения. И к тому же он очень близок с фрименами... даже женат на фрименке.

– Кинес умрет до наступления завтрашней ночи.

– Опасное дело, милорд, – убивать слугу Императора.

– А как, по-твоему, удалось мне так быстро добиться всего, чего я добился? – Барон говорил тихо, но в его голосе ясно слышались не произнесенные вслух ругательства. – Кстати, нечего бояться, что Кинес покинет Арракис. Ты забыл – он же привык к Пряности.

– Да, правда...

– Кто знает – будет молчать, чтобы не лишиться Пряности, – сказал барон. – Кинес – умный человек и много знает...

– Я забыл, – кивнул Раббан.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Наконец барон снова заговорил:

– Кстати. В первую очередь займешься возобновлением моих собственных запасов Пряности. Личный запас у меня неплох, но тот рейд герцогских сорвиголов – самоубийственный, надо сказать, рейд – лишил меня почти всей Пряности, предназначенной на продажу.

– Слушаюсь, милорд, – кивнул Раббан.

Барон улыбнулся.

– Завтра прямо утром соберешь всех, кто там еще остался от администрации, и объявишь им: «Наш Великий Падишах-Император повелел мне вступить во владение этой планетой и тем прекратить раздоры».

– Понял, милорд.

– Вот теперь я вижу, что ты действительно понял все, что требовалось. А сейчас оставь меня – я не выспался.

Барон отключил пентацит двери и проводил племянника взглядом. «Да, мозги как у танка, – думал барон, – мышцы вместо мозгов. Когда он закончит разбираться с Арракисом, планета превратится в кровавую кашу. И вот тогда-то я и пошлю моего Фейд-Рауту, чтобы он освободил народ от бремени, – и народ будет ликованием встречать своего избавителя. Фейд-Раута любимый, Фейд-Раута благословенный, в сострадании народу избавивший его от Зверя. Фейд-Раута, за которым пойдут – даже на смерть. А мальчик к этому времени научится искусству подавлять без вредных для себя последствий... Да, я уверен – нам нужен именно он. Он научится. И... какое прелестное тело. Да. Прелестный мальчик».

* * *

В пятнадцать лет он уже научился молчанию.

Принцесса Ирулан. «История Муад'Диб для детей»

...Борясь с рычагами орнитоптера, Пол осознал вдруг, что его разум перебирает сплетенные вокруг машины силы урагана и, много эффективнее разума ментата, просчитывает необходимые действия на основе раздробленной на мельчайшие частицы информации. Он чувствовал пылевые фронты, движения воздушных масс, турбулентности, смерчевые потоки...

Коробка кабины была освещена изнутри лишь зеленой люминесценцией циферблатов. Поток бурой пыли снаружи казался бесформенным – но его внутренняя сущность начала уже проглядывать сквозь струящуюся завесу.

Надо найти подходящий вихрь.

Пол уже давно заметил, что буря начала понемногу стихать – но она все еще бросала и вертела легкую машину. Пол дождался нужного вихря.

И он пришел. Сначала это был вихревой вал, накативший и сотрясший топтер. Все в машине задрезжалось.

Подавив страх, Пол круто развернул ее влево, положив на крыло.

Джессика заметила этот маневр только по глобусу авиагоризонта.

– Пол! – закричала она.

Вихрь мотал машину, пытался скрутить ее, поворачивал и тащил. Вдруг он подбросил топтер, точно гейзер, ударивший в дно, подбросил и поднял высоко вверх. Топтер завертелся – крылатая мошка в винтящемся пыльном столбе под лучами Второй луны.

Пол взглянул вниз и увидел этот столб пыльного горячего воздуха, извергнувший их. Увидел затухающую бурю – пыльная река, серебящаяся в лунном свете, текла умирать в глубь Пустыни. Она уменьшалась – топтер продолжал подниматься с восходящим потоком.

– Вырвались, – выдохнула Джессика.

Пол вывел машину из потока и начал снижение, оглядывая ночное небо.

– От них мы ушли, – прокомментировал он.

Джессика чувствовала, как бешено стучит ее сердце, и заставила себя успокоиться, глядя вслед уходящей буре. Ее чувство времени говорило, что они мчались в сердце сплетения элементарных сил почти четыре часа – но часть ее сознания уверяла, что они провели в объятиях бури целую жизнь. Джессика чувствовала себя рожденной заново.

«Как в литании, – подумала она. – Мы встретили бурю лицом к лицу и не сопротивлялись ей. Буря прошла сквозь нас и вокруг нас. Она ушла – а мы остались».

– Не нравится мне, как крылья шумят, – сказал Пол. – У нас явно повреждения.

Через рукоятки управления он ощущал, как скрежесут истерзанные крылья. Да, от бури они вырвались – но способность предвидения еще не вернулась к нему. Перед ним по-прежнему была тьма. И все же они спаслись, и Пол чувствовал, как дрожит в преддверии откровения...

Да, он действительно дрожал.

Ощущение было магнетическим. Пугающим. Вдруг он обнаружил, что все время думает о том, что вызвало к жизни это необычное предзнание, эту дрожь сверхвосприятия... Отчасти причиной было большое количество Пряности в арракийской пище. Но ему казалось, что не менее важна и литания – словно ее слова обладали собственной силой.

... Я не боюсь, я не буду бояться...

Причина и следствие: он выжил вопреки обрушившимся на них враждебным силам – и он чувствовал теперь, что стоит на грани того необычного восприятия... которого не было бы без магии литании.

В его голове зазвучали строки Экуменической Библии: *Каких чувств не хватает нам, чтобы воспринимать окружающий нас иной мир?..*

– Со всех сторон скалы, – сказала Джессика.

Пол не отвечал – посадка требовала внимания. Он потряс головой, чтобы прийти в себя. Он взглянул, куда указывала мать: впереди и справа из песка поднимались черные камни. Ветерок щекотал его лодыжки и крутил по кабине пыль – значит, где-то дырка, на память от бури...

– Лучше садись на песок, – посоветовала Джессика. – Крылья могут отказать при торможении...

Он кивком показал вперед, где лунный свет омывал побитые песком скалы:

– Сажусь вон у тех скал. Проверь пристежные ремни...

Она автоматически повиновалась. «У нас есть вода и дистикомбы, – думала она, – если сумеем найти в Пустыне пищу, продержимся довольно долго. Живут же тут фримены – что могут они, как-нибудь сможем и мы...»

– Как только остановимся, – отрывисто сказал Пол, – беги к скалам. Вещи я захвачу.

– Бежать?.. – Она замолчала и, поняв, кивнула. – Черви.

– Не просто черви, а наши друзья черви, – поправил он. – Они позаботятся о топтере: никаких следов посадки не останется.

«Как он все обдумал...» – мелькнуло у Джессики.

Они планировали, спускаясь все ниже... ниже... Внезапно плавное скольжение в небе превратилось в стремительный полет – ощущение скорости создали близкие теперь тени дюн и скалы, встающие из них подобно островам. Топтер с мягким толчком чиркнул фюзеляжем о гребень дюны, перелетел низинку и коснулся верхушки следующей дюны.

Он сбивает скорость, поняла Джессика и не могла не восхититься его умением и собранностью.

– Держись! – предупредил Пол.

Он потянул рычаг, тормозя крыльями – сначала мягко, плавно, потом все увеличивая угол. Почувствовал, как изогнулись крылья, как падает подъемная сила с изменением угла атаки. Ветер запел в отогнутых кроющих и маховых перьях.

Внезапно расшатанное бурей левое крыло вывернулось вверх и внутрь, хлопнув по борту орнитоптера. Машина шлепнулась на песчаный гребень и, кренясь влево и разворачиваясь, заскользила вниз. Ударившись о следующую дюну, она глубоко зарылась в нее носом, обрушив каскады песка. Левое, сломанное крыло оказалось внизу – топтер упал набок, – а правое задралось к звездному небу.

Пол рывком отстегнул ремни, потянулся наверх, через мать, открыл правую дверцу. В кабину ворвался песок, а с ним – сухой запах обожженного кремня. Пол схватил рюкзак с заднего сиденья, убедился, что мать уже освободилась от своих ремней. Затем она выбралась наружу, на металлическую обшивку топтера. Пол, волоча рюкзак за лямки, последовал за ней.

– Бегом! – приказал он, указывая на склон дюны, над которым высилась источенная песком каменная башня.

Джессика спрыгнула с топтера и, спотыкаясь и поскальзываясь на осыпающемся песке, побежала. Пол, тяжело дыша, следовал за ней. Наконец они выбрались на вершину песчаного гребня, плавным изгибом уходившего к скалам.

– По гребню! – скомандовал Пол. – Так быстрее...

Они побежали по осыпающемуся песку.

И тут заметили новый, постепенно нарастающий звук: шорох, шелест, сухое наждачное поскрипывание.

– Червь, – сказал Пол.

Звук нарастал.

– Быстрее! – задыхаясь, крикнул Пол.

Первый скальный выступ – словно пологий берег песчаного моря – был не больше чем в десятке метров, когда позади раздался хруст и скрежет металла.

Пол перебросил рюкзак в правую руку – при каждом шаге он хлопал его по ноге, – а левую руку дал матери. Она уже карабкалась по камню, усыпанному щебнем и окатанной песком и ветром мелкой галькой – по изогнутому каналу, прогрызенному ветром – захлебываясь сухим, колючим воздухом...

– Я не могу больше бежать, – задыхаясь, проговорила Джессика.

Пол остановился. Втолкнул ее в расщелину и обернулся к пустыне. Вдоль их скального острова быстро ползла продолговатая песчаная гора. В лунном свете были отчетливо видны рябь на песке, волны – и гребень движущейся горы, почти на уровне глаз Пола. До нее было около километра.

След червя – гряда низких пологих дюн – изгибался, делая петлю там, где они бросили разбитый орнитоптер.

Но червь прошел там, и не осталось даже следа орнитоптера.

Движущийся холм повернул в пустыню и пересек свой след, словно ища что-то.

– Да он больше гильдийского корабля, – потрясенно прошептал Пол. – Мне говорили, что в глубокой Пустыне встречаются большие черви, но я не представлял... *насколько* большие...

– Я тоже, – выдохнула Джессика.

Чудовищная тварь вновь отвернула от скал и, набирая скорость, по плавной дуге устремилась к горизонту. Они вслушивались в звук его движения, пока зловеющий шорох не растаял в тихом шелесте вечно подвижного песка.

Пол глубоко вздохнул, взглянул на посеребренные луной скалы. Прочитировал по памяти «Китаб аль-Ибар»:

– *«Путешествуй ночью, днем же укрывайся в густой тени».*

Перевел взгляд на мать.

– До рассвета еще несколько часов. Идти сможешь?

– Погоди немного...

Пол сошел на усыпанный галькой и щебнем каменный «берег», вскинул на плечи рюкзак и подтянул лямки. Вынул паракомпас и принялся определять нужное направление.

– Хорошо, как только ты будешь в норме...

Она наконец оторвалась от скалы, чувствуя, как к ней возвращаются силы.

– Куда пойдём?

– Вдоль хребта. – Он махнул рукой.

– В глубокую Пустыню...

– В Пустыню фрименов... – прошептал он. И замер, пораженный отчетливо вставшим перед ним образом давнего видения – видения, явившегося ему еще на Каладане. Да, он уже видел эту пустыню! Но не совсем так. Образ был чуточку иным, как будто образ, хранившийся в памяти, при наложении на реальность несколько отличался от нее. Словно это изображение сдвинулось и он, оставаясь неподвижным, видел его под другим углом.

«Вот оно что – в том видении с нами был Айдахо, – вспомнил он. – Но теперь Айдахо мертв...»

– Ты знаешь, куда нам идти? – Джессика неверно поняла его колебания.

– Нет, – ответил он. – Но это не важно. Пойдем.

Он расправил плечи под лямками и пошел расщелиной, проточенной песком в камне. Расщелина вывела их на ровную каменную поверхность, к югу переходившую в лестницу из скальных террас.

Дойдя до первой из этих ступеней, Пол вскарабкался наверх. Джессика следовала за ним.

Она видела, как путь превратился в череду препятствий, каждое из которых требовало внимания, – то это были занесенные песком углубления в камне, где их шаги замедлялись, то резавший руки отточенный ветрами карниз, то еще какое-нибудь препятствие, – и всякий раз приходилось решать: обходить или пытаться преодолеть?.. Рельеф задавал свой собственный ритм. Говорили они теперь только по необходимости, и голоса звучали хрипло от страшной усталости.

– Осторожно, тут песок осыпается...

– Не стукнись – карниз низкий...

– Не выходи из тени гребня – луна в спину, мы будем слишком заметны...

Наконец Пол остановился у изгиба каменной стены, взвалил, не снимая, рюкзак на узкий выступ.

Джессика прислонилась к стене подле него, радуясь передышке. Она услышала, как Пол сосет воду из трубки дистикомба, и тоже глотнула. Обратная вода имела неприятный привкус – солоноватой была, что ли, – и Джессика вспомнила воду на Каладане. Взметнувшаяся ввысь струя огромного фонтана дугой обрамляет синеву неба... а она никогда не задумывалась о том, какое это богатство – столько воды... тогда она думала не о самой воде, а только о форме струи, ее блеске, звуке...

Остановиться... отдохнуть... отдохнуть по-настоящему...

Милосердие, подумала она, это возможность остановиться. Нет такой возможности – нет и милосердия.

Пол заставил себя оторваться от стены, повернулся и зашагал вверх по склону. Джессика со вздохом последовала за ним.

Потом они спустились на широкий карниз, огибавший гладкую скалу. Вновь их вел за собой рваный ритм неровного рельефа.

Всю сегодняшнюю ночь, казалось Джессике, все разнообразие заключалось лишь в размерах того, на что они наступали и за что хватались – скалы, камни, гравий и галька, песок – покрупнее и помельче, тончайшая пыльная пудра...

Эта пудра забивала носовые фильтры – то и дело приходилось их продувать. Мелкая галька и крупный песок на гладком камне катались под ногами – сделав неосторожный шаг, тут легко было упасть. Каменные осколки резали. А вездесущий песок, занесший каждую ямку, буквально хватал за ноги.

Внезапно Пол остановился на скальном карнизе и придержал мать, которая по инерции ткнулась в него и чуть не упала.

Он повел рукой налево. Проследив за его жестом, Джессика увидела, что в двух сотнях метров под обрывом, на который они вышли, начиналась Пустыня – застывший океан песка-

ных волн, посеребрённых луной. Их гребни – углы и плавные изгибы, начерченные тенями по светлому песку, – убегали вдаль, к теряющимся в ночи очертаниям следующей скальной гряды.

– Открытая Пустыня, – прошептала она.

– Придется переходить тут, – отозвался он. – Далековато... – Его голос глухо звучал из-под фильтра-респиратора.

Джессика посмотрела налево, направо – но повсюду под ними был лишь песок.

Пол же глядел вперед – туда, где тени дюн неспешно следовали за быстрой арракийской луной.

– Километра три-четыре, – сказал он.

– Черви... – проговорила она.

– Наверняка.

Она вдруг особенно сильно почувствовала свою усталость, боль в мышцах, заглушающую все остальные чувства.

– Может быть, отдохнем и поедем?..

Пол скинул рюкзак, сел, прислонившись к нему. Джессике, чтобы сесть, пришлось опереться на его плечо. Потом она услышала, как он повернулся и роется в рюкзаке.

– Вот, возьми.

Он положил ей в руку две капсулы энергетика. Его ладони были очень сухими.

Джессика проглотила капсулы, запив их скупым глотком конденсата из трубки дистикомба.

– Выпей всю воду, – посоветовал Пол. – Это аксиома: хранить воду лучше всего в собственном теле... Это поддерживает и придает силы. Доверься своему дистикомбу...

Она послушно осушила водяные карманы, чувствуя, как ее силы и в самом деле прибывают. Как мирно, как покойно было сидеть здесь, понемногу сбрасывая усталость... Ей вспомнились слова, сказанные как-то воином-менестрелем Гурни Халлеком: «Лучше сухой песок в тишине и покое, чем дом, полный жертв и борьбы».

Джессика повторила эти слова вслух, для Пола.

– Так говаривал Гурни, – отозвался он.

Таким тоном, подумала Джессика, говорят о мертвых. И скорее всего, сказала она себе, бедный Гурни действительно погиб.

Те, кто служил Дому Атрейдес, или погибли, или были взяты в плен, или, как они, блуждали в безводной пустыне.

– У Гурни всегда была наготове подходящая цитата, – проговорил Пол. – Как сейчас слышу: *«И реки сделаю сушею, и предам землю в руки злым, и рукою иноземцев опустошу землю и все, наполняющее ее...»*

Джессика зажмурилась – от того, как Пол процитировал древнюю книгу, к ее глазам подступили слезы. Немного погодя Пол спросил:

– Как ты... себя чувствуешь?

Она поняла, что вопрос относится к ее беременности.

– До рождения твоей сестры еще много месяцев. Я все еще... в форме.

Сказав это, она подумала, что говорит с сыном чересчур сухо, почти официальным тоном. Как сестра Бене Гессерит, приученная искать причины подобных странностей, она, поразмыслив, признала: «Я, оказывается, боюсь своего сына; я боюсь его... странности; я боюсь того, что он может видеть в нашем будущем, и особенно того, что он может рассказать мне об увиденном...»

Пол, опустив капюшон на глаза, вслушивался в звуки ночных насекомых. Собственное молчание звенело в его легких. А в носу свербилло... Пол потер нос, вынул фильтры и почувствовал густой запах корицы.

– Где-то поблизости выход меланжи, – сообщил он.

Ветерок точно гагачьим пухом гладил его щеки, шевелил складки бурнуса. Это был спокойный ветер, он не грозил бурей – Пол уже мог это чувствовать.

– Скоро рассвет, – сказал он. Джессика кивнула.

– Перейти участок открытого песка можно, – проговорил Пол. – Есть сравнительно безопасный способ. Фримены так делают...

– Но... а черви?

– Во фримпакете есть манок-колотушка. Если установить его здесь, он на некоторое время отвлечет червя.

Она смерила взглядом освещенную луной пустыню между ними и следующим скальным гребнем.

– «Некоторое время» – это достаточно, чтобы пройти четыре километра?

– Может быть. Если звуки нашей ходьбы не будут отличны от естественных звуков пустыни – иначе мы привлечем внимание червя.

Пол разглядывал открытую Пустыню, обращаясь к странной своей памяти о будущем и думая о загадочных намеках в руководстве фримпакета, связанных с манками и «крюками Подателя». И ему казалось странным, что мысли о червях вызывали у него лишь панический ужас. Он ощущал – это было где-то на краю его особого восприятия, – что червей следует уважать, а не бояться... если... если... Он потряс головой.

– То есть нельзя допускать ритмичный шум, – сказала Джессика.

– Что? Ага. Да. Если порвать ритм шагов... ведь песок должен и сам по себе оседать время от времени. Двигаться. Не может же червь бросаться на каждый звук. Но перед этим нам надо как следует отдохнуть.

Он посмотрел на гребень за песчаной полосой – вертикальные тени от луны на нем отмечали ход времени.

– Через час рассветет.

– Где мы проведем день? – спросила она. Пол, повернувшись, показал налево:

– Видишь, к северу обрыв поворачивает... Смотри, как он источен ветром; значит, это наветренная сторона. А раз так, там наверняка есть трещины, и достаточно глубокие.

– Так, может, пойдем? – спросила она. Пол встал и помог подняться матери.

– Ты достаточно отдохнула, чтобы осилить спуск? Я хотел бы подойти как можно ближе к краю песков, прежде чем поставить палатку.

– Ну ладно, довольно. – Она кивнула, предлагая ему снова идти впереди.

Он колебался, потом поднял рюкзак, взвалил его на плечи и зашагал по гребню.

«Если бы у нас были генераторы подвески, – подумала Джессика, – все было бы совсем просто: мы бы прыгнули с обрыва, и всё. Но, возможно, генераторы в открытой Пустыне тоже опасны и привлекают червей, как и щиты...»

Они подошли к великанской лестнице из уходящих вниз уступов, а дальше, за уступами, открывалась расщелина. Лунный свет и тени четко очерчивали ее края.

Пол шел первым, двигаясь осторожно, но быстро, почти торопливо – было очевидно, что лунный свет скоро исчезнет. Они спускались в мир сгущающейся тени. Вокруг едва угадывались уходящие в звездное небо скалы. Когда стены расщелины сошлись метров до десяти, перед ними оказался песчаный склон, уходящий вниз, во тьму.

– Будем спускаться? – шепотом спросила Джессика.

– Пожалуй...

Он ногой пощупал поверхность склона.

– Мы можем просто съехать вниз, – предложил он. – Я иду первым – а ты подожди, пока не услышишь, что я остановился.

– Только будь осторожнее, – попросила Джессика.

Он шагнул на откос, заскользил вниз – и съехал на почти ровный пол из плотного, слежавшегося песка. Вокруг возвышались скальные стены.

Сзади с громким шорохом вдруг обрушился песок. Пол попытался разглядеть в темноте склон, но поток песка едва не сбил его с ног. Затем песок успокоился, все стихло.

– Мама! – позвал он. Ответа не было.

– Мама!

Он бросил рюкзак, метнулся вверх по склону, оступаясь и скользя; он, словно обезумев, рыл и отбрасывал песок.

– Мама! – задыхался он. – Где ты, мама?!

Сверху обрушился новый поток песка, завалив его до бедер. Развернувшись, Пол сумел высвободиться.

«Она попала в обвал, – метались его мысли. – Ее завалило. Я должен успокоиться и подумать... Она не задохнется сразу – войдет в состояние бинду-остановки, чтобы снизить потребление кислорода. Ведь она понимает, что я буду ее откапывать...»

Пользуясь техникой Бене Гессерит, которой научила его мать, Пол сумел успокоить бешеное биение сердца и очистить разум, подобно тому, как вытирают грифельную доску – необходимо было зарегистрировать и осмыслить все случившееся в эти минуты. Каждое движение песка в оползне вновь прошло перед его глазами – как медленно тек песчаный поток по сравнению с долей мгновения, потребовавшейся ему, чтобы все вспомнить...

Наконец Пол пошел наискосок вверх по склону, осматривая и трогая песок. Отыскав стену расщелины и то место, где она поворачивала, он принялся копать, стараясь не потревожить склон и не вызвать новый обвал. Вот он почувствовал ткань – пошарил по ней, нащупал руку. Осторожно он провел по руке, очистил лицо.

– Ты меня слышишь? – спросил он. Она не отвечала.

Он принялся копать с удвоенной силой, освободил ее плечи. Она была безвольно-податливой, но он уловил медленное биение сердца: *бинду-остановка*.

Раскопав ее до пояса, он завел ее руки себе на плечи, потянул – сперва медленно, а потом изо всех сил. Наконец песок подался. Он тянул все сильнее и быстрее, задыхаясь, из последних сил удерживая равновесие. Он уже выбежал на плотно утрамбованный пол внизу, неся мать на плечах, спотыкаясь – и тут весь песчаный склон поехал вниз с оглушительным шипением и шорохом, отраженным и усиленным скальными стенами.

Остановился он в самом конце расщелины – внизу, всего метрах в тридцати, начинались ряды марширующих к горизонту дюн. Осторожно Пол уложил мать на песок и негромко произнес кодовое слово, которое должно было вывести ее из каталептического состояния.

Она медленно приходила в себя, делая все более глубокие вдохи.

– Я знала, что ты меня найдешь, – проговорила Джессика. Он взглянул в сторону расщелины.

– Может, было бы лучше, гуманнее, если бы я тебя не откопал...

– Пол!

– Я... потерял рюкзак, – угрюмо сообщил он. – Он там, под тоннами песка. Тонны – это как минимум.

– У нас ничего не осталось?

– Там – запасы воды, дистилент... все самое необходимое. – Он похлопал по карману. – Паракомпас, правда, остался. – Ощупав сумку на поясе, добавил: – Вот еще нож, бинокль... Можно как следует рассмотреть место, где мы умрем.

В это мгновение солнце показалось над горизонтом – слева, за краем расщелины. На песке заиграли яркие краски. Птицы проснулись в спрятанных в скалах гнездах, над пустыней зазвучал их хор.

Но Джессика видела лишь отчаяние в глазах Пола. С презрительной ноткой в голосе она сказала:

– Так-то тебя учили?

– Ты что, не поняла?! – крикнул он. – Все, что могло помочь нам выжить в Пустыне, – там, под песком!..

– Меня же ты нашел, – сказала Джессика, уже мягко, убеждаяще.

Пол сел на корточки.

Он медленно оглядывал новую осыпь в расщелине, изучая неровности песка.

– Если бы мы могли как-то обездвижить участок склона и свод лаза, который пришлось бы прокопать в песке – может, и удалось бы дорыться до рюкзака. Если бы пропитать песок водой... но воды для этого у нас не... – Оборвав фразу на полуслове, он вдруг воскликнул: – Пена!

Джессика боялась пошевелиться, чтобы не нарушить ход его мыслей – видно было, что разум Пола работает в гиперрежиме.

Пол повернул голову к дюнам, не только всматриваясь, но и внюхиваясь. Определив направление, он уставился на темное пятно на песке внизу.

– Пряность, – сказал он. – У нее же сильная щелочная реакция! А у меня остался паракомпас, и в нем – кислотная батарея!..

Джессика села, привалившись к скале.

Пол, не обращая на мать внимания, вскочил на ноги и стал спускаться по утрамбованному ветром песку, скопившемуся под устьем расщелины.

Она смотрела, как он, ломая ритм шага, идет по песку: шаг... пауза... два шага... скользкий шаг... пауза... Ритма, который мог бы выдать Пола охотящемуся в песках червю, не было.

Добравшись до выхода Пряности, Пол нагреб ее горкой на полу плаща и таким же образом вернулся к расщелине. Он высыпал Пряность перед Джессикой, опустился на корточки и, орудуя острием ножа, принялся разбирать паракомпас. Крышка отскочила.

Он снял кушак, разложил на нем части паракомпаса, вынул батарею. За нею последовал лимб – в корпусе прибора открылось отделение, напоминавшее чашку.

– Тебе понадобится еще и вода, – заметила Джессика. Пол набрал в рот воды из трубки дистикомба и выплюнул ее в опустевшее отделение паракомпаса.

«Если ничего не получится – пропала вода даром, – подумала Джессика. – Впрочем, тогда это уже не будет иметь никакого значения...»

Пол ножом взрезал корпус батареи, высыпал кристаллическую кислоту в воду. Пошел дымок, кристаллы растворились.

Джессика уловила движение наверху. Подняв голову, она увидела на краю расщелины несколько коршунов – усевшись в ряд, они смотрели вниз, на воду.

«Великая Мать! – подумала она. – Они чувствуют воду даже на таком расстоянии!..»

Пол снова закрыл паракомпас крышкой, оставив только отверстие на месте кнопки переключателя. Затем, взяв в одну руку переделанный прибор, в другую – горсть Пряности, Пол направился по склону вверх. Без кушака его бурнус слегка раздувался на ходу. Каждый шаг вызывал к жизни ручейки песка и пыли.

Наконец он остановился, бросил в паракомпас щепотку Пряности и потряс прибор.

Из отверстия на месте кнопки бурно поползла зеленая пена. Пол принялся поливать ею склон, вода паракомпасом по пологой дуге, ногами отбрасывая песок под ней и снова закрепляя пеной открывающийся песок...

Джессика подошла сзади:

– Помочь?

– Поднимись сюда и копай, – бросил он. – Придется прорыть метра три. Будем надеяться – получится...

В это время пена перестала течь.

– Быстро! – скомандовал Пол. – Неизвестно, сколько времени пена сможет удерживать песок!

Джессика встала рядом с сыном, а тот кинул в выпотрошенный паракомпас новую щепоть меланжи, встряхнул. Пена с новой силой начала извергаться из отверстия.

Пол поливал песок, создавая барьер против осыпи, Джессика руками рыла песок, отбрасывая его вниз по склону.

– Сколько еще? – задыхаясь, спросила она.

– Метра три, – ответил он. – Причем я определил место только приблизительно. Может, придется еще расширять эту яму...

Он шагнул в сторону, оскальзываясь на сыпучем песке.

– Ты давай рой наклонно, не отвесно.

Джессика повиновалась.

Яма постепенно углублялась. Ее дно уже достигло уровня дна расщелины – а рюкзака не было.

«Неужели я просчитался? – спросил себя Пол. – Все из-за меня: это я запаниковал, и все случилось от этого. Неужели это подорвало мои способности?»

Он заглянул в паракомпас. Оставалось меньше двух унций кислоты.

Джессика распрямила спину, отерла щеку вымазанной в пене рукой. Снизу вверх глянула на сына, их глаза встретились.

– Чуть выше, – сказал Пол. – Только осторожно...

Он засыпал в корпус прибора еще щепоть Пряности и стал поливать бурлящей пеной песок вокруг рук Джессики, которая принялась прокапываться вверх по склону. Со второго раза ей под руки попало что-то твердое. Медленно, осторожно она вытянула из песка лямку с пластиковой пряжкой.

– Стой, не тяни больше, – почти шепотом сказал Пол. – Пена кончилась.

Джессика посмотрела на него, не выпуская из рук лямку.

Пол швырнул опустевший паракомпас на дно ямы.

– Давай руку. Теперь слушай внимательно. Я выдерну тебя в сторону и вниз по склону. Только не выпускай лямку! Вряд ли новый оползень будет сильным, осыпь, кажется, стабилизировалась. Все, что нам нужно, – это чтобы твоя голова осталась на поверхности. Когда яму засыплет, я откопаю и тебя, и рюкзак.

– Поняла, – ответила она.

– Готова?

– Готова. – Она изо всех сил стиснула лямку.

Одним рывком Пол наполовину выдернул ее из ямы, стараясь держать ее голову как можно выше. Пенный барьер прорвался, и песок хлынул вниз. Когда его поток остановился, Джессика оказалась засыпанной по пояс, хотя левая рука и плечо остались в песке. Лицо защитила пола плаща Пола под подбородком. Плечо Джессики ломило от напряжения.

– Я держу рюкзак, – сказала она.

Пол медленно ввел пальцы в песок возле ее руки, нащупал лямку.

– Ну-ка, вместе, – сказал он. – Только постепенно, чтобы не порвать...

Пока они вытягивали рюкзак, ссыпалось еще немного песка. Наконец лямка показалась на поверхности, и Пол остановился, чтобы освободить из песка мать. Вдвоем они извлекли рюкзак из песчаной ловушки.

Через несколько минут они уже были на дне устья расщелины, так и держа рюкзак вдвоем. Пол посмотрел на мать. Ее лицо и одежда были покрыты пятнами зеленой пены. Кое-

где на засохшую пену прилип песок. Было похоже, что ее забросали комьями мокрого, липкого зеленого песка.

– Ну и вид у тебя, – усмехнулся он.

– Думаешь, ты чище? – отозвалась она.

Они засмеялись было, но смех тут же оборвался.

– Это моя вина, – проговорил Пол. – Я был неосторожен. – Она пожала плечами (присохший песок посыпался с ее одежды). – Я ставлю палатку, – решил Пол. – Стоит раздеться и вытряхнуть песок. – Он отвернулся и открыл рюкзак. Джессика кивнула – внезапно ощутив, что у нее не осталось сил, чтобы говорить вслух. – Смотри-ка, здесь в скале крепезные отверстия! – сказал Пол. – Кто-то уже ставил тут палатку...

«Почему бы и нет?» – подумала Джессика, отряхивая одежду. Место было подходящим для лагеря: между высоких скальных стен, а впереди, километрах в четырех, – еще стена; до песка достаточно далеко, чтобы укрыться от червей, – но не так далеко, чтобы к нему было тяжело спускаться...

Повернувшись, Джессика увидела, что Пол уже поставил диститент. Его ребристый купол сливался с камнем стен ущелья.

Пол подошел к ней, поднял бинокль, быстро подкрутил его, регулируя внутреннее давление, сфокусировал масляные линзы на противоположной стене – золотисто-бурые в лучах утреннего солнца скалы поднимались над песками.

Джессика смотрела, как Пол разглядывает этот апокалиптический ландшафт с его каньонами и песчаными реками.

– Там что-то растет, – сказал он.

Джессика достала из рюкзака второй бинокль, встала рядом с сыном.

– Вон там, – показал он, не отводя бинокль от глаз.

– Сагуаро, – сказала она. – Эта сухая штука...

– Поблизости могут быть люди.

– Может, тут просто была ботаническая станция? – предположила она.

– Вряд ли, мы слишком углубились на юг в Пустыню, – ответил он, опустил бинокль и почесал под носом, возле фильтров, – он почувствовал, как высохли и потрескались его губы, и особенно сильно ощутил во рту сухой вкус жажды. – Такое ощущение, что тут живут фримены, – добавил он.

– Ты уверен в их дружелюбии?

– Кинес, во всяком случае, обещал их помощь.

«Но эти люди Пустыни – народ отчаянный, – подумала она. – Потому что они каждый день сталкиваются с отчаянными ситуациями; я сегодня ощутила на себе отчаянность и отчаяние... Они могут убить нас ради нашей воды».

Она закрыла глаза и, усилием воли вытеснив образ Пустыни, вызвала видение Каладана. Это было еще до рождения Пола. Они – она и герцог Лето – были на отдыхе, путешествовали. Они летели над джунглями Юга, яркой листвой дикого леса, над рисовыми чеками в устьях рек. Среди зелени виднелись муравьиные тропы, по которым тянулись караваны, – носильщики несли грузы на шестах, поддерживаемых силовыми генераторами. А вдоль побережья качались на волнах белые лепестки тримаранов-дхоу...

Все ушло!

Джессика открыла глаза. Неподвижная пустыня в нарастающей жаре нового дня. Беспокойные демоны жары уже начали баламутить воздух над раскаленным песком. Каменная гряда за песчаным заливом, казалось, была видна через дешевое волнистое стекло.

Устье ущелья на миг занавесила песчаная дымка – маленький обвал сорвался с кручи, то ли от порыва утреннего ветра, то ли сбитый коршунами, которые один за другим начали

сниматься с вершины. Когда пескопад прекратился, Джессика все еще слышала его шелест – и этот шелест становился все громче! Кто раз слышал этот звук, уже не мог забыть его.

– Червь, – прошептал Пол.

Он появился справа с тем непринужденным величием, которое нельзя было бы оставить без внимания. Огромная продолговатая гора, изгибающаяся при движении, разрезая песчаные волны, появилась в поле их зрения. Передняя часть горы слегка приподнялась, отвернула, пыля – точно дугообразная волна в воде, – и исчезла, уйдя куда-то влево.

Звук постепенно стих.

– Видел я космические фрегаты, что были поменьше... – прошептал Пол.

Она кивнула, не отрывая взгляд от пустыни. Там, где прошел червь, остался завораживающе ровный след. Уныло-бесконечный, тянулся он перед ними, словно маня за собой, под далекую линию горизонта.

– Когда отдохнем, – сказала Джессика, – продолжим твои занятия.

Он подавил внезапное раздражение.

– Мама, а тебе не кажется, что можно было бы обойтись и без...

– Вот ты сегодня ударился в панику, – строго сказала она. – Возможно, ты и знаешь свой разум и бинду-иннервацию лучше меня. Но вот свою прана-мускулатуру тебе еще изучать и изучать. Видишь ли, тело порой начинает действовать само по себе, независимо от своего хозяина. Я могу тут еще многому научить тебя. Ты должен научиться контролировать каждую мышцу, каждый нерв своего тела, научиться управлять ими. Тебе нужно повторить работу с руками. Начнем с мускулатуры пальцев, сухожилий кисти и чувствительности подушечек. – Она повернулась. – А теперь – ступай в палатку.

Он согнул и разогнул пальцы, наблюдая, как мать забирается в диститент, проползая через отверстие сфинктерного клапана. Кажется, он все равно не сумеет отговорить ее – она упорна в своем намерении. Придется подчиниться...

«Не знаю, что они со мной сделали, но и я сам кое-что сделал для этого», – подумал он.

Это надо же – повторить работу с руками!

Он посмотрел на свою руку. Какой беспомощной кажется она по сравнению с таким чудовищем, как этот червь...

* * *

Мы пришли с Каладана – райского мира для нашей, человеческой формы жизни. Там, на Каладане, не было нужды строить рай для тела или духа – перед нашими глазами была уже райская действительность. Но за нее мы заплатили ту цену, какой люди всегда расплачивались за райскую жизнь: мы стали слабыми, изнеженными, потеряли закалку.

Принцесса Ирулан. «Беседы с Муад'Дибом»

– Ты, значит, и есть тот самый знаменитый Гурни Халлек, – повторил его собеседник.

Халлек стоял в круглом, вырубленном в скале зале, оборудованном подо что-то вроде конторы, напротив сидящего за металлическим столом контрабандиста. На хозяине кабинета были фрименские одежды, но глаза не были такими беспросветно-синими, как у фрименов, выдавая, что ему нередко приходится есть инопланетную пищу. Помещение имитировало центральный командный пункт космического фрегата – на одной шестой стены размещались экраны интеркомов и внешнего обзора; с обеих сторон дугу экранов замыкали пульта управления вооружением; а стол выступал из противоположной стены.

– Я – Стабан Туек, сын Эсмара Туека, – представился контрабандист.

– Тогда я именно тебя должен благодарить за оказанную помощь, – поклонился Халлек.

– А-а, благодарность... – неопределенно сказал Туек. – Что ж, присаживайся.

Из стены, возле экранов, выдвинулось корабельного типа глубокое кресло, и Халлек со вздохом опустился в него. Он почувствовал, как устал. Теперь он видел свое отражение в темной поверхности экрана возле контрабандиста и скривил губы, заметив тяжелые линии на своем бугристом лице – следы усталости. Багровый шрам от чернильника на скуле тоже искривился от его гримасы.

Оторвавшись от отражения, Халлек взглянул на Туека. Да, он походил на отца – те же густые тяжелые брови, такие же рубленые черты...

– Твои люди сказали мне, что твой отец убит Харконненами, – проговорил Халлек.

– Может, Харконненами, а может – и предателями из ваших, – бросил Туек.

Гнев почти заставил Халлека забыть об усталости.

– Ты можешь назвать имя?

– У нас нет полной уверенности...

– Суфир Хават подозревал леди Джессику...

– М-м... Бене-гессеритская ведьма... возможно. Но Хават сейчас в руках Харконненов.

– Слышал. – Халлек глубоко вздохнул. – Похоже, без новых убийств не обойдется.

– Мы не предпримем ничего, что могло бы привлечь к нам внимание, – отрезал Туек.

Халлек замер:

– Как, а...

– Ты и все твои люди найдете среди нас убежище, – сказал Туек. – Ты говорил о благодарности? Прекрасно; можешь отработать свой долг. Нам нужны настоящие храбрецы. Хотя попытайся ты выступить против Харконненов – и мы не задумываясь уничтожим тебя.

– Но они же убили твоего отца!

– Возможно. Но даже если и так... Я отвечу тебе, как отвечал мой отец тем, кто сперва действует, а потом думает: «Камень тяжел, и песок весит немало; но гнев глупца еще тяжелее».

– Ты хочешь сказать, что спустишь им это с рук? – презрительно прищурившись, спросил Халлек.

– Такого я не говорил. Я лишь сообщаю, что не хочу ставить под удар наш договор с Гильдией. А Гильдия хочет, чтобы мы играли осторожно. Для того чтобы уничтожить врага, есть и другие методы...

– А-а...

– Вот именно – «а-а». Хочешь искать свою ведьму – ищи. Но я должен предупредить тебя, что скорее всего ты опоздал... к тому же мы сомневаемся, что предала именно она.

– Хават редко ошибался.

– Но все же ошибался. Например, дал себя заполучить Харконненам.

– Так, по-твоему, это он предатель?

Туек пожал плечами:

– Этот вопрос представляет скорее чисто академический интерес. Ведьма, как мы имеем основания полагать, мертва. Харконнены, по крайней мере, в этом убеждены.

– Ты, похоже, многое знаешь о Харконненах.

– Намеки, предположения, слухи и просто догадки.

– Нас семьдесят четыре человека, – проговорил Халлек. – Раз ты действительно хочешь взять нас к себе, то, значит, уверен, что герцог мертв.

– Видели его труп.

– А... мальчик? Молодой господин, Пол? – Халлек попытался сглотнуть, но горло перехватило.

– Согласно последним сведениям, он и его мать попали в пустынную бурю. Так что мало надежды даже на то, что найдутся хотя бы их кости...

– Значит, и ведьма мертва... все мертвы...

Туек кивнул.

– А вдобавок ко всему Зверь Раббан, как говорят, снова возьмет власть на Дюне в свои руки.

– Граф Раббан Ланкивейльский?

– Он самый.

Халлеку пришлось приложить немалое усилие, чтобы подавить вспышку ярости. Задыхаясь, он медленно сказал:

– К Зверю Раббану у меня есть свой счет. Я задолжал ему за смерть всей моей семьи... – Он провел пальцами по скуле. – И за это...

– Можно ли рисковать всем ради поспешного сведения счетов? – укоризненно сказал Туек. Он хмурился, глядя, как ходят желваки на скулах Халлека, как обратился куда-то внутрь взгляд его полуприкрытых глаз.

– Д-да... я знаю, – выдохнул наконец Халлек.

– Итак, ты и твои люди можете оплатить вывоз вас с Арракиса, работая на нас. Есть много мест, куда...

– Я снимаю со своих людей все обязательства передо мной. Пусть решают сами. Но раз Раббан здесь – я остаюсь.

– Не уверен, что мы сможем тебя оставить – с такими-то настроениями...

Халлек в упор взглянул на контрабандиста:

– Ты сомневаешься в моем слове?

– Не-ет...

– Ты спас меня от Харконненов. Я был верен герцогу Лето за то же... Поэтому я остаюсь на Арракисе. С тобой... или с фрименами.

– Высказана мысль или нет – но она реальна и имеет силу, – сказал Туек. – А ты знаешь, что, оказавшись среди фрименов, можешь найти грань между жизнью и смертью слишком острой... и подвижной?

Халлек прикрыл на миг глаза – на него внезапно навалилась чудовищная усталость.

– *«Где господь, который... вел нас по пустыне, по земле сухой и необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной?...»* — пробормотал он.

– Не торопись – и день твоей мести придет, – сказал Туек. – Поспешность – орудие шайтана. Умерь свое горе; у нас есть все необходимое для того. Есть три вещи, способные успокоить сердце, – вода, зеленая трава и красота женщин. Халлек открыл глаза.

– Я предпочел бы, чтобы возле моих ног текла кровь Раббана Харконнена. – Он в упор посмотрел на Туека. – Ты думаешь, придет такой день?

– Я почти никак не связан с твоим будущим, Гурни Халлек. Все, что я могу, – это помочь тебе сегодня.

– Тогда я принимаю помощь – и остаюсь с тобой, пока ты не решишь, что пришло время мстить за твоего отца и всех, кто...

– Слушай, *воин*... – Туек перегнулся через стол, вытянув шею и жестко глядя на Халлека. Лицо контрабандиста закаменело. – Вода моего отца... За его воду я расплачусь сам. Собственным клинком.

Халлек ответил Туеку таким же взглядом в упор. В этот миг контрабандист напомнил ему герцога Лето: вождь, смелый, уверенный в себе, непоколебимый в своих поступках. Да, точно как герцог Лето... до Арракиса.

– Ты хочешь, чтобы мой клинок был рядом с твоим? – спросил Халлек.

Туек откинулся на спинку кресла, расслабился, молча разглядывая Халлека.

– Ты считаешь меня воином? – настаивал Халлек.

– Во всяком случае, ты – единственный из приближенных герцога, кому удалось спастись, – ответил Туек. – Враг был гораздо сильнее, но ты боролся и отходил... Ты боролся с ним, как мы – с Арракисом.

- А?..
- Мы живем пока что в покорстве, Гурни Халлек, – объяснил Туек. – Наш враг – Арракис.
- Значит, «бей врага поодиночке» – так?
- Так.
- Это и фрименский принцип?
- Возможно.
- Ты сказал, что жизнь с фрименами может показаться мне слишком суровой. Ты имел в виду, что они живут в открытой Пустыне?..
- Кто знает, где живут фримены? Для нас Центральное плато – земля ничейная, пустая... Но я хочу поговорить с тобой еще вот о...
- Мне говорили, что Гильдия старается не водить свои меланжевые лихтеры над Пустыней, – сказал Халлек. – Но ходят слухи, что если все-таки лететь над Пустыней и знать, где искать, – можно увидеть в некоторых местах островки зелени...
- Слухи! – скривился Туек. – Ну ладно. Так что ты выберешь – жизнь с нами или с фрименами? Мы живем в относительной безопасности; наш сиетч высечен в скале, у нас есть собственные хорошо укрытые котловины. Мы живем, в конце концов, как цивилизованные люди. А фримены... шайки бродяг и оборванцев, которых мы нанимаем как охотников за Пряностью...
- Но они могут убивать Харконненов.
- А результат? Уже сейчас за фрименами идет охота, как за дикими зверями. С лучеметами – они ведь не используют щиты. Их просто уничтожают. А почему? Потому, что они убивали Харконненов.
- Именно Харконненов? – спросил Халлек.
- Что ты имеешь в виду?
- Разве ты не слышал, что на стороне Харконненов, возможно, были сардаукары?
- Опять слухи...
- Но погром – это совсем не в стиле Харконненов. Слишком расточительно.
- Я верю только тому, что вижу своими глазами, – отрезал Туек. – Выбирай же, воин! Я – или фримены. Я могу обещать тебе убежище и возможность когда-нибудь пролить кровь нашего общего врага. Можешь в этом на меня положиться. Ну а фримены смогут предложить тебе лишь жизнь – жизнь преследуемого, жизнь дичи.
- Халлек задумался – слова Туека звучали мудро и сочувственно. Но все же что-то его настораживало, а что – он и сам не понимал.
- Ты должен больше верить себе, – настойчиво сказал Туек. – Чьи решения помогли тебе в бою, если не твои собственные? Решай.
- Да, решать надо, – проговорил Халлек. – Так герцог и его сын мертвы?
- Харконнены считают, что мертвы. В подобных делах я склонен верить Харконненам... – Мрачная улыбка коснулась губ Туека. – Но в чем-либо ином – вряд ли.
- Тогда я принимаю решение, – сказал Халлек. Он в традиционном жесте поднял правую руку ладонью вверх, прижав большой палец. – Мой меч – твой меч.
- Я принимаю его.
- Хочешь ли ты, чтобы я постарался привлечь на твою сторону также и моих людей?
- Ты что, предоставишь им решать это самим?
- Они шли за мной – до сих пор. Но почти все они уроженцы Каладана. Арракис обманул их: они потеряли здесь все, кроме своей жизни. Поэтому я бы хотел, чтобы они могли решать сами...
- Разве теперь время миндальничать? Ведь они же шли за тобой.
- Иначе говоря, они тебе нужны.
- Мы всегда найдем дело для опытных бойцов. Особенно в такие времена.

- Ты принял мой меч. Хочешь ли ты, чтобы я убедил и своих людей?
- Я думаю, Гурни Халлек, что они пойдут за тобой.
- Надеюсь, что да.
- Уверен.
- Итак, я могу решать это сам?
- Решай.

Халлек не без труда встал из глубокого кресла – даже это небольшое усилие, оказывается, было слишком тяжело для него.

– Сейчас я бы хотел посмотреть, как они устроены и не нуждаются ли в чем-нибудь.

– Обратись к моему квартирмейстеру, – сказал Туек. – Его звать Дриск. Передай, что я велел проявить к вам максимум внимания. Чуть позже я подойду сам, а сейчас я прежде всего должен проследить за отправкой груза Пряности.

– С кем удача, тот всюду пройдет, – пробормотал Халлек.

– Всюду, – подтвердил Туек. – Надо сказать, в смутное время в нашем деле открываются просто редкостные возможности...

Халлек кивнул. Послышался тихий шелест. Гурни ощутил движение воздуха – рядом с ним открылся люк. Он повернулся и, пригнувшись, вышел.

Он оказался в зале, через которую незадолго до этого его с товарищами провели люди Туека. Длинное узкое помещение было высечено в скале – гладкие стены показывали, что тут применялись лучерезы. Потолок, следуя природному строению скалы и образуя надежный свод, уходил вверх достаточно высоко, чтобы обеспечить естественную циркуляцию воздуха в помещении. Вдоль стен тянулись закрытые шкафчики и стойки с оружием.

Не без гордости Халлек отметил, что те из его людей, кто был способен держаться на ногах, все еще стояли. Даже усталые, потерпевшие поражение, они не позволяли себе расслабиться. Среди них Халлек заметил также медиков контрабандистов, которые оказывали помощь раненым. По левую руку составили контейнеры-носилки, и возле каждого из тяжело-раненых сидел кто-нибудь из людей Атрейдесов.

Это было в правилах Дома Атрейдес, с этого начиналось обучение воинов: «Мы заботимся о своих». И это правило, выдержав все, оказалось незыблемо.

Один из офицеров подошел к Халлеку, доставая из футляра его девятиструнный балисет. Резко отсалютовав, офицер сообщил:

– Командир, врачи сказали, что Маттаи безнадежен. Банка костей и органов здесь у них нет, только то, что необходимо для первой помощи. Так что Маттаи скоро умрет – и у него есть к вам просьба.

– Какая?

Офицер протянул ему балисет.

– Маттаи хотел бы услышать песню – чтобы она облегчила его уход. Он говорит, вы знаете, – он часто просил вас ее спеть. – Лейтенант сглотнул. – Она называется «Моя женщина», сэр. Может быть, вы...

– Я знаю ее. – Халлек взял балисет, достал из паза на деке мультиплектр. Взял мягкий аккорд – оказывается, кто-то уже настроил инструмент. У него защипало в глазах, но он выбросил это ощущение из головы и повел мелодию, заставляя себя непринужденно улыбаться.

Несколько его людей и один из врачей контрабандистов склонились над носилками умирающего. Один из бойцов Атрейдесов негромко запел, легко ведя песню в контртон. Было видно, что песня хорошо знакома ему:

Женщина моя – у окна,
Нежных линий плавный изгиб.
Рук прекрасных живая волна

На квадрате светлом стоит,
За окном полыхает закат,
И струится изгиб нежных рук...
Жду вас, руки любимой моей,
Руки милой.
Обнимите нежней и теплей,
Руки милой...

Певец смолк и забинтованной рукой прикрыл веки человека на носилках.
Халлек завершил мелодию тихим, мягким аккордом.
«Теперь нас осталось семьдесят три», – подумал он.

* * *

Семейную жизнь в Ройял-Креш – «Королевских Яслях» – многие могут найти достаточно трудной для понимания, но все же я попытаюсь дать хотя бы самое общее представление об этом.

Я думаю, что у отца был лишь один настоящий друг – граф Хасимир Фенринг, генетический евнух и один из лучших бойцов Империи. Граф – это был вертлявый и довольно уродливый коротышка, но большой щеголь – привел как-то к отцу новую рабыню-наложницу. Мать попросила меня поглядеть за происходящим: нам всем приходилось шпионить за отцом, просто ради собственной безопасности. Разумеется, ни одна из наложниц, которых, согласно договору между Бене Гессерит и Гильдией Космогации, подарили моему отцу, не могла бы принести ему наследника – но интриги в этом направлении не прекращались никогда и даже угнетали своим однообразием. Нам же – матери, сестрам и мне – пришлось в совершенстве научиться избегать изощреннейших орудий убийства.

Возможно, ужасно говорить так о своем отце – но я отнюдь не уверена, что он был непричастен ко всем этим покушениям. Императорская семья, увы, не походит на обычные семьи.

Итак, новая рабыня оказалась рыжеволосой, как отец, гибкой и изящной. У нее были сильные мышцы настоящей танцовщицы, а ее подготовка, это было видно с первого взгляда, включала знание системы нейрообольщения. Отец долго рассматривал ее, обнаженную, и наконец сказал: «Нет, она чересчур красива. Пожалуй, лучше сохранить ее для подарка кому-нибудь...» Вы не сможете вообразить, какое смятение вызвало такое самоограничение в Ройял-Креш. Дело в том, что пронизательность, коварство и способность к самоконтролю всегда были для нас главной угрозой.

Принцесса Ирулан. «В доме моего отца»

Уже наступал вечер. Пол стоял возле диститента. Расщелина, где он разбил палатку, уже была затоплена тенью. Пол смотрел через песчаный пролив на скальную стену и прикидывал, не пора ли будить мать – она еще спала в палатке.

От устья расщелины вдаль бежали бесконечные складки дюн. Под катящимся к горизонту солнцем дюны отбрасывали жирные тени – словно под ними прятались ключья ночи.

Монотонность плоской равнины угнетала. Он попытался уцепиться глазами хоть за что-нибудь, но все было плоско и неподвижно – кроме дрожащего марева раскаленного воздуха. Нигде ни былинки, которая могла бы дрогнуть от ветерка... лишь дюны и далекая стена под сверкающим серебристо-голубым небом.

«А что мы будем делать, если окажется, что это – вовсе не одна из заброшенных испытательных станций? – думал он. – Что, если там нет фрименов и замеченные нами растения – лишь случайность?»

В это время Джессика проснулась, повернулась на спину и сквозь прозрачную секцию посмотрела на сына. Он стоял к ней спиной – и что-то в его позе, фигуре напомнило ей его отца. Она ощутила, как волна горя вновь поднимается в ней – и отвернулась.

Наконец она смогла заняться собой – застегнула дистикомб, попила воды из кармана диститента, вышла и потянулась, прогоняя сон.

Не поворачиваясь, Пол проговорил:

– Какая тишина... Я поймал себя на том, что уже наслаждаюсь ею.

«Как его разум приспосабливается к окружающему», – подумала Джессика и припомнила одно из основополагающих утверждений учения Бене Гессерит: *«Под воздействием стресса разум может отклониться в любую сторону, как в положительную, так и отрицательную, как верньер – от позиции «Включено» и до «Выключено»... Представьте себе это как спектр или шкалу, где на одном конце – полное отключение сознания, а на другом – гиперсознание. То, куда отклонится разум, во многом зависит от подготовки».*

– А тут можно было бы неплохо жить, – сказал Пол.

Она попыталась увидеть Пустыню его глазами, попыталась представить все те лишения, которые Арракис принимал как должное, и гадала, какие варианты будущего видит ее сын.

«Здесь, – думала она, – человек может быть один, не боясь врага за спиной, не опасаясь охотников...»

Она подошла к сыну, подняла бинокль, подстроила масляные линзы и вновь оглядела противоположную стену. Да, действительно – сагуаро, еще какие-то колючки... а в их тени – низкая и редкая желто-зеленая трава.

– Я сворачиваю лагерь, – решил Пол.

Джессика кивнула, прошла к самому концу расщелины, откуда открывался более широкий вид, повела биноклем налево. Там сверкала белоснежная солончаковая котловинка. Белое поле – а в этом мире белый был цветом смерти. Но котловина говорила о другом: о воде. Когда-то эта искрящаяся белизна была скрыта водой... Джессика опустила бинокль, поправила бурнус и некоторое время стояла неподвижно, прислушиваясь к тому, как позади Пол убирает палатку.

Солнце опускалось. Через соляную котловинку протянулись длинные тени. Над закатным горизонтом загорелись яркие полотнища цвета. Постепенно начала сгущаться темнота; угольно-черные тени казались пальцами ночи – она будто осторожно трогала Пустыню, прежде чем ступить на нее. Словно купальщица на краю холодной воды...

И вот занавес ночи опустился над песками. Вспыхнули звезды.

Джессика подняла к ним глаза. Подошел Пол – она почувствовала его движения. Ночь в Пустыне устремлялась ввысь – казалось, будто ты сам поднимаешься к звездам. Давящая тяжесть дня уходила. Лиц коснулся ночной ветерок.

– Скоро встанет Первая луна, – сказал Пол. – Я уже уложил рюкзак и поставил манок...

«Мы можем навсегда сгинуть в этом проклятом месте, – подумала Джессика. – Никто даже не узнает...»

Ветерок поднимал облачка песка, и песчинки били по лицу. Он нес запах корицы, который источала ночь.

– Чувствуешь запах? – спросил Пол.

– Даже через фильтры. Тут просто несметные сокровища – но воды здесь за них не купишь... – Она повела рукой. – Смотри: ни одного огонька.

– Фрименский сиетч, если он здесь есть, должен быть укрыт за теми скалами, – возразил он.

Над горизонтом по правую руку блеснула серебряная полоска: всходила Первая луна. Она поднялась; на ее диске отчетливо вырисовывался силуэт руки. Джессика внимательно оглядывала посеребренные лунным светом пески.

– Я поставил манок в самом глубоком месте нашей расщелины, – сообщил Пол. – Когда я зажгу свечу, у нас будет около тридцати минут.

– Тридцати минут?

– Ну да, прежде чем он начнет звать... ну... червя.

– О. Понятно. Я готова – идем?

Пол отошел – слышно было, как он поднимается к месту их дневки.

«Ночь – как тоннель, – думала Джессика, – дыра в завтра... если завтра наступит для нас. – Она потрясла головой, отгоняя тяжелые предчувствия. – Да что это я? Нельзя поддаваться мрачным мыслям – меня не тому учили!...»

Вернулся Пол, поднял рюкзак и зашагал вниз. Дойдя до первой дюны, он остановился, поджидая мать – и не оборачиваясь, слышал ее мягкие шаги. Мерные тихие звуки на языке Пустыни были опасными звуками...

– Надо идти без ритма, – озабоченно сказал Пол, припоминая, как ходят в Пустыне... это была память и реальная, и провидческая... – Смотри, – сказал он. – Вот как фримены ходят по пескам...

Он ступил на наветренный склон дюны и пошел вдоль ее изгиба, подволакивая ноги.

Джессика следила за ним шагов десять, потом пошла следом, подражая походке сына. Она уловила принцип: надо стараться имитировать естественные звуки Пустыни, возникающие от подвижек песка... от ветра. Но мышцы не желали следовать ненормальной системе: шаг... шарканье... шарканье... шаг... пауза... шарканье... шаг...

Вокруг них расстилось само Время. Скальная стена впереди, кажется, вовсе не приближалась, а та, что осталась за спиной, все так же возвышалась над ними.

Тумп! Тумп! Тумп! Тумп! – застучало сзади.

– Манок, – сквозь зубы пробормотал Пол.

Машинка стучала... и вдруг оказалось, что очень трудно не поддаться ее ритму, не шагать в такт ударам. Тумп... тумп... тумп... тумп...

Они шли по залитой лунной котловине, и мерный стук пронизывал все вокруг вниз и вверх, вверх и вниз по осыпающимся склонам дюн: шаг... шарканье... пауза... шаг... По крупному песку, почти гальке, на котором оскальзываются ноги: шарканье... пауза... пауза... шаг...

Напряженно вслушиваясь, они ждали, что вот-вот послышится знакомый шорох.

Когда же этот звук наконец пришел, он был вначале так тих, что шаги его заглушили. Но звук, приближаясь с запада, нарастал... становился все громче... громче...

Тумп... тумп... тумп... тумп... – усердно долбил манок.

Оглушительный шорох затопил ночь. Обернувшись на ходу, они увидели огромный движущийся вал песка.

– Иди, – прошептал Пол. – Не оглядывайся!..

Сзади, от скал, раздался яростный шум, схожий со звуком обвала.

– Иди! – повторил Пол.

Он отметил, что теперь обе стены, и впереди и сзади, были на одинаковом удалении.

А позади разъяренный червь крушил скалы, бился о них, и грохот сотрясал тьму.

Они все шли и шли. Мышцы ныли той же привычной болью, которая, казалось, растянулась в бесконечность. Но манящая стена впереди приближалась.

Джессика шла словно в пустоте, сконцентрировавшись только на том, чтобы идти: лишь сила воли заставляла ее передвигать ноги. Рот горел от жажды, но раздавшиеся за спиной звуки не позволяли и думать остановиться – пусть даже на миг, чтобы попить воды из водяных карманов...

Тумп... Тумп...

Взрыв бешеной ярости позади с новой силой сотряс скалы, заглушив манок.

И все смолкло.

– Быстрее! – прошептал Пол.

Она кивнула, хотя и знала, что он не видит ее жеста, который был нужен ей самой – как бы дать понять мышцам, и без того измотанным до предела работой в противоестественном ритме, что от них потребуются еще большие усилия...

Стена впереди, несущая безопасность, уже закрывала звезды. У ее подножия тянулась полоса совершенно ровного песка. Пол ступил на песок, споткнулся – он очень устал – и, пытаясь удержать равновесие, почти впрыгнул на гладкую поверхность.

Гулкий удар сотряс песок.

Пол резко отпрыгнул в сторону, на два шага.

Бум! Бум!

– Барабанные пески! – придушенно воскликнула Джессика.

Пол ухитрился восстановить равновесие. Мельком оглянувшись, успев охватить взглядом пески и скалы, – до них оставалось всего метров двести. А позади раздался шорох. Как ветер, как гул потока... в мире без воды.

– Беги! – закричала Джессика. – Пол, беги!

И они побежали.

Барабанный песок оглушительно рокотал под ногами. Миновав его предательскую полосу, они вылетели на мелкий гравий. Какое-то время бег казался отдыхом: по крайней мере в нем был нормальный ритм, это было естественное, понятное действие. Но песок и гравий словно хватали их за ноги. А страшный шорох приближался – казалось, на них надвигается буря.

Джессика споткнулась, упала на колени. Для нее не осталось ничего – лишь усталость, лишь звук позади, лишь ужас.

Пол рывком поднял ее.

Впереди появился тонкий шест, торчащий из песка. Они миновали его, увидели следующий. Но Джессика поняла, что видит нечто необычное, лишь когда шесты остались позади.

А вот и еще один шест, изъеденный ветром и песком, торчит из щели в камне.

И еще один.

Скала!

Она почувствовала ее под ногами – твердая поверхность, а не вязкий песок. Стало легче бежать, у нее будто прибавилось сил. В каменной стене впереди темнела вертикальная тень – щель в скале. Они из последних сил рванулись к ней, забились внутрь.

А позади стих зловещий шорох.

Джессика и Пол обернулись.

Там, где кончались песчаные волны, метрах в пятидесяти от каменного «берега», над пустыней вставал серебристо-серый холм, и каскады песка срывались с него. Холм вздымался все выше... и вот в нем разверзлась чудовищная жаждущая пасть – черный круглый провал, и его края искристо блестели под луной.

Пасть искала их, тянулась к узкой расщелине, куда забились Джессика и Пол. На них обрушился густой запах корицы. Лунный свет сверкал на кристальных остриях зубов.

Огромный рот рыскал из стороны в сторону, то приближаясь к трещине, то откатываясь назад. Пол затаил дыхание. Джессика сжалась у стены, не в силах оторвать взгляд от ужасающего зрелища.

Ей пришлось собрать воедино все, чему учили ее в Бене Гессерит, чтобы совладать с древним ужасом, с наследственными страхами расовой памяти, готовыми затопить ее разум.

Пол чувствовал почти экстатический подъем. Только что он, переступив барьер времени, вступил на новую, тоже неизвестную ему территорию. Он чувствовал тьму впереди, непроницаемую для его внутреннего взора. Как будто какой-то его шаг был шагом в колодезь... в провал меж волн, откуда будущее было невидимо для него. Все окружавшее его резко изменилось.

Но это ощущение слепоты, видение тьмы времени отчего-то не испугало его, но невероятно обострило все остальные чувства. Оказывается, он воспринимал и вбирал в себя до мельчайших подробностей вставшую из песков тварь, которая искала их. Пасть червя была огромна – метров восемьдесят в диаметре, не меньше... по краю ее сверкали изогнутые, как крысы, кристаллические зубы... могучее дыхание несло плотный запах корицы... менее различные летучие запахи альдегидов... кислот...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.